

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 4 (16)
2021

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

АВИАЦИЯ РОССИИ

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ РОССИИ

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

ВОЕННЫЕ КОНСТРУКТОРЫ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

СПЕЦСЛУЖБЫ

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

РОССИЯ И КИТАЙ

ВАТИКАН ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ТЫЛ РУССКОЙ АРМИИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, КАДРОВАЯ,
БИОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 4 (16)
2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович – генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается неизблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

С. М. Штеменко
Венгерский узел 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Группа авторов
О создании советской
водородной (термоядерной)
бомбы 30

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

Военно-воздушные силы
в боях на Кубани 39

★ ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ РОССИИ

А. М. Василевский
Маршал Советского Союза
Б. М. Шапошников 53

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

Е. В. Тарле
Ионическая операция
русского флота 80

★ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

В. А. Смирнов
Патриотизм в идеологии
консолидации Российского
общества 106

★ ВОЕННЫЕ КОНСТРУКТОРЫ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Владимир Стрюков
Создатель стальных
крепостей 110

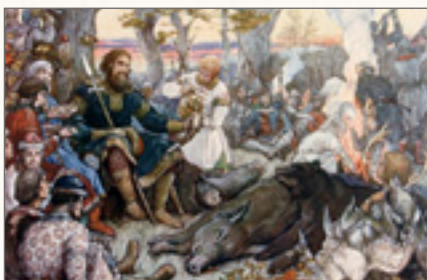
★ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А. А. Епифанцев
Политическая модель выжива-
ния грузинского государства 125

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

К. К. Звонарев
Критические заметки 151

★ КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

Владимир Стрюков
Военному обществу
охотников — 100 лет 165

★ СПЕЦСЛУЖБЫ

П. А. Судоплатов
Нацистские спецслужбы
против СССР накануне
нападения 179

★ РОССИЯ И КИТАЙ

П. Т. Собин
Воздушный мост Алма-Ата —
Ланьчжоу 187

★ ВАТИКАН ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В. П. Марченко
Ватикан и разведка 199

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

В. А. Мальцев
Содержание понятия «стали-
низм» 208

★ ТЫЛ РУССКОЙ АРМИИ

Подготовка тыла в Маньчжур-
ской операции 1945 года 219

★ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, КАДРОВАЯ, БИОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Е. Ю. Спицын
Никита Хрущев и «нефтяная
игла» 235

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКА- ЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Н. Ф. Червов
Фальшивомонетчики
истории 240

★ ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

Н. Я. Данилевский
Европейничество — болезнь
русской жизни 259

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Н. И. Костомаров
Мазепа 289

С.М. ШТЕМЕНКО

ВЕНГЕРСКИЙ УЗЕЛ

Успех Ясско-Кишиневской операции выдвинул перед советскими войсками в качестве одной из практических задач освобождение Венгрии.

Как известно, Венгрия расположена в географическом центре Европы, на перекрестке главных дорог континента. Ее правители во главе с регентом Хорти в годы второй мировой войны стали верными слугами Гитлера. Они превратили страну в сателлита третьего рейха, его опору. Из Венгрии выкачивали нефть, приобретающую для вермахта ценность эликсира жизни в связи с потерей румынских источников,

вывозили хлеб, мясо, сельскохозяйственное и другое сырье. Венгрия поставляла и солдат.

Генштаб в своих расчетах все это принимал во внимание. Но не только это. Мы не забывали, что Венгрия занимала особое место и в расчетах англо-американского блока. Была известна двойственная политика западных держав в отношении Венгрии. Они, например, довольно своеобразно отреагировали на вступление этой страны в войну против СССР: Англия объявила войну Венгрии только в конце 1941 г., а США и того позже — в июне 1942 г. Подобные отношения были чреваты

всякими сюрпризами, и, как увидим, это сказывалось на планах сторон.

Освобождение Венгрии сулило нам заметный военный выигрыш. Освободив эту страну, советские войска вошли бы в союзную нам Чехословакию, непосредственно граничившую с гитлеровским государством, и охватили бы Германию с юга. А там уже до центра фашистского логова оставались немногие сотни километров. Были у нас и другие соображения. Освобождение Венгрии существенно изменило бы, например, военную обстановку в Италии, Югославии, Греции и Албании: возникла бы угроза наших

С.М. ШТЕМЕНКО (1907-1976) — генерал армии, начальник Главного оперативного управления Генерального штаба Красной Армии (1943-1948) - заместитель начальника Генерального штаба; начальник Генерального штаба, заместитель министра Вооруженных Сил СССР (1948-1952). С 1968 г. начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств – участников Варшавского Договора.

ударов в тыл группировок немецко-фашистских войск в этих странах и перехвата путей их отхода на территорию Германии. Такое положение стало бы новым и весьма важным элементом стратегической обстановки в Европе.

Враг понимал возможные перспективы развития военных событий и упорно стремился удержать за собой Венгрию. Мы почувствовали это сразу, как только советские войска приблизились к Трансильвании.

Разгром противника под Яссами и Кишиневом дал возможность несколько по-иному, чем ранее, подойти и к решению вопроса о способах преодоления обороны немецко-фашистских и хортистских войск в Карпатах. Генеральный штаб и Ставка задумались: а нужно ли ломиться в Венгрию через горные хребты лобовым ударом, к которому уже готовился 4-й Украинский фронт? Такой удар всегда связан с большими потерями — и в людях, и в материальных средствах. Не лучше ли использовать быстрое развитие операции на юго-западном направлении для выхода наших армий в районы, расположенные за горами, то есть обойти горные хребты с юга через Румынию? Конечно, совсем без наступления в горах и ударов по обороне врага с фронта не обойтись, но главная задача была бы выполнена значительно проще, экономнее и, безусловно, решительнее.

В Генштабе тщательно обсудили складывающуюся обстановку, и 25 августа 1944 г. А. И. Антонов доложил Ставке возможный вариант действий 4-го и 2-го Украинских фронтов. Генштабу было предложено посоветоваться с командующим 4-м Украинским фронтом И. Е. Петровым, а несколько позже с командующим 2-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновским и заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым, находившимся тогда в Румынии.

Не откладывая, мы переговорили по ВЧ с генералом армии И. Е. Петровым. В полосе его фронта по всем дорогам и тропам в предгорьях Карпат медленно, как муравьи, ползли на высоты войска и техника, пробиваясь сквозь леса, расчищая себе путь где огнем, а где и врукопашную. Фронт наступал, подготавливая условия для форсирования Восточных Карпат с востока. Никаким горным оборудованием и снаряжением войска не располагали.

Результаты наступления не были особенно обнадеживающими: враг, хотя и пятился понемногу к вершинам и перевалам главного хребта, решающих позиций не сдавал. Наши войска несли чувствительные потери в людях и технике.

Иван Ефимович согласился со всеми доводами Генштаба, но сказал, что до того, как Ставка примет окончательное решение, было бы неплохо остановить 4-й Украинский фронт: надо подучиться действиям в горах, улучшить снабжение войск и дать людям хоть небольшой отдых, поскольку они давно уже наступают. В Генштабе не возражали, так как временный

переход к обороне облегчил бы фронту подготовку к новым наступательным операциям. Мы надеялись, что Верховный Главнокомандующий согласится с нами и с И. Е. Петровым. К тому же Генштаб получил некоторые сведения о подготовке антигитлеровского восстания в Словакии. Сведения эти были еще неясными, не очень надежными, однако их нельзя было сбрасывать со счетов.

В ночь на 26 августа о соображениях Генштаба и И. Е. Петрова было доложено Верховному Главнокомандующему. Проект директивы на переход 4-го Украинского фронта к обороне мы заготовили заранее. И. В. Сталин подписал его, но приказал фронту в интересах будущего наступления создать сильные резервы, необходимые в горной войне. Чтобы еще раз подчеркнуть значение принятого решения, И. В. Сталин велел приписать: «Намеченную Вами операцию (прорыв через Карпаты. С. Ш.) отложить и без разрешения Ставки не проводить». Приписка была необходима и потому, что в случае восстания словаков следовало внимательно взвесить военные и особенно политические последствия этого важного акта. Перед нашими глазами всегда стоял пример борющейся Варшавы — Красная Армия всячески помогала ей, но не могла выволить из беды.

И. Е. Петров отдал войскам фронта распоряжение, в котором разъяснил командному составу причину перехода к обороне:

«Во исполнение директивы Ставки Верховного Главнокомандования войска фронта перешли к жесткой обороне, в то же время сохраняя сильные резервы.

Переход к обороне обусловлен успешными действиями войск 2-го и 3-го Украинских фронтов и создавшейся возможностью выполнить задачи, стоящие перед нашим фронтом, с меньшими трудностями и более эффективными методами.

Следовательно, переход к обороне следует понимать как подготовительный этап к последующему наступлению с решительными целями».

4 сентября Ставка получила доклад Г.К. Жукова и Р.Я. Малиновского. Они писали: «Надеяться на то, что 40-я и 7-я гв. армии быстро пробьются фронтальным ударом, не приходится». Эти армии, которыми командовали генералы Ф.Ф. Жмаченко и М.С. Шумилов, были уже нацелены на Венгрию в обход Карпат с юга.

Как мы и ожидали, в докладе предлагалось выйти в Трансильванию, комбинируя удары войск с востока и юга, повернуть сюда 53, 27 и 6-ю танковую армии с Дуная и овладеть районом Клуж, Орадеа-Маре, Хацег. «Заняв этот район, — писали

Г.К. Жуков и Р.Я. Малиновский, — мы тем самым создадим угрозу окружения немцев и венгров, действующих против армий Жмаченко и Шумилова, и поможем им быстрее выйти на рубеж Деж, Клуж для последующих действий на Сату-Маре для взаимодействия с 4-м Украинским фронтом». Мнение Генерального штаба было, таким образом, весьма авторитетно подкреплено.

Внимательно изучив все соображения, Ставка на следующий день вечером приказала 2-му Украинскому фронту внести исправления в представленный накануне план операций фронтом. Смысл указанных изменений сводился к следующему: обойти Карпаты с юга, сочетая для этого фронтальные и охватывающие удары нескольких армий; помочь фронту И.Е. Петрова; сил не распылять.

Поворот армий 2-го Украинского фронта пресекал все домыслы и разговоры за границей о том, что Советский Союз будет-де преследовать старую цель царской России в отно-

шении Босфора и Дарданелл. Гитлер, в частности, был убежден, что Красная Армия бросит все свои силы в этом направлении, а в Карпатах оставит только небольшое прикрытие. Об этом свидетельствует в своей книге «Проигранные сражения» генерал Г. Фриснер, командующий группой армий «Южная Украина», разбитой нашими войсками. Подобный просчет противника был очень существен, поскольку оказал влияние на группировку его войск и, в частности, привел к усилению участка фронта южнее Карпат, а не западного, наиболее важного и ответственного.

В директиве впервые был назван район Дебрецена — пока как цель действий конницы, которую предлагалось использовать для наращивания удара фронта. Выход в район Дебрецена ставил наши войска в положение, выгодное для наступления на нескольких направлениях: на восток и северо-восток — в тыл обороны противника в Карпатах; на север —

▲ Петров И.Е.

▲ Малиновский Р.Я.

для перехвата путей отхода немецко-фашистских войск; на северо-запад — для помощи возможному восстанию словаков; на запад — для удара на Будапешт. Маневр, задуманный Ставкой, был более глубоким, чем предлагал командующий 2-м Украинским фронтом, и таил в себе многие возможности для последующего развития операций, создавал угрозу окружения вражеских войск, оборонявшихся в Закарпатской Украине и Трансильвании.

В этой директиве советское Верховное Главнокомандование закладывало основы взаимодействия между Советскими и румынскими войсками, повернувшими теперь оружие против фашистской Германии. Ставка предложила румынскому командованию выделить для обороны Дуная две-три пехотные дивизии и для обороны участка Сегед, Турну-Северин не менее трех дивизий. Основой этих войск была 1-я румынская армия. Войска 4-й румынской армии и другие румынские части, находившиеся в районе Брашова и в Трансильвании, предлагалось использовать для совместного с Красной Армией наступления на Клуж.

Выполняя указания Ставки, войска левого фланга фронта Р.Я. Малиновского совершили поворот на север. В центре их выдвигалась 6-я танковая армия генерала А.Г. Кравченко, насчитывавшая 262 танка и 82 самоходно-артиллерийские установки. На подходе к району Турды 14 сентября армия вступила в ожесточенные бои с танками и пехотой противника, который наносил здесь сильный контрудар, чтобы сорвать успешное развитие наших операций.

Сокрушительный разгром группы армий «Южная Украина» под Яссами и Кишиневом значительно повлиял на политическую обстановку в Венгрии, на ее военное положение. Хотя с марта 1944 г. Венгрия была оккупирована немецко-фашистскими войсками, это теперь уже не могло гарантировать устойчивости ее обороны против советских войск. Политика реакционных господствующих классов и контрреволюционных правительств,

политика предательства национальных интересов и угнетения народа привела страну к катастрофе. В то время как нилашисты с пеной у рта кричали об «окончательной победе» и «чудо-оружии» Гитлера, в Венгрии шла насильственная эвакуация в Германию рабочих рук, вывозилось заводское оборудование, запасы сырья, сельскохозяйственные машины и продукты. Страна оказалась в еще большей зависимости от немецко-фашистского диктата, поскольку Гитлер ввел в нее несколько немецких дивизий, но вывел главные силы боеспособных венгерских войск.

Как только закончилась ликвидация немецко-фашистских войск, окруженных под Яссами и Кишиневом, и советские войска двинулись к венгерской, югославской и болгарской границам, в стане Хорти начали лихорадочно искать выход из положения, грозившего катастрофой венгерскому фашизму. Но и теперь, когда слепая вера правящих кругов Венгрии в силу немецкого оружия была подорвана, Хорти и его клика вовсе не думали о безоговорочной капитуляции. Избежать краха они предполагали за счет усиления ориентации на Англию и США. Хортисты думали, что западные державы рано или поздно договорятся за спиной Советского Союза с фашистской Германией, и тогда немцы пропустят англичан и американцев в Венгрию прежде, чем советские войска преодолеют Карпаты. Для этих надежд были основания. «Я очень хотел, — говорил У. Черчилль, — чтобы мы опередили русских в некоторых районах Центральной Европы. Венгры, например, выразили намерение оказать сопротивление советскому продвижению, но они капитулировали бы перед английскими войсками, если бы последние могли подойти вовремя». Сдаться на милость Великобритании и США хортистам представлялось меньшим злом, чем капитулировать перед СССР. Они рассчитывали на непрочность антигитлеровской коалиции. Сейчас их забота состояла главным образом в том, чтобы задержать советские войска, выиграть время, дать

возможность англо-американцам опередить Красную Армию и стать в Венгрии хозяевами положения.

Венгерским министрам было известно также, что и некоторые видные гитлеровцы были не прочь откриты перед англо-американскими войсками фронт на западе для того, чтобы все силы третьего рейха сосредоточить против Красной Армии на востоке. Это, конечно, облегчило бы вступление англо-американцев в Венгрию, тогда как войска Красной Армии истекали бы кровью, медленно преодолевая упорную немецко-венгерскую оборону. Оккупация страны войсками западных держав, как полагали венгерские фашисты, не повлекла бы за собой расплаты за злодеяния и позволила бы продолжать борьбу против Советского Союза.

Что же касается германских дивизий, находившихся в стране, то при покровительстве и содействии англо-американских войск Хорти и его клика надеялись выдворить их сравнительно быстро.

Таким образом, осенью 1944 г. Венгрия оказалась в центре военно-политических событий в Европе.

При переносе действий Красной Армии за рубежи СССР нам стало, естественно, труднее скрывать направление ударов: противник узнавал о передвижении и сосредоточении наших войск. Не удалось нам скрыть и поворот левого фланга 2-го Украинского фронта на север. Получив данные об этом, хортистское правительство ударило в набат: оно считало, что советские армии заняли исходное положение для наступления на Венгрию. В Будапеште заторопились. 7 сентября вечером собрался так называемый коронный совет. Регент государства Хорти обсудил с правительством и представителями главного командования венгерской армии военное и внешнеполитическое положение страны. Оценки были самые неблагоприятные.

Информация начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Яноша Вёрёша о положении на фронте не оставляла сомнений

▲ Фриснер Г.

в том, что Красная Армия намерена провести мощные одновременные удары по сходящимся направлениям: с востока — из Румынии и с севера — через Карпаты. Генерал не скрывал, что результатом таких действий советских войск могут стать гигантские клещи, которые отрежут от центра страны главные силы венгерской армии, сражающейся в Восточных Карпатах, и тогда возникнет прямая угроза Будапешту.

О капитуляции на этом совете не было сказано ни слова. Однако его участники сошлись на том, что собственными силами стране против Красной Армии не устоять. Поскольку с англо-американцами связь еще не была установлена, обстоятельства

заставляли венгерское правительство потребовать помощи у Гитлера. Именно потребовать, а не просить, так как фашистская Германия была чрезвычайно заинтересована в сохранении за собой последнего союзника Венгрии. На случай отказа в помощи можно было и припугнуть немецких патронов тем, что Венгрия-де вынуждена будет договариваться с Советским Союзом о перемирии.

На следующий день, 8 сентября, состоялось чрезвычайное заседание венгерского правительства. Опять искали выход из положения, но никто из министров не мог предложить ничего нового — все уже было сказано накануне. После того как граф Бела Телеки, помещик, профессор

Клужского университета, резонно заметил, что удобный момент для переговоров с Советским Союзом о перемирии упущен еще неделю назад, вопрос о возможности оккупации страны англо-американскими войсками казался решенным. Причиной тому был ответ немецкого правительства: в стремлении не допустить краха на восточном фронте оно готово снять силы с фронта на западе. Более того, гитлеровский представитель в Будапеште Грейфенберг от имени немецко-фашистского командования обещал, что в течение пяти дней на помощь Венгрии придут танковая дивизия и полицейская дивизия СС из района Белграда, а затем 18-я пехотная дивизия СС из Дьера, 22-я пехотная дивизия и танковая бригада из других районов.

Таким образом, хортисты, казалось, получали все, о чем мечтали: гитлеровское правительство заявило о возможном оголении западного фронта, и англо-американцы, следовательно, могли быстро выдвигаться в Венгрию, подходили немецко-фашистские войска, что позволяло организовать на границах страны мощную оборону, остановить Красную Армию и выиграть драгоценное время. А там... Об интервенции с запада никто ничего не сказал, но каждый думал об этом. Напрасно начальник генштаба венгерской армии доказывал правительству, что Венгрия должна рассчитывать в основном на собственные силы, — обещания немцев окончательно склонили министров к решению продолжать войну против СССР.

Так была утеряна еще одна возможность предотвратить ненужные жертвы и приблизить час окончания войны. Хортистское правительство не хотело видеть, что у него нет даже призрачных надежд на успех.

13 сентября в ставке Гитлера состоялось специальное совещание, посвященное обстановке в Венгрии. Присутствовал узкий круг немецких и венгерских военачальников и необходимых гражданских лиц. Генерал Фриснер получил, по существу, диктаторские военные полномочия. Ему должны были отныне подчи-

няться буквально все без исключения гражданские и военные организации. «И в этом отношении никакие требования со стороны Венгрии учитываться не будут», — писал об этом сам Фриснер. Венгерский генеральный штаб оказался, таким образом, на положении второстепенного органа управления собственными войсками, фактически потерял над ними власть.

Войска 2-го Украинского фронта, повернув на север в направлении Дебрецена, совершили перегруппировку и вступили в новые сражения с противником. Гитлеровское командование ожидало этого: против 40-й, 7-й гвардейской и 27-й армий были дополнительно сосредоточены механизированный корпус венгров и танковая дивизия немцев. Все попытки наших войск и действовавших совместно с нами румынских соединений прорвать оборону противника не увенчались успехом. Особенно тяжелая борьба завязалась в районе Турды, где немецко-фашистское командование пыталось

контрударом вернуть себе военное счастье. В многодневное сражение втянулись 27-я и 6-я танковая армии. Ни одна из сторон не получала заметного успеха. Это насторожило Генеральный штаб, и он доложил Ставке о своих сомнениях относительно возможности добиться в районе Турды благоприятного для нас перелома военной обстановки.

Несколько по-иному обстояло дело в полосе наступавшей левее 53-й армии генерала И. М. Манегорова. Здесь укрепления противника оказались слабее. Войска относительно легко преодолели их и вышли в район северо-западнее города Арад. По мнению командования фронта, в полосе армии создавались благоприятные условия для удара советских войск крупными силами в направлении Орадеа-Маре, Дебрецен.

Дебреценское направление было, по мнению Генштаба, весьма перспективным. Здесь представлялась возможность обойти Турду и всю трансильванско-карпатскую группировку войск противника с запада.

Были, однако, и свои трудности. При ударе на Дебрецен основными силами советские войска должны были чрезвычайно внимательно следить за своими флангами, которым могли угрожать весьма крупные группировки противника: одна из Карпат и Трансильвании и другая — из Югославии. И никто бы не поручился, что эти группировки не будут использованы по единому плану в общем направлении на Будапешт. Растянутые коммуникации, только налаживаемый румынский тыл, и относительная слабость подвижных сил 2-го Украинского фронта делали это обстоятельство немаловажным оперативным фактором.

В Генштабе внимательно следили за обеими вражескими группировками и, прикидывая наметки Дебреценской операции, стремились сочетать сроки ее проведения с ударами по войскам противника в Югославии. Расчеты показывали, что мы сумеем связать немецко-фашистские войска на Балканах совместными операциями 3-го Украинского фронта и Народно-освободительной армии Югославии, развернув боевые действия 28-29 сентября 1944 г.

▲ Немецкие войска в Будапеште

▲ Тяжелые танки ИС-2

Что же касается трансильванско-карпатской группировки противника, создававшей непосредственную угрозу на фланге войск Р.Я. Малиновского, наступавших на Дебрецен, то она должна была стать ближайшим и основным объектом для ударов взаимодействовавших между собой 4-го и 2-го Украинских фронтов. При необходимости мы могли здесь подключить к наступательным операциям и некоторые силы 1-го Украинского фронта И. С. Конева (что и произошло в районе Дуклинского перевала).

Дебреценская операция началась 6 октября и продолжалась почти до конца месяца. Она отличалась большой напряженностью и сложностью. В ходе операции противнику было нанесено сильное поражение в районах Оради, Дебрецена и Сегеда. Советские войска освободили Трансильванию, достигли Тисы, форсировали ее на левом фланге фронта, вышли на Дунай, создав за Тисой обширный оперативный плацдарм

по линии Чоп, Бая, восточный берег Дуная, канал короля Петра.

В результате сильнейшего удара войск 2-го Украинского фронта ослабла устойчивость противника перед 4-м Украинским фронтом. Оправдались наши расчеты: враг не смог удержать Карпаты и в ходе ожесточеннейших боев был отброшен на запад. Войска И. Е. Петрова, перейдя в наступление, рвались вперед, преодолевая один горный рубеж за другим. К югу от Чопа они соединились с войсками 2-го Украинского фронта.

Наступило время для нового мощного наступления советских войск — на этот раз на Будапешт. Подготавливая его, Ставка не оставляла надежды на то, что венгерское правительство поймет создавшееся на фронтах и в стране положение, проявит благоразумие и выведет Венгрию из войны мирным путем. И. В. Сталин 29 сентября 1944 г. писал Ф. Рузвельту, что у советских войск кроме ликвидации против-

ника в Прибалтике «имеются две ближайшие задачи: вывести Венгрию из войны и прорвать оборону немцев на восточном фронте путем удара наших войск». Мирная инициатива со стороны венгров не исключалась, и отвергать ее проявление не собирались.

22 сентября 1944 г. генерал-полковник Надаи — доверенное лицо Хорти тайно от гитлеровцев вылетел на самолете в район Неаполя, где располагался штаб союзников. Этот штаб был выбран не случайно. Венгерские фашисты ждали прихода союзников через полуостров Острия и Австрию по плану, который был известен, поскольку правительство Черчилля не делало из него особого секрета. Однако поездка закончилась неудачей. Англичане и американцы продвигались на фронтах чрезвычайно медленно и понимали, что Красная Армия, уже вступившая на территорию Венгрии, не остановится на полдороге. Они вернули генерала восвояси, посоветовав ему

обратиться к русским. Расчеты венгерских сателлитов Гитлера поправить свои дела за спиной Советского государства провалились.

Теперь для клики Хорти оставался единственный путь — завязать переговоры непосредственно с Москвой и суметь выпросить выгодное перемирие. В конце сентября 1944 г. особая делегация венгерского правительства во главе с бывшим военным атташе Венгрии в Москве генералом Габором Фараго направилась в Советский Союз. Кроме Фараго в делегацию вошли граф Геца Телеки и представитель венгерского министерства иностранных дел Сент-Ивани. Послана была делегация, конечно, втайне от руководителей фашистской Германии и ее военного командования.

Группа Фараго, благополучно принятая нами через линию фронта, прибыла в Москву 1 октября 1944 г. Об этом сообщили союзникам, и их представители не замедлили приобщиться к переговорам.

Ведал доставкой делегации в Москву, ее приемом и предварительными беседами генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов. Через несколько дней после приезда делегации он рассказал мне, что Фараго очень беспокоится о своих свиньях, которых разводит в имении где-то в районе Дебрецена, и просит не трогать его свинячье поголовье, когда эту местность займут наши войска. Фараго ответили, что советские войска не только не берут чужого имущества, но даже охраняют его, если хозяева отсутствуют. Помещик успокоился. Забегая вперед, скажу, что нашим войскам, с боями занявшим район Дебрецена, охранять свиней в имении Фараго не пришлось — гитлеровцы съели всех до единой.

Маневры венгерского правительства вызвали крайнее озлобление Гитлера. Стремясь во что бы то ни стало удержать Венгрию за собой, гитлеровцы дополнительно ввели на ее территорию значительные танковые силы и пехоту. Был установлен контроль над радио- и проводной связью венгерских войск и властей, предусмотрены меры на случай возможных антигитлеровских выступлений.

В знак протеста против карательных санкций немецкого командования и унижения родины многие венгерские офицеры сдавались в плен нашим войскам, причем открыто возмущались позицией своего правительства. Пленные сообщили, что генерал-полковник Бела Миклош, командующий 1-й венгерской армией, занимавшей оборону в Карпатах, тоже не одобряет политику, проводимую в стране, и весьма недоволен гитлеровскими акциями.

Ставка и Генштаб сочли возможным использовать настроения офицеров и солдат для вывода Венгрии из войны. Основой мероприятий в этом направлении могли послужить антигитлеровские и патриотические чувства венгерских офицеров. В связи с этим И. В. Сталин переговорил по телефону с И. Е. Петровым и Л. З. Мехлисом и предложил под-

умать, что тут можно сделать.

Вскоре Мехлис сообщил Верховному Главнокомандующему, что есть возможность передать через некоторых пленных офицеров, недовольных оккупацией страны, коллективное письмо командующему 1-й венгерской армией, чтобы призвать его к активной борьбе против гитлеровских оккупантов и тем способствовать сохранению независимости Венгрии. Идея письма была подсказана самими пленными, осведомленными об антигитлеровских взглядах Миклоша. И. В. Сталин с таким соображением согласился.

Не откладывая, пленные составили письмо. Пленные обращались к командующему, поскольку 1-я армия могла эффективно действовать в интересах всего венгерского народа и государства. «Наступил поворотный пункт в истории нашей родины, —

▲ Сталин И.В.

писали они. — Если Ваше сиятельство в этот решающий час поймет требования времени, то 1-я венгерская армия немедленно прекратит борьбу против русских, уйдет домой, повернет оружие против немцев. Этим она спасет нашу родину от неминуемой катастрофы. Этого ожидает от Вашего сиятельства и Ваших солдат родина и нация».

24 сентября 1944 г. письмо было вручено командующему. Так как вопросы, поставленные в письме, были очень важны, командующий не мог сразу на них ответить — он хотел предварительно связаться с Будапештом. Далее указывалось, что в ближайшие дни последует положительный ответ.

Переговоры с Фараго в Москве продвинулись достаточно далеко, хотя были нелегкими. У венгров были полномочия подписать соглашение о перемирии только в том случае, если

Советский Союз согласится на «участие американцев и англичан в оккупации Венгрии» и на «свободный отход немецких войск».

В ответ на это страны антигитлеровской коалиции решительно заявили, что самостоятельность и независимость Венгрии может быть гарантирована лишь при одном условии: Венгрия разрывает все отношения с гитлеровской Германией, ее армия поворачивает оружие против немецко-фашистских войск. Только так Венгрия могла внести достойный вклад в общую победу антигитлеровской коалиции над врагом. Кроме того, правительство Хорти должно было приступить к отводу венгерских войск с территорий Румынии, Югославии и Чехословакии.

В конечном счете все эти требования были приняты венгерской стороной.

В свою очередь венгерское правительство просило прекратить на-

ступление советских войск на Будапешт, мотивируя это необходимостью сосредоточить достаточные венгерские силы в районе столицы, чтобы противодействовать здесь возможным ударам немецко-фашистской армии. Наше правительство согласилось выполнить просьбу венгров, и Генштаб дал необходимые указания.

Весть о благоприятном ходе переговоров была направлена в Будапешт и быстро стала известна командованию венгерской армии. Однако венгерские войска по-прежнему продолжали сопротивление, отхода их с позиций в тыл не наблюдалось. Никаких сообщений из Будапешта к нам не поступало.

Советская сторона согласно договоренности с венграми направила в Сегед командующего 2-м Украинским фронтом Р.Я. Малиновского для переговоров о выполнении венгерским правительством предваритель-

▲ Пленные мадьяры

▲ Немцы в Буда

ных условий перемирия. Велико же было удивление Малиновского, когда в Сегед прибыли венгерский полковник и старший лейтенант, совершенно не подготовленные к ведению переговоров по существу дела. Р.Я. Малиновский пытался выяснить, почему не отведены венгерские войска с рубежа реки Тисса, но вразумительного ответа не получил. Стало ясно, что венгры хотят выиграть время, чтобы вывести свои войска из мешка, в который они попали в Трансильвании. Малиновский продиктовал представителям венгерского правительства следующие требования:

«1) Приступить к немедленному отводу венгерских войск с р. Тисса к Будапешту, а частью сил нанести удар по немецким войскам, противостоящим фронту в районе Сольнока;

2) немедленно отдать приказ венгерским войскам вступить в боевые действия против немецких войск, установив контакт с Красной Армией;

3) к 8.00 16.10.44 г. доставить в Сегед полные данные о положении венгерских и немецких сил и в будущем давать полную информацию о бое-

вых действиях и их расположении».

И. В. Сталин, получив доклад Р.Я. Малиновского, приказал А.И. Антонову сделать представление главе венгерской миссии по этому поводу и продиктовал текст. 14 октября вечером его вручили Габору Фараго. В представлении говорилось:

«Прибывший из Будапешта в Сегед венгерский представитель-парламентер полковник Уташи Лоуренд — абсолютно неосведомленный человек и в силу этого не мог вести переговоров с представителями советского командования по вопросам выполнения венгерским правительством предварительных условий перемирия,

Венгерское правительство просило Советское правительство о прекращении наступления в направлении на Будапешт, с тем чтобы оно могло снять часть своих войск с этого направления и направить их в Будапешт.

Советское правительство выполнило эту просьбу венгерского правительства. Однако последнее не только не сняло своих войск с реки Тисса

для направления в Будапешт, а активизировало действия своих войск, и особенно в районе Сольнока.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что венгерское правительство, по-видимому, стало на путь невыполнения принятых им на себя предварительных условий перемирия.

В связи с этим Верховное Главнокомандование советских войск требует от венгерского правительства в течение 48 часов с момента получения настоящего представления выполнить взятые на себя обязательства по предварительным условиям перемирия и в первую очередь:

1. Порвать всякие отношения с немцами и начать активные военные действия против их войск.

2. Приступить к отводу венгерских войск с территории Румынии, Югославии и Чехословакии.

3. Таким же путем, через Сегед, к 8.00 16 октября доставить представителям советского командования полные сведения по расположению немецких и венгерских войск и в то же время доложить вышеука-

занным советским представителям ход выполнения предварительных условий перемирия.

По уполномочию Верховного Главнокомандования советских войск — заместитель начальника Генштаба Красной Армии генерал армии Антонов. 14 октября 1944 г. 19 часов 25 минут».

Поняв бесцельность дальнейших проволочек, Хорти обратился к венгерскому народу с воззванием, в котором указал на фактическое подчинение государства фашистской Германии и прямые попытки с ее стороны ликвидировать независимость Венгрии. В воззвании, между прочим, говорилось: «Я получил достоверные сведения о том, что немецкие отряды особого назначения намерены путем насильственного переворота поставить у власти своих людей, а территорию страны превратить в театр арьергардных боев Германской империи».

Хорти заявил о своем решении защитить страну от гитлеровцев. «В связи с этим, — писал он, — я сообщил представителю Германской империи в Венгрии о заключении предварительного соглашения о перемирии с нашими противниками и прекращении с нашей стороны всяких военных действий против них... Я отдал соответствующие указания военному командованию, поэтому воинские части в соответствии с присягой и изданным мной приказом по армии обязаны повиноваться назначенным мною командирам». Эти указания войскам были также датированы 15 октября 1944 г.

Регент не установил необходимых контактов между политическими и военными кругами. Даже преданные ему военные работники не были предупреждены, а в столицу не стянуты верные воинские части.

В Будапеште находилась сильная 24-я танковая дивизия немцев с большим количеством танков типа «тигр». Естественно, что она являлась фактическим хозяином положения в городе. Поэтому, когда Гитлеру стало известно о воззвании Хорти, немедленно были приняты меры. В Будапеште произошел вооруженный

▲ Миклош Хорти

путч. Регент был отстранен от власти и объявил недействительным свое воззвание к народу. Затем он попросил убежища в Германии и специальным поездом вместе с семьей уехал в рейх. Во главе венгерского государства поставили единомышленника Гитлера венгерского фашиста Салаши.

Вместо решения о прекращении борьбы против советских войск на фронт пошел категорический приказ венгерской армии решительно сопротивляться. Оперативное руководство войсками было окончательно изъято из рук венгерского генерального штаба. Все планы теперь разрабатывались и приказы отдавались штабом немецкой группы армии «Юг». Протесты сторонников прекращения военных действий против СССР и его союзников подавлялись силой оружия.

Война продолжалась со всей ожесточенностью.

Все это повлияло на командуящего 1-й венгерской армией. 16 октября генерал-полковник Бела Миклош с частью штаба перешел на сторону советских войск. Миклош заявил И. Е. Петрову и Л. З. Мехлису, что его тревожит будущее родины и, как патриот, он не может согласиться с оккупацией Венгрии гитлеровцами, не желает, чтобы венгерский народ своей кровью расплачивался за их интересы.

И. В. Сталин в одном из разговоров с И. Е. Петровым заметил, что было бы неплохо, если бы Миклош отдал приказ своей армии о прекращении военных действий против советских войск и развертывании борьбы против гитлеровцев. Петров поговорил с венгерским генералом.

Миклош задумался: решение повернуть оружие против германских фашистов давалось ему нелегко. 17 октября он показал И. Е. Петрову «Приказ о прекращении военных действий против русской армии и начале борьбы против немецкой армии. В нем было сказано о переговорах Габора Фараго с правительствами СССР, Великобритании и США относительно перемирия, «чтобы как можно скорее покончить с этой несчастной войной и использовать последнюю возможность обеспечения лучшего будущего для народа нашей родины»; о том, что проект соглашения по перемирию предусматривает самостоятельность и независимость Венгрии, причем «ни одна держава не будет вмешиваться в ее внутренние дела». Далее следовало: «Венгерская королевская армия сохраняет свое оружие, с тем что она повернет его против еще находящихся в Венгрии оккупантов и борющихся немецких частей».

Пользуясь правом командующего, Миклош приказывал венгерским войскам немедленно, самое позднее

19 октября в 6 часов утра, прекратить военные действия против советских войск и с этого времени вместе с ними начать войну против гитлеровцев. Войскам, занимающим оборону, приказывалось в тот же день с 10 часов начать отход со своих позиций в определенные пункты. «Все встречаемые в пути немецкие части должны быть уничтожены. В этом нам окажет помощь русская армия. В этот момент, когда решается вопрос, быть или не быть нашей любимой родине, историческую ответственность за пополнение настоящего приказа возлагаю лично на получивших этот мой приказ».

С приказом командующего 1-й венгерской армией через линию фронта были немедленно направлены десять пленных венгерских офицеров. Офицерская и солдатская масса венгерских войск была дезориентирована: она получила обращение Хорти от 15 октября о прекращении борьбы против советских войск, на следующий день — грозный приказ военного командования правительства Салаши сопротивлять-

ся во что бы то ни стало, а теперь еще и приказ Миклоша.

Однако наши надежды на перемирие и бескровный выход Венгрии из войны не оправдались. Салаши бросил на позиции все оставшиеся в стране силы. Гитлеровское командование всячески помогало ему. Стремясь добиться большей прочности обороны, оно стало повсеместно включать венгерские части и соединения в состав немецких войск. Некоторые командиры венгерских дивизий и командармы были смещены. На их место пришли те, кто с большей лояльностью относился к гитлеровскому режиму. Многие немецкие офицеры были «прикомандированы» к венгерским соединениям для выполнения роли политических советников и доносчиков. Это принесло известные результаты: оборона противника, в том числе на участках венгерских соединений, осталась устойчивой.

20 октября 1944 г. Р.Я. Малиновский прислал для личного вручения Верховному Главнокомандующему убедительную просьбу об усилении

▲ Немецкая бронетехника

фронта танками. «Противник, видимо, правильно оценил, что войска 2-го Украинского фронта выходят на очень важное оперативно-стратегическое направление, бросил в бой против фронта восемь танковых дивизий... Фронту предстоит впереди упорные бои. Противник легко не сдаст Венгрию, т. к. это его самое уязвимое место, а венгры продолжают под руководством Салаша упорно драться...» — писал командующий. Одновременно он докладывал, что враг потерял в последних боях до 400 танковых единиц, но и мы лишились 300 танков.

Приказ Миклоша не оказал достаточного воздействия на противника, мы доложили Верховному Главнокомандующему. 24 октября на 2-й и 4-й Украинские фронты пошла директива: «В связи с тем, что венгерские войска не прекращают боевых действий против наших войск и продолжают держать единый фронт с немцами, Ставка ВГК приказывает: действовать на поле

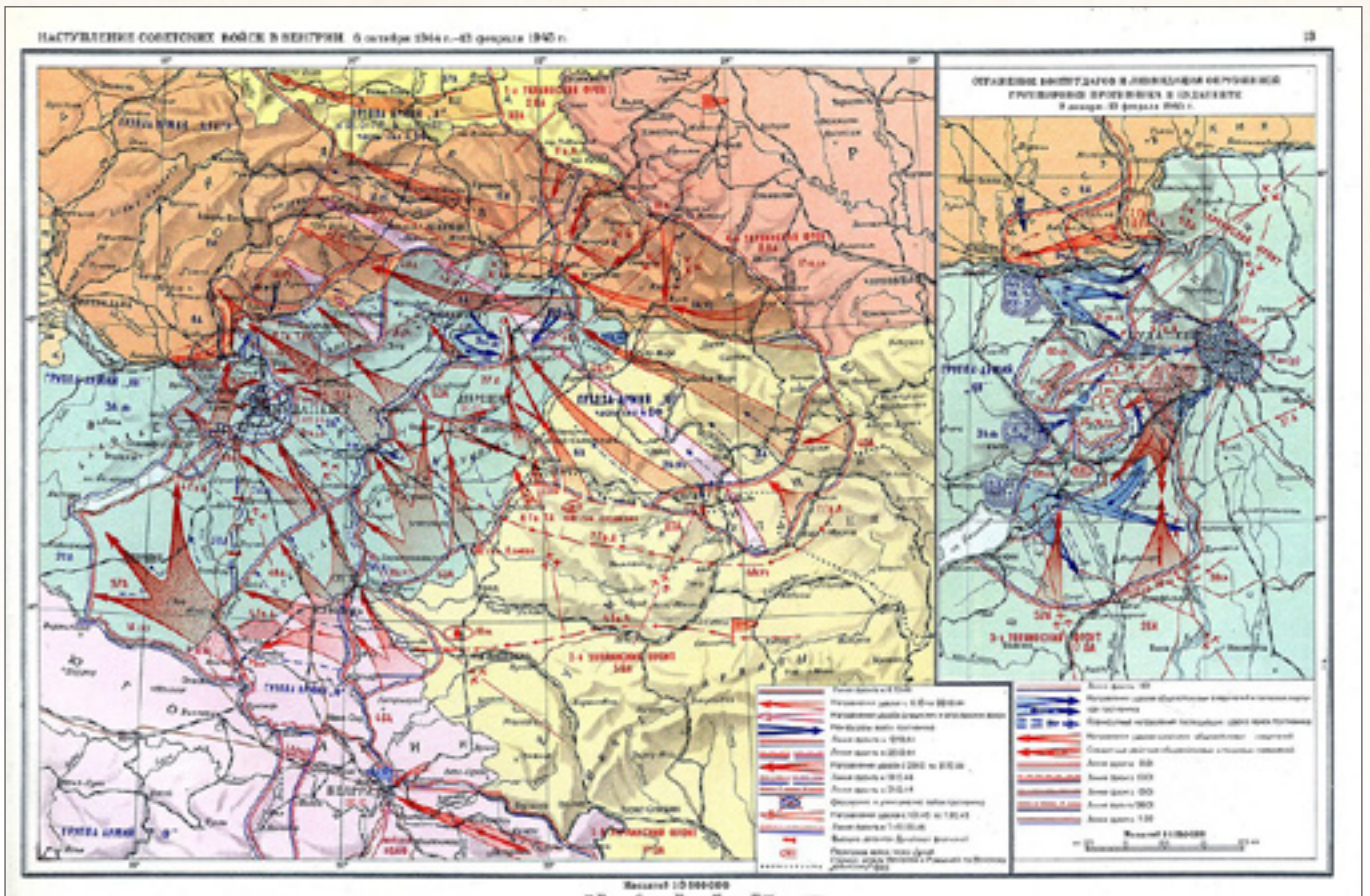
боя против венгерских войск так, как и против немецких...»

После Дебреценской операции, наступательные действия наших фронтов направлялись непосредственно против группировки немецко-фашистских и венгерских войск, оборонявшейся в районе Будапешта. Разгром противника здесь открывал путь к Вене и создавал предпосылки организации последующих операций в Чехословакии и самой Германии.

Для наступления в районе Будапешта предназначались войска 4-го и 2-го Украинских фронтов. Затем пришлось привлечь и 3-й Украинский. Сил, казалось бы, должно было хватить с избытком. Но обстановка показала, что сюда могут быть переброшены резервы противника из глубины Германии, войска из Италии, с Балкан и даже с запада. Мы ожидали, что размеры группировки немецко-фашистских войск будут возрастать и Венгрия может стать ареной ожесточенной борьбы.

Гитлеровское командование и салашисты создали в районе венгерской столицы мощные оборонительные рубежи, которые широкими полудугами прикрывали Будапешт с востока, упираясь флангами в Дунай. Большой город был подготовлен к длительной осаде. Гитлеровцы сосредоточили здесь основные силы группы армий «Юг» и части венгерских войск, значительные запасы вооружения, боеприпасов, продовольствия, медицинского и другого имущества. Все было сделано для того, чтобы надолго сковать здесь наши силы, не пустить советские войска на границы рейха и на запад.

В Генштабе глубоко изучали вероятный характер и способы действий советских войск в Будапештской операции. Суть наших соображений относительно маневра войск сводилась к тому, чтобы обойти город с севера и юга, нацеливая для фронтального удара минимальные силы. Операция требовала длительной серьезной

▲ Будапештская операция

▲ Огонь батареи

подготовки, тем более что наступило осеннее ненастье, шли проливные дожди. Авиация почти не действовала. Артиллерию часто приходилось перетаскивать на руках. На размытых дорогах застревал любой транспорт. В этих условиях снабжать фронт всем необходимым было очень нелегко, а совершать перегруппировки и оборонные маневры тем более.

Противник же всячески стремился помешать нашему маневру и продвижению вперед. Ему было важно вынудить нас наносить лобовой, наименее перспективный для нас удар, чреватый большими потерями, и вызвать наше наступление с ходу без необходимой подготовки.

Очень прочной была оборона противника, прикрывавшая Будапешт с востока на рубеже Тиссы. Здесь имелись хорошо подготовленные инженерные сооружения полевого типа, сюда подходили свежие резервы, тут занимали позиции войска, вытесняемые нами из Закарпатья и Трансильвании. Враг упорно цеплялся за выгодную для обороны местность, огрызался контратаками. Особенно яростными они были на стыке 4-го

и 2-го Украинских фронтов, где наступали 40-я армия генерала Ф. Ф. Жмаченко и 4-я румынская армия.

Бои были тяжелыми, а результаты их весьма незначительными. Командиры и командующие нервничали. Даже невозмутимого Родиона Яковлевича Малиновского иногда покидало душевное равновесие. Как-то раз командующий 53-й армией генерал И. М. Мангаров, человек тоже очень спокойного характера, обратился к Малиновскому с просьбой выделить армии в связи с ненастьем дополнительные средства тяги. Комфронта коротко и жестко ответил: «Берите тягу у противника...»

Надежды на то, что у нас будет время обстоятельно подготовиться к операции, не сбылись.

Государственный Комитет Оборона 27 октября принял специальное решение о линии поведения советских войск в Венгрии. Он обязал Военный совет 2-го Украинского фронта опубликовать воззвание командования Красной Армии к населению освобожденной территории страны и разъяснить суть освободительной миссии советских воинов,

цели и задачи операций наших войск на венгерской земле. Воззвание было немедленно разработано членом Военного совета фронта генералом И. З. Сусайковым и распространено среди венгерского населения.

В возвании указывалось, что Красная Армия не имеет целью приобретение какой-либо части венгерской территории или изменение существующего общественного строя. Вступление советских войск вызывалось исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением германских войск и военных частей союзной с Германией Венгрии. Единственной целью советских воинов был разгром вражеских германских армий и уничтожение господства гитлеровской Германии в поработанных ею странах. На венгерской земле не только сохранялась существовавшая там частная собственность граждан, но даже гарантировалась ее охрана советскими военными властями. Продолжали действовать местные органы власти и гражданского самоуправления. В заключение венгерское население призывалось содействовать Красной

▲ Бой в городе

Армии и тем приблизить час окончания войны.

Обстановка требовала быстрее развернуть наступление в районе Будапешта: следовало выйти на рубежи, выгодные для удара в сердце гитлеровской Германии; кроме того, взятие города оказало бы большое влияние на положение политических сил в Венгрии.

Обстоятельством, обусловившим ускорение удара на Будапешт, в известной степени были ура-оптимистические доклады Л. З. Мехлиса о разложении и деморализации венгерских войск. Особенно подлила масла в огонь его телеграмма от 28 октября, направленная лично И. В. Сталину:

«Противостоящие нашему фронту части 1-й венгерской армии находятся в процессе разложения и деморализации. Ежедневно войска берут по 1000-1500-2000 и более пленных. 25 октября 1944 г. 18-я армия взяла 2500 пленных, причем сдавались в плен целыми подразделениями... В связи с обходными маневрами войск фрон-

та многие венгерские части попросту рассыпались, и отдельные группы солдат бродят по лесам, часть с оружием, часть без оружия, некоторые переоделись в гражданское...»

Своими докладами Мехлис сумел подогреть воображение И. В. Сталина. Тот запросил Генштаб, как лучше атаковать Будапешт, чтобы быстрее взять его. Ничего не подозревая, мы ответили, что лучше всего использовать обширный плацдарм, захваченный на левом фланге 2-го Украинского фронта в междуречье Тиссы и Дуная. Здесь не нужно было форсировать реку, и противник располагал меньшим количеством войск, чем на других направлениях. Кроме того, выдвинутая сюда 46-я армия была относительно свежей. После прорыва она могла бы свернуть на север оборону противника за Тиссой и тем способствовать прямому удару 7-й гвардейской армии Шумилова и 1-й румынской армии на Будапешт с востока.

И. В. Сталин, обдумав соображения Генштаба, позвонил Р. Я. Малиновскому и потребовал, чтобы

2-й Украинский фронт немедленно овладел Будапештом. Даже А. И. Антонов, без прикрас докладывавший обстановку, не смог доказать Верховному Главнокомандующему, что донесения Л. З. Мехлиса не соответствуют действительности, тем более в районе Будапешта.

Напоминаю этот эпизод в связи с тем, что в нашей специальной литературе не раз говорилось о переходе войск 2-го Украинского фронта в наступление на Будапешт 29 октября 1944 г. без достаточной подготовки и накопления сил. Первым написал об этом Р. Я. Малиновский, который лично получил от И. В. Сталина приказ овладеть столицей Венгрии в самое ближайшее время, «буквально на днях». Командующий просил отвести на выполнение задачи пять дней, но данный ему приказ гласил: «Завтра же перейти в наступление на Будапешт».

Устное распоряжение Верховного Главнокомандующего мы подтвердили директивой Ставки в 22 часа 28 октября 1944 г.

В 14 часов на следующий день 46-я армия генерала И. Т. Шлемина, усиленная 2-м гвардейским механизированным корпусом, пошла вперед. Как вскоре доложил в Ставку маршал С. К. Тимошенко, сильное сопротивление и контратаки противника не позволили армии за день боя продвинуться дальше чем на 4-6 км. Нужно отдать должное Р. Я. Малиновскому: он сделал все возможное для успеха войск, в частности, спешно выдвигал в район боев 4-й гвардейский мехкорпус, переданный из 3-го Украинского фронта.

В последующие четыре дня наступление 46-й армии несколько ускорилось, так как в дело были введены гвардейцы М. С. Шумилова и 1-я румынская армия. Командованию фронта и армий очень помогли представитель Ставки Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и маршал авиации Г. А. Ворожейкин. Они умело переключили большую часть авиации для действий в полосе, игравшей в данный момент главную роль 46-й армии. Летчики наносили удары по боевым по-

рядам противника, подавляли его огневые точки перед фронтом продвигающихся войск. К исходу 3 ноября введенные в сражение 4-й и 2-й гвардейские механизированные корпуса В. И. Жданова и К. В. Свиридова находились всего в 10-15 км к югу и юго-востоку от Будапешта.

На этом продвижение советских войск закончилось. Как доложила разведка, противник сумел использовать временную задержку операции 4-го Украинского фронта западнее Ужгорода и под Чопом, чтобы передислоцировать оттуда в полосу 46-й армии три танковые дивизии. Вскоре мы это почувствовали: атаки наших войск на относительно узком фронте за Тиссой получили решительный отпор. Наши удары повторялись, но успеха не принесли. Как оказалось, силы вражеской обороны на этом участке выросли вдвое, и никто не мог поручиться, что они не возрастут еще более: ведь район столицы Венгрии не был изолирован от страны и других участков фронта, а это позволяло врагу подводить сюда резервы.

Обстановка, таким образом, принимала неблагоприятный для нас характер. Относительно узкая полоса наступления советских войск облегчала врагу успешное противодействие, а конфигурация линии фронта давала ему возможность при определенных условиях организовать и нанести контрудар по далеко выдвинутым к Будапешту боевым порядкам механизированных корпусов и частей 46-й армии. Это грозило срывом наших мероприятий, сулило серьезные неприятности для войск.

Решение на удар за Тиссой было принято лично Верховным Главнокомандующим, и никто не решился бы его отменить или поправить. Но нужно было спасти положение.

Выход мы видели прежде всего в том, чтобы значительно расширить фронт и повысить активность наступления войск Р. Я. Малиновского. Если по решению И. В. Сталина наступление должно было развиваться в основном за счет 46-й армии на левом фланге фронта, то теперь, по соображениям Генштаба, уси-

▲ 85-мм пушка

лить нажим на врага и прорывать его оборону должны были и войска центра фронта. Генштаб, таким образом, не оспаривая сущности решения Верховного Главнокомандующего, полагал, что на широком фронте врагу будет значительно труднее организовать прочную оборону, чем на узком. Кроме того, широкий фронт наступления открывал перспективу охвата Будапешта не только с помощью войск одного левого фланга фронта (46-я армия), с юго-запада, как мыслилось ранее, но и силами центра — с востока и северо-востока. Двойной охват был бы в данной обстановке более эффективным. Усиление нажима в центре полосы наступления 2-го Украинского фронта помогло бы также армиям И.Е. Петрова преодолеть пробку у Чопа и улучшить условия для их продвижения вперед.

Р.Я. Малиновский с предложениями Генштаба согласился — они совпадали с его взглядами — и сказал, что Военный совет фронта поддержит нас перед Верховным Главнокомандующим.

4 ноября Генеральный штаб доложил о своих соображениях в Ставке. И.В. Сталин не стал возражать. Он

приказал дать директиву и ускорить выполнение мероприятий, направленных на охват Будапешта. В директиве говорилось: «...Атака Будапешта на узком фронте силами только двух мехкорпусов с незначительным количеством пехоты может привести к неоправданным потерям и поставить действующие на этом направлении войска под фланговый удар противника с северо-востока».

Поскольку наступление 53-й и 27-й армий, конно-механизированных групп Плиева и Горшкова намечалось командованием фронта только на 10 ноября, Ставка приказала: «Вывести быстрее правое крыло фронта (7 гв., 53, 27 и 40-я армии) на западный берег р. Тисса, с тем чтобы повести наступление широким фронтом и разбить будапештскую группировку противника ударом правого крыла фронта с севера и северо-востока во взаимодействии с ударом левого крыла фронта (46-я армия, 2 и 4 гв. мк) — с юга».

Конно-механизированной группе Плиева приказывалось не позже 7 ноября нанести удар из района Сольнока на север, свернуть оборону противника на Тиссе и вывести

за реку правое крыло фронта. Хотя пехоты у Плиева не было, И.В. Сталин поручил эту задачу именно его группе, поскольку других резервов под рукой не имелось.

Под Будапештом вновь разгорелись ожесточенные бои. Войска проявляли высокий героизм, но длительное время не могли добиться решительного успеха. Объяснялось это не только силой обороны противника, но и тем, что у некоторых командующих объединениями после операций в Румынии возникло, так сказать, головокругление от успехов.

Представитель Ставки маршал С.К. Тимошенко, неотлучно находившийся в войсках, 24 ноября 1944 г. доложил в Ставку:

«2-й Украинский фронт является одним из сильных фронтов, имеющих крупные силы для разгрома противостоящего противника, но, несмотря на это, в последнее время он не имеет успеха.

Основными причинами малоуспешных действий считаю следующие:

1. При относительном преимуществе в силах командование фронта стремится разгромить группировки

противника сразу на нескольких направлениях (Мишкольц, Эгер, Хатван).

2. Такое стремление бить противника на всех направлениях приводит к распылению сил и не позволяет создавать необходимого преимущества. Например, главная группировка фронта (27, 53 и 7-я гв. армии), имеющая двадцать четыре стрелковые дивизии, три механизированных и танковый корпус и два кавкорпуса, распределена так:

а) мишкольское направление — 27-я армия в составе восьми стрелковых дивизий на фронте 50 км;

б) эгерское направление — 53-я армия в составе семи стрелковых дивизий на фронте 45 км;

в) хатванское направление — 7-я гв. армия в составе девяти стрелковых дивизий на фронте 55 км. На этом же направлении действуют три механизированных и танковых корпуса и два кавкорпуса.

Таким образом, стрелковые соединения по армиям и направлениям распределены равномерно; некоторое преимущество имеется только в 7-й гв. армии, так как в ее полосе действует группа Плиева, 2-й и 4-й механизированные корпуса, но как

Плиев, так и механизированные корпуса измотаны боями и особого перевеса в силах на фронте Шумилова не дают. Кроме того, эти подвижные группы при прорыве организованной обороны действуют разрозненно, без поддержки достаточного количества артиллерии и взаимодействия с пехотой.

3. Командиры соединений и их штабы несколько избалованы успешными действиями в Румынии и Трансильвании и не организуют по-настоящему взаимодействие родов войск.

В связи с изложенным считаю целесообразным потребовать от командования 2-го Украинского фронта:

1) Пересмотреть ранее принятое решение, с тем чтобы создать группировки, имеющие абсолютное превосходство перед противником, на двух направлениях:

а) Хатван — Балашадьярмат, считая это направление основным;

б) Мишкольц, считая его вспомогательным...»

Ставка согласилась с мнением своего представителя и 26 ноября потребовала от командующего фронтом создать на главном направлении решительное превосходство сил над

противником и сосредоточить здесь артиллерийские дивизии прорыва и танковые соединения. Главное направление действий фронта пролегло в полосе наступления 7-й гвардейской армии, обходившей Будапешт с севера.

Ставка приказала:

«1. Для обеспечения успеха, намеченного Вами наступления на участке 7-й гв. армии Шумилова сосредоточить не менее двух артиллерийских дивизий прорыва.

2. Привлечь к наступлению на участке Шумилова 6-ю гв. танковую армию Кравченко. Для усиления 46-й армии с участка 7-й гв. армии перебросить не два, а только один мехкорпус.

3. Группу Плиева использовать для развития наступления вслед за 6-й гв. танковой армией.

4. Уплотнить боевые порядки пехоты 7-й гв. армии, для чего расширить к юго-западу полосу наступления 53-й армии...»

Наступление приказывалось начать не позже 2-3 декабря 1944 г.

На этот раз операции 2-го Украинского фронта под Будапештом должны были проводиться совместно с 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухина.

▲ Будапешт

Напомню, что войска 3-го Украинского фронта в октябре завершили выполнение главных освободительных задач в Югославии и теперь могли быть использованы в Венгрии. Генеральный штаб в начале ноября считал нужным применить этот фронт для разгрома противника в Западной Венгрии, чтобы в последующем он мог наступать совместно с войсками Р.Я. Малиновского на венское направление.

В полосе фронта Ф.И. Толбухина были важные новости. 7-9 ноября войска 57-й армии под командованием М.Н. Шарохина на подручных средствах форсировала Дунай в районах Батины и Апатина. Оба плацдарма быстро расширили и через две недели боев соединили. На этом плацдарме правее 57-й армии закрепились и 4-я гвардейская армия генерала И.В. Галанина. Таким образом, 3-й Украинский фронт нацелился за Дунай.

В связи с этим Ф.И. Толбухин 10 декабря сообщил, что выводить

его войска в Западную Венгрию будет неправильно. Их следует применить для окружения и разгрома будапештской группировки противника. «При создавшейся обстановке, подчеркивал маршал, — считаю целесообразным удар фронта нанести в северном направлении на Комарно, а частью сил — на Дьер. Это даст возможность совместно с левым крылом 2-го Украинского фронта разрезать группировку противника и, уничтожая ее по частям, выйти в Придунайскую долину для дальнейшего наступления на Вену». Он просил включить 46-ю армию в состав его фронта: армия форсировала Дунай юго-восточнее Будапешта и захваченный ею плацдарм на западном берегу реки мог послужить хорошим исходным районом для войск фронта в предстоящей операции.

Всю первую половину декабря под Будапештом шли упорные бои. Войска улучшали свои исходные рубежи, штабы обоих фронтов работали над планами предстоящих операций по окружению против-

ника. 15 декабря 3-й Украинский фронт, а через два дня 2-й Украинский доложили планы операций Ставке. Планы были утверждены, но 3-му Украинскому фронту приказали не отвлекать войска на венское направление.

Согласно планам, фронты главными силами окружали Будапешт, действуя в обход: с севера — войска Р.Я. Малиновского, с юго-запада — войска Ф.И. Толбухина. Сомкнуться они должны были на Дунае на участке Эстергом, Несмей. Непосредственно на Будапешт наступали 30-й стрелковый корпус 7-й гвардейской армии, 7-й армейский румынский корпус и 18-й отдельный гвардейский стрелковый корпус. Для отражения попыток деблокировать Будапешт предусматривалось создать внешний фронт окружения. Наступление намечалось начать 20 декабря 1944 г.

Особое внимание Генеральный штаб уделил артиллерийскому обеспечению предстоящей операции. Этого требовал прежде всего харак-

тер хорошо подготовленной обороны противника, насыщенной большим количеством укрытых огневых точек, — прорвать ее без массирования артиллерийского огня было невозможно. Кроме того, в составе вражеской группировки было много танков. По данным разведки того времени, перед войсками Ф.И. Толбухина находилось пять танковых дивизий (три немецкие и две венгерские) и одна моторизованная. Танки противостояли и фронту Р.Я. Малиновского — здесь были, как мы тогда считали, четыре танковые и три моторизованные дивизии. Основным же средством борьбы с танками служила опять-таки наша артиллерия.

Что же касается Будапешта, то Верховный Главнокомандующий требовал создать здесь как можно более высокую плотность артиллерии. На участке прорыва в полосе 7-й гвардейской армии, наступавшей на главном направлении 2-го Украинского фронта, имелось 224 орудия на километр фронта, а на основном направлении 3-го Украинского фрон-

та средняя плотность артиллерии составляла 170 стволов на километр фронта.

20 декабря 1944 г. оба фронта перешли в наступление. Противник резко увеличил численность войск и количество танков на внешнем фронте окружения Будапешта. Очевидно, он делал ставку на маневренные формы боевых действий, не собиравшись оставлять западные районы Венгрии и намеревался деблокировать свои попавшие в котел войска. Нужно было ждать сильных контрударов. С попыткой нанести их мы встретились уже на следующий день наступления, 21 декабря, в полосе действий 7-й гвардейской армии генерала М.С. Шумилова и танкистов генерала А.Г. Кравченко — в районе Немце, Сакалош, Шахты. Противник стремился здесь отрезать и разгромить наши части, но сам попал под удары во фланг и тыл и был отброшен с тяжелыми потерями.

В полосе наступления 3-го Украинского фронта враг тоже подготовил контрудар, опираясь на укрепленную

линию «Маргарита», но просчитался во времени, и его намерения были сорваны в момент сосредоточения сил контрударной группировки. Об этом свидетельствовали две карты 2-й танковой дивизии немцев, захваченные 22 декабря 1944 г. в районе Секешфехервара войсками 3-го Украинского фронта. Ф.И. Толбухин доложил тогда в Генеральный штаб: «На одной из них (имеются в виду карты. — С.Ш.) нанесена кодировка большого количества населенных пунктов на нашей территории к юго-востоку от озера Балатон. На другой карте показано расположение штабов 3-го и 57-го танковых корпусов, штабов и частей 1, 3, 6, 23-й танковых дивизий и 130-го танкового полка РКК. Все это наглядно подтверждает, что немцы готовились к активным действиям к востоку от озера Балатон». Как стало известно позже, здесь были, кроме того, 8-я танковая дивизия и отдельные батальоны танков.

Генштаб разделял мнение Военного совета фронта. Доложили Верховному Главнокомандующему. Тот

▲ В Будапеште

приказал предупредить фронт о необходимости соблюдать особую бдительность и постоянную готовность к отражению контрмероприятий противника. Действительно, немецко-фашистские и салашистские войска ежедневно по многу раз переходили в контратаку. Борьба была ожесточенной, войска рвали оборону врага, теряя много крови. Через шесть суток непрерывных боев 2-й и 3-й Украинские фронты вышли навстречу друг другу на Дунае в районе Эстергома и плотно окружили Будапешт. В окружение попало почти 190 тыс. солдат и офицеров противника. Тогда же был создан внешний фронт — как увидим, это оказалось крайне необходимым.

Удары наших войск, выделенных для атаки Будапешта, противник отбил. Он продолжал совершенствовать оборону в самом городе и в прилегающем к нему районе. Здесь к 1 января 1945 г. сосредоточились 13 танковых, 2 моторизованные дивизии и мотобригада. Такой плотности танковых войск, по словам самого противника, никогда еще не было на восточном фронте. Мероприятия проводились под руководством нового командующего группой армий «Юг» — генерала Велера,

назначенного вместо отстраненного от дел Фриснера.

29 декабря противнику, окруженному в Будапеште, были направлены ультиматумы командования 2-го и 3-го Украинских фронтов, предусматривавшие гуманные условия капитуляции. Венгерским генералам, офицерам и солдатам гарантировалось, например, немедленное возвращение домой. Но парламентар 2-го Украинского фронта капитан М. Штейнмец был встречен огнем и убит, а парламентару 3-го Украинского фронта капитану И. А. Остапенко ответили отказом капитулировать и при возвращении выстрелили в спину. Так было совершено подлое убийство советских парламентаров, которые несли спасение многим тысячам людей, находившимся в осажденном городе, спасение памятникам культуры.

В ночь на 2 января 1945 г. гитлеровское командование начало активные действия против советских войск на внешнем фронте окружения Будапешта. Почти месяц — до 26 января — наши воины отражали яростные удары танковых полчищ, стремившихся освободить окруженную в Будапеште группировку. Высокое военное искусство проявили в эти дни наши командующие, командиры и штабы.

Они не позволили врагу добиться победы, хотя войска 3-го Украинского фронта и попадали порой в чрезвычайную обстановку. Так было, например, 20 января, когда противник, вырвавшись танками на Дунай в районе Дунапентеле, на какой-то момент расчленил войска фронта. Переброшенные на этот участок самоходно-артиллерийские полки встречными ударами с севера и юга ликвидировали опасность.

В Будапеште советские войска шаг за шагом приближались к Вару (крепость) центральной части Буда, куда постепенно перемещался центр сопротивления противника. 8 февраля командующий гарнизоном Будапешта немецкий генерал Пфеддер-Вилленбрух приказал венгерским частям сосредоточиться в течение ближайших суток на территории Вара и здесь продолжать сопротивление. Приказ этот был воспринят по-разному. Офицеры стремились выполнить его, а рядовые солдаты решили вопрос по-своему: многие вместо того, чтобы направиться в Вар, рассеялись по городу.

подавляющее большинство солдат хотело сдаться в плен и тем закончить для себя войну, а некоторые твердо решили сражаться, но теперь

▲ Остапенко Илья Афанасьевич

▲ Толбухин Ф.И.

▲ Прямой наводкой

уже против гитлеровцев. Переходить на сторону советских войск их побуждали различные причины, но главными были антигитлеровские настроения, стремление расплатиться с немецкими оккупантами за все их злодеяния в отношении Венгрии и венгерских солдат. Многие пленные рассказывали, с каким презрением относились гитлеровцы к своему союзнику, лишали венгерских солдат последнего куска хлеба.

Количество пленных венгров на 2-м Украинском фронте росло с каждым днем и уже перевалило за многие тысячи. Поскольку пленные неоднократно заявляли о желании сражаться против гитлеровцев, в составе некоторых наших частей были сформированы группы венгерских добровольцев, которым дали возможность проявить себя в бою. Опыт оправдался: добровольцы воевали храбро и умело.

После этого в различных соединениях воюющих в Будапеште советских войск стали создаваться стрелковые

роты мажарских солдат-добровольцев. Такие роты были в 83-й бригаде морской пехоты, 108-й гвардейской, 180, 297, 320-й и других стрелковых дивизиях. Затем эти роты кое-где свели в отряды. В частности, в 320-й стрелковой дивизии весь командный состав такого отряда был укомплектован из венгров; командовал им оберлейтенант Вереб.

Нужно сказать, что русская манера работы с солдатом в период формирования подразделений пришлась по душе венграм. Как известно, солдата прежде всего кормили, а потом отправляли в баню. Затем чистому, обмундированному и довольному человеку старшина на складе выдавал вооружение. Исстрадавшиеся в боях венгерские солдаты, по многим дням не получавшие продовольствия и только улыбающиеся при вопросе о том, когда они мылись в бане, охотно приняли русский порядок и не раз его хвалили.

Боевая обстановка вынуждала быстро вводить готовые подразделения

в бой. Но наше командование, если было возможно, стремилось торжественно отмечать это событие, отправляя на передний край пополнение, в том числе и венгерских добровольцев, под духовой оркестр.

Первые же бои венгерских подразделений 8 и 9 февраля показали, что слово добровольцев не расходится с делом. Начальник политотдела 320-й стрелковой дивизии доносил, например: «Первый добровольческий мажарский отряд под командованием оберлейтенанта Вереба в течение двух дней действовал хорошо. Поставленные командованием задачи выполнил. Рота очистила от немцев 5 кварталов, истребила до 30 солдат противника. Взято в плен 15 солдат, захвачены трофеи...» На руинах Будапешта в совместной борьбе против гитлеровцев рождалось боевое братство.

Незадолго до падения Будапешта, когда противник готовился к последней отчаянной попытке прорваться из кольца окружения, роты венгер-

ских добровольцев стали сводить в батальоны — по четыре в каждом.

Штурм Будапешта продолжался до 13 февраля. В этот день был завершен разгром противника, оборонявшегося с крайним ожесточением.

После окончания боевых действий в Будапеште в Будайском полку было пять батальонов, насчитывавших 2534 человека, среди них почти 1200 артиллеристов, около 400 стрелков-пехотинцев, свыше 100 танкистов, более 300 связистов, а также саперы и другие специалисты.

Ликвидация противника в Будапеште, казалось бы, открывала благоприятные перспективы для проведения наступательных операций на венском направлении. Захватив территорию Австрии и ее столицу, наши войска лишили бы врага важной военно-промышленной базы и вышли к другому военно-промышленному району Пражскому. В этом случае возможности производства вооружения у противника были бы серьезно подорваны. Захват Пражского промышленного района имел, кроме того, и политическое значение: Чехословакия являлась нашей союзницей.

Наступление на венском направлении было весьма важно и для оказания помощи войскам, нацеленным на Берлин с востока, — оно создавало угрозу противнику с юга. Ставка и Генеральный штаб направляли и согласовывали действия фронтов так, чтобы обеспечить внезапность наших ударов, поставить противника в трудное оперативное положение, заставить его расплывать силы и применять невыгодные способы военных действий.

В феврале 1945 г. Ставка и Генеральный штаб уделяли особое внимание взаимодействию западного и юго-западного направлений. Напомню, что, выйдя на Одер, войска 1-го Белорусского фронта вынуждены были остановиться и начать Восточно-Померанскую операцию, чтобы ликвидировать угрозу, нависшую с севера. Теперь надо было ускорить наступление на венском направлении. Тому благоприятствовали успешные операции 4-го Украинского фронта в Прикарпатской Польше и в Закарпатье. Поэтому уже 17 февраля — через три дня после взятия Будапешта — Ставка отдала 2-му

и 3-му Украинским фронтам директивы на подготовку и проведение Венской наступательной операции. Главная роль в ней отводилась войскам Р.Я. Малиновского. Основные силы их должны были наступать севернее Дуная, где противник, как утверждали разведчики, не имел танков, а его оборона опиралась в основном на пехоту. Войскам Ф.И. Толбухина, действовавшим южнее, противостояло, по данным разведки, семь танковых дивизий. Этим войскам первоначально ставилась скромная задача: содействовать своему соседу справа — 2-му Украинскому фронту. В составе фронтов производились некоторые изменения за счет взаимной передачи войск. В распоряжение Р.Я. Малиновского (в район Сольнока) направлялась из резерва Ставки сильная 9-я гвардейская армия генерала В.В. Глаголева. 1-я болгарская армия, подчиненная Ф.И. Толбухину, получила задачу обеспечить операцию фронта с юга, действуя вдоль северного берега Дравы.

Начало наступления намечалось на 15 марта.

Противник пытался по-своему

▲ Разбитая вражеская артиллерия

направить ход военных действий, создать выгодный для себя перелом в обстановке, разгромить советские войска в Венгрии, отбросить их за Дунай и не допустить к южным границам Германии.

В тот день, когда указания Ставки пошли в войска, немецко-фашистское командование двинуло в полосу войск Р.Я. Малиновского крупные силы танков. Удар направлялся из района Комарно вдоль северного берега Дуная против 7-й гвардейской армии генерала М.С. Шумилова, занимавшей очень важный для предстоящего наступления на Вену оперативный плацдарм к западу от реки Грон. Гвардейцы упорно сопротивлялись несколько дней, но враг все же вынудил их отойти на восточный берег Грона.

В ходе боев удалось установить, что под Комарно действует один из танковых корпусов 6-й танковой армии СС, воевавшей до этого на западе и известной как лучшее ударное объединение гитлеровских войск. Командовал ею генерал Дитрих Зепп — фаворит самого фюрера. Вооружение этой армии составляли тяжелые танки «пантера», «тигр» и «королевский тигр».

Появление 6-й танковой армии СС на нашем фронте было весьма серьезным новым элементом обстановки. Никто не ожидал ее здесь, поскольку наши союзники специально предупредили Ставку, что эта армия находится на западном фронте. Очевидно, перегруппировка армии на восток была связана с каким-то особо важным замыслом противника. Так мы и расценили полученные тогда со 2-го Украинского фронта разведывательные сведения, но до поры до времени не могли выяснить, какие цели преследовало гитлеровское командование.

Применив лишь часть сил 6-й танковой армии СС против войск генерала М.С. Шумилова, враг поступил опрометчиво. Правда, он лишил нас выгодного исходного рубежа для наступления на Вену, каким был плацдарм за Гроном, но зато сам потерял наиболее важный фактор успеха — внезапность. Наше внимание было привлечено к танковой армаде, а это в конечном счете позволило определить намерения и замыслы немецкого командования. Советская разведка, применяя различные способы, неустанно добывала новые сведения о противнике.

Целеустремленная разведывательная работа дала возможность постепенно выявить, что юго-западнее Будапешта в районе озера Балатон сосредоточена очень крупная группировка немецких сил и средств, ядром которых были танки. Здесь, как стало известно в последующем, находилась 31 дивизия (из них 11 танковых) и некоторые другие войска. Общая численность их превышала 430 тыс. солдат и офицеров. На вооружении их было почти 900 танков и штурмовых орудий, свыше 5600 орудий и минометов, 850 самолетов. Такая сильная вражеская группировка могла быть сосредоточена и предназначена, вероятнее всего, для контрнаступления.

Ставка сразу же приказала Генштабу предупредить войска и внимательно следить за противником. Но подготовка к наступлению на Вену продолжалась полным ходом.

Постепенно был вскрыт и замысел врага. На карте разведчиков пролегли вероятные направления его ударов. Главный — с рубежа межозерья Веленце и Балатона на юго-восток, чтобы рассеять войска 3-го Украинского фронта и выйти к Дунаю по кратчайшему пути (30 км). Здесь ожидалось

наступление основных сил 6-й танковой армии СС и 6-й полевой армии. Противостояла врагу 26-я армия генерала Н. А. Гагена. Вспомогательные удары предполагались: один — из района Надьканижи на восток силами 2-й танковой армии с целью разгрома 57-й армии генерала М. Н. Шарохина; другой — частью сил группы армий «Ф» с южного берега Дуная против 1-й болгарской армии генерала В. Стойчева. Направления вспомогательных ударов сходились с направлением главного удара в районе Сексарда.

Теперь вопрос о том, какие цели мог преследовать противник, постепенно прояснялся. После потери Будапешта наиболее очевидным было стремление гитлеровского командования удержать за собой последние крупные нефтяные промыслы Венгрии и сохранить Венский промышленный район, откуда пока еще поступало различное вооружение, в том числе танки, самолеты, боеприпасы. Не исключалось также, что фашистская Германия перенесет центр сопротивления в горные районы Австрии и Чехословакии. Эта территория была наиболее удобной для обороны. Кроме того, если сопротивление окажется невозможным, капитулировать здесь удастся перед англо-американцами, а не перед Красной Армией. Сосредоточение 6-й танковой армии в районе Балатона могло служить всем этим целям.

По всему было видно, что войскам 3-го Украинского фронта предстоят большие испытания, и к ним тщательно готовились. Ставка приказала создать глубокую оборону, особенно сильную в противотанковом отношении. К началу активных действий противника в составе 3-го Украинского фронта было около 400 тыс. солдат и офицеров, 400 танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 7 тыс. орудий и минометов, свыше 950 самолетов. Таким образом, при равенстве в численном составе противник обладал более чем двойным превосходством в танках и штурмовых орудиях, но уступал нам в артиллерии и авиации. Все это позволило Ставке с уверенностью принять ре-

шение на оборонительную операцию.

Ф. И. Толбухин значительную часть времени проводил в войсках: проводил подготовку к оборонительным боям и последующему незамедлительному переходу в наступление. Побывал он на левом фланге фронта, где ожидалось оба вспомогательных удара противника, а на нашей стороне собрался подлинный «интернационал» — здесь действовали советские, болгарские и — южнее Дравы югославские воины. Командующий собрал в городе Сигетвар совещание командармов 57-й советской, 1-й болгарской и 3-й югославской армий, на котором было всесторонне рассмотрено взаимодействие в предстоящей операции.

6 марта началось ожидаемое нами контрнаступление противника, особенно мощное на главном направлении. Бои не прекращались в течение девяти дней и носили крайне ожесточенный характер. Хотя гитлеровские войска и обладали весьма значительными силами, вырваться к Дунаю они так и не смогли, несмотря на то что порой вводили в бой до 450 танков на одном участке фронта.

Балатонское оборонительное сражение стало еще одним примером величайшего мужества, несгибаемой стойкости и героизма советских воинов. В ходе обороны за два дня — 6 и 7 марта — враг потерял почти 100 танков и штурмовых орудий, а за все время сражения (6-15 марта) — почти 500! Массовый героизм солдат и офицеров 3-го Украинского фронта развеял последние надежды гитлеровского командования восстановить положение в центре Европы. Наша победа содействовала также англо-американским войскам в Италии и помогла довершить разгром оккупантов в братской Югославии.

Твердая уверенность в том, что контрнаступление противника в районе озера Балатон будет отбито, ни на минуту не покидала Генеральный штаб и Ставку. Здесь отчетливо представляли себе, какие тяжелые бои развернулись на западном берегу Дуная и какие чрезвычайные трудности преодолевают советские воины.

Ставка усилила в ходе сражения войска 3-го Украинского фронта за счет правого соседа. Но советское Верховное Главнокомандование не снимало с фронтов задачи перейти в решительное наступление после завершения оборонительного сражения. Оно располагало и готовыми к действиям свежими силами.

...Нельзя забыть тревожных мартовских дней 1945 г. Тогда советское стратегическое руководство не раз и не два взвешивало шансы противника при различных вариантах действий войск. Прикидывали возможные условия и исход борьбы, особенно в случае жесткой обороны на правом берегу Дуная, где нашим войскам предстояло удержать плацдарм. Здесь сражение обещало быть особенно трудным и кровопролитным. Обсуждался и другой вариант: отойти с правого берега Дуная на левый, отказать от плацдарма. В этом случае, прикрывшись широкой водной преградой, можно было гарантировать удержание позиций за рекой.

Но неизбежно возникал вопрос: как действовать дальше? Ведь нужно было кончать войну и обрушить на врага самые чувствительные удары, наступать далее на запад. Вот тут-то и выяснилось, что оборона на правом берегу Дуная значительно выгоднее и перспективнее, чем на левом. Было бы неизмеримо труднее переходить потом в наступление: враг тоже прикрывался бы рекой. И конечно, мы потеряли бы время.

В Ставке и Генштабе оценили все «за» и «против» и остановились на том, что проводить в жизнь следует первый вариант — обороняться на правом берегу Дуная и немедленно после окончания оборонительного сражения переходить в контрнаступление.

К этому вопросу примыкал и второй — о 9-й гвардейской армии генерала В. В. Глаголева.

9 марта Ф. И. Толбухин по телефону обратился в Ставку за разрешением использовать в оборонительных целях 9-ю гвардейскую армию, только что переданную в состав его фронта. Он спрашивал также, не стоит ли его войскам и в крайнем случае штабу

▲ Победа

отойти на левый берег Дуная, чтобы не потерять управления.

Мы с А.И. Антоновым были в это время в кабинете Верховного Главнокомандующего. И.В. Сталин выслушал соображения командующего 3-м Украинским фронтом, немного помедлил и ровным голосом сказал примерно следующее:

- Товарищ Толбухин, если вы думаете затянуть войну еще на пять-шесть месяцев, то, конечно, отводите свои войска за Дунай. Там, безусловно, будет потише. Но я сомневаюсь, что вы так думаете. Поэтому обороняться следует на правом берегу реки и вам со штабом надо быть именно там. Уверен, что войска с честью выполнят свои нелегкие задачи. Нужно только хорошо ими руководить.

Затем он высказал мысль о необходимости выбить танки врага еще в ходе оборонительного сражения, сказал, что нельзя давать противнику время закрепиться на достигнутых им рубежах и организовать прочную оборону.

- Следовательно, — рассуждал вслух Верховный Главнокомандующий, — переходить в наступление надо немедленно после того, как

враг будет остановлен, и полностью разгромить его. Для этого нужны значительные свежие силы. Они у нас есть — это армия Глаголева. Поблизости находится также 6-я гвардейская танковая армия генерала Кравченко. Пока она подчинена Малиновскому, но, если потребуется, ее можно передать вашему фронту. Сделайте отсюда нужные выводы. Посмотрев на А.И. Антонова, он добавил: — Генштаб на моей стороне.

Ф.И. Толбухин сказал, что приказание понял, и положил трубку.

Генштабу было приказано подтвердить задачи фронтов директивой, что мы и сделали. В директиве говорилось: «Командующему войсками 3-го Украинского фронта в оборонительных боях измотать танковую группировку противника, наступающую из района Секешфехервара, после чего не позже 15-16 марта с.г. правым крылом фронта перейти в наступление с целью разбить противника севернее озера Балатон и развивать удар в общем направлении на Папа, Шопрон. 9-ю гвардейскую армию в оборонительных боях не втягивать, а использовать ее для развития удара и окончательного разгрома противника»

Командующему 2-м Украинским фронтом приказывалось севернее Дуная перейти к жесткой обороне, а левым флангом, то есть там, где фронт непосредственно примыкал к ударной группировке войск Ф.И. Толбухина, наступать на Дьер.

Так, говоря в общем виде, Ставка намечала действия, направленные на разгром основных сил противника в районе озера Балатон. Здесь предполагалось заложить основы успеха Венской операции. Заметим, что подготовка операции проходила в условиях продолжающегося тяжелого оборонительного сражения.

Как мы и ожидали, силы врага были окончательно измотаны, и 15 марта он отказался от наступления. Теперь пришел наш час. 16 марта войска Ф.И. Толбухина, усиленные 6-й гвардейской танковой армией из 2-го Украинского фронта, двинулись вперед. Так, без оперативной паузы после оборонительного сражения, началась Венская наступательная операция, в ходе которой были достигнуты весьма крупные результаты. ■

Ю.Б. ХАРИТОН, В.Б. АДАМСКИЙ, Ю.Н. СМИРНОВ

О СОЗДАНИИ СОВЕТСКОЙ ВОДОРОДНОЙ (ТЕРМОЯДЕРНОЙ) БОМБЫ

▲ Водородная бомба

В 1990 г. в США была опубликована статья Д. Хирша и У. Мэтьюза „Водородная бомба: кто же выдал её секрет?“. То, что СССР воспользовался американскими секретами при её создании, авторам статьи казалось бесспорным и подчёркивалось даже названием статьи. Такая точка зрения долгое время была широко распространена на Западе.

По версии Д. Хирша и У. Мэтьюза данные радиохимии по амери-

канским взрывам начала 50-х годов натолкнули советских учёных на необходимость добиваться высоких сжатий термоядерного горючего. Действительно, взрыв водородной бомбы сопровождается выбросом в атмосферу большого количества различных радионуклидов, анализ которых может дать информацию о степени сжатия термоядерного горючего. В шестидесятые годы наблюдение за американскими, китайскими и французскими взрывами нами

проводилось. Осуществлялся отбор проб из воздуха, затем радиохимический анализ этих проб, расчётно-теоретическая интерпретация такого анализа и, наконец, делались гипотетические предположения об испытанной конструкции. Но такая служба была налажена у нас только в конце 50-х годов. Она оказалась полезной при наблюдении за американскими испытаниями у острова Джонстона в 1962 г. В 1952 г. во время испытания „Майк“ — первого американ-

Харитон Юлий Борисович (1904-1996), советский физик, академик АН СССР (1953), научный руководитель и главный конструктор разработки ядерного оружия, трижды Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии (1949, 1951, 1954), лауреат Ленинской премии (1956). Родился 27 февраля 1904 г. В 1925 г. окончил Ленинградский политехнический институт, работал в ЛФТИ. С 1926 по 1928 г. стажировался в Кавендишской лаборатории в Англии, где участвовал в разработке методики регистрации альфа-частиц. С 1931 г. работал в Институте химической физики АН СССР под руководством Н.Н. Семенова, с 1946 г. — одновременно и в Лаборатории №2 (ЛИПАН). Основные научные исследования относятся к ядерной физике, химической кинетике, физике горения и взрыва. Возглавлял работы по изучению горения взрыва и детонации взрывчатых материалов для теоретического и экспериментального обоснования физических и химико-физических свойств взрывчатых веществ. После создания КБ-11 (филиала Лаборатории №2 в Арзамас-16) руководил в нем научно-конструкторскими работами по созданию ядерного и термоядерного оружия.

Адамский Виктор Борисович (1923-2005) советский физик, главный научный сотрудник ВНИИЭФ (Арзамас-16), доктор физико-математических наук, один из ветеранов-создателей водородной бомбы.

Смирнов Юрий Николаевич (1937-2011) ведущий научный сотрудник института атомной энергии им. И.В. Курчатова, кандидат физико-математических наук, участник разработки 50-мегатонной термоядерной бомбы.

ского термоядерного взрыва в виде устройства весом 65 т, в котором в качестве термоядерного горючего использовался жидкий дейтерий, такая служба у нас ещё не была организована. Поэтому эксперимент „Майк“ влиял на советскую программу создания водородного оружия только самим фактом проведения мощного водородного взрыва.

Ход мыслей и взаимодействие различных идей были таковы, что советские разработчики ядерного оружия в подсказке о высокой плотности не нуждались. Задача виделась не в том, что требовалась ясность в вопросе, нужны ли высокие сжатия (в этом никто не сомневался), а в том, как эти сжатия осуществить.

Теперь, после ряда отечественных публикаций многим стало ясно, что советские учёные не только самостоятельно создали водородную бомбу, но даже кое в чём опередили своих американских коллег.

Действительно, в ноябре 1952 г. США первыми в мире произвели термоядерный взрыв. Его мощность превысила 10 Мт, а поток нейтронов был настолько велик, что американским физикам, изучавшим продукты взрыва, удалось даже открыть два новых трансурановых

элемента, названных эйнштейнием и фермием.

Однако взорванное в США устройство не было настолько компактным, чтобы его можно было называть бомбой. Это было огромное, с двухэтажный дом, наземное лабораторное сооружение, а термоядерное горючее находилось в жидком состоянии при температуре, близкой к абсолютному нулю. Эксперимент стал промежуточным шагом американских физиков на пути к созданию водородного оружия. Советские учёные обошлись без подобного очень сложного и дорогостоящего опыта.

12 августа 1953 г. в СССР по схеме, предложенной А.Д. Сахаровым и названной у нас „сложкой“, был успешно испытан первый в мире реальный водородный заряд. В этом заряде в качестве термоядерного горючего был использован, по предложению В.Л. Гинзбурга, литий в виде твёрдого химического соединения. Это позволило в ходе термоядерных реакций (при взрыве) получить с использованием лития дополнительное количество трития, что заметно повышало мощность заряда.

Испытанный в СССР термоядерный заряд был готов к применению в качестве транспортбельной бом-

бы, т. е. представлял собой первый образец водородного оружия. Этот заряд имел несколько больший вес и те же габариты, что и первая советская атомная бомба, испытанная в 1949 г., но в 20 раз превышал её по мощности (мощность взрыва 12 августа 1953 г. составила около 400 кт). Существенно, что вклад собственно термоядерных реакций в полную величину мощности приближался к 15–20%. Состоявшийся эксперимент стал выдающимся приоритетным достижением наших физиков и особенно А.Д. Сахарова и В.Л. Гинзбурга. Нельзя не упомянуть и И.Е. Тамма, возглавлявшего в тот период (до 1954 г.) коллектив физиков-теоретиков, которые работали по этому направлению.

Ничего подобного в качестве термоядерного оружия в США на тот момент времени не было. С советским термоядерным взрывом 1953 г. не могут отождествляться опыты американских физиков с малыми количествами трития и дейтерия, относящиеся к 1951 г. и предназначенные, по словам Х. Бете, „главным образом для подтверждения горения смеси трития с дейтерием, относительно которого серьёзных сомнений ни у кого не было“. Тем более

▲ Харитон Ю.Б. и Забабахин Е.И.

не может отождествляться с советским успехом американский взрыв 1952 г., для которого использовалось термоядерное горючее в сжиженном состоянии при температуре, близкой к абсолютному нулю, что не позволяло производить транспортабельные достаточно компактные термоядерные заряды.

Истории создания советского термоядерного оружия, об основных этапах которой мы здесь расскажем, предшествует одно важное событие, которое и следует рассматривать как начало советских усилий по созданию водородной бомбы.

Дело в том, что в 1946 г. И.И. Гуревич, Я.Б. Зельдович, И.Я. Померанчук и Ю.Б. Харитон передали И.В. Курчатову совместное предложение в форме открытого отчёта. Ясно, что если бы отчёт был подготовлен с использованием материалов разведки, на нём автоматически был бы поставлен высший гриф секретности. Суть их предложения заключалась в использовании атомного взрыва в качестве детонатора для обеспечения взрывной реакции в дейтерии. Другими словами, авторы представили первые в СССР оценки возможности осуществления термоядерного взрыва.

По воспоминаниям И.И. Гуревича, дейтерий в реакции с лёгкими

ядрами интересовал его и И.Я. Померанчука в качестве источника энергии звёзд. Они обсуждали эту проблему с Я.Б. Зельдовичем и Ю.Б. Харитоном, которые, в свою очередь, увидели, что термоядерный синтез лёгких ядер может оказаться осуществимым в земных условиях, если разогреть дейтерий ударной волной, инициированной атомным взрывом.

Научный отчёт четырёх авторов был отпечатан на машинке как несекретный документ, никогда не был засекречен и до сих пор хранится в открытых фондах архива Курчатовского института. И.И. Гуревич вспоминал: *„Вот вам наглядное доказательство того, что мы ничего не знали об американских разработках. Вы понимаете, какие были бы грифы секретности на этом предложении и за сколькими печатями оно должно было бы храниться в противном случае... Я думаю, что от нас тогда просто отмахнулись. Сталин и Берия во всю гнали создание атомной бомбы. У нас же к тому времени ещё не был запущен экспериментальный реактор, а тут учёные „мудрецы“ лезут с новыми проектами, которые ещё неизвестно можно ли будет осуществить“.*

Отчёт И.И. Гуревича, Я.Б. Зельдовича, И.Я. Померанчука и Ю.Б. Ха-

ритона впервые был опубликован только в 1991 г. в журнале „Успехи физических наук“ и представляет собой сегодня исторический документ. В нём не только содержалось предложение, как с помощью атомного взрыва осуществить термоядерную реакцию, но авторами было понято, что ядерная реакция в дейтерии *„будет происходить, не затухая, лишь при весьма высоких температурах всей массы“.* При этом подчёркивалось, что *„желательна наибольшая возможная плотность дейтерия“*, а для облегчения возникновения ядерной детонации полезно применение массивных оболочек, замедляющих разлёт.

Любопытно, что практически в то же время, в апреле 1946 г., на секретном совещании в Лос-Аламосской лаборатории, в котором участвовал Клаус Фукс, обсуждались итоги американских работ с 1942 г. по водородной бомбе (только четыре года спустя, в 1950 г., американские физики установят, что техническое воплощение этого направления было ошибочным). Через какое-то время после совещания Клаус Фукс передал материалы, связанные с этими работами, представителям советской разведки и они попали нашим физикам. Как рассказывается в упомянутой статье Д. Хирша и У. Мэтьюза, *„теллеровская концепция термоядерного оружия 1942–1950 гг. по существу представляла собой цилиндрический контейнер с жидким дейтерием. (По установившейся у нас традиции такой контейнер называли „трубой“. Примеч. авторов.) Этот дейтерий должен был нагреваться от взрыва инициирующего устройства типа обычной атомной бомбы“.* Математик Станислав Улам и его помощник Корнелий Эверетт провели в Лос-Аламосской лаборатории расчёты, из которых следовало, что для супербомбы понадобится количество трития гораздо большее, чем предполагал Теллер. Далее в своём меморандуме 1952 г. Ханс Бете отметил, что теоретические расчёты, выполненные Ферми и Уламом в 1950 г., показали, что вероятность распространяющейся термоядер-

ной реакции очень мала. Таким образом, учёные Лос-Аламоса убедились в бесперспективности работ по осуществлению „трубы“. Х. Бете позднее охарактеризовал эту ситуацию с полной определённой: *„Мы оказались на неверном пути, и конструкция водородной бомбы, считавшаяся нами наилучшей, оказалась неработоспособной“.*

В начале 1950 г. Клаус Фукс был арестован и, естественно, советским физикам не были известны эти драматические выводы их американских коллег.

Далее у нас события развивались следующим образом.

В июне 1948 г. по постановлению Правительства в ФИАНе под руководством И. Е. Тамма была создана специальная группа, в которую был включен А. Д. Сахаров и в задачу которой входило выяснить возможности создания водородной бомбы. При этом ей поручалась проверка и уточнение тех расчётов, которые

проводились в московской группе Я. Б. Зельдовича в Институте химической физики. Надо сказать, что в тот период времени эта группа Я. Б. Зельдовича, как и его арзамасские сотрудники, определённую часть своих усилий посвящали именно „трубе“ — в соответствии с информацией, полученной от К. Фукса.

Однако, как вспоминал Ю. А. Романов, *„уже через пару месяцев Андреем Дмитриевичем были высказаны основополагающие идеи, определившие дальнейшее развитие всей проблемы. В качестве горючего для термоядерного устройства группой Зельдовича рассматривался до этого жидкий дейтерий (возможно, в смеси с тритием). Сахаров предложил свой вариант: гетерогенную конструкцию из чередующихся слоёв лёгкого вещества (дейтерий, тритий и их химические соединения) и тяжёлого (^{238}U), названную им „слойкой“.*

Таким образом, с 1948 г. у нас параллельно развивались два направления — „труба“ и „слойка“, причём последнему в силу его очевидных достоинств и технологичности отдавалось явное предпочтение. Именно „слойка“, как об этом было сказано выше, и была успешно реализована в советском испытании термоядерного заряда 12 августа 1953 г.

Однако работы по „трубе“ ещё продолжались. Более того, к началу 50-х годов наряду с арзамасской и московской группами Я. Б. Зельдовича к отдельным вопросам по этому направлению было подключено несколько молодых сотрудников Д. И. Блохинцева в Обнинске. Им поручили решение задачи по переносу энергии нейтронами для случая, если бы в „трубе“ произошло термоядерное поджигание, а также исследование распространения детонационной волны в дейтерии.

Несмотря на обилие физически интересных и трудных задач, участ-

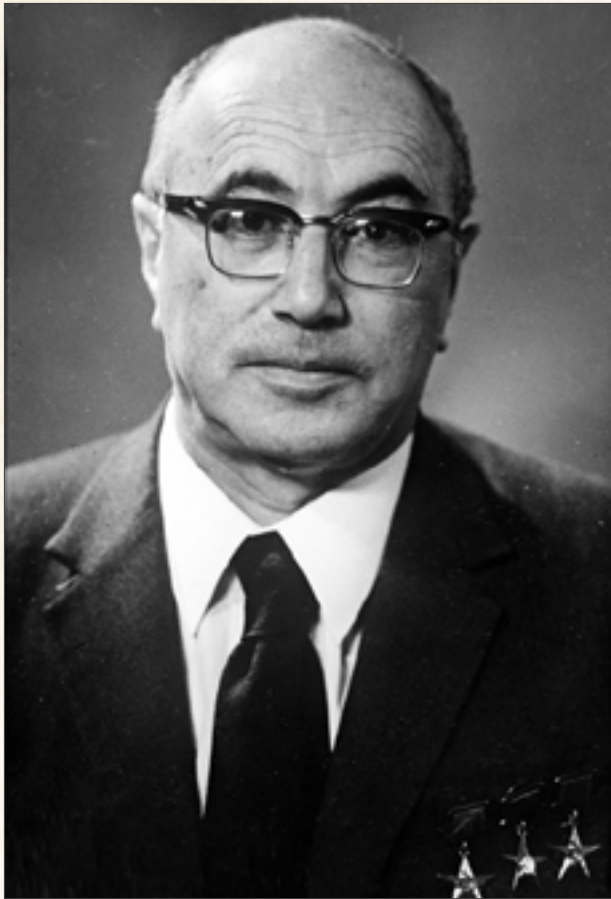

▲ Клаус Фукс

▲ Померанчук И.Я.

▲ Зельдович Я.Б.

ники работы по „трубе“ постепенно начали осознать, что их исследования лежат в стороне от магистрального направления. Основой этих исследований являлась работа с изотопами водорода в жидкой фазе и уже поэтому она представлялась технически бесперспективной. Расчёты делались с достаточно высокой точностью и, если бы нейтроны выделяли всю энергию локально, в одном месте, всё было бы в порядке. Но нейтроны разносили энергию на большие расстояния по „трубе“. Придумать что-либо перспективное не удавалось. При этом достаточно было допустить в теоретических расчётах более оптимистичные начальные условия, как появлялась надежда на успех. Одним словом, задача не имела гарантированного положительного решения и результат был крайне чувствителен к выбору исходных параметров, что делало её неопределённой, практически нереальной.

▲ Курчатов Игорь Васильевич

К началу 1954 г. в теоретических отделах института в Арзамасе-16 сложилась своеобразная ситуация, когда после успешного взрыва 12 августа 1953 г. по-прежнему в разработке термоядерных зарядов сохранялись оба направления — как „слойка“, так и „труба“.

Потенциально „слойка“ имела определённые ресурсы для совершенствования. Мощность заряда могла быть доведена до мегатонны и поэтому прорабатывалась её более мощная модификация. Однако уже своей громоздкостью эта конструкция вызывала чувство неудовлетворённости. В то же время „слойка“, испытанная 12 августа 1953 г., содержала значительное количество трития. Поэтому стоимость заряда была велика, а сам он имел сравнительно ограниченную живучесть по сроку годности (около полугода). Эти два недостатка удалось тем не менее полностью преодолеть, и в СССР 6 ноября 1955 г. был успешно испы-

тан другой вариант „слойки“, вообще не содержащий трития. Естественно, что при этом произошло некоторое снижение мощности по сравнению с прототипом. Испытание было проведено с самолёта на высоте одного километра и оно явилось первым подобным экспериментом в мире с водородной бомбой. Если бы оказалось, что по тем или иным причинам идея двухступенчатого заряда, которая была реализована в советском испытании 22 ноября 1955 г. и несколько ранее в США, в принципе неосуществима, Советский Союз тем не менее в результате эксперимента 6 ноября 1955 г. располагал бы уже вполне реальным, относительно недорогим и транспортабельным термоядерным оружием.

В начале 1954 г. по „трубе“ состоялось знаменательное совещание в Министерстве среднего машиностроения с участием министра В.А. Малышева. Расширенные обсуждения и встречи по этому направ-

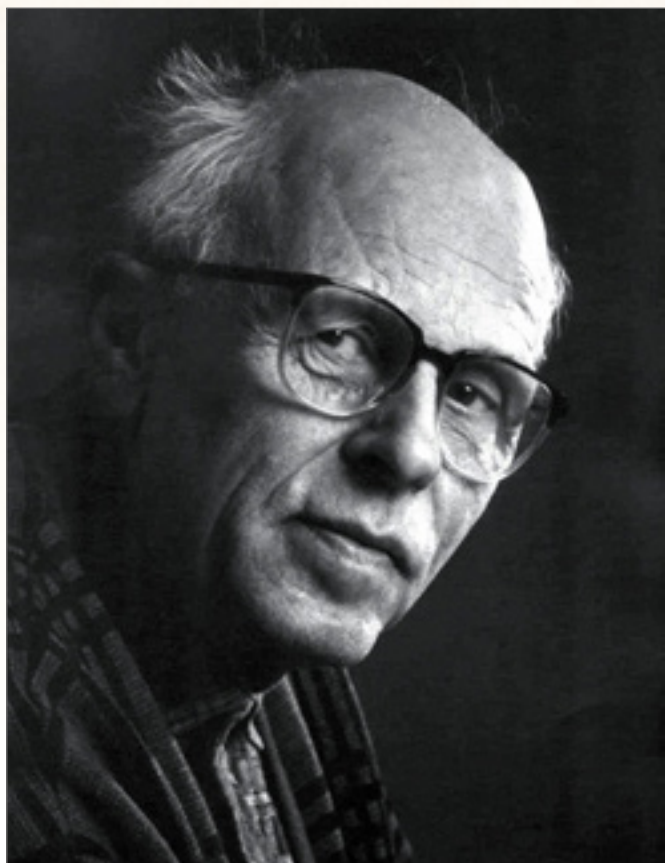
лению имели место и прежде, но это совещание оказалось заключительным. В его работе приняли участие И. Е. Тамм, А. Д. Сахаров, Я. Б. Зельдович, Л. Д. Ландау, Ю. Б. Харитон, Д. И. Блохинцев, Д. А. Франк-Каменецкий и другие физики. Совещание открыл Игорь Васильевич Курчатов и вёл его в присущей ему манере: очень чётко, как бы по секундам, с удивительным напором и целеустремлённостью, сохраняя, однако, деликатность и корректность. Несколько вступительных слов сказал Д. И. Блохинцев, которого сменили его совсем молодые сотрудники из Обнинска. От Арзамаса-16 сообщение сделал В. Б. Адамский. От Обнинска в центре внимания оказалось сообщение Б. Б. Кадомцева о переносе нейтронов в дейтерии. Это произошло потому, что именно протяжённое в пространстве энерговыделение от нейтронов, наряду с комптонизацией, также изучавшейся в Обнинске, исключало возможность детонации.

Состоялась дискуссия. Последним с репликой выступил И. Е. Тамм. Он обратил внимание на то, что во всех вариантах, которые докладывались, режим детонации в „трубе“, если он и существует, ограничен очень узкими рамками значений определяющих параметров, таких как диаметр „трубы“. То есть вероятность режима детонации в дейтерии в условиях „трубы“ очень низка. По его мнению, это достаточное доказательство того, что режима детонации просто не существует и нет нужды перебирать другие вариации параметров. Он добавил, что это напоминает ему ситуацию с вечным двигателем, когда французская академия наук постановила считать невозможным создание вечного двигателя и впредь отказалась рассматривать предложения по его конкретным конструкциям.

После дискуссии молодежь и некоторые другие участники были отпущены. Руководящие работники остались и после обсуждения при-

няли решение о полной бесперспективности этого направления подобно тому, как к такому же выводу в 1950 г. пришли американцы. Направление с применением жидкого водорода было решено закрыть. Совещание в Министерстве явилось своеобразными похоронами „трубы“ по первому разряду.

Дальнейшее развитие событий показало, что поиски сконцентрировались на использовании в полной мере энергии атомного взрыва для обеспечения наибольшей плотности термоядерного горючего водородной бомбы, чего ни „слойка“, ни тем более „труба“ не обеспечивали. Сильный коллектив физиков-теоретиков во главе с Я. Б. Зельдовичем освободился от занятий хотя и интересной, развивающей квалификацию в области высоких энергий и температур, но не имеющей перспективы разработкой и был готов подключиться к новой работе. Группа, занимающаяся „слойкой“, также не была перегружена. Таким обра-

▲ Сахаров А.Д.

▲ Тамм И.Е.

▲ Малышев В.А.

зом, коллектив был наготове, и стоило появиться идее, для воплощения которой требовалось усилие многих сотрудников, как начался бы „мозговой штурм“.

Мысль об использовании атомного взрыва для сжатия термоядерного горючего и его поджига настойчиво пропагандировал Виктор Александрович Давиденко, руководитель экспериментального ядерно-физического подразделения института. Он часто заходил в теоретические отделы и, обращаясь к теоретикам, в первую очередь к Зельдовичу и Сахарову, требовал, чтобы они вплотную занялись тем, что у нас получило название „атомного обжатия“ (АО). В связи с этим 14 января 1954 г. Я.Б. Зельдович собственноручно написал записку Ю.Б. Хари-

тону, сопроводив её поясняющей схемой: *„В настоящей записке сообщаются предварительная схема устройства для АО сверхизделия и оценочные расчёты её действия. Применение АО было предложено В.А. Давиденко“.* (Подчёркнуто Я.Б. Зельдовичем.)

Таким образом видно, что советские физики не нуждались в подкаске важности достижения высокой степени сжатия, т. е. большой плотности термоядерного горючего для обеспечения его детонации. С другой стороны, хотя американский взрыв „Майк“ 1952 г. благодаря мощному нейтронному потоку и свидетельствовал о достигнутой большой плотности термоядерного горючего во взорванном устройстве, — радиохимический анализ проб

в принципе не мог дать каких-либо сведений о реальной конструкции этого устройства.

Но хронологически первым толчком для перехода от платонических рассуждений о сжатии термоядерного горючего атомным взрывом к конкретной работе послужило высказывание заместителя министра среднего машиностроения А.П. Завенягина, который был в курсе идей, обсуждавшихся у теоретиков, о том, что следует попробовать обжимать термоядерное горючее с помощью атомного взрыва так же, как и обычной взрывчаткой. Оно рассматривалось недели две, пока на смену не пришла другая, более осмысленная идея. В новой схеме сжатие основного заряда должно было осуществляться за счёт воздействия на него продуктов взрыва и конструкционных материалов. Для того чтобы продукты взрыва, не направленные непосредственно на основной заряд, также заставить работать на сжатие, предусматривалось использование массивного кожуха, благодаря чему, как можно было надеяться, разлетающиеся материальные частицы хотя бы частично отразятся от кожуха и внесут вклад в сжатие основного заряда. Этой схемой занимались в течение двух-трёх недель.

И вот однажды Зельдович, ворвавшись в комнату молодых теоретиков Г.М. Гандельмана и В.Б. Адамского, находившуюся против его кабинета, радостно воскликнул: *„Надо делать не так, будем выпускать из шарового заряда излучение!“*. Уже через день или два в Москву в вычислительное бюро А.Н. Тихонова, которое обслуживало группу Сахарова, было послано задание для проведения расчёта на предмет выяснения, выходит ли излучение из атомного заряда и как это зависит от используемых материалов.

Решающим был вопрос (от него зависела реальность идеи!), не поглотит ли поверхность кожуха большую часть энергии, выпускаемой в виде излучения — ведь тогда оставшейся её части оказалось бы недостаточно для эффективного об-

жания заряда. Простыми изящными оценками А. Д. Сахаров показал, что хотя потери на поглощение стенками кожуха и велики, но они всё-таки не таковы, чтобы сделать невозможным сжатие основного заряда. Не менее серьёзным был вопрос о конкретном механизме использования энергии излучения для эффективного обжатия термоядерного узла. Важные предложения для решения этого вопроса были высказаны Ю. А. Трутневым. Все эти идеи проходили обстоятельную обкатку через многочисленные коллективные обсуждения.

Выяснение физических процессов, происходящих в новом заряде, потребовало решения многих интересных физических задач. Если на этапе создания атомного оружия основными научными направлениями являлись нейтронная физика и газодинамика (гидродинамика сжимаемой жидкости), то работа над термоядерным оружием существенно расширила круг физических дисциплин. Высокие температуры, при которых протекают термоядерные реакции, привели к возникновению и разработке специального раздела — физики высоких давлений и температур. Происходящие при этом процессы имеют аналогию, пожалуй, только в звёздах и изучаются в астрофизике.

Коллектив теоретиков с энтузиазмом и дружно включился в эту работу, действительно принявшую форму мозгового штурма. Всем хотелось приблизить время завершения работы и выйти на испытания. Работа потребовала создания ряда математических программ, которые стали фундаментом существующего сегодня арсенала наших вычислительных средств. Первые математические программы и расчёты по ним проводились в Институте прикладной математики в Москве. Математический отдел, существовавший у нас, выполнял тогда вспомогательные работы. Но в ходе работ над новым термоядерным зарядом в целях большей оперативности происходила постепенная переориентация на наш математический отдел. Он был значи-

тельно расширен и уже при расчётах по разработкам, проводившимся непосредственно после испытания первого термоядерного заряда, стал нашей основной математической базой, обеспечивавшей проведение расчётов, а затем и разработку математических методик.

Работа над зарядом не могла вестись равнодушно. Ничего бы не получилось. Её нельзя было вести на исполнительском уровне без полной самоотдачи со стороны каждого участника.

Естественным образом сложился коллектив физиков-теоретиков, погружившихся в эту работу. В то время во ВНИИЭФ формально существовали два теоретических отделения. Одно во главе с Сахаровым, другое во главе с Зельдовичем. Фактически к этому времени между двумя коллективами перегородок не существовало. Совместная захватывающая коллективная работа ещё более сблизила людей. Каждый нашёл свой участок работы и внёс вклад в общее дело, участвуя в обсуждении всей проблемы в целом. Я. Б. Зельдович в шутку назвал тот характер работы, который имел место, методом „народной стройки“ (напомним, „народными стройками“ в то время назывались строительства оросительных каналов и других общественно значимых объектов, выполнявшихся в порядке штурма с участием большого количества людей).

Руководителями работ были определены Е. И. Забабахин, Я. Б. Зельдович, Ю. А. Романов, А. Д. Сахаров и Д. А. Франк-Каменецкий. Исполнителем работ стал коллектив, включавший как академиков, так и сотрудников, не имевших учёных степеней: Е. Н. Аврорин, В. Б. Адамский, В. А. Александров, Ю. Н. Бабаев, Б. Д. Бондаренко, Ю. С. Вахрамеев, Г. М. Гандельман, Г. А. Гончаров, Г. А. Дворовенко, Н. А. Дмитриев, Е. И. Забабахин, В. Г. Заграфов, Я. Б. Зельдович, В. Н. Климов, Г. Е. Клинишов, Б. Н. Козлов, Т. Д. Кузнецова, И. А. Курилов, Е. С. Павловский, Н. А. Попов, Е. М. Рабинович, В. И. Ритус, В. Н. Родигин, Ю. А. Ро-

манов, А. Д. Сахаров, Ю. А. Трутнев, В. П. Феодоритов, Л. П. Феоктистов, Д. А. Франк-Каменецкий, М. Д. Чуразов, М. П. Шумаев.

В своих „Воспоминаниях“ Андрей Дмитриевич Сахаров назвал идею использования атомного взрыва для обжатия термоядерного горючего (атомного обжатия) „третьей идеей“. Он отмечал: „По-видимому, к „третьей идее“ одновременно пришли несколько сотрудников наших теоретических отделов. Одним из них был я. Мне кажется, что я уже на ранней стадии понимал основные физические и математические аспекты „третьей идеи“. В силу этого, а также благодаря моему ранее приобретённому авторитету, моя роль в принятии и осуществлении „третьей идеи“, возможно, была одной из решающих. Но также, несомненно, очень велика была роль Зельдовича, Трутнева и некоторых других и, быть может, они понимали и предугадывали перспективы и трудности „третьей идеи“ не меньше, чем я. В то время нам (мне, во всяком случае) некогда было думать о вопросах приоритета, тем более, что это было бы „делёжкой шкуры неубитого медведя“, а задним числом восстановить все детали обсуждений невозможно, да и надо ли?...“.

К началу лета 1955 г. расчётно-теоретические работы были завершены, был выпущен отчёт. Но изготовление экспериментального заряда завершилось лишь к осени. Требования по производству были более высокие, чем раньше. Это относилось к высокой точности, даже прецизионности изготовления деталей и к особой чистоте некоторых материалов.

Этот экспериментальный термоядерный заряд, положивший начало новому направлению в развитии отечественных термоядерных зарядов, был успешно испытан 22 ноября 1955 г. При его испытании пришлось заменить часть термоядерного горючего на инертное вещество, чтобы снизить мощность ради безопасности самолёта и жилого городка, находившегося примерно в 70 км от места взрыва.

▲ Испытание бомбы

Можно, таким образом, выстроить цепочку узловых моментов в работе, завершившейся созданием и испытанием в ноябре 1955 г. двухступенчатого термоядерного заряда:

1. Работа над созданием и испытанием одноступенчатого термоядерного заряда („слойка“), 1953 год.

2. Работа над более мощным зарядом типа „слойка“. Неудовлетворённость такой конструкцией, 1953 год.

3. Прекращение работы над теоретическим изучением возможности стационарной детонации дейтерия в длинном цилиндре как бесперспективной („труба“), 1954 год.

4. Первые примитивные разработки термоядерного заряда, использующие для сжатия основного заряда энергию атомного взрыва.

5. Рождение идеи использовать для обжатия основного заряда не продукты взрыва, а излучение.

6. Работа над термоядерным зарядом в режиме мозгового штурма, завершившаяся успешным испытанием 22 ноября 1955 г. посредством сброса

с самолёта заряда, оформленного как авиационная бомба.

От успешной реализации идеи в этих испытаниях до создания серийных образцов был пройден нелёгкий путь конкретного конструирования в ходе соревнования двух институтов: в Арзамасе-16 и созданного в 1955 г. в Челябинске-70. Вскоре в Челябинске-70 была создана конструкция термоядерной бомбы, которую можно было ставить на вооружение. Её основными разработчиками были Е.И. Забабахин, Ю.А. Романов и Л.П. Феоктистов.

А несколько позднее Ю.Н. Бабаевым и Ю.А. Трутневым было внесено существенное усовершенствование в конструкцию водородного заряда, которое было успешно отработано в 1958 г. и предопределило современный облик отечественных водородных зарядов. Это достижение, по словам А.Д. Сахарова, *„явилось важнейшим изобретением, определившим весь дальнейший ход работы на объекте“*.

Совершенствование зарядов продолжалось, и уже более молодое поколение — ученики Якова Борисовича и Андрея Дмитриевича, теоретики, математики и экспериментаторы создали современное термоядерное оружие, где новые идеи и достижения рождались не менее драматично. Мы надеемся, что в последующих публикациях появятся дополнительные штрихи и, возможно, другие обстоятельства по истории создания первых советских термоядерных зарядов.

Разработка советского термоядерного оружия в результате самостоятельного научно-технического творчества А.Д. Сахарова, Я.Б. Зельдовича и возглавлявшегося ими коллектива, явилась, пожалуй, самой яркой страницей в истории советского атомного проекта. Обладание этим оружием как Советским Союзом, так и Соединёнными Штатами Америки сделало невозможной войну между сверхдержавами. ■

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ В БОЯХ НА КУБАНИ

К концу марта 1942 г. фронт на юге нашей страны, за исключением Кубани, стабилизировался. Гитлеровское командование надеялось поправить свое пошатнувшееся после разгрома немецких войск под Сталинградом положение и вынашивало новые планы наступления на советско-германском фронте. В их осуществлении особое место занимала группировка войск, оборонявшаяся на Таманском полуострове, перед которой стояла задача удерживать плацдарм для нового наступления на Кавказ и отвлечь на себя с западного направления как можно больше советских войск.

С целью срыва замысла противника Ставка ВГК поставила войскам Северо-Кавказского фронта задачу разгромить на Кубани вражескую группировку. В начале апреля 1943 г. наземная обстановка была очень сложной. Наши войска, встретив возросшее сопротивление противника, не смогли прорвать его обороны, созданной с использованием выгодной местности — приазовских плавней рек Кубань, Адагум и Вторая. Особенно сильно был укреплен участок фронта, проходивший по горной местности от побережья Черного моря в районе Новороссийска до станицы Крымская. Почти все

высоты и населенные пункты превращались в опорные пункты и узлы сопротивления. Наиболее упорное сопротивление враг оказывал на подступах к станице Крымская. Цепляясь за каждый промежуточный рубеж, он часто переходил в контратаки, поддерживаемые сильными ударами авиации.

17-я немецкая армия имела 16 дивизий. Войска Северо-Кавказского фронта в 1,5 раза превосходили врага по пехоте, танкам и несколько меньше по артиллерии.

Воздушная обстановка на Кубани характеризовалась повышенной активностью авиации сторон, уве-

личением размаха и напряженности борьбы за господство в воздухе. Ощущая недостаток в войсках, противник рассчитывал с помощью авиации сорвать наступление советских войск и уничтожить нашу десантную группу на Мысхако. В середине апреля на аэродромах Крыма и Тамани противник сосредоточил основные силы 4-го воздушного флота, имевшего 820 самолетов. Кроме того, для действий на Кубани он мог привлечь не менее 200 бомбардировщиков с аэродромов юга Украины.

Немецкая истребительная авиация была немногочисленной, но в своем составе имела отборные, наиболее боеспособные части, в том числе 3-ю истребительную эскадру «Удет», 51-ю истребительную эскадру «Мельдерс», а также группу летчиков асов. Все авиационные части противника полностью укомплектовывались самолетами Me-109 и FV-190 новой модификации.

В состав военно-воздушных сил Северо-Кавказского фронта в начале апреля входили 250 самолетов 4-й воздушной армии (командующий генерал Н. Ф. Науменко, заместитель по политической части генерал Ф. Ф. Веров, начальник штаба

генерал А. З. Устинов), 200 самолетов 5-й воздушной армии (командующий генерал С. К. Горюнов, заместитель по политчасти генерал А. П. Грубич, начальник штаба генерал С. П. Синяков), 70 самолетов авиагруппы Черноморского флота и группы в 60 самолетов авиации дальнего действия. Всего ВВС фронта имели около 600 самолетов. К 20 апреля из резерва Ставки ВГК в состав ВВС фронта были переброшены: в 4-ю воздушную армию — 2-й бомбардировочный авиационный корпус (командир генерал В. Л. Ушаков), 3-й истребительный авиационный корпус (командир генерал Е. Я. Савицкий), в 5-ю воздушную армию — 2-й смешанный авиационный корпус (командир генерал Н. Т. Еременко) и 282-я истребительная авиационная дивизия (командир полковник С. П. Данилов).

Усилена была и группировка авиации дальнего действия, возглавляемая заместителем командующего генералом Н. С. Скрипко. В дополнение к действовавшей здесь 50-й бомбардировочной авиационной дивизии в апреле прибыла 62-я дивизия. В мае они вошли в состав вновь сформированного 6-го авиационного корпуса (командир генерал Г. Н. Тупиков).

К 20 апреля в ВВС Северо-Кавказского фронта всего с выделенной авиацией Черноморского флота, группой авиации дальнего действия и приданными авиационными корпусами РКК имелось 900 боевых самолетов, из них во фронтовой авиации — 800 самолетов (истребителей — 370, штурмовиков — 170, бомбардировщиков дневных — 165 и ночных — 195). Это позволило ликвидировать невыгодное для нашей авиации соотношение в силах.

Однако, поскольку активные боевые действия авиации в связи с наступлением противника в районе Мысхако начались 17 апреля, первые три дня — до 20 апреля — воздушная обстановка была неблагоприятной для нашей авиации. Сосредоточение с обеих сторон больших сил авиации для действий в ограниченном районе указывало на то, что в воздухе предстоит упорная и напряженная борьба.

В целях обеспечения более надежного и централизованного управления авиацией двух воздушных армий в начале апреля был создан штаб ВВС Северо-Кавказского фронта. Командующим ВВС фронта был

▲ Фашистский стервятник

назначен генерал К. А. Вершинин. Общее руководство и координацию действий авиации Северо-Кавказского, Южного и Юго-Западного фронтов осуществлял представитель Ставки командующий ВВС Красной Армии маршал авиации А. А. Новиков.

Боеспособность ВВС фронта была высокой. В воздушных армиях имелось немало хорошо подготовленных авиационных частей. Качественное состояние самолетного парка, по сравнению с предыдущими операциями, заметно улучшилось. В бомбардировочной авиации удельный вес новых типов самолетов составлял 65%, в то время как в период зимнего наступления на Северном Кавказе он равнялся не более 25 — 30%. Истребительная авиация была почти полностью вооружена новыми самолетами Як-1, Як-7б, Ла-5. В составе воздушных армий имелось небольшое количество (около 11%) самолетов американского и английского производства: бомбарди-

ровщики Б-20 и Б-3, истребители «Аэрокобра» и «Спитфайр».

Условия базирования авиации сторон были различными. Весенняя распутица на Кубани и связанный с нею выход из строя большинства полевых аэродромов ограничивали действия нашей авиации, в то время как имевшиеся стационарные аэродромы в Крыму и на юге Украины обеспечивали противнику действия с высоким напряжением. Базирование нашей авиации из-за распутицы, а также вследствие сложности строительства аэродромов в районах Черноморского побережья было скученным. Грунтовые подъездные пути к аэродромам весной вышли из строя.

В общей оценке воздушной обстановки видно, что каждая сторона располагала значительной по составу авиационной группировкой. Мы имели преимущество в истребительной авиации. Однако противник располагал значительным превосходством в бомбардировщиках и существенными преимуществами в базировании и осуществлении маневра силами авиации.

Подготовка к операции началась в середине марта 1943 г. Командующий войсками Северо-Кавказского фронта решил нанести главный удар в направлении Крымская, Анапа, чтобы расцечь, а затем уничтожить по частям группировку противника и овладеть Таманским полуостровом. Основная задача в прорыве обороны противника возлагалась на 56-ю армию. Войскам 37-й армии предстояло разгромить противника в районе Киевская, Варениковская. В последующем планировалось обеим армиям развивать наступление к Керченскому проливу.

Военно-воздушным силам фронта ставились задачи: завоевать господство в воздухе, надежно прикрыть сухопутные войска, содействовать этим наступлению 56-й армии и упорной обороне наших десантных частей юго-западнее Новороссийска и вести воздушную разведку.

Штаб ВВС фронта разработал план авиационного наступления. Усилия авиации сосредоточивались

в направлении станица Крымская и Новороссийск. Предусматривалось при отсутствии активности противника в районе Мысхако привлечение всей авиации к поддержке войск 56-й армии.

Большое внимание уделялось организации взаимодействия между видами и родами авиации. Предусматривалась передача в оперативное подчинение командующему 4-й воздушной армией некоторых истребительных авиаполков 5-й воздушной армии. Взаимодействие фронтовой авиации с ВВС Черноморского флота планировалось осуществлять путем распределения районов и времени действий, а также передачей в оперативное подчинение некоторых истребительных подразделений 5-й воздушной армии командующему ВВС флота.

Для управления всей авиацией совместно с командным пунктом фронта в районе станицы Абинская был развернут вспомогательный пункт управления ВВС фронта, вспомогательные пункты управления 4-й и 5-й воздушных армий были выдвинуты к линии фронта. В стрелковые дивизии выделялись авиационные представители.

Для наведения истребителей и управления ими в воздушных боях у линии фронта были развернуты пять радиостанций, три из которых располагались в полосе наступления 56-й армии. Одна из них — главная радиостанция — находилась в 4 км от линии фронта и, по существу, являлась командным пунктом для управления всей истребительной авиацией 4-й воздушной армии.

В порядке подготовки к боевым действиям в апреле проводились дивизионные конференции летного состава по обобщению и изучению боевого опыта авиации в предшествующих операциях, где лучшие летчики делились своим опытом с молодым летным составом.

«Дело не обходилось без жарких споров, — вспоминает Главный маршал авиации К. А. Вершинин, — иногда тот или иной дискуссионный тактический прием подвергался проверке в воздухе,

▲ Боевые друзья поздравляют А.И. Покрышкина

но в конце концов выработывалось единое мнение. Мы приняли много полезных рекомендаций по вопросам, которые после обобщения были узаконены, и ими руководствовались во всех авиационных соединениях».

В те дни развернулась широкая популяризация опыта выдающихся мастеров воздушного боя: А. И. Покрышкина, братьев Д. Б. Глинка и Б. Б. Глинка, В. И. Фадеева, В. Г. Семенишина, Г. А. Речкалова и других. Командир эскадрильи капитан А. И. Покрышкин по праву занимал среди летчиков-героев первое место как новатор наиболее передовых приемов воздушного боя. В воздушные сражения на Кубани он вступил уже опытным, зрелым командиром и замечательным летчиком-истребителем, имевшим за плечами свыше 350 самолето-вылетов и около двух десятков сбитых вражеских самолетов, счет которых открылся уже на второй день войны, когда в бою

под Яссами он сразил первого фашистского стервятника. В небе Кубани Покрышкин одним из первых на личном примере показал все преимущества эшелонированного боевого порядка по высотам, как внутри группы истребителей, так и между группами.

16-й гвардейский истребительный авиационный полк (командир Герой Советского Союза подполковник Н. В. Исаев), в котором воспитывался будущий Герой Советского Союза летчик Покрышкин, по праву считался одним из лучших авиационных полков.

Заслуживает большого внимания работа командования и штаба 4-й воздушной армии по обобщению и доведению боевого опыта до летного состава. В течение марта — апреля всем авиационным частям были даны подробные указания о наиболее целесообразных тактических приемах и боевых порядках истребителей, об улучшении взаи-

модействия пар, сохранении преимуществ в высоте, максимальном использовании в воздушных боях вертикального маневра и о необходимости постоянно искать воздушного противника и навязывать ему бой.

Много внимания уделялось передаче боевого опыта летному составу авиационных корпусов, прибывающих из резерва Ставки ВГК. Проводились показательные воздушные бои и встречи молодых летчиков-истребителей с братьями Глинка, имевшими к тому времени на своем счету более 30 уничтоженных в боях самолетов. Из 216-й истребительной авиационной дивизии выделялась группа опытных летчиков, которая в течение пяти дней знакомила летный состав 3-го истребительного авиационного корпуса с особенностями действий истребителей на Кубани и произвела с ним, в качестве ведущих групп, несколько боевых вылетов. Для командиров авиационных дивизий и полков организовывались

выезды на главную радиостанцию наведения, где они имели возможность наблюдать за воздушными боями подчиненных им летчиков, вскрывать положительные и отрицательные стороны в их боевых действиях.

В системе партийно-политической работы важное место занимали короткие совещания, или, как их тогда называли, боевые летучки. В авиационных полках и соединениях периодически проводились доклады на темы: «Исправное оружие и хорошее его состояние обеспечивает успех воздушного боя», «Все силы на разгром врага» и другие. В эскадрильях проводились политинформации на тему «Герои сегодняшних боев», на аэродромах у самолетов, на КП, в землянках по 1 — 2 раза в день вывешивались боевые листки, в которых рассказывалось о подвигах летчиков и тружеников служб. Большое внимание уделялось пропаганде героических подвигов через армейскую и дивизионную печать. Все это сыграло очень важную роль в повышении боевого мастерства летчиков

и мобилизации всего личного состава на успешное выполнение задач, стоящих перед воздушной армией.

Плацдарм, занимавший наши войсками в районе Мысхако, доставлял противнику много неприятностей и отвлекал его значительные силы. Поэтому в середине апреля немецкое командование решило ликвидировать его, создав для этой цели так называемую группу Ветцеля, имевшую в своем составе свыше трех пехотных дивизий, усиленных танками и авиацией.

17 апреля после сильной артиллерийской и авиационной подготовки противник перешел в наступление при поддержке 450 бомбардировщиков и 200 истребителей. С нашей стороны в районе Мысхако могли действовать до 500 самолетов, в том числе до 100 бомбардировщиков. При этом основные аэродромы нашей авиации находились западнее и северо-восточнее Краснодара на удалении 150 — 200 км от района Мысхако, а маршрут полета самолетов 4-й воздушной армии проходил через отроги Главного Кавказского

хребта, часто закрытые в это время облачностью. Основные аэродромы авиации противника находились в равнинной части Таманского полуострова на расстоянии 50 — 100 км от Мысхако. Воспользовавшись благоприятными условиями, авиация противника группами по 30 — 40 самолетов начала бомбить боевые порядки наших войск и причалы в районе плацдарма. Оборонявшиеся на плацдарме советские войска оказались в тяжелом положении. С 17 по 19 апреля в районе Мысхако с переменным успехом проходили ожесточенные воздушные бои. Советские летчики наносили вражеской авиации значительные потери, снижая эффективность ее ударов, но воспрепятствовать этим ударам при ощущаемом недостатке сил еще не могли. При активной поддержке с воздуха десантная группа мужественно продолжала удерживать свои рубежи. Лишь ценой больших потерь 18 апреля немцам удалось прорвать передний край обороны и вклиниться в расположение наших войск на глубину до 1 км.

▲ Сбитый фашистский стервятник

Боевые действия авиации обеих сторон в районе Мысхако достигли наибольшего напряжения 20 апреля.

Подтянув резервы, противник изготовился для «генеральной» атаки, чтобы рассечь плацдарм на две изолированные части и затем уничтожить группу войск. С нашей стороны в этот день впервые была введена в бой часть сил прибывших авиационных корпусов РГК, что позволило в течение дня произвести два массированных удара по боевым порядкам пехоты и артиллерии противника перед фронтом десантной группы.

Боевые действия нашей авиации оказались в этот день весьма успешными и, по существу, предрешили провал вражеского наступления. Оценивая ее действия, командующий 18-й армией генерал К. Н. Леселидзе писал:

«Массированные удары нашей авиации по противнику, пытавшемуся уничтожить десантные части в районе Мысхако, сорвали

его планы. У личного состава десантной группы появилась уверенность в своих силах».

В последующие дни мощь ударов нашей авиации по врагу возрастала за счет продолжавшегося увеличения вводимых в действие сил трех авиационных корпусов РГК, что позволило изменить общее соотношение сил авиации в районе Мысхако в нашу пользу. В воздушной обстановке наступил перелом. Активность немецкой авиации заметно снизилась. В течение 21 — 22 апреля количество ее самолето-пролетов сократилось вдвое. Наша авиация продолжала еще более успешно бомбардировать и штурмовать войска противника перед фронтом 18-й армии в районе Новороссийска и Федотовки.

Советские летчики при выполнении боевых задач проявили в те дни образцы мужества и героизма. 21 апреля экипаж самолета Ил-2 805-го штурмового авиационного

полка в составе летчика младшего лейтенанта Н. В. Рыхлина и воздушного стрелка сержанта И. С. Ефремова в районе цели был атакован четырьмя истребителями. В неравном воздушном бою экипаж штурмовика сбил два вражеских истребителя. Будучи тяжело раненным, летчик Рыхлин благополучно возвратился и посадил поврежденный самолет на своем аэродроме. За проявленное мужество и отвагу в бою приказом командующего ВВС, находившегося на КП воздушной армии, младшему лейтенанту Н. В. Рыхлину было присвоено звание старший лейтенант, а сержанту Ефремову — младший лейтенант.

Встретив возросшее противодействие со стороны советской авиации, немецкие войска вынуждены были прекратить наступление и отойти в исходное положение, а их истребители перешли к оборонительным действиям. За восемь дней ожесточенных боев противник потерял 182

▲ Истребители

▲ Мессеры

самолета, а наша авиация вдвое меньше. Командующий войсками Северо-Кавказского фронта, оценивая действия нашей авиации в районе Мысхако, отмечал в своем приказе, что

«в результате происходивших в период с 20 по 22 апреля непрерывных воздушных боев авиация противника, понеся исключительно большие потери, вынуждена была уйти с поля боя. Господство в воздухе перешло в наши руки».

Большое значение в ослаблении активности авиации противника имели удары наших бомбардировщиков по его аэродромам во второй половине апреля. В течение ночи по одному аэродрому действовало в среднем 30 — 40 бомбардировщиков и выводилось из строя от 5 до 10 самолетов. Особенно успешны были удары авиации дальнего действия по крупным аэродромам Сарабуз и Саки в Крыму, где в общей сложности ими было уничтожено и повреждено более 100 немецких бомбардировщиков.

Данные контрольной разведки, а в последующем и показания пленных летчиков подтвердили, что в течение 17 — 29 апреля на аэро-

дромах уничтожено и повреждено около 260 самолетов. Противник был вынужден оттянуть в глубину свою авиацию с тех аэродромов, которые подвергались наиболее сильным ударам.

После срыва планов немцев в районе Мысхако наша авиация возобновила подготовку к боям в районе станицы Крымская. Экономия силы, истребители небольшими группами одновременно прикрывали группировку войск 56-й армии, а бомбардировщики ночью наносили удары по вражеским аэродромам. В это же время были проведены организационные мероприятия: управление 5-й воздушной армии 24 апреля убыло в район Курской дуги в состав Степного фронта, передав свои авиационные соединения 4-й воздушной армии.

После трехдневного затишья в просторах Кубани вновь возникли крупные воздушные бои. С утра 28 апреля немецкие бомбардировщики группами по 10 — 15 и более самолетов сбрасывали бомбы на наши войска, которые на следующий день должны были перейти в наступление в районе станицы Крымская. За день было отмечено

850 самолето-пролетов противника. Для отражения его налетов наши истребители совершили 310 самолето-вылетов и уничтожили 25 вражеских самолетов. С этого дня над станицей Крымская началось воздушное сражение, которое с небольшими перерывами продолжалось в течение многих дней.

ВВС Северо-Кавказского фронта с приданной авиацией резерва ВГК в соответствии с ранее разработанным планом авиационного наступления, который был утвержден представителями Ставки Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и маршалом авиации А. А. Новиковым, в ночь на 29 апреля приступили к проведению авиационной подготовки в полосе предстоящего наступления войск 56-й армии. В сумерках над расположением вражеских войск в районе Крымской появились две девятки бомбардировщиков. Зажигательными бомбами они создали несколько очагов пожаров, чтобы облегчить выход на цель остальным экипажам. С наступлением темноты бомбардировщики 4-й воздушной армии и авиации дальнего действия начали атаковать артиллерийские позиции противника.

▲ Бершанская Е. Д. к-р 46 гв. полка ночных бомбардировщиков

В первые два часа зенитная артиллерия врага пыталась заградительным огнем противодействовать нашим бомбардировщикам, но она подавлялась ими и прекращала стрельбу. Наши экипажи потерь не имели. В течение ночи они совершили 379 самолето-вылетов и сбросили 210 тонн бомб. Средняя бомбовая плотность составила почти 21 тонну на 1 кв. км. По наблюдениям экипажей и данным воздушной разведки отмечалось до 160 очагов пожара и 25 взрывов большой силы. Успешно действовали в эту ночь отважные летчицы 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиаполка (командир майор Е. Д. Бершанская). Его экипажи на самолетах По-2 нанесли эффективные удары по огневым средствам противника на северной окраине станицы Крымская.

В 7 часов 40 минут 29 апреля после артиллерийской подготовки 56-я армия перешла в наступление. Атаке войск предшествовала 40-ми-

▲ Жигуленко Е.А. к-р звена 46 гв.ап. 968 боевых вылетов

нутная авиационная подготовка, которая переросла затем в авиационную поддержку. В течение трех часов над полем боя действовало 144 бомбардировщика Пе-2, 82 штурмовика и 265 истребителей.

Противник, опираясь на очень выгодную для обороны пересеченную местность, сдерживал наступление наших войск. Несмотря на привлечение к авиационной подготовке и поддержке значительных сил нашей авиации, а также проведение мощной артподготовки, войска 56-й армии к исходу дня смогли вклиниться в оборону противника на отдельных участках всего на 1 — 2 км. За 29 апреля было произведено 1 308 самолето-вылетов, в 50 воздушных боях уничтожено 74 и огнем зенитной артиллерии сбито 7 вражеских самолетов. Со стороны противника было отмечено в 2 раза меньше самолето-пролетов, что свидетельствовало о переходе инициативы в воздухе в наши руки

непосредственно с первого дня операции.

В последующие дни напряжение борьбы в воздухе еще больше возросло. Воздушные бои длились часами. На сравнительно узком участке фронта (25 — 30 км) в день происходило до 40 воздушных боев, в ходе которых с обеих сторон одновременно участвовало 50 — 80 самолетов.

Наша авиация эффективно поддерживала наступление войск, сосредоточивая усилия на узком участке перед фронтом прорыва. 3 мая 18 групп бомбардировщиков Пе-2 2-го бомбардировочного авиационного корпуса, следуя одна за другой с интервалами 10 — 20 минут, подавили артиллерию на огневых позициях на западной окраине Верхнего Адагума и западной окраине Неберджаевской, чем обеспечили продвижение нашей пехоты и танков, прорвавших оборону противника южнее Крымской. Одновременно штурмовики 2-го смешанного авиационного

Крымская носила ярко выраженный наступательный характер. Удачно было организовано взаимодействие между родами авиации. Над полем боя обычно первыми появлялись 3 — 4 пары истребителей для выяснения воздушной обстановки и передачи информации о ней на главную радиостанцию наведения. За ними через 10 — 15 минут подходили более крупные группы истребителей, которые отгоняли патрулирующих вражеских истребителей или связывали их боем. Затем над целью появлялись группы бомбардировщиков и штурмовиков в сопровождении истребителей. Не встречая со стороны средств ПВО противника серьезного противодействия, они атаковывали цель с нескольких заходов. Такое взаимодействие почти исключало потери от истребителей противника даже при значительной насыщенности ими района боевых действий.

Бомбардировщики противника, пытавшиеся нанести удары по нашим войскам, встречали активное противодействие наших истребителей и вынуждены были сбрасывать бомбы с высот не ниже 3 000 — 5 000 м, как правило, с одного захода и в большинстве случаев неприцельно.

Несмотря на то что боевые действия на земле не получили ожидаемого развития, размах и ожесточенность борьбы в воздухе непрерывно нарастали. В целом воздушная обстановка в полосе наступления главных сил фронта сложилась для нас благоприятно. Добившись превосходства сил в воздухе, наша авиация вела не только активную борьбу с немецкой авиацией, но и продолжала уничтожать живую силу и артиллерию.

В борьбе с немецкой авиацией наши истребители действовали с большим мастерством. Их успеху способствовало также четко организованное управление по радио с земли.

29 апреля командир 216-й истребительной авиационной дивизии генерал А. В. Борман, находясь на командном пункте вблизи линии фрон-

корпуса обеспечили успешный ввод в прорыв танковой группы.

Боевые действия авиации в период наступления велись в тесном взаимодействии с сухопутными войсками. В течение четырех дней, когда осуществлялся прорыв первой полосы обороны, только бомбардировщики и штурмовики совершили 2 243 самолето-вылета. В течение 3 мая и в ночь на 4 мая войска 56-й армии очистили от противника станцию Крымская, а в последующие два дня с упорными боями продвинулись в его оборону на глубину до 10 км.

Авиация, оказав содействие сухопутным войскам в прорыве первой сильно укрепленной оборонительной полосы и удерживая господство в воздухе, с 4 мая перенесла свои усилия на уничтожение вражеских объектов в глубине, нанося удары днем и ночью по тылам и коммуникациям в районах Киевской, Молдавской, Нижней и Верхней Боканской и юго-западнее Неберджаевской, одновременно частью сил продолжала действовать по войскам на поле боя.

Тактика нашей авиации в период прорыва обороны в районе станции

та, получил сообщение о подходе 12 немецких истребителей. Над полем боя в этот момент находилась эскадрилья истребителей, возглавляемая капитаном А. И. Покрышкиным. Получив с радиостанции наведения информацию о воздушной обстановке и выполняя команды, подаваемые с КП, наши летчики заняли выгодное положение и дружно атаковали врага. В короткой схватке они уничтожили восемь немецких истребителей. Следовавшие за истребителями восемь бомбардировщиков также с помощью этой станции наведения были уничтожены подошедшей другой группой истребителей под командованием капитана Д. Б. Глинки.

Начиная с первого дня операции и затем в наиболее ответственные ее дни наша авиация совершала самолето-вылетов в 2 раза больше, чем авиация противника. Всего за период с 29 апреля по 10 мая 4-я воздушная армия, ВВС Черноморского флота и авиация дальнего действия произвели 12 тыс. самолето-вылетов, из них до 50% для удара по войскам и технике противника на поле боя. За это время наши летчики провели

285 воздушных боев и уничтожили 368 самолетов врага, т.е. более трети его первоначальной авиационной группировки.

Действуя массированно, авиация оказала эффективную поддержку войскам в прорыве сильно укрепленного оборонительного рубежа на пересеченной местности. От ее ударов противник понес большие потери. После освобождения станции Крымская было обнаружено много убитых и раненых немецких солдат, разбитая бомбардировщиками и штурмовиками боевая техника.

Однако по ряду причин, не зависящих от действий авиации, войска 56-й армии не смогли развить успех прорыва обороны противника и выйти в ее оперативную глубину. Одной из причин этого явились медлительность действий частей первого эшелона наступавших войск и несколько запоздалый ввод в бой второго эшелона. Войска, прорвав первую полосу обороны и овладев основным узлом сопротивления противника станцией Крымская, продвинулись лишь на глубину до 10 км. Встретив упорное сопротивление

врага на основном оборонительном рубеже Голубой линии, они дальше продвижения не имели.

После окончания боев в районе станции Крымская произошли некоторые организационные изменения в структуре управления ВВС фронта. Поскольку в составе фронта осталась только одна воздушная армия, необходимость в штабе ВВС фронта отпала. Он был упразднен, а командующий ВВС фронта генерал К. А. Вершинин вступил в командование 4-й воздушной армией. Ранее командовавший этой армией генерал Н. Ф. Науменко получил новое назначение.

После освобождения станции Крымская началась подготовка авиации к новой наступательной операции.

В подготовительный период к новой операции бомбардировочная авиация систематически действовала по аэродромам противника на Таманском полуострове и в Крыму. С 11 по 26 мая авиация дальнего действия произвела 152 самолето-вылета по аэродромам противника в Крыму. Авиация и корабли Черноморского флота неоднократно наносили удары

▲ Меклин Н.Ф. летчик 46 гв.ап. 980 боевых вылетов

▲ Никулина Е.А. к-р эскадрильи 46 гв. ап 1004 боевых вылета

▲ ИЛ-2

по аэродрому Анапа. Все это ослабляло вражескую авиацию.

В новой наступательной операции войскам фронта предстояло прорвать оборонительный рубеж Голубая линия, разгромить группировку противника и освободить Таманский полуостров. Главный удар предстояло нанести войсками 37-й армии севернее станицы Крымская. С юга их левый фланг прикрывала 56-я армия.

Авиация противника на Кубани в прошедших боях была ослаблена, однако с учетом поступившего пополнения она имела к 25 мая 700 самолетов. 4-я воздушная армия располагала 924 самолетами.

Утром 26 мая войска фронта после 40-минутной авиационной подготовки перешли в наступление. За несколько минут до этого штурмовики поставили дымовую завесу на участке прорыва обороны. Авиационная подготовка носила характер массированного удара, в котором участвовало 338 самолетов, в том числе 84 бомбардировщика, 104 штурмовика и 150 истребителей. Удар был нанесен исключительно организованно и без потерь.

В результате эффективной артиллерийской и авиационной подго-

товки наши войска за первые шесть часов боя продвинулись на участке прорыва на глубину 3 — 5 км, захватив первую и вторую позиции. Успешными действиями они создали предпосылки для быстрого завершения прорыва главной полосы обороны и дальнейшего развития успеха.

Чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению наших войск, немецкое командование решило сосредоточить над полем боя всю свою авиацию. На исходе дня противнику удалось нанести в течение 20 минут удар с участием в нем до 600 бомбардировщиков.

Противник дополнительно привлек бомбардировщики с аэродромов юга Украины. В результате этого ему удалось сосредоточить для действий против войск Северо-Кавказского фронта до 1 400 самолетов. Имея более чем полуторное превосходство в силах, немецкая авиация временно захватила инициативу в воздухе, хотя и несла при этом большие потери. В отдельные дни с ее стороны производилось до 1 500 — 1 700 самолето-пролетов, что в 2 раза превосходило количество самолето-вылетов 4-й воздушной армии.

Летчики-истребители героически вели борьбу с вражеской авиацией. Они препятствовали ее прицельному бомбометанию и не допускали многие группы к нашим войскам. Однако полностью сорвать действия противника не удалось. Для успешного решения этой задачи не хватило сил истребителей и зенитной артиллерии.

В воздухе и на земле для нас создавалась сложная обстановка. Наступление и особенно маневр наших войск на поле боя в дневное время затруднялись непрерывными атаками авиации противника. В связи с этим командующим войсками фронта было принято решение продолжать наступательные действия короткими ударами только в предвечернее время и на рассвете.

В первый день операции выявились также некоторые недостатки в действиях наших истребителей по отражению массированных налетов вражеской авиации. Нередко они ввязывались в бой с истребителями противника и пропускали в наш тыл его бомбардировщики. Перехват бомбардировщиков часто осуществлялся не на подступах к прикрываемым объектам, а непосредственно

▲ Чечнева М.П. к-р эскадрильи 46 гв. ап 810 боевых вылетов

▲ Фадеев В.И.

над ними, а иногда даже после сбрасывания бомб.

В создавшихся условиях от командования ВВС требовалось большое искусство, чтобы быстро устранить указанные недостатки и наметить пути изменения воздушной обстановки имевшимися силами в нашу пользу. Были приняты соответствующие меры. Силы истребительной авиации направлялись для уничтожения бомбардировщиков еще до подхода их к линии фронта. Максимально сокращалось количество истребителей, выделяемых для непосредственного сопровождения других родов авиации. Шире стал применяться метод патрулирования групп истребителей в районах действий бомбардировщиков и штурмовиков. Это позволило увеличить количество истребителей над полем боя, теми же силами надежнее прикрыть ударную группировку войск и успешно отражать массированные налеты авиации противника. Появилась возможность выделять истре-

бителей «охотников» для перехвата и уничтожения бомбардировщиков на подступах к линии фронта. Во избежание потерь при сокращении числа сопровождающих истребителей штурмовики и бомбардировщики стали действовать группами не менее 50 — 60 самолетов.

Увеличилась ответственность экипажей бомбардировщиков и штурмовиков за свою самооборону. Штурмовикам рекомендовалось оставлять до 15% боекомплекта на случай отражения атак истребителей противника. Для повышения обороноспособности групп бомбардировщиков и штурмовиков в авиационных частях отрабатывалось наиболее эффективное огневое взаимодействие, вводилось эшелонирование боевых порядков по высоте, позволявшее вести залповый огонь по атакующим истребителям.

Результаты принятых мер не замедлили сказаться. 2 июня девятка бомбардировщиков Пе-2 125-го гвардейского бомбардировочного

авиационного полка, пилотируемых летчицами во главе с командиром эскадрильи капитаном Е. Д. Тимофеевой, в момент сбрасывания бомб в районе Киевской подверглась атаке восьми вражеских истребителей. Шестерка наших истребителей, сопровождавшая бомбардировщики, в это время попала в облачность и оторвалась от них. В создавшейся сложной обстановке экипажи женщин проявили высокое мужество и самообладание. Не нарушая боевого порядка, они встретили атаки истребителей мощным сосредоточенным огнем бортового оружия, умело сочетая его с правильным маневром в строю. В ходе боя они сбили четыре истребителя и без потерь выполнили боевую задачу.

Чтобы ослабить активность авиации противника, были усилены ночные удары по аэродромам. За период с 25 мая по 7 июня по аэродромам было произведено 845 самолето-вылетов, или почти 50% всех самолето-вылетов, затраченных

на решение этой задачи за весь период боев на Кубани.

Принятые меры позволили нашей авиации в сравнительно короткий срок вернуть инициативу в воздухе. Уже в первых числах июня обозначился спад активности авиации противника. Советские истребители вновь стали хозяевами кубанского неба. Штурмовики и бомбардировщики, действуя крупными группами, продолжали выполнять свои задачи при незначительном противодействии со стороны немецких истребителей.

За период операции летчики 4-й воздушной армии совершили 10 250 самолето-вылетов, в 364 воздушных боях уничтожили 315 вражеских самолетов. Наши потери оказались в 2 с лишним раза меньшими. Лишившись значительного количества самолетов в завершающем этапе воздушного сражения на Кубани и встретив все возрастающее противодействие, противник прекратил массированные удары по нашим войскам.

Однако наступательная операция 37-й и 56-й армий успеха не получила, и одной из причин этого явилась временная утрата нашей авиацией господства в воздухе. Наряду с этим существенными причинами неуспешных действий войск являлись: упорное сопротивление противника на выгодном и заранее подготовленном оборонительном рубеже Голубой линии, недостатки в боевой подготовке войск и в ведении наземной разведки, отсутствие в ударных группировках армий вторых эшелонов.

* * *

Подводя итоги действиям авиации на Кубани, Военный совет Северо-Кавказского фронта в своем приказе от 21 июня 1943 г. отмечал:

«В результате воздушных сражений победа бесспорно осталась на нашей стороне. Противник не добился своей цели. Наша авиация не только успешно противодействовала врагу, но одновременно вынудила немцев пре-

кратить воздушные бои и убрать свою авиацию».

Воздушные сражения на Кубани, в которых советская авиация значительно подорвала воздушную мощь врага, сыграли положительную роль в общей борьбе за господство в воздухе на советско-германском фронте. За период с 17 апреля по 7 июня советская авиация произвела около 35 тыс. самолето-вылетов, из них: 77% — фронтовая авиация, 9% — авиация дальнего действия и 14% — авиация Черноморского флота. Противник потерял 1 100 самолетов, в том числе более 800 уничтожены в воздушных боях.

Боевые действия авиации на Кубани оказали положительное влияние на дальнейшее развитие оперативного искусства ВВС и тактики родов авиации. Получила развитие и дальнейшее совершенствование тактика всех родов авиации, и особенно истребительной. Основным маневром в воздушном бою стал вертикальный. Этому во многом

способствовало поступление на вооружение новых скоростных истребителей и смелое применение расчлененных по фронту и в глубину боевых порядков, в основе которых была пара самолетов.

Штурмовая авиация применялась в тесном взаимодействии с сухопутными войсками. Удары наносились группами, насчитывавшими 50 — 60 самолетов каждая. Это позволяло надежно подавлять оборону противника и наиболее важные группировки его войск. Новым в тактике бомбардировочной авиации явился переход к нанесению сосредоточенных ударов крупными группами, до авиационного корпуса включительно.

Опыт боевых действий авиации на Кубани показал, что борьба за господство в воздухе может быть успешной лишь в том случае, если она не замыкается в масштабе фронта, а ведется несколькими воздушными армиями и охватывает обширную территорию, когда противник лиша-

ется возможности маневрировать силами авиации.

Эффективность действий авиации во многом зависела и от того, что управление экипажами в воздухе осуществлялось с помощью наземных радиостанций, развернутых вблизи командных (наблюдательных) пунктов общевойсковых командиров.

В действиях авиации на Кубани были и свои недостатки. Так, командование и штабы некоторых авиационных соединений и частей оказались не в полной мере подготовленными для управления боевыми действиями истребительных авиационных соединений и частей при отражении массированных налетов авиации противника. В первый период воздушных сражений основные усилия нашей истребительной авиации часто сосредоточивались на уничтожении в воздухе истребителей, а не бомбардировщиков противника. К чести авиационных командиров и летчиков, следует ска-

зать, что они быстро подмечали эти недостатки и в дальнейшем их уже не повторяли.

Подводя итоги действиям авиации на Кубани, командующий ВВС Красной Армии в своей директиве от 7 июля 1943 г. указывал, что за истекший период советские ВВС в значительной степени выросли и окрепли. Части ВВС стали действовать более умело и целеустремленно, с привлечением основных сил для решения важнейших боевых задач, диктуемых обстановкой. В ожесточенных воздушных боях на Кубани наша авиация нанесла противнику тяжелые потери и сумела завоевать господство в воздухе.

Воздушные сражения на Кубани по своему масштабу, массовости и достигнутому результату вышли далеко за рамки операций Северо-Кавказского фронта. Они явились школой боевого мастерства для советских Военно-воздушных сил. ■

▲ Пе-2

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ

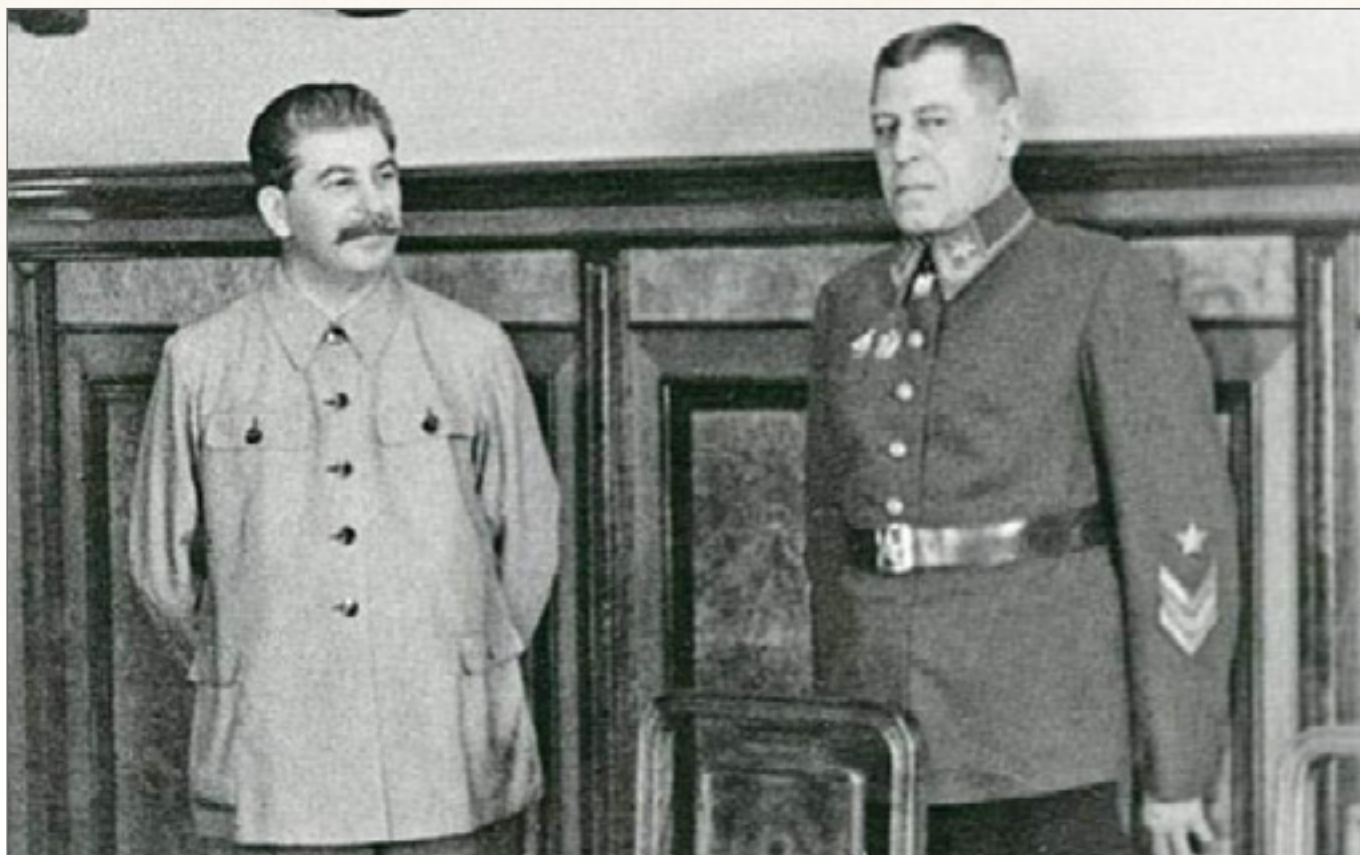
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Б.М. ШАПОШНИКОВ

Нам суждено было долго работать вместе. Я уже писал в своих воспоминаниях, что немногие люди оказали на меня такое сильное влияние и дали мне так много, как он. Но не только это побуждает меня вновь взяться за перо. Имя этого необыкновенного человека неразрывно связано с героической историей наших Вооруженных Сил, строительству которых он отдал двадцать семь лет жизни. Талантливый военный теоретик и публицист, ученый исключительной эрудиции, чьи глубокие обобщения в области

военной стратегии и оперативного искусства пользовались известностью не только в Советском Союзе, но и за рубежом, он поднялся до вершин полководческой деятельности в период суровых для нашей Родины испытаний. И эта жизнь его, и эта деятельность, и военно-теоретическое наследие — яркие страницы советской военной истории. Они учат идущие на смену ветеранам поколения советских людей верности своей Отчизне, делу Коммунистической партии, самоотверженности в служении народу. Вот почему я по-

читаю неперенным долгом своим рассказать о нем на страницах этой книги.

Отдельные эпизоды из раннего периода его жизни я не буду пытаться излагать своими словами, то есть так, как сохранились они в моей памяти по рассказам, которые в разное время я слышал из его уст. Мне кажется более оправданным в подобных случаях воспользоваться словами самого Бориса Михайловича. В последние годы жизни, будучи уже больным, Шапошников начал писать мемуары. К великому сожалению, завершить

▲ Сталин и Шапошников

их ему не удалось. Оставленная им рукопись (одиннадцать тетрадей) имеет общее название «Пройденный путь». Она охватывает детские и юношеские годы и военную службу с 1901 года до участия в маневренных операциях первой мировой войны включительно. Незадолго до своей кончины автор сделал на первой тетради надпись: «Публикуется через 20 лет после моей смерти». Рукопись подготовлена к печати генерал-лейтенантом-инженером И. Б. Шапошниковым, сыном маршала, и вошла в книгу произведений Б. М. Шапошникова, выпущенную в свет Военным издательством в 1974 году. Я считаю целесообразным воспроизвести отдельные отрывки из воспоминаний Бориса Михайловича, потому что они мало известны широкому читателю. А главное заключается в том, что эти отрывки наиболее точно отражают важные моменты биографии Шапошникова и его собственную оценку событий. Манера его письма, лаконичность и живость изложения, полагаю, позволят читателям отчетливее представить себе образ человека, которому посвящен мой рассказ, глубину его мыслей.

Великая Октябрьская социалистическая революция как бы подвела итог первой половине жизни Бориса Михайловича. В то время за его плечами остались тридцать пять уже прожитых лет, он вступил в пору зрелости и большим трудом многого достиг. Как же отнесся он к тому, что принес Октябрь в жизнь его страны и в его личную жизнь?

Как говорил мне Борис Михайлович, когда к ним в полк пришла весть о свержении власти Временного правительства, он не испытывал колебаний в решении для себя вопроса, с кем идти дальше. Победу Октябрьской революции воспринял как закономерное явление. И когда на заседании солдатского комитета его спросили, как относится он к происходящим в стране событиям, признает ли Советскую власть, ответил твердо: признаю и готов служить дальше.

Уже тот факт, что Шапошникову был задан такой вопрос, говорит

▲ Полковник Шапошников Б.М.

о многом. В стране тогда происходило бурное размежевание классовых сил, связанное с начавшейся гражданской войной. В подавляющем своем большинстве офицерство старой армии России, представлявшее, как правило, привилегированные классы, устраненные от власти Великим Октябрем, оказывалось по ту сторону баррикад. Солдаты обычно хорошо знали, кто из их командиров чем дышит, и с контрреволюционно настроенными на подобные темы не беседовали, а просто выносили решение об отстранении таких от должности и изгнании из части. А вот Шапошников члены солдатского комитета нашли нужным спросить об этом. Хотя он был в то время не простым офицером, а полковни-

ком Генерального штаба, командиром Мингрельского кавалерийского полка, иначе говоря, относился к высокопоставленной части офицерства старой армии.

Шапошников решительно пошел навстречу требованиям солдатских комитетов сместить в своем полку нескольких черносотенцев из числа офицеров и унтер-офицеров, пресек попытки выступлений анархистующих элементов, сумел сохранить полк как боевую единицу... Предшествующий жизненный путь Бориса Михайловича, как мы увидим далее, неизбежно вел его к тому шагу, который безоговорочно был сделан в бурные дни 1917 года. Он превыше всего считал для себя службу Отечеству и потому пошел вместе со своим народом.

В декабре 1917 года состоялся съезд военно-революционных комитетов Кавказской гренадерской дивизии. К этому времени все комитеты и командные инстанции от главнокомандующих армий до командиров полков уже были ознакомлены с проектом декрета Совета Народных Комиссаров, который назывался Положением о демократизации армии. Вся власть в армии согласно положению вручалась солдатским комитетам, вводилась выборность командного состава, упразднялись офицерские чины, звания, ордена и погоны. Это был важный шаг, направленный на то, чтобы сломать старую армию, расчистив путь к созданию новой. Выразив недоверие прежнему начальнику Кавказской гренадерской дивизии, съезд солдатских комитетов обсудил вопрос о новом начальнике. Делегаты назвали фамилию Шапошников. И он был избран на эту должность. Однако служба его совсем неожиданно прекратилась, едва начавшись. Пробыв начальником Кавказской гренадерской дивизии всего какой-

то месяц, он вдруг тяжело заболел, почти два месяца пролежал в госпитале, а затем был уволен из армии в «бессрочный отпуск» по состоянию здоровья.

Так оказался весной 1918 года Шапошников в Казани. В тридцать пять лет, шестнадцать из которых были отданы военной службе, пришлось думать, как устроить жизнь дальше. Стал работать секретарем в народном суде. Но мысль, что он остался вне армии именно в то время, когда имевшийся у него военный опыт и знания могли особенно пригодиться, не оставляла ни на минуту. Неужели перенесенная болезнь стала непреодолимым препятствием для возвращения к военной службе?

Конец сомнениям положило опубликованное весной 1918 года обращение Советского правительства к бывшим офицерам с предложением вступать в Красную Армию для защиты Отечества и революции. Твердо решив, как он сам потом писал, что «преданная и неустанная служба делу пролетарской революции есть лучшая жизненная дорога»,

Шапошников обратился в штаб вновь учрежденного Приволжского военного округа с просьбой о зачислении его в ряды Красной Армии.

Письмо, с которым он адресовался к начальнику штаба округа Н.В. Пневскому, бывшему генерал-майору, весьма примечательно. Долгое время этот документ хранился в фондах Центрального государственного архива Советской Армии. «Военно-исторический журнал» сделал полезное дело, впервые опубликовав его на своих страницах в июньском номере за 1967 год. Я считаю необходимым полностью воспроизвести текст этого письма. Вот что писал Борис Михайлович 23 апреля 1918 года, обращаясь к Н.В. Пневскому: *«Господин генерал!*

Прочитав в газетах об учреждении военного округа и о Вашем назначении начальником штаба Приволжского военного округа, я решил обратиться к Вам с этим письмом.

Как бывший полковник Генерального штаба, я живо интересуюсь вопросом о создании новой армии, и как специалист, желал бы прине-

▲ Менгрельский гренадерский полк

сти посильную помощь в этом серьезном деле.

Сожалея, что предыдущая моя служба не дала мне возможности лично быть Вам известным, я позволю себе привести некоторые данные о ней.

Произведенный в 1903 году в офицеры из Московского военного училища, я в 1910 году окончил академию, а затем, откомандовав два года ротой, начал в 1912 году службу Генерального штаба в должности адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии. Пробыв шесть месяцев войны в этой же должности, я последовательно занимал должности помощника старшего адъютанта штаба 12-й армии, и. д. штаб-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера штаба Северо-Западного фронта и с ноября 1915 года получил сначала штаб отдельной казачьей бригады, а затем и штаб 2-й Туркестанской казачьей дивизии. Пробыв в этой должности около двух лет, я в конце сентября 1917 года был назначен командиром 16-го гренадерского Мингрельского полка, а в начале декабря того же года был выбран на должность начальника Кавказской гренадерской дивизии, на какой находился до 16 января 1918 года, а затем по болезненному состоянию был эвакуирован и с 16 марта с. г. по демобилизации уволен в бессрочный отпуск.

Будучи уроженцем Урала, я бы хотел начать свою службу в этом районе, а потому позволю себе просить Вас о ходатайстве в назначении меня на службу в Приволжский военный округ. Как бывший офицер Генерального штаба, я бы желал получить должность Генерального штаба во вверенном Вам штабе или же в штабе войсковых соединений округа по Вашему усмотрению. Как начавший уже и строевой ценз по командованию полком, я мог бы занять и строевую должность, но должность Генерального штаба была бы для меня предпочтительней.

Если с Вашей стороны последует согласие, то прошение с приложением копии послужного списка

▲ Поручик Шапошников

и копии боевой аттестации и постановления совета дивизии о моей эвакуации мною будет немедленно представлено по указанному Вами адресу.

Глубоко сожалея, что неизвестен Вам лично, и хорошо понимая, что в таком серьезном деле, как формирование новой армии, требуются помощники, известные своей службой, я, однако, рискую просить Вас о предоставлении мне должности, имея в виду, что сведения о моей предыдущей службе могут Вам дать необходимые обо мне данные.

Прошу не отказать в распоряжении уведомить меня о результатах по адресу: г. Казань, Черноозерская улица, номера Бакарцева.

Уважающий Вас
Борис Шапошников».

Письмо это заслуживает внимания читателя по нескольким соображениям. Прежде всего его автор, выражая готовность служить в новой армии, сообщает сведения о себе, которые считает наиболее существенными в данном случае. Из фактов, относящихся к предшествующему ходу его службы, нетрудно убедиться, что перед нами зрелый, обладающий солидными познаниями военной службы и боевым опытом специалист. При всем этом тон письма безупречно корректен. Хотя автор отчетливо представляет, что от впечатления, которое это письмо произведет на адресата, целиком зависит последующее решение его судьбы, он излагает только сведения о своей предыдущей службе, не считая возможным ком-

ментировать их так, чтобы произвести наиболее благоприятное о себе впечатление. Уже самое обращение к адресату со словами «Господин генерал» в то горячее время, когда особенно остро воспринималось все старорежимное, могло быть истолковано не в пользу Шапошникова. Однако и в этом случае Борис Михайлович остался самим собой. Величать Пневского по имени-отчеству, с его точки зрения, я убежден в этом, было бы слишком фамильярным, так как Шапошников не был с ним лично знаком. Употребить же новое в официальном обиходе слово «товарищ», как мне думается, не мог по той причине, что полагал обязательным для себя сначала заслужить право на такое обращение. Борис Михайлович на протяжении всей своей жизни был человеком предельно щепетильным в большом и малом, тем более в оценке самого себя...

Через три дня после отправления приведенного выше письма начальник штаба Приволжского округа Н.В. Пневский принял решение: «Прошу сообщить Шапошникову о согласии». С этого времени начался новый период в жизни Бориса Михайловича, о котором сам он скажет

позднее: «Я с 1918 года всегда работал под руководством партии и по ее заданиям».

Мне кажется уместным теперь несколько подробнее познакомить читателей с дооктябрьским периодом жизни Бориса Михайловича, чтобы отчетливее можно было понять закономерность пройденного им жизненного пути. Его биография, кстати, как и моя собственная, во многом схожи. И не столько тем, что в каких-то моментах наши пути сходились при определенных конкретных обстоятельствах, но прежде всего тем, что та и другая типичны. В них, как в капле воды, отразились судьбы многих и многих людей поколения, жизнь и образ мыслей которого в корне изменила Октябрьская революция. Рассказывая эпизоды из своей жизни, Борис Михайлович очень часто подчеркивал именно это обстоятельство.

Родился Шапошников 20 сентября (2 октября нового стиля) 1882 года в уездном городе Златоусте Уральской губернии в семье интеллигентов-разночинцев. Дед его по отцу, происходивший из донских казаков, в середине прошлого века выписался из казачества и переехал на жительство в город Саранск. Там

и начинал службу писцом отец Бориса Михайловича — Михаил Петрович. Он служил по частному найму вплоть до 1912 года, когда вышел в отставку и в том же году умер. Мать Пелагея Кузьминична работала учительницей, но впоследствии всецело должна была заниматься хозяйством многодетной семьи.

Свои первые сознательные впечатления в жизни Борис Михайлович относит к периоду пребывания в Златоусте. Во времена его детства это был обычный для России уездный городок с семнадцатью тысячами населения и двумя казенными оружейными заводами. Рабочие Златоуста, как, впрочем, и других уральских заводов, являлись полупролетариями: работая на заводе, они одновременно вели и небольшое крестьянское хозяйство, занимались кустарным промыслом, изготавливая ножи, вилки, другие предметы домашнего обихода. Не было в Златоусте ни одного среднего учебного заведения. Только в 1890 году открыли в нем первое ремесленное училище. Вот в этом городке и прошло детство Шапошникова, проживавшего в семье своей бабушки по матери и сестры матери — Людмилы Кузьминичны Ледомской. Там он получил начальное образование. Там имел возможность близко наблюдать жизнь людей труда.

Родители Шапошникова по роду работы его отца жили на заводе в сорока километрах к западу от Златоуста. У них он появлялся только во время каникул. Однако и эти кратковременные наезды оставили у него яркие впечатления. Ему хорошо запомнились бедные башкирские деревни вокруг завода, башкирский национальный праздник, на который брал его иногда с собой отец, приглашаемый крестьянами окрестных деревень. Праздник ярко запечатлелся в памяти мальчика национальной борьбой, скачками, танцами. Общение с местными крестьянами и их детьми позволило ему немного усвоить башкирский язык. Знание этого языка принесло ему немалую пользу впоследствии, когда он нес воинскую службу в Туркестане. За-

▲ Дом семьи Шапошниковых

помнились дни, которые проводил во время каникул у родителей, еще и тем, что имел возможность тесно общаться с богатейшей природой этого края.

- Смешанный лес, всхолмленная местность, речки Ай и Арша, — любил рассказывать Борис Михайлович, — украшали пейзаж и создавали в этом районе здоровый климат. Приезжая летом домой на каникулы, я со своим братом и сестрой проводил здесь в играх целый день на воздухе. Собиралось много детей, живших поблизости. В сопровождении старших мы ходили в лес за грибами, ягодами. Их в лесу было в изобилии. Нравилось нам кататься на лодках... Когда наступали вечера, мы увлекались еще одним занятием — отводили лошадей в ночное. Нам удавалось проехать верхом, а обратно два-три километра шли пешком.

Любовь к родному краю Борис Михайлович пронес через всю свою жизнь. Он с гордостью называл себя уроженцем Урала и написал о нем,

о людях этого края спустя много лет проникновенные слова:

«Таинственный, величавый в своем спокойствии Южный Урал, составлявший часть так называемой кондовой Руси, является моей родиной. Уверенный в себе, крепкий, привычный к перенесению невзгод, трудолюбивый и смотрящий прямо в глаза опасностям, свято оберегающий старинные обычаи — таков облик тогдашнего жителя Урала, Многие из этих черт, сохранившись до сих пор, славят уральцев, входивших в коренное ядро русского населения необъятной России».

И еще одно свойство вынес Борис Михайлович из своего детства на всю жизнь — любовь к чтению, к книгам.

- Когда мой дядя, Владимир Кузьмич, — вспоминал Б. М. Шапошников, уезжал в город Курган, то предоставил мне отдельную комнату и библиотеку, в которой преобладали книги русских классиков. Книжки я читал запоем. С трудом можно было отправить меня во двор или

на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, — не мог расстаться с интересной книгой...

Летом 1898 года кончилось беззаботное детство и началась серьезная учеба Шапошникова в промышленном училище города Красноуфимска. От Петропавловского винокуренного завода, где жили родители Шапошникова, до Красноуфимска было свыше 200 километров. Ближе было до Уфы, где находилась мужская гимназия. Почему же отец выбрал именно Красноуфимское училище для образования своего сына? В силу простого житейского расчета. Он знал, что плата за учение в Уфимской гимназии не превышала 70 рублей в год, а в Красноуфимском училище была только 15 рублей. К тому же содержание на квартире в Красноуфимске стоило, конечно, дешевле, чем в Уфе.

Семье Шапошниковых приходилось строго планировать свои доходы и расходы. Хотя, как вспоминает Борис Михайлович, его отцу на протяжении двадцатипятилетней службы

▲ Мемориальная доска на доме родителей Шапошникова

и приходилось трудиться по 18 часов в день, в награду за свою многолетнюю службу у купца Злоказова он получил от последнего только семейный альбом на память. Честный, прямой и неподкупный характер отца не позволял ему какими-либо иными способами обеспечивать свое будущее. За долгие годы ему удалось скопить 3 тысячи рублей, израсходованных после ухода со службы на покупку в Златоусте небольшого дома, который и стал последним местом жительства родителей Бориса Михайловича.

Житейские соображения лежали в основе решения отца относительно Красноуфимского промышленного училища. Позднее те же соображения лежали и в основе выбора Борисом Шапошниковым военной профессии: обучение в военном училище было бесплатное. Чтобы не обременять расходами родителей, у которых было еще двое младших детей да четверо уже взрослых от первого брака отца. Сам он так говорил об этом:

- Мне приходилось не раз задумываться над вопросами: как бы облегчить родителям жизнь? Не раз приходила в голову мысль: «А не уйти ли на военную службу?» Среднее образование позволило бы поступить непосредственно в военное училище. О том, чтобы за счет родителей пять лет учиться в высшем техническом заведении, даже мечтать не приходилось. Поэтому я уже, пока про себя, твердо решил пойти по военной линии.

Весной 1900 года Борис Шапошников успешно завершил свое среднее образование. В середине июня он направил необходимые документы для поступления в Московское военное пехотное училище, добавив к ним еще и обязательную личную подпись: «Ни к каким тайным обществам не принадлежал и впредь принадлежать не буду».

Не одни лишь материальные соображения утвердили Шапошникова в его решении поступить в военное училище. В этой связи стоит вспомнить и другое его высказывание. «Моим тогдашним сотоварищам, —

писал он в воспоминаниях, — конечно, трудно было понять мое решение идти в военное училище. Дело в том, что я окончил реальное училище со средним баллом 4,3. С таким баллом обычно шли в высшие технические учебные заведения.

В военные же училища, по общему представлению, шла слабая по теоретической подготовке молодежь. На пороге XX века такое мнение о командном составе армии было довольно распространено. Поражение царской армии в русско-японской войне явилось жестоким, но хорошим уроком. Не будь русско-японской войны, царская армия была бы скорее и сильнее разбита германской армией».

По досадному случаю Шапошников не сумел поступить в училище в 1900 году: из-за болезни пропустил экзамены. Он возвратился к родителям в Белебей, поступил там на работу младшим делопроизводителем. А через год он вновь направил документы в Московское военное пехотное училище. На этот раз все прошло успешно, и он стал юнкером.

Мне довелось учиться в том же училище. Правда, происходило это много позже, в 1915 году, когда шла уже первая мировая война, поэтому мы проходили программу по ускоренному курсу, и пробыл я там всего четыре месяца.

Училище размещалось в Лефортове, в Красных казармах, старинном двухэтажном здании с толстыми стенами, мрачными, пропускавшими мало света окнами, с большим коридором посередине, с асфальтовыми полами. Напротив здания училища находился двухэтажный корпус, занятый под квартиры начальствующего состава. По красоте и удобству училище далеко уступало расположенному на Знаменке зданию Александровского военного училища. И не только по красоте здания, но и «по чину» в иерархии военных училищ царской России. Первым считалось Павловское в Петербурге, вторым Александровское в Москве и только третьим — Алексеевское. Созданное в 1864 году, оно

до 1906 года именовалось Московским военным пехотным училищем, затем по велению Николая II ему дали название Алексеевского в честь родившегося наследника престола. История училища характерна с точки зрения эволюции во взглядах царского правительства на подготовку командных кадров для армии.

Острый недостаток командного состава, обнаружившийся во время Крымской войны 1853-1856 годов, и слабый уровень его общеобразовательной и специальной подготовки привели к известным реформам, проведенным военным министром Д. А. Милютиним при Александре II: кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии с усилением общеобразовательной программы, а из специальных классов кадетских корпусов были созданы для пехоты три военных училища: Павловское и Константиновское (впоследствии оно преобразовано в артиллерийское) в Петербурге и Александровское в Москве.

Поскольку 400-600 молодых офицеров, выпускавшихся ежегодно из этих училищ, не могли покрыть потребности в командном составе пехоты, в стране в результате милютинской реформы было образовано еще 16 училищ для пехоты и конницы с трехлетним сроком обучения. В них принимались юноши не из кадетских корпусов, а те, кто окончил полный курс или не меньше четырех классов гимназии или реального училища, независимо от сословной принадлежности. Таким образом, Алексеевское пехотное училище заметно отличалось от Павловского и Александровского прежде всего методом комплектования. Если в эти два училища принимались только выходцы из дворян или по меньшей мере дети из богатых семей, то в Алексеевское, как и в другие юнкерские училища, царизм вынужден был открыть доступ детям других сословий. Иной оказывалась и судьба выпускников Алексеевского училища. Обычно их ожидала «военная лямка» в провинциальном захолустье. Но это не мешало «алексеевцам» гордиться своим военно-учебным заведением.

▲ Здание Алексеевского военного училища

Гордился им и Борис Михайлович. Говоря о неравных условиях, в которых находились военно-учебные заведения царской России, он писал: «Даже кадетские корпуса были в более благоустроенных зданиях, чем наше училище.

Но зато это имело и обратную сторону. Мы до некоторой степени гордились тем, что живем в «казармах», не так, как изнеженные дворянчики, что, по существу, приучило нас к будущей обстановке, когда пришлось уже быть в настоящей казарме.

В училище на основное отделение поступали юноши со всех концов России: окончившие классические гимназии, реальные училища, духовные семинарии, Гатчинский сиротский институт и т.д. Не было только окончивших кадетские корпуса. В 1902 году была сделана попытка направить и их в наше училище, так как в Павловском и Александровском училищах не хватало вакансий для окончивших кадетские корпуса. Однако по общеобразовательной подготовке бывшие кадеты оказались слабее нас, и учиться им было трудно, да и по строевой линии они оказались в хвосте. Через полгода

их перевели от нас сверхштатными в Павловское и Александровское училища, в свою среду, что устраивало их, да, по правде сказать, не обижало и нас».

Социальное расслоение, наблюдавшееся в общественной жизни России, неизбежно проникало, таким образом, и в армию, пока еще продолжавшую оставаться оплотом царизма. Но эти глубинные процессы подготавливали будущий взрыв. Внешне же все протекало благополучно, в строгом соответствии с порядками и традициями, которые господствующие классы в своих интересах вырабатывали на протяжении веков в русской армии.

Алексеевское училище в ту пору, когда учился в нем Шапошников, считалось одним из лучших. Оно давало своим питомцам не только специальную подготовку для командира взвода, но и способствовало их чисто военному и общему развитию. Программой, рассчитанной на два года, предусматривалось изучение тактики различных родов войск применительно к существовавшей тогда организации: общая тактика (на старшем курсе) с кратким понятием о стратегии; уставы; законоведение; военная

администрация; военная история, главным образом русская, от Петра I до русско-турецкой войны 1877—1878 годов, механика, физика и химия; русская словесность; иностранные языки французский и немецкий. По артиллерии и инженерному делу имелись хорошие кабинеты. Оценка успеваемости производилась по 12-балльной системе.

Вся жизнь в училище подчинялась строгому распорядку дня: подъем в 6.30 утра, в 7.30 построение на утренний осмотр, затем утренний час, с 8.30 до 14.00 занятия в учебных классах с большой переменой в 11 часов, во время которой давался горячий завтрак (обычно котлета с черным хлебом, кружка чаю и два куса сахара). С 14 до 16 часов проводились строевые занятия. С 16 до 17 часов обед (из двух блюд; по праздничным дням и один раз среди недели давалось сладкое), после чего разрешался полуторачасовой отдых. С 18.30 до 20.00 — самостоятельная подготовка в классе уроков на следующий день. В 20 часов был вечерний чай (кружка чаю с белым хлебом), затем вечерняя перекличка и молитва. С 21.00 до 22.30 юнкера находились в своих поме-

щениях или в читальне. В это время разрешалось заниматься и в классе. В 22.45 отбой.

Все юнкера были на полном содержании военного ведомства, но никакого жалования не получали. При переходе из младшего класса в старший держали экзамены, а затем выпускные экзамены при окончании старшего класса.

Борис Шапошников воспринимал как необходимость этот жесткий распорядок дня, строгую дисциплину, насыщенность каждого дня занятиями. Учился он легко и к концу первого года имел переводной балл 11,6, занимая первое место по списку юнкеров младшего класса. Выделялся он и в занятиях по строевой подготовке.

Вспоминая о своей учебе в Алексеевском училище, Борис Михайлович по-разному отзывался о преподавателях и воспитателях, которые работали там в ту пору. Были среди них и опытные педагоги, и, как он говорил, нудные. Среди всех выделял он непосредственного начальника и воспитателя полуротного своего командира штабс-капитана лейб-гвардии Кексгольмского полка Бауэра (полуротные командиры числились прикомандированными к училищу и оставались в списках своих полков).

Несколько страничек посвятил этому человеку Шапошников в своих записках. Из них становится ясно не только, как он характеризовал своего наставника, но и какие именно черты особенно ценил в нем.

- Штабс-капитан Бауэр, — вспоминал Борис Михайлович, — был хорошим строевиком и отличным воспитателем. На юнкеров он смотрел как на будущих офицеров, поэтому старался привить нам качества начальника. Прежде всего он требовал от нас правды. Будущий офицер не имел права лгать или изворачиваться. Каждый юнкер, совершивший какой-либо проступок, прежде всего сам обязан был доложить своему непосредственному начальнику отделенному портупей-юнкеру, — а тот уже докладывал по команде. Обычно в таких случаях Бауэр даже не накладывал дисциплинарного взыскания.

Но если сам Бауэр или начальство выше его узнавали о происшествии тогда с его стороны пощады виновному уже не было...

Второе, что прививал нам Бауэр, — это ответственность. За каждый проступок юнкера отвечали и отделенный, и взводный портупей-юнкера.

Одним словом, повседневным воспитанием Бауэр закладывал в нас то, что нам должно было понадобиться в будущем. Лично я, следуя по службе его принципам, в отношениях с подчиненными всегда достигал успеха...

У Бауэра я числился и строевиком и распорядительным, аккуратным юнкером. Несколько человек из таких строевых юнкеров Бауэр приглашал по субботам к себе в гости, и здесь он изучал нас внимательно, но уже в другой, не служебной обстановке.

Всего лишь год с небольшим имел возможность Борис Михайлович общаться с командиром, у которого учился и к которому стал испытывать глубокое уважение. В конце 1902 года Бауэр ушел из училища в полк, оставив по себе хорошую и долгую память.

Лагерный период обучения летом 1902 года завершал первый год пребывания Шапошникова в училище. Знаменателен для него он был участием в курских маневрах. Маневры эти проходили в конце августа, когда старшекурсники, уже произведенные в офицеры, разъехались в отпуск. Поэтому командиров для юнкерских взводов, участвовавших в них, подбирали из своих же первогодков. Шапошникова, который выделялся успехами в учебе, назначили командиром взвода. Таким образом уже в двадцать лет он впервые соприкоснулся с командирскими обязанностями в условиях, приближенных к боевым. Его умелые действия в ходе маневров были учтены в последующем: на старшем курсе Шапошников был произведен в армейские унтер-офицеры и портупей-юнкера. Теперь в его обязанности наряду с учебой на втором курсе входило еще и командование

взводом вновь набранного младшего класса. Об этой своей работе он вспоминал:

- Бывало трудно, но я работал самостоятельно, составлял расписание занятий и занимался повседневным воспитанием молодых юнкеров. Для последующей моей службы это принесло большую пользу. Явившись в роту подпоручиком, я не был подобен брошенному в воду щенку, не умеющему плавать, а сразу брался за знакомое дело.

Перед самым выпуском из училища были еще одни маневры, в которых довелось участвовать Шапошникову, — звенигородские. Теперь под его командованием был взвод юнкеров, с которыми он занимался на протяжении всего года. И вновь он показал незаурядные командирские качества, умение быстро принимать решения, отвечающие складывающейся обстановке, и твердо проводить их в жизнь.

Училище Шапошников закончил, имея наилучшие показатели по успеваемости. Его имя было занесено на мраморную доску. Позже, когда мне довелось учиться в том же Алексеевской училище, я видел его фамилию на этой доске, укрепленной на стене при входе в актовое зал. Сам Борис Михайлович вспоминает, что видел эту доску в 1927 году, уже будучи командующим войсками Московского военного округа, когда посетил расположенную в здании бывшего Алексеевского училища советскую пехотную школу, носившую имя революционера-народовольца М. Ю. Ашенбреннера.

Немногое свободное время, оставшееся от учебы, Шапошников использовал преимущественно для приобщения к театру. Это увлечение его началось еще в Перми, где был неплохой театр, в последний год учебы в реальном училище. Теперь же, в сезон 1902/03 года, в Москве Борис Михайлович получил возможность наслаждаться в опере великолепным искусством Шаляпина, Собинова, блиставшей в то время в балете Гельцер — ученицы знаменитого балетмейстера Мариуса Петипа, посещать спектакли развертывавшего

▲ Подпоручик Шапошников

свою работу Художественного театра во главе со Станиславским. «Ученье мое шло по-прежнему отлично, — писал по этому поводу Шапошников, — театр не сбавлял мне баллов, а удовольствия я получал много». И в более поздние годы жизни Шапошников любил театр горячей юношеской любовью. Даже в самые напряженные периоды работы он старался выкроить вечер, чтобы посетить театр. Это было лучшим для него отдыхом, стимулом к последующему еще более напряженному и плодотворному труду. Увлечение театром обогащало духовный мир Бориса Михайловича так же, как и чтение.

Как лучший по успеваемости среди окончивших училище в 1903 году Шапошников был первым в списке на право выбора места будущей службы. Только фельдфебели поль-

зовались правом выбора вне этого списка, за ними, практически четвертым, шел Шапошников. Поэтому он заготовил список с названием четырех воинских частей, в одной из которых желал бы служить, и расположил их в порядке предпочтительности следующим образом: 30-й лейб-гренадерский Эриванский полк (старейший в русской армии полк, имевший почти 300-летнюю боевую историю), располагавшийся неподалеку от Тифлиса; 1-й стрелковый Восточносибирский полк с базированием в урочище Новокиевское на Дальнем Востоке; 1-й стрелковый Туркестанский батальон, стоявший в Ташкенте; 205-й резервный Измаильский батальон с местом дислокации в Одессе.

Список, который составил Борис Шапошников, характерен в том отношении, что в нем названы части

пограничных округов. Это обусловлено стремлением военного министерства того времени пополнить выпускниками военных училищ прежде всего пограничные округа. Части же внутренних округов заполнялись офицерами, окончившими юнкерские училища. Мера, конечно, целесообразная, поскольку первые отличались лучшей подготовкой, нежели вторые. Но при этом выпускники военных училищ проигрывали в том смысле, что на их долю доставались наиболее дальние гарнизоны, расположенные не в больших городах, а в мелких населенных пунктах на западных границах или вообще за тридевять земель — по меркам того времени — от центральных районов России: на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. Однако это не смущало молодого офицера Шапошникова, как видно из того же списка, предпочтение он отдавал не месторасположению будущего гарнизона, а характеру предстоящей службы.

1-й Туркестанский батальон, подпоручиком которого он стал, представлял собой хотя и сравнительно молодую часть в армии России, однако имел солидную боевую историю. Будучи сформирован в 1865 году в Оренбурге, он был направлен к Ташкенту, в район боевых действий, и затем участвовал почти во всех походах и боях в Средней Азии, в войнах с Бухарой, Кокандским ханством. Под командованием известного впоследствии генерала М. Д. Скобелева его подразделения преследовали остатки кокандских войск до предгорий Памира. Батальон, как и другие части Туркестанского военного округа, как приграничного и с небольшим сравнительно русским населением, содержался по усиленному штату. Большое внимание уделялось боевой подготовке, особенно стрельбе. Традицией стрелковых частей Туркестана были быстрые и длительные марши, в том числе в горных условиях. Все это было хорошей школой для молодого офицера.

Подпоручик Шапошников, назначенный командиром полуроты,

довольно быстро сумел завоевать себе деловой авторитет. Из двадцати офицеров Туркестанского батальона только шестеро относились к числу молодых, остальные и по возрасту были значительно старше, и выслугу лет имели от десяти до двадцати лет, причем служили преимущественно в том же батальоне. Как вспоминает Борис Михайлович, по этой причине он и другие молодые офицеры «ходили в батальоне, как говорится, на цыпочках и, хотя по закону на офицерских собраниях имели право голоса, никогда его не подавали, слушая, что говорят старшие». Зато в вопросах службы Шапошников был не из робких.

Уже через месяц после прибытия Шапошникова в роту, где он был назначен обучать молодых солдат, у него произошло столкновение с фельдфебелем роты Серым, состоявшим на сверхсрочной службе.

Фельдфебели, относившиеся к унтер-офицерскому составу, на котором лежало поддержание внутреннего порядка в подразделениях, в старой русской армии, как известно, были грозой не только для солдат. Иногда они не ставили ни в грош и младших офицеров роты, сплошь и рядом

докладывая ротному командиру об ошибках полуротных,

И вот однажды, когда Шапошников пришел на занятия, он увидел, что солдаты делают ружейные приемы не по уставу. Спросил унтер-офицера, почему так делается. Отвечает: «Так приказал фельдфебель». — «Позвать фельдфебеля Серого». Когда тот пришел, Шапошников заставил его прочитать нужные параграфы устава, а затем спросил, понял ли он, как нужно делать. «Понял, отвечает Серый, — только у нас иначе делается». — «Так вот, фельдфебель Серый, запомни раз и навсегда, что нужно делать так, как написано в уставе, а кунштуки с винтовкой я и сам умею делать!» Взяв в руки винтовку, подпоручик велел Серому командовать, а сам четко проделал прием по-уставному. «Ну а теперь смотри, как можно делать этот прием и иначе». И он от ноги подбросил перед собой винтовку так, что она трижды перевернулась в вертикальном положении, затем быстро поймал ее у середины своей груди, закончив прием. «Видел, как можно делать? Но это не по уставу, и впредь не смей отменять уставных требований». «Посрамленный фельдфебель удалился, заключает этот эпизод Борис

Михайлович, — жаловался, наверное, ротному командиру, но больше не своевольничал».

Шапошников постепенно начал ломать и так называемую «словесность» так именовалось на солдатском языке изучение устава внутренней службы в сочетании с обязанностью солдата знать свое начальство, различать чины и т. д. Премудростям «словесности» солдат обучали унтер-офицеры, и сводилась она к механической зубрежке. По вызову отделенного новобранца вскакивали, ударяли себя ладонями по швам брюк и без ошибки должны были отчеканить ответ на вопрос унтер-офицера. Отвечали скороговоркой и даже какими-то белыми стихами. И стоило только чуть заикнуться, как следовало грозное внушение отделенного новобранцу. Подпоручик Шапошников стал добиваться, чтобы его солдаты не механически заучивали необходимый материал, а прежде всего думали и запоминали осознанно. Такая методика была встречена унтер-офицерами с явным неудовольствием. Но подпоручик настойчиво добивался своего.

Его требовательность по службе была правильно понята подчинен-

▲ Строевой смотр войск

ными, так как все они видели, что он строг, но справедлив и если не дает никому послаблений, то это же правило незыблемо распространяет и на самого себя, никогда не относясь безразлично к своим обязанностям. Они всегда видели его в батальоне аккуратно в 8.30 утра подтянутым, замечаящим любую неточность в действиях солдат и обучающих их унтер-офицеров и умеющим ровно и спокойно поправить дело. После обеденного перерыва подпоручик ежедневно вновь приходил в свою роту и проводил предусмотренные занятия, контролировал унтер-офицеров. Вскоре полурота, которой командовал Шапошников, стала заметным в батальоне подразделением в выучке и дисциплине.

Летний лагерный период прошел для Шапошникова не менее успешно, чем зима 1903/04 года. В начале сентября Ташкентскому батальону делал смотр прибывший из Петербурга генерал. Экзамен предстоял очень важный, так как результаты смотра шли в приказ по военному ведомству. В день смотра роте, в которой служил Шапошников, досталось сложное упражнение: стрельба по 12-фигурной мишени в рост одиночным огнем из положения лежа с упора на дистанции 1400 шагов. Сложность стрельбы заключалась в том, что на такой большой дистанции нужно было точно учитывать силу ветра и соответственно выносить точку прицеливания, целясь не под мишень, а на две, даже четыре фигуры от нее в сторону, противоположную направлению ветра.

Борис Михайлович так рассказывает о ходе и результатах этой стрельбы: «Дошла очередь стрелять нашей роте. Запретив унтер-офицерам вмешиваться в дело, дабы не нервировать стрелков, я и ротный командир давали точки прицеливания и наблюдали за каждым выстрелом. Рота дала сверхотличный результат... Сверхотлично стрелял и весь батальон, заняв по стрельбе первое место в лагере».

На деловые качества Шапошникова обратило внимание начальство. В первый же год службы его прико-

мандировали к штабу округа, предложив наблюдать за печатанием нового мобилизационного расписания, которое было строго секретным документом, и работать с его корректурой, кроме последней, которую вел уже сам генерал-квартирмейстер округа. В роте Шапошникова на время почти двухмесячной командировки замещал другой полуротный командир, штабс-капитан. Подпоручик был благодарен ему за то, что тот не нарушал его методики обучения, и в подразделении все оставалось в порядке.

После лагерного сбора командир батальона предложил подпоручику Шапошникову отправиться в Самарканд в нештатную окружную школу фехтования при 2-м казачьем Уральском полку. После четырехмесячной подготовки офицеры, прошедшие курс, становились инструкторами по фехтованию на рапирах, эспадронах и штыках. Так как занятия в школе занимали всего четыре часа в день, офицеры, собранные в школу, а их было всего восемь человек, попросили расписать их по казачьим сотням, чтобы учиться верховой езде и конному строю. Так Борис Михайлович начал знакомиться с кавалерией, что пригодилось ему в последующей службе.

Я уже говорил об исключительной целеустремленности Бориса Михайловича, которую он вырабатывал в себе с юных лет. Вот и эта учеба в школе фехтования рассматривалась им как этап в разносторонней командирской подготовке, поэтому он охотно принял предложение пойти в нее, поэтому же дополнительно по программе стал учиться верховой езде и конному строю, а вечера, как ни уставал за день, отдавал чтению. Тем более что до города от школы было далеко и выбирался он туда лишь изредка.

К этому времени Борис Михайлович уже наметил для себя очередную задачу — закончить Академию Генерального штаба. Таким образом, все, что делал он теперь, рассматривалось им и с точки зрения достижения намеченной цели. В конце 1904 года в гарнизонном собрании

в Ташкенте Шапошников встретил генерал-квартирмейстера округа, чье задание по печатанию мобилизационного расписания выполнял год назад. Тот, помня хорошую работу Шапошникова, предложил ему перейти на службу в штаб округа помощником старшего адъютанта мобилизационного отдела. Для подпоручика, всего лишь год назад окончившего военную школу, это было весьма лестное предложение. Оно означало, помимо оказываемого доверия, существенную прибавку к жалованью, получение красивой адъютантской формы, а это ведь тоже немаловажно для молодого офицера. Шапошников поблагодарил, попросил время, чтобы подумать, посоветоваться со старшими товарищами, и вскоре... отказался от этого предложения. По собственным словам Бориса Михайловича, оно имело один только минус: принять его означало уйти из строя, между тем для тех, кто не прослужил в строю трех лет, двери Академии Генерального штаба навсегда закрывались.

Кастовая замкнутость офицерства старой русской армии, всеми мерами воспитывавшаяся в его среде аполитичность, отдаленность Ташкента от центров России, казалось бы, глухой стеной должны были изолировать Ташкентский гарнизон, где служил Шапошников, от внутриполитической жизни страны. Однако грозное эхо событий нараставшей первой русской революции дошло и сюда. С января 1904 года шла русско-японская война. Вполне естественно, что Шапошников и его сослуживцы пристально следили за ее ходом. Многие стремились уехать на театр военных действий. Но удалось это сделать только некоторым офицерам Генерального штаба. Строевых же офицеров из войск в действующую армию, как правило, не брали. Туркестанский военный округ граничил с Афганистаном, и, поскольку Англия была в союзе с Японией, его войска не только не ослаблялись, но даже усиливались.

Как все военные, сослуживцы Шапошникова испытывали про-

▲ Николаевская академия Генерального штаба

фессиональный интерес к происходившим на маньчжурском театре боевым событиям. Имели они и дополнительный мотив, заставлявший их обостренно переживать эти события. Дело в том, что командующим Маньчжурской армией, а с осени 1904 года и главнокомандующим вооруженных сил России на Дальнем Востоке был А. Н. Куропаткин, генерал от инфантерии и генерал-адъютант, военный министр России. Свою офицерскую службу он начинал в 1866 году в том же 1-м стрелковом Туркестанском батальоне, а затем на протяжении одиннадцати лет тесно соприкасался с ним по службе. Свою связь с батальоном Куропаткин поддерживал и впоследствии, будучи военным министром. Вот почему в офицерском собрании Туркестанского батальона с такой жадностью обсуждалось каждое событие с театра войны, которое приносили газеты. С горечью приходилось выслушивать хулу на Куропаткина и не хотелось верить в нее. Но если истинные причины поражений русской армии не только, а может быть,

и не столько в качествах главнокомандующего... Так в чем же тогда? Такой вопрос вставал неотвратимо, и, хотя далеко не сразу и не все смогли найти правильный на него ответ, тем не менее задумываться приходилось все чаще и чаще.

Не только ход русско-японской войны заставил многих задуматься о судьбе России. В стране поднималась волна стачек рабочих и выступлений крестьян. Хотя в Туркестане и сохранялось относительное спокойствие, но и сюда различными путями доходили вести о нараставшем кризисе царизма. Еще летом 1903 года Шапошников узнал о расстреле на его родине, в Златоусте, рабочих, которые собрались на площади перед заводом и домом горного начальника, чтобы просить об улучшении условий труда. Известие о Кровавом воскресенье 9 января 1905 года застало его в Самарканде. «Подробности этого великой важности события в таком отдаленном городке, как Самарканд, вспоминал Борис Михайлович, — были неизвестны, но стрельба войск

по шедшим с иконами рабочим была таким происшествием, которое заронило сомнение в правильности принятых правительством мер не в одну офицерскую душу».

Поражение русской армии в 1904-1905 годах, революция 1905 года явились событиями, встряхнувшими и те слои населения Русского государства, которые пребывали в спячке. Возвратившись в батальон, Шапошников увидел наглядное свидетельство пробуждавшегося и в офицерской среде интереса к внутривнутриполитической жизни страны. В офицерском собрании батальона имелась довольно богатая библиотека, по оценке Бориса Михайловича, даже лучшая, нежели в общегарнизонном собрании Ташкента. Почти четыре десятилетия накапливались в ней книги, газеты, журналы за счет фонда, который складывался из небольших ежемесячных взносов офицеров. В библиотеке имелись сочинения классиков и видных военных авторов.

С 1904 года Шапошников был избран заведующим этой библиотекой

▲ Учеба в академии

и приложил немало сил, чтобы увеличить ее книжный фонд. Приобрел сочинения Максима Горького, роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», повесть А. И. Куприна «Поединок», вызвавшую бурные дискуссии в армии. Выписал ряд журналов, в том числе и такие, в которых появлялись иногда наряду с другими статьи и социал-демократического направления.

Однако, горячо взявшись за выполнение общественного поручения, он с горечью отмечал, что круг читателей библиотеки был весьма невелик. Теперь же, после возвращения из Самарканда, большинству офицеров, как он заметил, уже трудно было жить одними уставными положениями. После царского манифеста 17 октября 1905 года, возвещавшего о «даровании свободы» и создании Государственной думы, офицеры все чаще стали спорить о происходящих в стране событиях. Их внимание привлекли программы различных политических партий, не исключая и социал-демократической.

Шапошников стремился к тому, чтобы библиотека могла удовлетворить запросы офицеров и предоставить в их распоряжение литературу всех направлений. И хотя вскоре, как он вспоминал, некоторые книги ему пришлось изъять из общих шкафов, он продолжал давать их всем желающим.

По возвращении из Самарканда произошло изменение и в служебном положении Шапошникова — 31 января 1905 года он был назначен начальником учебной команды батальона с правами ротного командира. Молодой офицер был ошеломлен таким повышением в должности, так как обычно ее занимали офицеры, прослужившие достаточно долго и имевшие чин не меньше штабс-капитана. Вплоть до осени 1905 года исполнял он свои новые обязанности, относясь к ним, как и всегда, с полной отдачей сил. Затем, когда в батальон возвратились несколько офицеров из Маньчжурии, вновь стал полуротным командиром и получил чин поручика. С января

1907 года Борису Михайловичу решили начать подготовку к сдаче экзаменов в Академию Генерального штаба, и он, по собственному выражению, превратился в затворника: днем нес службу в батальоне, ночью упорно занимался. Предварительные испытания в округе прошел весьма успешно. Не менее успешно сдал вступительные экзамены, поручик Б. М. Шапошников в числе 124 офицеров приказом от 16 октября 1907 года был зачислен на младший курс академии. Она размещалась в специально построенном для Академии Генерального штаба двухэтажном здании в форме буквы П на Суворовском проспекте в Петербурге и стала местом учебы Шапошникова на целых три года.

В течение первого года слушатели академии изучали тактику пехоты, конницы, артиллерии, полевую фортификацию, устройство вооруженных сил вообще и армий важнейших европейских государств в частности, а также и США, историю военного искусства с древнейших времен

и до войн Наполеона включительно, историю военного искусства России, общую историю XIX века и русскую историю, геодезию и т.д. Изучение иностранных языков проводилось по вечерам для желающих. Зато верховая езда как на вступительных экзаменах, так и в процессе обучения рассматривалась как ведущая дисциплина в подготовке офицеров Генерального штаба — занятия в манеже проводились практически без перерывов на всех курсах. Подобное пристрастие к этому делу в то время Борис Михайлович объяснял опытом русско-японской войны.

— В русской армии так было принято: коли учитывать опыт, так учитывать, — с иронией говорил он.

А опыт этот заключался, по его словам, в том, что в бою под Янътайскими копьями одна из дивизий русской армии, попав в высокий гаолян, рассыпалась, и управление ею в бою было потеряно. Начальника дивизии генерала Орлова ранило, а начальника штаба Глобачева конь занес в тыл, и подполковник справиться с ним не смог. Так вот и было решено: чтобы впредь верховые лошади не заносили офицеров, потребовать от офицеров Генштаба хорошей верховой езды.

На втором курсе академии чисто военные дисциплины занимали еще больший удельный вес, чем на первом: стратегия, общая тактика, история новейших войн, общая военная статистика, представлявшая, по существу, обзор пограничных с Россией стран на западе и востоке, инженерная оборона государства, военные сообщения, военно-морское дело и т.д. Помимо работы в академии, к практическим занятиям по тактике приходилось много готовиться дома.

После завершения учебы на втором курсе и сдачи экзаменов офицеры уходили в войска, считаясь окончившими академию по второму разряду. И только те, кто имел успеваемость свыше 10 баллов, оставались еще на год для учебы на дополнительном курсе. Шапошников закончил оба основных курса по успеваемости седьмым. Поэтому он и был

оставлен для учебы в академии на дополнительном курсе. Офицеры, оканчивавшие его, предназначались для службы в Генеральном штабе. Программа дополнительного курса состояла преимущественно из практических занятий.

Академию возглавлял в период учебы в ней Шапошникова генерал Щербачев. По словам Бориса Михайловича, на этот пост Щербачев попал только потому, что активно участвовал в подавлении революции 1905 года. Под стать начальнику был и правитель дел академии полковник А.К. Баиов. По своему служебному положению правитель дел имел большой вес в постанов-

ке учебного процесса. Сам он читал лекции по истории военного искусства, читал скучно и нудно. Полной бездарностью был преподаватель тактики конницы профессор Елчанинов, который к тому же плохо ездил на лошади и потому приходил иногда на лекции с забинтованной головой. За это и за его ум офицеры окрестили Елчанинова «всадником без головы».

Но были и другие профессора в академии, о которых с уважением отзывался Шапошников: военный инженер Иппатович-Горанский, артиллерийский специалист полковник Дельвиг, отличный лектор по тактике пехоты Данилов, блестящий ска-

▲ Знак выпускника Николаевской академии

зитель русской истории профессор Платонов, впоследствии действительный член Академии наук СССР. Преподавал общую тактику в академии и генерал-лейтенант Бонч-Бруевич, одним из первых среди военных специалистов старой русской армии перешедший после Октября на сторону Советской власти. Лекции по стратегии читал профессор, полковник Незнамов, в июне 1918 года ставший начальником Управления военных сообщений Красной Армии, затем преподаватель советских военных академий в Ленинграде, автор военно-научных трудов и многих военно-публицистических статей.

Вне стен академии слушатели располагались временем всяк на свой лад. Одних манила «светская» жизнь, и они предпочитали балы и увеселения, уповая на то, что возникающие осложнения при сдаче зачетов и экзаменов будут улажены с помощью различных связей в высокопоставленных сферах. К их числу Борис Михайлович относил своего сокурсника поручика лейб-гвардии конного полка Врангеля, того самого Врангеля, который в годы гражданской войны стал одним из руководителей контрреволюции на Юге России. «Академия, — писал Шапошников о Врангеле, — ему была нужна, чтобы скорее получить чин ротмистра гвардии, приравнивавшийся в случае ухода в армию к полковнику». Другие слушатели, «не отягощенные упорной любовью к знаниям», заботились только о том, чтобы обеспечить себе переходной балл. Сам же Шапошников оставался верным себе, относясь к учебе всерьез, с полной отдачей сил.

Остававшееся небольшое свободное время предпочитал посвящать чтению или посещению театра. Ему нравился петербургский балет, где блистали в то время Павлова, Карсавина, Кшесинская, и оперный состав Мариинского театра с обоими Фигнерами, Давыдовым, Яковлевым. «Все это, — вспоминал он, — были корифеи сцены, но корифеи «казенные». Они напоминали высоких чиновников сурового Петербурга. Шалыпин и Собинов не могли удер-

жаться на сцене Мариинского театра: постоянная служба на петербургской сцене погубила бы их таланты».

В Петербургской консерватории Шапошников слушал последнюю оперу Римского-Корсакова «Золотой петушок», не допущенную цензурой на сцену Мариинского театра. Привлекал его внимание театр Комиссаржевской, зал которого заполнялся по преимуществу не сановниками и чопорными дамами, а учащейся молодежью, средними чиновниками, театральной общественностью. Однако, несмотря на большую любовь к театру, много увлекаться им, как говорил сам Борис Михайлович, не приходилось: мешали домашние вечерние занятия, трудно было достать билеты, да и офицерский бюджет не позволял.

Что же дала Шапошникову академия?

Его собственная оценка этого события в своей жизни кажется мне исчерпывающей: «Нет сомнения, что она расширила теоретический кругозор, напитала знаниями, которые нужно было как следует еще переварить, а самое главное, найти применение им в жизни.

...Академия привила мне любовь к военной истории, научила извлекать из нее выводы на будущее. К истории я вообще всегда тяготел — она была ярким светильником на моем пути. Необходимо было и дальше продолжать изучать этот клад мудрости.

Что же касается практической подготовки к службе в Генеральном штабе, то здесь мы получили не очень много. Групповые упражнения развивали тактическое мышление, но такого рода занятий, как военная игра, у нас и в помине не было. Между тем с этим мы столкнулись с первых же шагов своей работы и в войсках и в штабах. Метода проведения военных игр, метода свободного творчества в них академия не раскрыла своим адептам. Короче говоря, мы были выпущены в жизнь больше теоретиками, чем практиками. От нас самих уже зависело сделаться практиками. Но академия приучила нас к напряжен-

ной работе и к выполнению работы в указанный срок».

Как будет видно из дальнейшего, Борис Михайлович, объективно оценив все то, что дала ему учеба в академии, в последующей службе сумел правильно распорядиться полученными знаниями теории военного дела, дополнил их разносторонним практическим опытом. Многие сделал он и для того, чтобы уже в советское время в учебном процессе Военной академии Генерального штаба преобладало именно творческое, начало в изложении и усвоении предусмотренного программой материала. Но все это произойдет позднее, а пока...

26 мая 1910 года приказом по военному ведомству Шапошников за отличные успехи в науках был произведен в штабс-капитаны. В числе 48 офицеров из 124, которые поступали вместе с ним в 1907 году в академию, он был причислен к Генеральному штабу. По существовавшему положению выпускникам предстояло последующие два года откомандовать ротой. Борис Михайлович выразил желание продолжить свою службу в 1-м стрелковом Туркестанском батальоне.

Снова Ташкент. В Туркестанском стрелковом батальоне, который Шапошников считал родной своей частью, за три года произошло много изменений: по сухомлиновской реформе он развертывался в полк. Старых офицеров Шапошников там встретил немногих, почти все они ушли из батальона, а вместе с тем исчезла и «старая туркестанская» атмосфера, какая была до отъезда в академию. Однако вскоре Борису Михайловичу уже некогда было наблюдать происшедшие перемены: окончившись в жизнь полка и приняв роту для цензового командования, он целиком был поглощен служебными делами. Распорядок учебного дня был привычным по прежней службе. Однако сам Шапошников стал уже другим, с иными теоретическими познаниями, которые старался применить на практике и не преминул ввести изменения в программу занятий со старослужащими сол-

▲ Австрийские военнопленные под конвоем, окруженные толпой любопытных, идут по Невскому проспекту

датами. Тактику отделения и взвода они проходили на большом ящике с песком. В более усложненной обстановке стали проводиться занятия с унтер-офицерами. Определенное время ежедневно уходило на решение разных учебных и хозяйственных вопросов в роте. Во второй половине дня — порученные ему обязательные занятия с офицерами батальона, в состав которого входила его рота. Подготовка к ним также требовала значительного времени. Ни на один день не прекращал и личной своей учебы: чтения новых книг или разработки военно-исторических примеров. Привычный ритм будничной службы менялся только при участии в полевых поездках, рекогносцировках и в маневрах, причем в подобных случаях Шапошникову обычно поручалось составлять задания в роли посредника или начальника штабов отрядов. От офицеров Генерального штаба требовалось периодическое выступление с военно-историче-

скими докладами в гарнизонном собрании. Эту свою обязанность Борис Михайлович выполнял столь же тщательно, как и все другие, но относился к ней с особенным интересом. Если напомнить к тому же о природной его склонности к научно-исследовательской работе, то станет понятным успех, которым пользовались сделанные им доклады.

...Два года, заполненные делами, пролетели незаметно. И вот уже октябрь 1912 года — пришла пора сдавать роту, перешагнув очередной рубеж военной службы. «Я решил, — писал Шапошников, — уйти в другой округ, где можно было получить практику на маневрах и военных играх в большем масштабе, чем в Туркестане».

Таким округом стал приграничный Варшавский военный округ. В декабре 1912 года, получив очередной чин капитана, Шапошников прибыл туда на должность старшего адъютанта 14-й кавалерийской

дивизии, расквартированной в городе Ченстохове. Теперь в круг его обязанностей всецело входили уже оперативные, организационные вопросы и боевая подготовка частей дивизии. Изменился не только характер служебных обязанностей. Для Шапошникова, прослужившего более девяти лет в пехоте, кавалерия была совсем новым родом войск, с которым предстояло теперь познакомиться вплотную. И он делал это с присущей энергией и целеустремленностью. Изучив оперативный план, Борис Михайлович понял, что 14-й кавалерийской отводится весьма сложная роль в случае войны: расположенная непосредственно у западной границы, она должна будет первой отражать нападение противника, имея целью прикрыть своими действиями стратегическое развертывание русских армий. Поэтому старший адъютант дивизии направил свои усилия на то, чтобы всемерно содействовать повышению

подвижности и выучки частей и подразделений дивизии.

Начальник дивизии генерал-лейтенант Орановский, которому он представился сразу же по прибытии в Ченстохов, произвел на Шапошникова благоприятное впечатление. Полковник Вестфален, возглавлявший штаб дивизии, показался ему человеком «средних способностей».

Примерно через две недели после вступления Шапошникова в должность, в самом начале января 1913 года, из штаба округа поступило указание о проведении ряда учений Ченстоховского гарнизона вблизи прусской границы. Через некоторое время старший адъютант получил от начальника дивизии задание для обеих сторон, участвовавших в учении. Хотя Бориса Михайловича удивило, что начальник дивизии сам подготовил тактическую разработку задания, он промолчал и разослал ее адресатам. Учение прошло благополучно, причем после того, как сделан был разбор, пришлось «экзаменоваться» и старшему адъютан-

ту, который сопровождал на учении начальника дивизии: «Орановский не раз оглядывался назад, чтобы посмотреть, на месте ли старший адъютант из пехоты. Я понимал, что меня экзаменуют в верховой езде. Кажется, выдержал экзамен на «хорошо».

Через три дня предстояло новое учение. И тут уж старший адъютант счел возможным спросить у начальника дивизии, почему он сам разрабатывает задание, а не поручает штабу. «Путает только, толку мало», — ответил он. Шапошников попросил его объяснить замысел учения и разрешить набросать задание. Генерал улыбнулся и согласился. Результатом Борис Михайлович был удовлетворен: вскоре задание «без поправок вернулось с приказанием разослать войскам. Отныне я приступил к выполнению своих прямых обязанностей. Вестфален не мешал мне их выполнять».

Участвуя в учениях, инспектируя подразделения, Шапошников проводил занятия с офицерами, направлял их деятельность на то, чтобы лучше

готовить солдат к боям. Наряду с решением множества вопросов, связанных с обучением дивизии комбинированным действиям, проведением учений, организацией агентурной разведки, которую ему было приказано наладить, старший адъютант занимался и повседневными менее значительными делами. Большое и малое переплеталось в один узел. Это и была великолепная школа практической оперативной работы в войсковом звене, которая так пригодилась Борису Михайловичу в его последующей деятельности.

В конце лета 1913 года 14-я кавалерийская дивизия весьма неплохо показала себя в больших люблинских учениях. Ее начальника хвалили за два выигранных кавалерийских «боя» и за хорошо организованную разведку. В свою очередь, начальник дивизии отдавал должное старшему адъютанту дивизии капитану Шапошникову, роль которого в этом успехе была далеко не последней.

Служба в Варшавском военном округе была плодотворной для Бо-

▲ Шапошников командир полка

▲ Шапошников, 1928 год

риса Михайловича и в другом плане: он имел возможность совершенствоваться дальше в военно-научном отношении. Уже издавна этот округ считался передовым в русской армии в смысле военно-теоретической работы. По оценке Бориса Михайловича, если в период его службы там и «не полностью возродились времена, когда начальником штаба округа был известный в истории Генерального штаба генерал Пузыревский{1}, то, во всяком случае, военная мысль больше работала в Варшаве, нежели в казенном Петербурге». Офицеры округа могли регулярно обмениваться мнениями по вопросам военного дела, чему способствовало наличие единственного в русской армии особого собрания офицеров Генерального штаба. Здесь происходили доклады, военные игры, дружеские встречи. При штабе округа издавался небольшой военный журнал. Выходила и своя газета «Офицерская жизнь», причем взгляды ее на тактические и оперативные вопросы военного дела, как

отмечал Шапошников, не совпадали со взглядами «Русского инвалида» и «Военного сборника», отличавшихся консерватизмом.

Через год после своего прибытия в Варшавский военный округ Шапошников выступил в собрании офицеров Генерального штаба с первым своим докладом, темой которого избрал «Действия конницы в Балканской войне 1912-1913 гг.». Уже выбор темы показывает, что автор смело взялся за обобщение самых последних военных событий. Для разработки ее Борису Михайловичу пришлось выписать и основательно проштудировать ряд книг на немецком и французском языках. Внимательно изучил он и выпущенный германским генеральным штабом специальный сборник, в котором излагались события и делались выводы из них с оперативной и тактической точек зрения. Надо, кстати, заметить, что к этому времени многие офицеры русской армии не знали еще и хода Балканской войны, не говоря уже о ее итогах.

15 декабря 1913 года в 7 часов вечера докладчик взшел на кафедру перед обширной аудиторией, заполненной генералами и офицерами, собравшимися послушать доклад о только что закончившейся войне. Ему, по собственному его выражению, не хотелось оскандалиться. Однако его выступление было прослушано с большим интересом. Начальник штаба округа благодарил за содержательный доклад и тут же согласился с предложением начальника разведывательного отделения штаба округа С. Г. Лукирского послать Шапошникова во все крупные гарнизоны кавалерийских частей округа для чтения доклада.

Это выступление как бы подводило итог первому году службы офицера Генерального штаба Б. М. Шапошникова. Давая ему оценку, Борис Михайлович писал: «Доволен ли я был своим докладом? Да, доволен. После хорошо прошедших маневров 14-й кавалерийской дивизии под Люблином я теперь завоевывал себе некоторый авторитет в округе

▲ Шапошников третий слева в верхнем ряду 1927 год

и в научных вопросах. Для молодого капитана Генерального штаба, служащего год в Варшавском округе, это был неплохой шаг вперед».

Блестящий аналитик, Шапошников трезво и без всякого самомнения старался объективно анализировать собственную службу с единственной целью идти все дальше и дальше вперед в своем профессиональном совершенствовании. Только поэтому и смог он достичь столь выдающихся результатов.

Спустя полгода началась первая мировая война. Вместе с 14-й кавалерийской дивизией вступил в нее капитан Шапошников. В ходе войны он сумел приобрести себе репутацию боевого офицера, сочетающего высокую военную грамотность с личным мужеством и храбростью. Уже первые месяцы войны достаточно убедительно это показали: старший адъютант 14-й кавалерийской дивизии капитан Генерального штаба

Б. М. Шапошников четырежды был удостоен награждения орденами за боевые отличия. И с полным правом написал впоследствии: «Относительно знания войны — я как-то почувствовал себя крепче на ногах, появилась уверенность в действиях, о чем раньше знал только теоретически, выработались навыки оперативной штабной работы. Говоря по кавалерийски, я почувствовал себя крепко сидящим в седле».

В августе 1927 года, после двенадцати месяцев обучения на отделении командиров полков стрелково-тактических курсов «Выстрел», я вернулся в Тверь, в свой 143-й полк 48-й стрелковой дивизии. Незадолго перед этим командующим войсками нашего Московского военного округа стал Борис Михайлович Шапошников.

До этого мне уже довелось видеть его. В 1922 году я временно командовал 142-м полком в нашей же ди-

визии. И вот вскоре после того, как принял полковые дела, стали мы готовиться к сентябрьским маневрам. Предстояло серьезное испытание: это были первые в стране после окончания гражданской войны двусторонние маневры с участием всех родов войск, а также частей ГПУ и ЧОНа. Волновались все мы в полку, волновались и наши шефы члены Тверского уездного исполнительного комитета. Однако все прошло благополучно, действия полка получили положительную оценку. Маневры состоялись в присутствии главнокомандующего Красной Армии Сергея Сергеевича Каменева и первого помощника начальника штаба РККА Бориса Михайловича Шапошникова.

Теперь, спустя четыре года, наши служебные пути-дороги сошлись поближе. Все мы, старожилы Тверского гарнизона, гордились тем, что служим в столичном военном округе. И потому особенно интересовались

боевой биографией своего нового командующего. Имя Шапошникова в ту пору уже было известным в Красной Армии.

Вступив в нее добровольно в 1918 году, Борис Михайлович выполнял ответственную оперативную работу. В мае 1918 года он был назначен в Оперативное управление Высшего военного совета на должность помощника начальника управления. В момент, когда наступил качественно новый этап в его жизни, когда испытывались не столько военные его знания, сколько моральные основы и общественное сознание, он оказался рядом с людьми, которых знал по службе в старой армии: военный руководитель Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич, как мы уже знаем, был преподавателем в Академии Генштаба, когда там учился Шапошников, начальник Оперативного управления Н. А. Сулейман был его однокурсником по академии, с помощником Бонч-Бруевича, генералом старой армии С. Г. Лукирским он был знаком по совместной службе в Варшавском военном округе. Все они были военными специали-

стами высокого класса, но главное — честными людьми, сознательно отдававшими свой выбор и искренне отдававшими свои знания и опыт служению народу.

Несколько месяцев Шапошников служил под началом Н. И. Подвойского в Высшей военной инспекции, затем первым помощником начальника штаба Наркомвоенмора Украины. С августа 1919 года Шапошников был переведен начальником разведывательного управления Полевого штаба Революционного Военного Совета Республики, а с октября стал начальником его Оперативного управления. В это же время он познакомился с М. В. Фрунзе, а в конце 1920 года они вновь встретились на Южном фронте при разработке планов операций против Врангеля. В последующем, проводя в 1924 году реорганизацию центрального аппарата и возглавляя Штаб РККА, М. В. Фрунзе, зная блестящие оперативные способности Б. М. Шапошникова, оставил его своим помощником. Высоко ценили начальника Оперативного управления и такие опытные генштабисты, как главком

С. С. Каменев, начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев. За активное участие в оперативной работе Полевого штаба, проявленную инициативу и твердое проведение разработанных им лично боевых операций Красной Армии Б. М. Шапошников был награжден в 1921 году орденом Красного Знамени. В приказе РВСР от 14 октября 1921 года отмечалось: «В течение своей деятельности на высокоответственной должности начальника Оперативного управления Полевого штаба РВС Республики т. Шапошников являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы во всех ее подробностях... Занимая указанную должность... т. Шапошников с присущей ему инициативой... работал с полным самоотвержением и днем и ночью».

В годы гражданской войны Борис Михайлович не только сложился как крупный оперативно-штабной работник, но и проявил талант военного теоретика и публициста. Уже тогда стали известны его работы о боевой подготовке войск, о действиях стратегической конницы, об-

▲ Гражданская война, Фрунзе, слева Шапошников

зоры боевых действий в кампаниях 1919 — 1920 годов. Обобщение и осмысление боевого опыта стало основной темой его выступлений в печати в первые годы после гражданской войны. Его труды «Конница» и «На Висле» — крупные, интересные научные исследования.

Ответственная работа в штабе РККА в период военной реформы натолкнула Бориса Михайловича на мысль обобщить практику генеральных штабов различных стран и создать труд, в котором бы говорилось о том, какое место подобный орган должен занимать в Красной Армии. Будучи командующим войсками Ленинградского и Московского военных округов, он упорно работал над вопросами боевой подготовки войск и оперативной подготовки руководящего состава, продолжая свои теоретические исследования. Изучение деятельности генерального штаба австро-венгерской армии по пятитомным мемуарам его начальника фельдмаршала Конрада фон Гетцендорфа, работ о французском и германском генеральных штабах, документальных материалов русского Генерального штаба позволили ему завершить исключительно интересный трехтомный труд «Мозг армии». В нем было дано четкое

представление о том, чем должен быть Генеральный штаб в условиях нашего времени, каково его место в военной системе, как должна организовываться его работа. Автор стремился рассмотреть возможный характер той системы военного управления, которая соответствовала бы данному этапу строительства вооруженных сил. Такая постановка вопроса не только приобретала научный интерес, но и имела большое практическое значение.

Книга Б. М. Шапошникова «Мозг армии» знакомила читателя с основными взглядами на характер войны и ее масштабы, давала представление о требованиях, предъявляемых современной войной к полководцу, к органам оперативного управления и их работникам. Наконец, она раскрывала функциональную деятельность Генерального штаба по подготовке экономики страны к войне.

Появление труда «Мозг армии» вызвало живой интерес среди командного состава РККА и нашло широкий отклик на страницах военной печати как у нас в стране, так и за рубежом. Много лет прошло после выхода в свет трех книг «Мозг армии», многое, конечно, за это время изменилось. Но и сегодня главные проблемы, поставленные

в труде Б. М. Шапошникова, не устарели... Его ценность многократно увеличивается оттого, что автор целенаправленно стремился проводить в жизнь высказанные идеи. В течение своей службы сначала начальником Штаба РККА, а спустя несколько лет начальником Генерального штаба — Б. М. Шапошников последовательно решал вопросы, связанные с централизацией в руководстве Вооруженными Силами, боролся за осуществление четкой регламентации штабной службы на всех уровнях. Основные мысли, высказанные Б. М. Шапошниковым в труде «Мозг армии», нашли отражение в ряде его докладов командованию Красной Армии и Советскому правительству о реорганизации центрального военного аппарата, в проектах переустройств Генерального штаба РККА накануне и в ходе Великой Отечественной войны, в директивах об организации полевого управления войск. Ими он руководствовался при подборе кадров для Генерального штаба и воспитании у них необходимых качеств советского штабного работника. Б. М. Шапошников был последовательным сторонником объединения управления Вооруженными Силами в Генеральном штабе. В этих вопросах он выступал не только как

военачальник, предлагающий реализовать какую-либо частную идею в боевой подготовке или в организационной структуре того или иного войскового организма, а как государственный деятель, проявляющий заботу о необходимом пересмотре взглядов на всю структуру рабочего аппарата верховного командования и его роль в руководстве жизнью и боевой деятельностью Вооруженных Сил в целом.

В практической своей деятельности как командующий войсками округа Борис Михайлович также выступал новатором. Командуя войсками Ленинградского военного округа в 1925 — 1927 годах, он стал инициатором разработки методики проведения войсковых учений и маневров с участием посредников и нейтральной связью. Этот опыт внедрялся им и в Московском военном округе, а затем стал достоянием всех округов.

В последующие годы своей службы Борис Михайловичу довелось командовать войсками Приволжского военного округа (1931-1932), затем вновь Ленинградского (1935 — 1937). И неизменно он пользовался на этих постах заслуженным авторитетом талантливого руководителя, всю свою энергию направлявшего на то, чтобы подчиненные ему войска, штабы, каждый командир, политработник, красноармеец в мирное время находились в постоянной боевой готовности. Заботливо и с любовью учил он командный состав искусству руководства и управления войсками. Командующий часто бывал на стрельбищах, учебных полях, командирских занятиях. Никакая мелочь в организации военной службы и боевой подготовки не могла ускользнуть от его внимательного взгляда, он замечал все: и положительное, и отрицательное. А во время разбора, подводя итог своим наблюдениям, умел так сформулировать необходимые выводы, что запоминались они каждому надолго. При всем этом всегда оставался ровным и спокойным, уважительным в отношении командиров.

Я приехал в штаб Приволжского военного округа начальником отде-

ла боевой подготовки в 1934 году, спустя два года после того, как Шапошников был переведен из этого округа на должность начальника и комиссара Военной академии имени М.В. Фрунзе. Ровно год командовал войсками Приволжского военного округа Шапошников. Но память о себе он оставил у всех добрую. Во время проходившей в декабре 1933 года чистки партии товарищи из комиссии по чистке отмечали: «Борис Михайлович пришел в партию под влиянием серьезных внутренних убеждений... Беспредельно предан делу рабочих и партии. За год пребывания в Приволжском военном округе переродил весь округ. Многоумный и многоснающий...»

Закljučая прения, председатель комиссии сказал: «Я считаю, что если и впредь вы будете работать так же, то будете достойным членом партии». Одно лишь замечание было сделано тогда Борису Михайловичу — больше следить за своим здоровьем: «Вы мало бережете себя. Вам надо работать так, чтобы не надорваться». Однако щадить себя он не умел, целиком отдавался делу, которое поручала ему Коммунистическая партия.

Вступая в ее ряды, Борис Михайлович писал в заявлении, с которым 28 сентября 1930 года обратился в партийную ячейку Штаба РККА: «13 лет идя рука об руку в своей работе с Всесоюзной Коммунисти-

▲ РВС СССР, второй слева в верхнем ряду Шапошников

▲ Академия имени М.В. Фрунзе

ческой партией, проводя за это время неуклонно линию этой партии во всей своей жизни, борясь вместе с ней на фронтах гражданской войны за дело Ленина, я прошу, если окажусь достойным, принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии, дабы до конца своей жизни трудом и кровью защищать дело пролетариата в его железных рядах».

И он самоотверженно служил делу пролетариата до конца своей жизни. Шапошников был принят в партию решением Секретариата ЦК ВКП(б) в октябре 1930 года без прохождения кандидатского стажа. Оказанное ему высокое доверие он стремился оправдать, органически сочетая большую служебную работу с общественно-политической. В разное время он был членом Средне-Волжского краевого комитета ВКП(б), Красногвардейского райкома ВКП(б) (Ленинград) и Фрунзенского райкома ВКП(б) (Москва). XVIII съезд партии избрал Б. М. Шапошникова кандидатом в члены Центрального Комитета ВКП(б). Неоднократно избирался Бо-

рис Михайлович депутатом Верховного Совета СССР.

На всех высших командных постах, которые занимал Б. М. Шапошников непосредственно в войсках Советской Армии, он, несомненно, проявил себя талантливым военачальником. И все же главной сферой его жизненной деятельности, в которой его талант военного руководителя проявился с наивысшей силой, была сфера деятельности штаба. Вспомним, как сам он в письме к Н. В. Пневскому говорил о том, какой характер службы в Красной Армии возможен для него: «Я мог бы занять и строевую должность, но должность Генерального штаба была бы для меня предпочтительней».

Коммунистическая партия и Советское правительство доверили Б. М. Шапошникову наивысшую в Советских Вооруженных Силах «должность Генерального штаба» — должность его начальника. В мае 1937 года после повторного двухгодичного командования войсками

Ленинградского военного округа командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников был назначен начальником Генерального штаба Красной Армии и заместителем народного комиссара обороны СССР.

Всей предшествующей своей жизнью Борис Михайлович был подготовлен к этой многотрудной деятельности. Надо сказать, что прекрасной школой для него в этом смысле была и работа в академии имени М. В. Фрунзе в 1932-1935 годах. За три с половиной года, в течение которых он руководил академией, сделано было многое. Существенно улучшился учебный процесс, учебные программы были приведены в соответствие с требованиями технической реконструкции Красной Армии. Значительно повышено качество учебных пособий, усовершенствована методика преподавания. Ведущей дисциплиной стала оперативно-тактическая подготовка слушателей академии. На более высокую ступень была поднята научно-исследовательская

работа кафедр. Профессорско-преподавательский состав академии был пополнен людьми, обладающими опытом командования воинскими соединениями и частями в новых условиях.

Выражая свое мнение о задачах военной академии, Шапошников писал: «Академия должна, с одной стороны, готовить общевоинского и штабного командира, вооруженного знаниями современной теории военного искусства, а с другой — дать армии практика военного дела... Знание военного дела, знание технических родов войск и умение организовать их использование в боевых действиях составляют важнейший отдел обучения в военной академии».

Большое внимание Борис Михайлович уделял оперативно-тактической подготовке профессорско-преподавательского состава академии. Мастерски владея методикой организации военных игр на картах, он про-

водил эти игры весьма поучительно и с творческим вдохновением. Они содержали актуальные вопросы теории и практики применения крупных мотомеханизированных и воздушно-десантных соединений на различных театрах военных действий. Убедительные разборы игр, которые проводил Борис Михайлович, были весьма поучительны для слушателей и преподавателей.

Отмечая заслуги Шапошникова в преподавательской и научной деятельности, высшая аттестационная комиссия в мае 1935 года присвоила ему ученое звание профессора. В решении комиссии, в частности, отмечалось, что Шапошников — военнаучный работник исключительной эрудиции и больших обобщений. Под его командованием Военная академия имени М. В. Фрунзе достигла новых успехов, она удостоена высокой награды — ордена Ленина.

В теоретических дискуссиях, которые проходили в академии, сфор-

мировались его взгляды на характер возможных боевых действий Красной Армии в будущей войне, сложились представления о формах операций, стратегическом взаимодействии фронтов и т. д.

- Штабная работа, — не раз говорил Шапошников, — должна помогать командиру организовывать бой; штаб — первейший орган, с помощью которого командир проводит в жизнь свои решения... В современных условиях без четко сколоченного штаба нельзя думать о хорошем управлении войсками.

Возглавив Генеральный штаб, он с новой энергией стал добиваться постоянного улучшения штабной службы во всех ее звеньях.

Совет Народных Комиссаров СССР 13 марта 1938 года принял постановление об образовании Главного военного совета (до этого существовал Военный совет при Наркомате обороны). В составе Главного военного совета находил-

▲ Маршалы Советского Союза, Шапошников справа 1940 год

▲ Василевский первый справа, Шапошников третий в первом ряду, 1940 год

ся и начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, получивший таким образом возможность непосредственно влиять на принятие важнейших решений по вопросам военного строительства. В работе Главного военного совета участие принимал И. В. Сталин, входивший в его состав. Члены Главного военного совета прислушивались к предложениям Шапошникова, высоко оценивали его глубоко научный и деловой подход к сложным проблемам укрепления военной мощи нашего государства.

По инициативе Шапошникова Главный военный совет рассмотрел и утвердил предложенные им мероприятия по реорганизации оперативно-штабной службы и узаконил эти мероприятия специальным постановлением. Суть их сводилась к тому, чтобы повысить внимание командиров всех степеней к организации штабной службы, добиться того, чтобы штаб в целом, так же как командир соединения, части, нес полную ответственность за организацию и исход боя, а его начальник был первым заместителем командира как в мирное, так и в военное время.

...В 1937 году я продолжал учебу в Академии Генерального штаба, ко-

торая была создана по решению ЦК ВКП(б) в 1936 году.

137 слушателей первого набора, отобранных из работников Генерального штаба и штабов округов, командиров и начальников штабов крупных войсковых соединений и преподавателей академий РККА, приступили к занятиям 1 ноября 1936 года. Срок обучения нам был определен 18 месяцев. Однако завершить полный курс большинству из нас так и не удалось. В конце августа 1937 года и я совершенно неожиданно получил указание принять входившую в состав кафедры оперативного искусства (армейской операции) кафедру тыла. Назначение для меня было совершенно непонятно, так как в данной области я специально никогда не работал. Однако мне сообщили, что оно уже санкционировано начальником Генерального штаба. Еще через месяц так же неожиданно я был вызван в Генеральный штаб. Здесь меня принял Шапошников. Я, конечно, был взволнован.

- Садитесь, голубчик, — сказал Борис Михайлович, когда я вошел в его кабинет и представился по всей форме. — Давайте побеседуем. Я вас немного знаю по Московскому военному округу, так что мы с вами давние сослуживцы... А теперь вот познако-

мился с аттестациями на вас как оперативного работника в Управлении боевой подготовки РККА и в штабе Приволжского военного округа. Это очень важное сочетание: строевой командир с большим опытом и оператор. Хочу предложить вам стать начальником отделения, ведающего в Генштабе оперативной подготовкой высшего комсостава армии. Как вы смотрите на это?

Я ответил, что хотя и знаком с оперативной работой, но масштабы ее при новом назначении, значительно больше. Справлюсь ли?

- Это хорошо, что вы объективно стараетесь соизмерять свои силы, заметил Борис Михайлович, выслушав меня. — Что касается масштабов, то они неизбежно должны раздвигаться по мере роста самого работника. Думаю, что общими усилиями мы справимся со всеми делами, хотя дел действительно весьма и весьма много. Пугать вас не хочу, но и правды скрывать не стану: работать придется до изнеможения...

Мне часто впоследствии приходилось слышать от Бориса Михайловича это выражение «до изнеможения». Оно очень точно выражало его собственное отношение к труду, его полнейшую самоотверженность в деле.

Его личный вдохновенный пример был лучшим стимулом для всех нас.

Правда, все окружавшие его очень огорчались тем, что, весь поглощенный своим делом, работая «до изнеможения», Борис Михайлович забывал о физических возможностях своего организма и не обращал внимания на рекомендации врачей.

В конце 1938 года врачебная комиссия, проведя всестороннее обследование Б.М. Шапошникова, констатировала, что «в данный момент речь идет о недостаточности кровообращения». Больному было предписано «полное прекращение работы на 5 — 6 дней и специальное лечение».

Как бы прося извинить его за большое количество обнаруженных слабостей в организме, Борис Михайлович виновато и смущенно улыбался светилам медицины, обещал найти возможность для прекращения работы, только не сейчас, а несколько позже... Зная, что для отдыха их пациент времени искать не будет, профессора обратились к наркому обороны. На их заключение появилась резолюция К.Е. Ворошилова: «Приказываю прервать работу на 6 суток согласно заключению комиссии врачей».

А внизу страницы нарком сделал еще и добавление: «От себя рекомендую, Б.М., сократить курение раз в 6 — 7 и подышать за городом свежим воздухом, если Вы не враг самому себе, и все обойдется».

Приказание Борис Михайлович, конечно, выполнил. Однако болезнь его прогрессировала, а он по-прежнему не щадил себя. В его рабочем кабинете появились кислородные подушки, к которым все чаще приходилось прибегать...

Вплоть до июня 1939 года я возглавлял в Генеральном штабе отделение оперативной подготовки. Основное время уходило у меня на выполнение разнообразных по форме, но примерно сходных в целом по содержанию заданий Бориса Михайловича. В первую очередь это была разработка годовых приказов и директив наркома обороны СССР по оперативно-стратегической подготовке руководящего состава РККА. В этих документах подводились итоги и на их основе определялись задачи на новый год. Начальник Генерального штаба требовал при этом скрупулезного учета конкретных особенностей каждого округа при постановке

ему задач, обязательного их соответствия условиям дислокации, материальных возможностей, общей роли, которую играл данный округ в системе Вооруженных Сил. Со многим из того, что мне было известно по прежней работе в Управлении боевой подготовки, я знакомился заново. Работа, которой я занимался теперь, была несравненно сложнее и ответственнее всей той, с которой мне довелось иметь дело до 1937 года. В Генеральном штабе рядом с Шапошниковым и под его руководством росли мой оперативный кругозор, опыт, знания. Пожалуй, именно тогда мне в полной мере раскрылась та роль, которая отводилась каждому из видов и родов войск в системе Вооруженных Сил. Повседневное общение с Борисом Михайловичем, глубоко знавшим характер современной войны и умевшим сделать ясные выводы из отдельных, казалось бы, разрозненных фактов, были лучшей школой для каждого, кто имел счастье работать под его руководством.

Окончание в следующих номерах ВИА. ■

▲ Шапошников с женой и сыном

Е.В. ТАРЛЕ, русский, советский историк, академик Академии Наук СССР

ИОНИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ РУССКОГО ФЛОТА

▲ Флотоводец Ушаков Ф.Ф.

Давно отмеченный Грибоедовым недугом части русской общественности в XVIII—XIX вв.— доходившее иногда до подобострастия преклонение перед Западом, перед иностранцами главным образом потому, что они — иностранцы, — сказался и на посмертной участи Ушакова. Только

в наши дни его имя получило достойное всенародное признание.

Так же, как, например, в истории паровых двигателей забыли имя Ивана Ползунова, опередившего почти на два десятилетия Уатта, а в лучах славы Лавуазье потонуло и забылось все, что успел наметить и высказать Ломоносов за много лет

до французского химика, так же, как при жизни Яблочкова даже не было сделано серьезной попытки отстоять первенство России перед Америкой в истории электрического освещения, так же как и в истории радиовещания Маркони получил сполна все то, что по праву принадлежало имени Александра Степановича

Попова,— так же точно ближайšie к Ушакову поколения беспреклонно признали в искусстве ведения морских операций первенство и превосходство Нельсона над Ушаковым, даже не желая считаться с тем хронологически точным фактом, что Ушаков в своих флотоводческих приемах, в своей тактике морского боя явился новатором в полном смысле слова. Упустили из вида, что Нельсон выступил в самостоятельной роли и мог проявить свой талант лишь во второй половине девяностых годов XVIII столетия, когда уже давно успели прогреметь почти все главные морские победы Ушакова, так что никаких «Уроков» у Нельсона русский флотоводец уже никак брать не мог.

В России хоть и поздно, лишь в наше время, все же оценили Ушакова и высоко вознесли его имя. Что же касается Западной Европы и Америки, то его и теперь продолжают там почти вовсе игнорировать.

Но победы Ушакова на Черном море, давшие ему почетное прозвище «морского Суворова», не входят

в хронологические рамки предлагаемой статьи, специально посвященной лишь последнему по времени подвигу славного адмирала — его Средиземноморской экспедиции 1798—1800 гг., и немногие страницы имеют целью лишь в нескольких словах напомнить о том, как создавалась репутация Ушакова среди черноморских моряков перед тем, как он вывел русские корабли на просторы Средиземного моря.

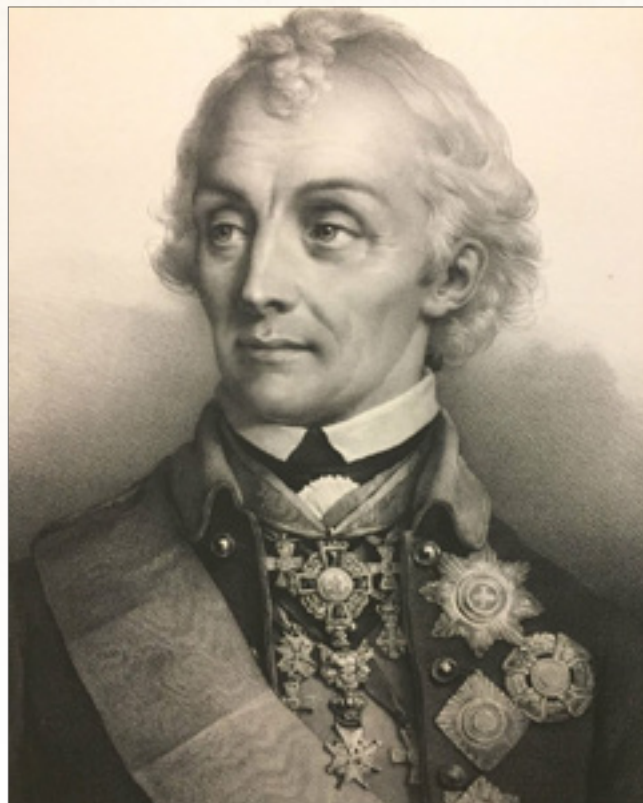
Исторический интерес, который представляет Средиземноморская экспедиция Ушакова, конечно, еще гораздо значительнее, чем интерес чисто биографический. В высшей степени важную роль сыграло это второе (после Чесмы) появление русских военно-морских сил на Средиземном море, причем действовал на этот раз уже не Балтийский, а совсем юный Черноморский флот, при самом зарождении которого принимал такое деятельное участие Ушаков. Политические последствия экспедиции были очень велики. Завоеватель Италии Бонапарт утверждал в 1797 г., что

захват Ионических островов французами он расценивает выше, чем покорение всей Северной Италии. Он имел в виду громадное стратегическое значение Ионического архипелага как опорного пункта, как первоклассной средиземноморской позиции при всяком дальнейшем агрессивном предприятии, куда бы таковое ни направлялось: против Египта, против Бокка-ди-Каттаро, против Константинополя, против русских черноморских владений. Ушаков ликвидировал в 1798—1799 гг. этот захват и изгнал французов с Ионических островов. Это обстоятельство в корне изменило всю ситуацию на Средиземном море и подготовило почву для действий Сенявина в 1805—1807 гг., сыгравших в свою очередь важную роль в истории третьей европейской коалиции против Наполеона.

Подобно Суворову, Кутузову, Сенявину, Нахимову, Федор Федорович Ушаков родился в небогатой дворянской семье и вступил в жизнь без денег и без покровителей.

▲ Сенявин Д.Н.

▲ Суворов А.В.

▲ Екатерина II

Когда шестнадцатилетним юношей Ушаков поступил в 1761 г. кадетом в морской корпус в Петербурге, русский флот был в упадке. Но уже готовилось его возрождение. Очень скоро после вступления на престол Екатерина II взялась энергично за дело. Для нее вопрос о флоте связывался прежде всего с вопросом борьбы за Азовское и Черное моря. Врагом на этих морях являлась Турция, располагавшая значительными морскими силами. Ослабленная на море в борьбе с Англией, Франция своего флота посылать сюда не собиралась. Дипломатические же отношения с Англией в первые полтора десятка лет царствования Екатерины были более чем удовлетворительны. Политика

Вильяма Питта Старшего торжествовала еще очень долго после ухода его от непосредственного участия в правительстве. Использовать Россию в упорной борьбе против Франции — вот что являлось тогда движущей силой британской внешней политики. Могла быть (и стала в конце концов) довольно опасной Швеция, но еще не пришло время для авантюры Густава III.

Для успешной борьбы с Турцией прежде всего необходимо было подумать о создании флота на Азовском и Черном морях. Строительство этого флота на старых петровских воронежских и донских верфях было поручено вице-адмиралу Алексею Наумовичу Сенявину. Под его энергичным руководством с ранней

весны 1769 г. было приступлено к созданию военно-морской базы в Таганроге, постройке на Дону первых боевых кораблей и формированию для них экипажей из моряков, которые довольно крупными партиями прибывали сюда из Балтийского флота.

В числе офицеров, командированных в распоряжение А. Н. Сенявина, прибыл на Дон и мичман Ф. Ф. Ушаков, который уже 30 июля 1769 г. был произведен в лейтенанты. Свои способности, знания и усердие к службе Ушаков вполне доказал в годы русско-турецкой войны, но развернуть его дарования за это время было совершенно невозможно. Как ни энергично создавался флот на Дону, однако в первые годы войны его сил едва хватало для защиты Азовского моря и его берегов от покушений турецкого флота, более сильного и располагавшего базами в Еникале, Кери, Анапе и Суджук-кале.

Все же к весне 1773 г. молодой флот, обеспечив владение Азовским морем, перенес свои действия в воды Черного моря, успешно прикрывая берега Крыма от неприятельских десантов, и, нанеся противнику ряд чувствительных ударов на море, в значительной степени облегчил положение русской армии в Крыму.

Однако в ходе борьбы А. Н. Сенявину и его соратникам приходилось считаться с недостаточностью морских сил России на Черном море и частенько, по выражению П. А. Румянцева, возмещать нехватку материальных ресурсов силой духа и «иногда отвагою награждать свою слабость».

На четвертом году войны Ушаков получил в командование посыльный бот «Курьер», а затем и более крупное судно — 16-пушечный корабль «Модон». К концу войны мы видим Ушакова в Балаклаве участником обороны этой первой русской базы на побережье Крыма. В 1775 г. Ушаков был переведен в Балтийский флот.

Одним из пунктов Кучук-Кайнарджийского мира было признание Турцией права свободного плаванья русских торговых судов из Черно-

го моря в Средиземное и обратно. Основываясь на этом, Екатерина II в целях усиления флота на Черном море предприняла попытку провести в него под видом торговых судов несколько фрегатов из состава Балтийского флота. Корабли эти, нагруженные разными товарами, под торговым флагом и с убранными в трюм пушками, должны были после некоторого пребывания в Средиземном море проследовать в Константинополь в расчете, что турки пропустят этот «коммерческий» караван через проливы. Экспедиция эта была отправлена в 1776 г., и Ушакову, уже в чине капитан-лейтенанта, пришлось участвовать в ней в качестве командира фрегата «Св. Павел». Почти три года эта небольшая эскадра плавала по Средиземному морю, но в Черное море не попала, потому что Турция, недовольная Кучук-Кайнарджийским миром, под влиянием, прежде всего, Франции уже начинала готовиться к новой войне против России и подозревала русское коварство в посылке многочисленных «торговых» судов.

С 1783 г. Ушаков служил в новых портах Черноморья: сначала в Херсоне (1783—1785 гг.), а потом (с 28 августа 1785 г.) — в Севастополе. Эти населенные пункты громко

именовались городами, хотя Херсону, когда Ушаков прибыл в этот поселок, было от роду пять лет, а Севастополю еще и того не было. В Херсоне служба была тяжелая. Ушаков много потрудился по борьбе с чумой, которая разразилась там как раз в первый же год его службы. К этому времени уже успела выявиться яркая черта Ушакова, сближающая его с позднейшими нашими замечательными флотоводцами: Лазаревым, Нахимовым, Макаровым. Мы имеем в виду заботу о матросе, о его здоровье, о гигиене на корабле, об общем благосостоянии команды, его неустанную борьбу против разворовывания казенных денег, ассигнуемых на пищу и одежду личного состава флота.

Ушаков выселил всех своих моряков далеко за город на все время, пока не утихла эпидемия. Все работы на несколько месяцев были прерваны.

Когда началась русско-турецкая война 1787—1791 гг., Ушаков еще на подчиненных ролях проявил себя талантливым боевым руководителем. Борьба предстояла нелегкая. Ведь эта война ничуть не походила на русско-турецкую войну 1768—1774 гг., которая тоже была трудна. Турки начали готовиться к реваншу тотчас же после Кучук-Кайнарджийского мира. Султан только тем успокоил свое ду-

ховенство (улемов), возбуждавшее недовольство в народе, что мир с русскими — это не мир, а лишь перемирие, передышка; и когда после нескольких лет мира Россия в 1783 г. присоединила Крым, то улемы уже совсем открыто и без препятствий со стороны властей предвещали войну с проклятыми гяурами и несомненное торжество правоверных. Усиленно строили корабли, укрепляли изо всех сил Измаил и другие крепости, набирали и обучали матросов. Да и внешняя дипломатическая обстановка складывалась для Оттоманской Порты благоприятно: к старому другу — Франции — прибавились новые друзья Полумесяца — Англия, Пруссия, Швеция, так что хотя австрийский император Иосиф II и стал на сторону Екатерины, но все-таки настроение в Константинополе было самое воинственное. А на море, где Австрия ни малейшей помощи русским оказать не могла, и по давню позволительным казалось рассчитывать на полный успех турецкого флота над еще только что созданным слабым русским флотом.

Не сразу засияла над Черным морем звезда Ушакова. Первый выход Ушакова в море в августе 1787 г. в эскадре графа Марка Войновича, где он, командуя в чине бригадира

▲ Морское сражение

▲ Бой у острова Фидониси

кораблем «Св. Павел», был начальником авангарда, окончился неудачей. В поисках турецкого флота эскадра была застигнута у румелийских берегов страшным продолжительным штормом. Один корабль погиб, другой без мачт в полузатонувшем состоянии был занесен в Босфор и здесь захвачен турками: остальные в сильно потрепанном виде вернулись в Севастополь и требовали продолжительного ремонта. В борьбе со стихией Ушаков проявил себя смелым и знающим моряком и, занесенный к кавказским берегам, все же благополучно довел свой корабль до базы.

3 июля 1788 г. на Черном море произошла первая «генеральная баталия» между обоими флотами, где Ушаков в той же должности начальника авангарда блестяще проявил свое тактическое искусство. Встреча противников произошла у острова Фидониси. Против семнадцати линейных кораблей (в том числе пять 80-пушечных) и восьми фрегатов турецкого капудана-паши Эски-Гасана русский флот имел два линейных корабля (оба 66-пушечные) и десять

фрегатов. По силе артиллерии и количеству выбрасываемого в залпе металла турки были сильнее почти в три раза.

Но после ожесточенного трехчасового боя противник во избежание совершенного поражения вынужден был отступить и скрыться в беспорядке.

Искусные действия авангарда под руководством Ушакова не дали противнику осуществить его план окружения слабейшего русского флота и использовать свое превосходство в силах. Разгадав намерения врага, Ушаков блестяще отразил нападение его авангарда, связал боем самого Эски-Гасана и тем лишил последнего возможности руководить задуманной атакой.

В стремлении приписать победу своему руководству завистливый и малоспособный Войнович в донесениях о бое затушевывал роль Ушакова и подвиги его кораблей. Ушакову пришлось отстаивать себя и заслуги своих храбрых подчиненных, и происшедший на этой почве конфликт с Войновичем неизбежно должен был рано или поздно

привести к устранению Ушакова с боевого поприща. Однако вмешательство Потемкина, по заслугам оценившего Ушакова и увидевшего в нем многообещающего флагмана, в корне изменило обстановку. Войнович, проявивший себя и в дальнейшем бесталанным и трусливым начальником, был смещен, а на его место весной 1790 г. был назначен Ушаков.

Не прошло и четырех месяцев, как разгром турецкого флота в Керченском проливе позволил Потемкину с удовлетворением написать своему избраннику: «отдавая полное уважение победе, одержанной вами над флотом неприятельским... приписую оную благоразумию вашего превосходительства и неустрашимой храбрости вверенных вам сил..», а полтора месяца спустя Ушаков и флот ответили новой победой под Хаджибеем.

«Знаменитая победа, одержанная черноморскими силами, под предводительством контр-адмирала Ушакова... над флотом турецким, который совершенно разбит и рассыпан с потерей главного сво-

его адмиральского корабля... служит к особой чести и славе флота черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие... ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота черноморского подвигов», — отмечал в приказе Потемкин.

Годы боевого руководства Черноморским флотом под начальством Потемкина, может быть, были счастливейшими или, во всяком случае, спокойнейшими с точки зрения личной удовлетворенности в жизни Ушакова.

Потемкин был как раз таким начальником, который, нуждаясь в активном помощнике в деле строительства флота, его подготовки и боевого руководства операциями, видел в Ушакове человека, ясно понимающего роль и значение флота в текущей войне, владевшего искусством побеждать на море и способного организатора. И Потемкин, который, нуждаясь в боевом руководителе для флота, вынужден был в течение войны последовательно избавляться от бездеятельного бюрократа Мордвинова, неспособного и трусоватого Войновича, без колебаний остановил свой выбор на Ушакове.

Вызвав к себе в Яссы Ушакова, Потемкин, хорошо разбиравшийся в людях, увидел в нем человека, которому можно доверить судьбу флота и борьбы на море. Ушаков жаждал активной деятельности на море, он не любил берега и связанной с ним канцелярщины. Вернувшись как-то после трехнедельного поиска у неприятельских берегов, Ушаков выразил это в одном из служебных писем: «просил я позволения... вторично идти с флотом в поход... я только весело время проводил в походе, а возвращаясь сюда, принужден опять заняться за скучные письменные дела».

Потемкин понял его и освободил от этих «дел». Уведомляя Ушакова о назначении его командующим флотом, Потемкин писал: «Не обременяя вас правлением адмиралтейства, препоручаю вам начальство флота по военному употреблению».

У Потемкина к Ушакову было и полное доверие, и теплое чувство, которого никогда у него не было и в помине относительно Суворова. Не любил Григорий Александрович, чтоб его очень уж затмевали и отодвигали на второй план, а оставаться на первом плане, на той самой арене,

на которой разворачиваются блистательные подвиги легендарного героя Суворова, было мудрено. Да и характер у Александра Васильевича был вовсе не такой, чтобы при личных сношениях и служебных столкновениях стирать углы и смягчать обиды. Конечно, Потемкин знал твердо, что без Суворова не обойтись, что, например, если Суворов не возьмет Измаила, то и никто этой крепости не возьмет. Это-то князь Григорий Александрович знал очень хорошо, но и сам Суворов знал это тоже вполне отчетливо и давал чувствовать... С Ушаковым было совсем другое. Потемкин никогда во флотоводцы себя не прочил, так же, как Екатерина II его не прочила, и тут с каждой морской победой Ушакова росла не только слава Ушакова, но и слава Потемкина — создателя Черноморского флота, начальника, сумевшего оценить и возвысить Ушакова.

Пока был жив Потемкин, Ушаков мог твердо рассчитывать на поддержку могущественного человека, верховного и бесконтрольного главы всех вооруженных сил на юге России и на Черном море.

Военные действия на море возобновились в 1790 г. В апреле

▲ Встреча Суворова и Ушакова

1790 г. Потемкин вызвал адмирала Ушакова к себе в Яссы, чтобы дать ему инструкции на предстоящие летние месяцы. Положение было нелегкое для России: враги вставали со всех сторон. Можно было ждать появления англичан в проливах и дальше проливов... Уже в мае Ушаков с эскадрой начал кампанию нападением на Анатолийское побережье, где его крейсерство привело к нескольким частным успехам. Побывал он уже в самом конце мая и близ Анапы, где бомбардировал суда и крепость.

Этот поход Ушакова имел предупредительный, «превентивный» характер: бомбардировка Синопа 22 мая, сожжение нескольких турецких судов в Синопской бухте (где суждено было 18 ноября 1853 г. Нахимову нанести сокрушительный удар туркам), бомбардировка Анапы, полная, растерянность турецких военачальников, убежавших при приближении русских,— все это говорило о том, что, несмотря на количественное и материаль-

ное превосходство турецкого флота на Черном море, ему не выдержать решительной встречи с Ушаковым.

Активное действие Ушакова у анатолийских берегов, помимо военного ущерба, привело к полному прекращению подвоза снабжения в Константинополь. Легкие крейсерские суда ушаковской эскадры, рассредоточившись вдоль побережья, топили и захватывали застигнутые в море суда, шедшие в столицу с грузами продовольствия и снабжения. Обеспокоенное турецкое правительство спешно готовило флот к выходу, усиливая его новыми кораблями. Новому капудану-паше Гуссейну было приказано разбить русский флот и высадить десант в Крым. Порта рассчитывала на восстание татар и лелеяла мысль о захвате и уничтожении Севастополя.

Результатом всех этих приготовлений было появление в конце июня в крымских водах турецкого флота из десяти линейных кораблей, шести фрегатов и трех с половиной десятков более мелких военных

судов. Русская эскадра встретилась с неприятелем 8 июля 1790 г. «против устья Еникальского пролива и реки Кубани», как обозначает Ушаков место разыгравшегося тут морского боя. Пять часов длился бой, кончившийся бегством неприятеля, которому, однако, удалось увести с собой свои поврежденные суда. У русских кораблей тоже были повреждения, но все они очень быстро были исправлены.

Победа в «Еникальском» проливе ликвидировала угрозу высадки турок в Крыму и нападения с моря и с суши на Севастополь.

Турецкий флот, отойдя к своим берегам, спешно приводил себя после боя в порядок. Не осмеливаясь вернуться в Константинополь без сообщения о том, что дерзкий «Ушак-паша» наказан за свои набег на Синоп и Анапу, в то же время, не решаясь на новую встречу с русским флотом, Гуссейн решил занять выжидательное положение. Его наступательный порыв прошел, но тот факт, что в недавнем бою турецкий

▲ Потемкин Г.А.

▲ Ушаков Ф.Ф.

▲ Эскадра Ушакова в Константинополе

флот не был количественно ослаблен и продолжал значительно превосходить русский, подал мысль вновь попытаться счастья.

Турки знали, что в Херсоне достраивается несколько кораблей, предназначенных для усиления севастопольской эскадры. В расчете перехватить эти корабли после их выхода из Лимана Гуссейн решил перейти в район Очакова и здесь у Хаджибея выждать их выхода. Возможно, были намерения уничтожить и гребной флот, базировавшийся на Лиман и имевший задание в ближайшее время перейти на Дунай для совместных действий с армией.

Во всяком случае, Гуссейн не уходил из Черного моря после первой, неудачной для него, но все-таки нерешающей, несмотря на серьезные потери в людях, боевой встречи с Ушаковым. Турецкий флот уже стоял близ Хаджибея, когда Ушаков 25 августа вышел искать его.

Сражение, разыгравшееся между Хаджибеем и Тендрой, не было непрерывным боем, продолжавшимся два дня, как об этом писали в Европе. Это был ряд столкновений, происходивших с промежутками 28 и 29 ав-

густа 1790 г. Турки были разбиты и, понеся тяжкие потери, обратились в беспорядочное бегство. У адмирала Ушакова в этих боях было десять линейных кораблей, шесть фрегатов, два бомбардирских судна, семнадцать легких судов (крейсерских). У турок — четырнадцать линейных кораблей, восемь фрегатов и двадцать три мелких судна. Флот у турок был больше и лучше русского, и то, что Ушаков говорит о турецких более мелких судах, что они были «хорошей постройки», можно было бы, судя по отзывам иностранных наблюдателей, применить и к большим турецким кораблям и фрегатам. Но русских моряков у них не было, не было у них и Ушакова.

При первом же появлении русской эскадры на горизонте — турки стали спешно сниматься с якорей и в беспорядке вступать под паруса. Не перестраивая своей эскадры из походного порядка (она шла тремя колоннами) в боевой, Ушаков устремился на арьергард турецкого флота, стремясь отрезать его от главных сил.

Это заставило капудана-пашу, выстроив передние корабли в боевую линию, повернуть на обратный курс,

чтобы прикрыть отставшую часть своего флота. Сражение сделалось общим и продолжалось до темноты, причем к вечеру турецкая линия была сбита и противник обратился в беспорядочное бегство. Особенно пострадали корабли турецких флагманов. С наступлением темноты погоня была прекращена, и Ушаков, ввиду признаков наступления штормовой погоды, приказал стать на ночь на якорь.

Как и в предыдущем сражении, тактика Ушакова сводилась к бою на самой ближней дистанции (чтобы иметь возможность ввести в дело всю артиллерию, до самого мелкого калибра) и нанесению сосредоточенного удара по турецким флагманам с целью лишить их возможности руководить боем. Для этого Ушаков выделял из нескольких быстроходных судов особый резерв, который в решительный момент по сигналу адмирала устремлялся или для поддержки той или иной части своего флота, или для усиления атаки на флагманов. С рассветом 29 августа турецкий флот оказался также стоящим на якорю в беспорядке вблизи русских кораблей, и Ушаков приказал возобновить.

▲ Морское сражение под Хаджибеем

бой. Обрубая канаты, турецкие корабли в панике стремились оторваться от противника. Во время погони был застигнут, зажжен и вынужден к сдаче адмиральский корабль «Капитание». Едва с него были сняты адмирал со штабом и часть матросов, как объятый пламенем корабль взлетел на воздух. В дальнейшем русские захватили еще один линейный корабль «Мелекибахри» и три мелких судна. Разбитый противник в беспорядке бежал в Константинополь, потеряв в пути потонувшими от боевых повреждений один линейный корабль и несколько мелких.

Победа была полная. Море было полностью очищено от противника.

Наградой за победу Ушакову была георгиевская звезда, то есть орден Георгия 2-й степени, который в свое время был дан С.К. Грейгу за уничтожение турецкого флота при Чесме.

В еще большей мере проявилось флотоводческое искусство Ушакова в сражении у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г.

Обнаружив стоящий у берега под прикрытием батарей турецкий флот в составе восемнадцати линейных кораблей, семнадцати фрегатов и сорока трех мелких судов, Ушаков с целью выиграть ветер (он дул с берега) прошел с флотом между берегом и противником и обрушился на не ожидавших подобного маневра турок всеми силами.

Был праздник рамазана, и часть турецких экипажей беспечно веселилась на берегу. Атакованный противник, рубя канаты, в беспорядке и панике стремился вступить под паруса и выйти из-под удара в море.

Сталкиваясь друг с другом, ломая себе реи и бугшприты, турецкие корабли беспорядочно бежали в море. Все попытки капудана-паши построить флот в боевой порядок были безрезультатны. Подняв сигнал «нести все возможные паруса», Ушаков гнал турецкий флот, сосредоточив атаку на флагманских кораблях неприятеля. К темноте противник был совершенно разбит и думал

только о спасении. Ночь прекратила преследование, и более легкие на ходу турецкие суда устремились к Босфору.

Некоторые корабли, с трудом добравшись до пролива, в полузатонувшем состоянии от пробоин, требовали для спасения помощи с берега и всем своим видом с полной очевидностью свидетельствовали о результатах новой встречи с флотом «Ушак-паши».

Турецкий флот, разбитый у Калиакрии, был последней ставкой оттоманского правительства на море. В его состав входили не только основные морские силы Турции, но и эскадры ее вассалов — алжирская и тунисская. Вторым после капудана-паши флагманом являлся алжирский паша Саид-Али, славившийся своим боевым опытом и храбростью. Он уже наперед похвалялся, что разгромит русский флот и привезет «Ушак-пашу» в Константинополь в железной клетке. Но действительность ниспровергла эти меч-

тания: Ушаков разгромил турок так страшно, что Саид-Али едва унес ноги, а боевая ценность турецкого флота со всеми входившими в его состав алжирскими и тунисскими эскадрами оказалась после встречи у Калиакрии равной нулю.

Стратегическое и политическое значение этой победы было огромно. Хотя к концу лета 1791 г. уже выяснилось, что бряцавшая оружием Англия не выступит против России, и поражение Вильяма Питта Младшего в парламенте по вопросу о войне с нею было уже совершившимся фактом, но эта победа Ушакова делала всякие разговоры об английском выступлении совершенно праздными.

Турецкое правительство, уже перед тем начавшее переговоры о перемирии, но тянувшее их в расчете на английскую помощь, теперь спешно послало курьера в ставку визиря с приказом султана, немедленно заключить перемирие; второй курьер вручил Потемкину просьбу о прекра-

щении военных действий на море. Население Константинополя было в паническом настроении, и султанское правительство ждало прямого нападения Ушакова на Босфор и столицу.

Потемкин был в восторге. «Одержанная победа, — писал он Ушакову, — служит к особой славе вашей», а Екатерина II, посылая контр-адмиралу орден Александра Невского вместе с благодарностью Черноморскому флоту за его боевые подвиги, указывала в грамоте, что эта «знаменитая победа... служит новым доказательством особого мужества и искусства вашего».

Таким образом, победа у Калиакрии окончательно сломала волю Порты к затягиванию войны. Были возобновлены прерванные было переговоры, длительные, но уже более не прерывавшиеся. Война фактически закончилась. Оправиться от Измаила и Калиакрии турки не могли.

После заключения в декабре 1791 г. Ясского мира Ушаков про-

должал командовать корабельным Черноморским флотом и состоять главным начальником Севастопольского порта. Но еще до заключения мира, в октябре 1791 г., его постигла беда: скончался Потемкин, высокоодаренный человек, умевший понимать и ценить чужой талант. Он неизменно поддерживал Ушакова во всех его начинаниях, давал простор его инициативе. Порывы, капризы и некоторая взбалмошность князя Григория Александровича не вредили и не подрывали ряда полезных для флота дел, задуманных и осуществлявшихся неутомимым адмиралом.

Потемкин видел стремления недоброжелателей Ушакова унижить и очернить достоинства его как боевого руководителя. Это особенно ярко проявлялось у старших морских начальников, какими были Мордвинов и Войнович, которые, видя в Ушакове опасного соперника, не могли простить Ушакову ни расположения к нему Потемкина, ни его военных дарований, ни вводимых им новшеств в деле боевой подготовки флота и в тактике, ни, наконец, его боевых успехов. Примеру старших подражали и некоторые более молодые, даже из числа непосредственно подчиненных Ушакову офицеров, и это временами создавало для него весьма тягостную обстановку.

Не раз приходилось Ушакову обращаться за помощью к Потемкину, который немедленно шел навстречу. «Из письма вашего, — писал по одному из таких случаев Потемкин, — примечая я вашу заботу в рассуждении недоброхотов ваших. Вы беспокоитесь о сем напрасно... Никто у меня, конечно, ни белого очернить, ни черного обелить не в состоянии, и приобретение всякого от меня добра и уважения зависит единственно от прямых заслуг. Служите с усердием и ревностью и будьте в прочем спокойны».

Но со смертью Потемкина обстановка резко изменилась. Удаленные Потемкиным от управления и боевого руководства флотом, Мордвинов, Войнович и их сторонники снова принялись за сведение счетов. К тому же убранный из Черного моря

▲ Бой у мыса Калиакрия

▲ Мордвинов Н.С.

Мордвинов, теперь произведенный в вице-адмиралы, в качестве ставленника Платона Зубова снова вернулся на пост главного начальника Черноморского флота.

Человек поверхностного ума, бездеятельный и формалист, Мордвинов, обладая фактическим всевластием по должности первого члена Черноморского адмиралтейского правления, причинил немало вреда флоту в первые годы войны до своего вынужденного ухода. Потемкин скоро расценил Мордвинова как законченного бюрократа и высказывал ему это. Вот что писал он в октябре 1788 г., выведенный из терпения бюрократизмом Мордвинова: «Я вам откровенно скажу, что во всех деяниях правления больше формы, нежели дела... Есть два образа производить дела: один, где все возможное обращается в пользу и придумываются разные способы к поправлению недостатков... другой, где метода (т.е. шаблонная, бюрократическая форма — Е. Т.) наблюдается больше пользы — она везде бременит и усердию ставит препоны».

▲ Павел Петрович

Было у Потемкина столкновение с Мордвиновым и из-за Ушакова, который был вызван князем в Херсон для деловых переговоров, но ввиду того, что свидание задержалось, был отправлен Мордвиновым обратно в Севастополь. По-видимому, Потемкин намечал назначить Ушакова руководить боевыми действиями флота в Лимане, чего Мордвинов не желал. За самовольную отправку Ушакова в Севастополь Мордвинов получил от Потемкина строгий выговор и, конечно, помнил это.

Став снова непосредственным начальником Ушакова, Мордвинов, явно завидовавший громкой его славе, мелочными придирками теснил Федора Федоровича, раздражая его и по мере сил мешая ему. Мордвинов подчеркнуто не признавал ни его боевого опыта, ни служебного и морского авторитета. И хотя в сентябре 1793 г. Ушаков, наконец, «по линии» был произведен в вице-адмиралы, Мордвинов не упускал случая для сведения старых счетов.

Особенно обострилась ссора именно в 1798 г., за несколько ме-

сяцев до того, как началась Средиземноморская экспедиция Ушакова. Мордвинов посылал Ушакову приказы о вооружении двенадцати кораблей, а Федор Федорович не мог уловить в путаных бумагах начальства точный смысл: «Я все предписания вашего высокопревосходительства желательно и усердно стараюсь выполнять и во всей точности, разве что определено нерешительно или в неполном и двойном смысле, чего собою без спросу вновь исполнить невозможно или сомневаюсь», — ядовито писал Ушаков Н.С. Мордвинову 22 марта 1798 г.

Отношения между ними еще более ухудшились, когда во время «пробы» двух вновь выстроенных на херсонских верфях кораблей (в мае 1798 г.) Мордвинов нашел, что эти суда, строившиеся под его личным наблюдением, вполне мореходны, устойчивы и пр., а Ушаков публично, в присутствии многих капитанов, находившихся в Севастополе, высказался, что испытания эти проведены искусственно, нарочно организованы при тихой по-

годе и корабли не имели должной нагрузки,— словом, что эта «проба» фальшива и поэтому никуда не годится. Раздраженный Мордвинов грубо оскорбил Ушакова. Вне себя от гнева, Ушаков тотчас вслед за этой сценой обратился с письменным протестом не только к самому Мордвинову, но и непосредственно к императору Павлу. Он описал императору, что предпочитает смерть, если не обратят внимание на его жалобу. Он просил разрешения прибыть лично в Петербург, чтобы обстоятельно рассказать царю о сомнительной проделке Мордвинова с «пробой» этих кораблей. Павел велел Адмиралтейств-коллегии рассмотреть жалобу и доложить ему.

Жалоба Ушакова написана была в самых сильных выражениях. Адмирал жаловался на злобные и оскорбительные придирки Мордвинова и приписывал «тяжкий гнев главнокомандующего» именно отрицательной экспертизе Федора Федоровича относительно осмотренных судов: «... при самом отправлении моем со флотом на море вместо благословения и доброго желания претерпел я бесподобную жестокость и напрасные наичувствительнейшие нарекания и несправедливость, каковую беспре-

ривно замечаю в единственное меня утеснение. При таковой крайности не слезы, но кровь из глаз моих стремится. Смерть предпочитаю я легчайшею несоответственному поведению и служению моему бесчестью».

Но за результат жалобы Ушакова Мордвинов мог быть спокоен. В глазах Павла I Ушаков являлся креатурой ненавистного ему Потемкина, Мордвинов же был лицом, в свое время пострадавшим от своевластного «фаворита» Екатерины. Можно было ожидать, что Адмиралтейств-коллегия учтет это и не встанет на защиту Ушакова. Так оно и случилось. Коллегия нашла, что имеющих в ее распоряжении материалов для вынесения решения недостаточно, затребовала от обеих сторон дополнительные объяснения... Словом, началась обычная канцелярская волокита. Но все же было признано, что Ушаков был прав, указывая на неясность приказов Мордвинова.

Но вот в разгар конфликта двух адмиралов внезапно и круто все изменилось: снова наступил исторический момент, когда России понадобилась не серая бездарность, вроде Мордвинова, а боевой руководитель и славный своими подвигами на море Ушаков.

Еще в самом начале 1798 г. русскому правительству стало известно, что во французских портах Средиземного моря идет спешная подготовка к какой-то крупной морской операции. В Тулоне, Марселе и ряде других портов велось усиленное вооружение боевых кораблей, оборудование большого числа транспортов и сосредоточение значительного количества войск. Это шли приготовления к задуманной Бонапартом и принятой Директорией Египетской экспедиции. Но для отвлечения внимания от истинной цели экспедиции распространялись ложные слухи о намечаемом вторжении в Англию, десанте на Балканский полуостров, вероятном союзе между Директорией и Оттоманской Портой и вторжении французского флота через открытые Турцией проливы в Черное море.

Обеспокоенный полученными сведениями, Павел I уже в начале февраля приказал Черноморскому флоту под начальством Ушакова спешно готовиться к началу кампании, а до его готовности организовать с помощью крейсеров наблюдение у берегов Крыма, в районе Керченского пролива и от Аккермана до Тендры.

▲ Черноморский флот

▲ Бонапарт

В указах Павла Мордвинову и Ушакову высказывалось опасение о возможности вовлечения Турции в союз с Францией и предлагалось, усилив бдительность на море, надежно прикрыть берега от покушений противника. Ушаков деятельно готовил флот в составе 12 линейных кораблей и больших фрегатов, выслал легкие крейсера в море для действий между Севастополем и Одессой.

Распространяемые агентами Бонапарта слухи сеяли тревогу и вызывали усиление военных мероприятий. В начале апреля были получены сведения, что французы уже вводят свой флот в Мраморном море, и Ушакову было приказано выйти в море для отражения покушений противника. 23 апреля последовал новый рескрипт Павла I на имя Ушакова:

«Вследствие данного уже от нас вам повеления о выходе с эскадрой

линейного флота в море и занятии позиции между Севастополем и Одессой, старайтесь наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Черное море или склонить Порту к каковому-либо покушению».

Таким образом, еще весной 1798 г. в Петербурге не знали, с кем придется воевать Черноморскому флоту: с французами или с турками? Или с теми и другими? И чем более распространялись слухи о загадочных военных приготовлениях в Тулоне, тем более в Петербурге крепла мысль, что удар вернее всего будет направлен против русских черноморских берегов.

Одним из толчков, предопределивших в дальнейшем выступление Павла против Франции, был взволновавший всю Европу выход из Тулона флота с 36-тысячной экспедиционной

армией под начальством Бонапарта. В Петербурге уже было решено принять немедленно меры предосторожности. Куда направляется Бонапарт? В Ирландию (как сам он нарочно распускал слухи)? В Константинополь? В Египет?

Что Бонапарт высадился в конце июля 1798 года в Александрии и что не успевший помешать этому Нельсон все же разгромил французский флот 1 августа при Абукире, в России узнали очень нескоро. Но одновременно с известиями об этом пришло сообщение и о захвате французами Мальты. Считая себя великим магистром Мальтийского ордена, Павел принял это как вызов. И хотя высадка французов в Египте рассеивала пока опасения за Черное море, но опасность дальнейшей агрессии на Ближнем Востоке побудила Павла предложить Турции союз для совместных действий «против зловредных намерений Франции».

Беспокойство в России внушало именно последнее. Дипломаты, генералы и адмиралы, выросшие в традициях и воззрениях екатерининских времен, знали, что при старом французском режиме неизменным принципом французской политики была всемерная поддержка Турции и в ее борьбе против России и что упорное стремление упрочить свои торговые интересы на востоке Средиземного моря, а если повезет счастье, то, и на Черном и Азовском морях долгие десятилетиями руководило всей дипломатической деятельностью версальского двора. Революция в этом отношении мало что изменила. Было ясно, что если Бонапарт направится на Константинополь, то, добровольно или по принуждению, Турция непременно вступит с ним в союз, и соединенная франко-турецкая эскадра и десантный флот войдут в Черное море.

Султан Селим III и его диван боялись французов именно потому, что на этот раз «союз» с Францией крайне легко мог превратиться в завоевание французами части турецких владений. При этих условиях предложение Россией союза для совместной борьбы против грозящего нашествия было

встречено Портой вполне сочувственно, тем более, что, кроме России, в этом общем антифранцузском наступлении должны были принять участие Австрия и Англия.

Еще до того, как этот внезапный «союз» с Турцией был заключен, последовал высочайший указ адмиралу Ушакову от 25 июля 1798 г. Ему приказывалось «немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей, послав предварительно авизу из легких судов» к русскому посланнику в Константинополе Томаре. Дальше Ушакову предлагалось ждать извещения от Томары о том, что Porta просит русской помощи против французов, и как «буде Porta потребует помощи», Ушаков должен был войти в Босфор и действовать совместно «с турецким флотом противу французов, хотя бы и далее Константинополя случилось».

Удивляться, что обратились именно к Ушакову, не приходится. Герой, одержавший несколько замечательных морских побед на Черном море, знаменитый на всем Востоке непобедимый «Ушак-паша» не имел в тот момент соперников между русскими адмиралами. Ушаков получил высочайший указ 4 августа 1798 г. в Севастополе. Немедленно он начал сборы — и уже 13 августа вышел в море с эскадрой в составе шести линейных кораблей, семи фрегатов и трех посыльных судов. Общее число артиллерийских орудий было 794, общее число морской пехоты и команды («служителей») — 7411 человек.

Турция согласилась выделить под верховное командование Ушакова четыре линейных корабля, десять фрегатов и корветов и «до тридцати малых судов». Маршрут для Ушакова наме-

чался такой: Архипелаг к берегам Мореи, «к Корону, Модону и Наварину», а оттуда прямо к Ионическим островам. Здесь и должна была произойти боевая встреча Ушакова с французскими оккупационными силами.

«По всем ведомостям Блистательная Porta и весь народ Константинополя, — доносил Ушаков 29 августа, — прибытием вспомогательной эскадры бесподобно обрадованы: учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны».

Согласно директиве, полученной из Петербурга, пределы действий эскадры ограничивались районом Египта, Кандии (Крита), Мореи и Венецианского залива, «смотря по нужде в обстоятельствах». В зависимости от последних предлагалось также оказывать содействие находящейся в Средиземном море английской эскадре.

Переговоры с Портой, в которых принял участие и Ушаков, закончились соглашением, по которому соединенные русская и турецкая эскадры под общим начальством Ушакова должны были следовать в Средиземное море для освобождения от французов захваченных ими Ионических островов.

Обстановка на Средиземноморском театре создавалась чрезвычайно сложная. Генерал Бонапарт, отправившись в мае из Тулона на завоевание Египта, захватил по пути остров Мальту и затем, сбив с толку гонявшегося за ним по всему морю Нельсона, благополучно высадил свою армию в Александрии и победоносно двинулся вперед к Каиру, сокрушая сопротивление противника на суше. Но опоздавший Нельсон все же нашел сопровождавший экспедицию Бонапарта французский флот и одержал большую морскую победу при Абукире 21 июля (1 августа) 1798 г.

Вторжение французов в Египет затрагивало не только английские и турецкие интересы, но и русские, хотя, конечно, в меньшей степени. Укрепление французов на Средиземном море в восточной его части грозило полным превращением Турции во французского вассала, появлением французского флота на Черном море, то есть уничтожением всего того, что было достигнуто Россией в результате как Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г., так и Ясского мира 1791 г. Египетская экспедиция с этой точки зрения являлась прямым продолжением и как бы дополнением предшествующих событий: захвата Бонапартом Венеции в 1797 г., занятия числившихся за Венецией, хоть и не всегда реально ей подвластных, Ионических островов, утверждения французов в Адриатическом море.

Старые екатерининские вельможи просто не могли опомниться и поверить ушам и глазам своим: русские в союзе с турками. Но чего не сделает французская революция!

Настойчиво указывалось Ушакову на необходимость всячески оказывать полное внимание и почтение туркам, чтобы искоренить их застарелое недоверие. «Впрочем, поручаю вам

стараться избегать и не требовать лишнего от Порты и не терять из виду, что, помогая ей, не должны мы становиться в крайнюю тягость. Я полагаюсь относительно сего на ваше благоразумие, быв уверен, что вы будете тащись о выгодах ваших подчиненных, притом и о сохранении наилучшего от нас впечатления как в самом султани и министерстве его, так и в простом народе», — писал Павел в рескрипте на имя Ушакова 25 сентября 1798 г.

28 сентября (9 октября) 1798 г. Ушаков подошел к о. Церигго (Черигго). В тот же день с фрегатов «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» на остров был высажен десант, который занял крепость Св. Николая. Французы укрылись в крепости Капсала. 1 (12) октября эта крепость подверглась комбинированной атаке со стороны десанта, трех русских фрегатов и одного авизо. Французы сопротивлялись упорно, но не очень долго. Подавленный мощью, артиллерийского огня и стремительностью атаки, французский гарнизон уже через несколько часов принужден был вывесить белые флаги. Ушаков поставил мягкие условия: французов отпускали «на честное слово» (не сражаться в эту войну против России), и им позволено было выехать в Анкону, занятую тогда французским гарнизоном, или в Марсель.

Здесь Ушаков впервые начал осуществлять план, который он, по видимому, наметил еще до открытия военных действий. Население (греки по преимуществу) встретило русских с необычайным радушием, и Ушаков своим первым же распоряжением еще усилил эти благожелательные чувства: он объявил, что поручает управление о. Церигго, попавшим в его власть, лицам «из выборных обществом дворян и из лучших обывателей и граждан, общими голосами признанных способными к управлению народом». Острову давалось местное самоуправление, это самоуправление было подчинено верховной власти адмирала Ушакова.

В самой Франции это были годы крутой крупно буржуазной реакции,

время жестокого гонения на якобинцев. К 1798—1799 гг. уже миновало то время, когда французов с надеждой встречала как освободителей часть (и значительная часть) населения стран, куда они входили победителями. Крутая эволюция, превратившая «войны освобождения» первых светлых времен революции в войны завоевания и ограбления, — эволюция, уже очень заметная в 1796 г., при первом вторжении Бонапарта в Италию, продолжалась все ускоряющимся темпом в течение 1797—1799 гг. Греки и славяне Ионических островов, итальянское крестьянство Обеих Сицилий и Церковной области, египетские феллахи на берегах Нила жестоко чувствовали суровый военный деспотизм победителей, полнейшее свое бесправие перед французами и ощущали французское завоевание как грабительский захват, потому что в большей или меньшей степени грабеж населения в этих южных странах, занятых французами, практиковался невозбранно. Пресловутый лозунг, брошенный генералом Бонапартом, — «война должна кормить себя сама», — приносил свои плоды.

Такова была та солидная почва, которая подготовила благоприятное для русских настроение среди части населения сначала на Ионических островах, а потом в Южной Италии. Если же на Ионических островах это благожелательное настроение населения выразилось в столь бурно восторженных формах, то не следует забывать, под каким террором жило христианское (греческое по преимуществу) население островов. Ведь Ушаков; явился тогда, когда могущество Али-паши Янинского на западе Балкан находилось в зените. А о том, что между французами и Али-пашой уже велись переговоры, на островах были осведомлены.

Наибольшую ненависть населения Ионических островов французские захватчики возбудили к себе именно своей временной дружбой с Али-пашой, который, почувствовав эту поддержку и опираясь на нее, подверг страшному опустошению ряд селений, истреблял там (в Нивице-Бубе, в селе св. Василия, в городе Превезе,

▲ У Ионических островов

в других местах) христианское (греческое и славянское) население. Около шести тысяч человек было перерезано. Вешали для забавы семьями по четырнадцать человек на одном дереве, сжигали живьем, подвергали перед убийством страшнейшим пыткам. Изверг Юсуф, командующий войсками Али-паши, предавался всем этим зверствам именно в последние месяцы перед появлением Ушакова. «Можно представить себе без труда, какое впечатление эта мрачная драма произвела на Ионических островах. Популярность французов не могла противостоять подобным испытаниям», — пишет гречанка Дора д'Истрия, не желающая показать из любезности к своим французским читателям, что, помимо губительной для греков политики «дружбы» французов с Али-пашой, французская популярность была подорвана уже очень скоро после 27 июня 1797 г., когда генерал Бонапарт, уничтожив самостоятельность Венецианской республики, послал одного из своих генералов (Жантильи) занять, Ионические острова. Грабежи и поборы всякого рода и полное уничтожение даже того очень скромного самоу-

правления, которым пользовалось население при венецианском владычестве, водворение полнейшей военной диктатуры — все это еще да разбойничьих подвигов Али-паши на албанском берегу сделала французских захватчиков ненавистными большинству обитателей Ионических островов, особенно крестьянам. Это сильно облегчило Ушакову освобождение Ионического архипелага.

13 (24) октября 1798 г. Ушаков от о. Цериги перешел со своим флотом к о. Занте. Положение он застал здесь такое, французский гарнизон засел в крепости на крутой горе и, кроме того, выстроил несколько батарей на берегу. Ушаков приказал капитан-лейтенанту Шостаку разгромить батареи и высадить десант. Для этой операции были выделены два фрегата и гребные суда. После оживленной перестрелки Шостак сбил батареи и начал высадку десанта. Жители острова толпами стали сбегаться к берегу, восторженно приветствуя русские войска. Произошло, правда, некоторое замешательство, когда вместе с русскими стали высаживаться и турки, потому что греки ненавидели и боялись турок еще больше, чем

французов. Но уже очень скоро они сообразили, что главой предприятия является Ушаков, и успокоились.

Наступал вечер, а оставалось еще самое трудное дело — взять крепость. Орудия, палившие с русских кораблей по крепости, ничего поделывать не могли, так как ядра не долетали. Капитан-лейтенант Шостак послал в крепость к французскому коменданту полковнику Люкасу парламентаря с требованием немедленной сдачи. Люкас отказал. Тогда Ушаков приказал десанту штурмовать высоту, на которой располагалась крепость, Солдаты и моряки, окруженные толпами жителей, освещавших путь фонариками, двинулись к крепости под предводительством капитан-лейтенанта Шостака. Но тут из крепости вышел комендант Люкас, изъявивший желание договориться с русским командованием о сдаче. Боясь, что население растерзает его, если он появится во французском мундире, Люкас явился переодетым в штатское.

14 (25) октября состоялась сдача гарнизона, и над крепостью был поднят русский флаг. Комендант, 444 солдата и 46 офицеров с очень большим трудом были отправлены к Уша-

кову на корабли, — разъяренный народ хотел отбить их и растерзать. Нужно сказать, что, помимо ограбления жителей и произвола военных властей, греки островов (особенно Занте, Кефалонии и Корфу) страдали еще от полного прекращения с появлением у них французов какой бы то ни было морской торговли. Англичане еще до появления ушаковской эскадры пресекли всякое сообщение между Ионическими островами, Мореей и Италией. Обнищание населения быстро прогрессировало именно на тех островах, где торговля прежде кормила большую массу жителей.

На русских кораблях с пленными французами обращались прекрасно; тем же из них, кто попал на суда Кадыр-бея, довелось вынести все муки галерных невольников. В конце концов пленные были отправлены в Константинополь, а восемнадцати семейным офицерам Ушаков разрешил выехать с семьями в Анкону, занятую тогда французами.

15 (26) октября Ушаков при звоне церковных колоколов, встреченный криками и приветствиями громадной толпы, высадился на берег. Во время шествия русских им из окон бросали цветы. Солдат и моряков угощали вином и сладостями, на домах вывешены были ковры, шелковые материи, флаги. «Матери, имея слезы радости, выносили детей своих и заставляли целовать руки наших офицеров и герб российский на солдатских сумках. Из деревень скопилось до 5000 вооруженных поселян: они толпами ходили по городу, нося на шестах белый флаг с Андреевским крестом». Все это ликование совсем не нравилось туркам, которые «неохотно взирали на сию чистосердечную и взаимную привязанность двух единоверных народов», — пишет очевидец Метакса. Но дальше чувства населения Занте выразились еще более недвусмысленно.

Ушаков собрал немедленно «главнейших граждан» к себе на совещание и сразу же заявил, что предлагает приступить «к учреждению временного правления, по примеру острова Цериги». Во время этого совещания громадная толпа народа собралась на большой площади, ожидая резуль-

татов. «Но когда зантиоты услышали, что они остаются независимыми под управлением избранных между собой граждан, то все взволновались и начали громогласно кричать, что они не хотят быть ни вольными, ни под управлением островских начальников, а упорно требовали быть взятыми в вечное подданство России, и чтобы определен был начальником или губернатором острова их российский чиновник, без чего они ни на что согласия своего не дадут».

Дело было совершенно ясно для всех: островитяне смертельно боялись и ненавидели турок и были убеждены, что какое бы самоуправление Ушаков им ни дал, турки, как только он со своей эскадрой уйдет, под каким-либо предлогом (или вовсе без всякого предлога (завладеют островом, что будет еще безмерно хуже, чем французское управление. Единственно, чему они верили, было покровительство России. Ушаков смутился. «Такое неожиданное сопротивление, сколь ни доказывало народную приверженность к России, крайне было оскорбительно для наших союзников и поставляло адмирала Ушакова в весьма затруднительное положение». Ему пришлось объясняться с народом, и это объяснение, записанное в отчете Метаксы (не русского, а грека по происхождению) влетает новый лавр в исторический венец славы Ушакова. «Он (адмирал Ушаков — Е. Т.) с ласкою доказывал им (народу — Е. Т.) пользу вольного, независимого правления и объяснял, что великодушные намерения российского императора могли бы быть худо истолкованы, ежели бы, отторгнув греков от ига французов, войска его вступать стали в Ионические острова не яко освободители, но яко завоеватели, что русские пришли не владычествовать, но охранять, что греки найдут в них токмо защитников, друзей и братьев, а не повелителей, что преданность их к русскому престолу, конечно, приятна будет императору, но что он для оной договоров своих с союзниками и с прочими европейскими державами порушать никогда не согласится». Жители долго спорили и не соглашались, и «много стоило

труда адмиралу Ушакову отклонить сие общее великодушное усердие зантиотов».

На первых порах Ушаков назначил «трех первейших архонтов», а уж те должны были кооптировать других членов совета, Полицию («городскую стражу») должны были избрать сами граждане.

За дарованием самоуправления последовала судебная реформа, заменившая военные суды времени французской оккупации.

Уже через четыре дня, 19 (30) октября 1798 г., Ушаков предоставил «дворянам и мещанам» острова Занте и других Ионических островов «избрать по равному числу судей, сколько заблагорассудится, для рассмотрения дел политических и гражданских, сходно обыкновенным правилам и заповедям Божиим. Буде ваши судьи в рассматривании дел преступят путь правосудия и добродетели, имеете право на их место избрать других. Вы можете также общим советом давать паспорта вашим единоземцам за печатью вашего острова».

Очень характерно для Ушакова изданное им в первые же дни освобождения Ионических островов распоряжение: выплатить жителям островов те долги, которые остались за французами. Погашать эти долги предлагалось с таким расчетом, чтобы всем хоть частично хватило: «которые бедные люди и французы им должны, следовательно, заплату (Е. Т.) должно делать всякому не полным числом, сколько они показывают, а частию должно оттого уменьшить, чтоб и другие не были обидны».

Это было нечто совсем уже неслыханное ни в те, ни в другие времена. Конечно, немудрено, что молва о том, с какой внимательностью и участием русский адмирал относится к населению, широко распространялась по островам восточной части Средиземного моря и на о. Мальта.

Оставив на Занте небольшой гарнизон, Ушаков отправился дальше к о. Корфу.

Но еще до ухода от берегов Занте адмирал получил известие, что отправленный им для овладения о. Кефалония капитан 2 ранга И. С. По-

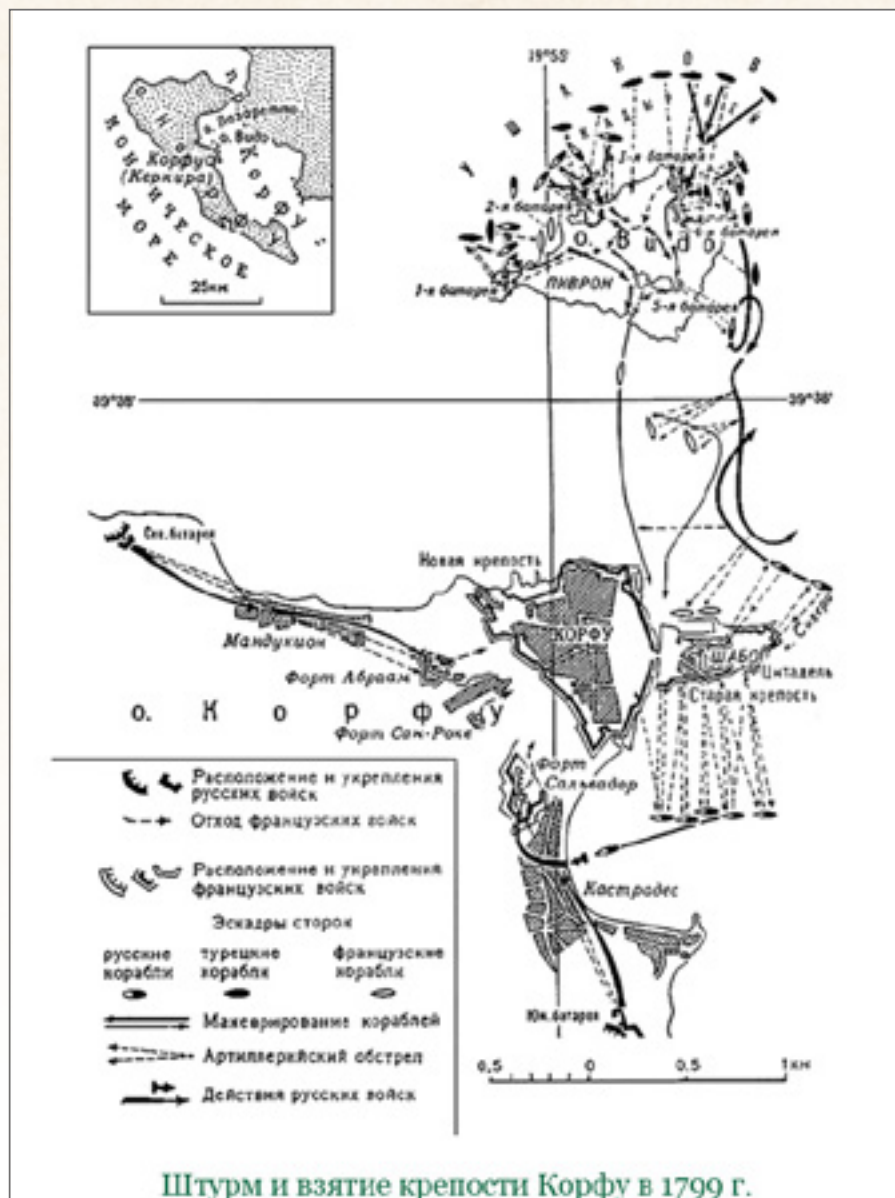
скочин успешно выполнил 17 (28) октября 1798 г. свое поручение.

Любопытно отметить, что еще до прибытия Поскочина к о. Кефалония жители этого острова восстали против французов, и те, очистив берега, бросили батареи и бежали в крепость. Но им не удалось укрыться. Посланный Поскочиним отряд перехватил французов и взял их в плен. Нужно сказать, что здесь, на Кефалонии, по-видимому, все же были кое-какие приверженцы французов — если не среди крестьян, то среди городского населения. По крайней мере на нечто подобное намекают следующие строки записок Метаксы: «Народ наполнял воздух радостными восклицаниями и клялся истребить всех французов и приверженцев их... Чернь, устремясь на один дом, начала оный грабить, называя хозяина якобинцем», но русский мичман «бросился в толпу, захватил зачинщиков и растолковал им, что дело это не касается до них, что должно оно оставить на рассмотрение самого адмирала...» Что этот случай не был единичным, доказывают следующие слова того же Метаксы: «Все благонамеренные граждане изъявили страх свой и подтвердили, что оба города (Ликсури и Артостоли — Е. Т.) окружены множеством вооруженных деревенских жителей, которые намереваются ворваться в оные и их ограбить под предлогом злобы своей противу якобинцев». Поскочин немедленно принял меры, выставив заряженные пушки перед пикетами. А Ушаков приказал трем фрегатам приблизиться на картечный выстрел к обоим городам Кефалонии и в случае грабежей и буйств и невозможности остановить народ «лаской» стрелять сперва холостыми зарядами, а затем картечью. Таким образом, русская картечь чуть-чуть не была пущена в ход, но только не против «якобинцев», а в защиту «якобинцев»! Но толпа присмирела, и никто не пострадал.

23 октября (3 ноября) о. Кефалония посетил Ушаков. Население встретило адмирала с таким же ликованием, как и на других островах. К нему привели взятого в плен вместе

со всем гарнизоном французского коменданта Кефалонии Ройе. Француз «изъявил главнокомандующему чувствительнейшую свою благодарность за вежливое и человеколюбивое обхождение капитана Поскочина, которого он назвал избавителем, защитившим как его самого, так и всех французов от мщения цефалониотов (кефалонитов — Е. Т.)». Ройе утверждал, что греки грубо с ним обошлись еще до прибытия эскадры: «Ежели бы не усилия великодушного сего офицера (Поскочина — Е. Т.), подвергнулись бы мы, конечно, неминуемой и поносной смерти...» Ушаков отвечал: «Вы все называете себя образованными людьми, но деяния

ваши не таковы... Вы сами виновники ваших бед...» Ушаков намекал на постоянные грабежи и безобразные насилия французских оккупантов над жителями островов, возбудившие такую ненависть к французам. Очень характерно, что Ушаков укорял Ройе не за то, что тот служит «безбожной республике», а за то, что он очень плохо ей служит. «Я вел себя, как следует исправному французскому офицеру», — сказал Ройе. «А я вам докажу, что нет, — возразил Ушаков. — Вы поздно взялись укреплять вверенный вам остров, вы не сделали нам никакого сопротивления, не выстрелили ни из одного орудия, не заклепали ни одной пушки».

Невольно приходит на память слепая, беспощадная ярость Нельсона по отношению к пленным «бунтовщикам», откровенно им признаваемая ненависть к французам «за то, что они французы», его безобразное поведение в Неаполе летом 1799 г., гнусная казнь пленного республиканского адмирала Караччиоло. Благородная укоризна Ушакова французскому офицеру за то, что тот плохо исполнил свой долг перед Французской республикой, необычайно характерна для русского флотоводца.

Общее настроение Ушакова выяснилось вполне после его прибытия в Кефалонию. Организовав сразу и здесь нечто вроде самоуправления, то есть немедленно избрав несколько постоянных жителей острова (причем адмирал привлекал также и крестьян), которым поручалось на первых порах поддерживать порядок и подготовить организацию выборов в местный совет, Ушаков незамедлительно должен был разрешить очень важный вопрос. На Кефалонии и на Итаке французская оккупация оставила больше следов, чем на островах Цериги и Занте. Дворянство здесь было полно жажды мести против тех горожан, которых подозревали или даже очень доказательно уличали в сочувствии «якобинцам». Разъяренные враги этих оказавшихся в совсем отчаянном положении местных «якобинцев» жаждали немедленной расправы, жаждали крови. «Именитое» купечество острова, раздраженное прекращением морской торговли во время французской оккупации, этих несчастных «якобинцев» не только не защищало, напротив, старалось расправиться с ними. Кто были эти «якобинцы»? Трудно сказать в точности, — по видимому, представители довольно немногочисленной кефалонийской интеллигенции, может быть, также представители мелкой буржуазии, как это было в соседней Морее. Так или иначе, Ушакову на другой же день после его появления на Кефалонии были представлены все нужные документы для ареста и осуждения ряда лиц, заседавших в устроенном французами «муниципалитете» (вроде того «муниципалитета», который французы

устроили в 1812 г. в Москве) или подписавших прокламации во французском духе и т. д. Доносители имели все основания ждать, что Ушаков поступит так, как в подобных случаях поступали все без исключения австрийские и английские военачальники, то есть предаст обвиняемых «якобинцев» аресту, следствию, суду, казни. Но русский адмирал поступил иначе: «Адмирал Ушаков, входя в положение сих несчастных граждан, покорствовавших силе и действовавших, вероятно, более от страха, нежели из вредных намерений, не обратил никакого внимания на донос сей я избавил мудрым сим поведением обвиненных не токмо от неминуемых гонений, но и от бесполезных нареканий».

Благородная натура Ушакова больше всего сказалась при освобождении Ионических островов именно в настойчивом стремлении оградить «якобинцев», то есть жителей островов, которые были дружелюбно настроены по отношению к французам, от всяких обид и притеснений со стороны их соотечественников. «Как мы всех бывших в погрешностях по таковым делам (в сочувствии к французам — Е. Т.) простили и всех островских жителей между собою примирили, потому и имена от них или от родственников их отбирать не надлежит». И еще и еще настаивает Ушаков: «обо всех таковых решение делать справедливое и всевозможно стараться избегать напрасной обиды и притеснений, о чем наистрожайше делать рассмотрение, дабы какой-либо несправедливостью не подвергнуть себя суду всевышнего». Нужно припомнить все зверства дворянско-феодалной и клерикальной реакции всюду, где она в эти годы торжествовала, чтобы оценить всю исключительность поведения Ушакова на Ионических островах.

Перед отбытием Ушаков «по общему желанию здешних обывателей», как он считает нужным прибавить, оставил на о. Кефалония небольшой отряд. Он сделал распоряжение о подавлении силой беспорядков, если таковые произойдут, но прибавил: «Однако по доброму ко мне распо-

ложению и благоприятству всех здешних жителей такового неприятного дела случиться и не ожидаю. Уверен, что всякий, восчувствовав наши благодеяния, приятство и истинное желание всем жителям совершенных благ и спокойя, будут стараться исполнять все то, что сим предложением моим назначено». Никаких «ослушаний» на Кефалонии не произошло.

Отойдя от Кефалонии, Ушаков направился к о. Корфу, но уже в пути получил известие, которое заставило его внезапно изменить маршрут и двинуться не к Корфу, а к о. Св. Мавры, как его называют русские источники (итальянцы, греки в англичане называют этот остров Санга-Маура). Известие пришло от капитана 1 ранга Дмитрия Николаевича Сенявина, которого Ушаков отправил к о. Св. Мавры, еще находясь на о. Занте. Сенявину было поручено овладеть островом, но теперь Сенявин извещал адмирала о встретившихся серьезных трудностях. Отрядив часть своих сил к о. Корфу для подкрепления блокады острова (уже начатой), Ушаков с четырьмя русскими судами (2 линейных корабля и 2 фрегата) и тремя турецкими (2 линейных корабля и фрегат) пошел к о. Св. Мавры.

Сенявин немедленно ввел его в курс дела. Во-первых, оказалось, что французский гарнизон намерен серьезно сопротивляться, имеет сильную артиллерию и засел в крепости, очень хорошо защищенной со всех сторон большими водными преградами. Во-вторых, внезапно возникло очень неприятное осложнение: Али-паша Янинский — юридически представитель и чиновник Порты, а фактически самостоятельный властитель части Эпира и части Албании — вошел в тайные сношения с французским комендантом о. Св. Мавры, полковником Миолеттом, обещая последнему за сдачу 30 000 червонцев и немедленное отправление всего французского гарнизона в Анкону или любой другой порт, находящийся во власти Франции. Одновременно Али-паша подослал лазутчиков к влиятельным жителям острова, обещая им полную безопасность и всякие блага.

▲ Корфу

Конечно, Али-паша хотел захватить остров (отделенный совсем узеньким проливом — в «пятьсот шагов» ширины — от албанского берега, принадлежавшего уже Янинскому паше) лично для себя. Но поскольку этот паша «числился» все-таки на турецкой службе и в подчинении у султана, он делал вид, будто старается в пользу союзников, которые поэтому должны ему помогать, а не мешать.

Ушаков решил во что бы то ни стало как можно скорее овладеть о. Св. Мавры. Еще до прибытия Ушакова Сенявин энергично обстреливал крепость с ближайшей горы и с албанского берега, где он устроил батарею. Следует заметить, что узкий пролив, отделяющий о. Св. Мавры от албанского берега, очень мелок, и местами его можно было переходить вброд.

Все это заставляло Ушакова очень серьезно обдумать обстановку, создавшуюся в связи с происками Али-паши.

Положение французского гарнизона, поскольку выручки ниоткуда не предвиделось, становилось безвыходным. Оно было таким, собст-

венно, с первого момента появления Ушакова в этих водах; если до высадки Сенявина еще возможно было рассчитывать уйти с острова на судах, которые обещал дать Али-паша, то теперь, когда русские уже высадились и бомбардировали крепость, о реальной помощи со стороны Янинского паши нечего было и думать.

Французы дали знать, что они согласны сдаться, если Ушаков их отправит в Анкону на своих судах. Но адмирал категорически отказал. Осада продолжалась. К Сенявину явились «старшины» острова, заявившие, что они собрали 8000 вооруженных добровольцев и просят позволения принять участие в готовящемся штурме крепости. Однако до штурма дело не дошло. 1(12) ноября над французской цитаделью был поднят белый флаг. Все условия русского командования были приняты. Гарнизон в составе 46 офицеров и 466 солдат был объявлен военнопленным. В крепости было взято 2 знамени, 59 пушек, много боевых запасов и на месяц провизии.

Но раньше, чем продолжать свое победоносное продвижение, Ушако-

ву необходимо было принять к серьезному соображению подозрительные махинации и прямые угрозы безопасности Ионических островов, исходившие с западного побережья Балканского полуострова от самого могучего из тамошних турецких сатрапов — Али-паши Янинского.

9 (20) ноября 1798 г. эскадра Ушакова прибыла к о. Корфу и стала на якорь в бухте Мисанги. Предстояло самое трудное дело. Город Корфу был расположен между двумя крепостями: старой — венецианской — на крайней оконечности узкого гористого мыса, далеко вдающегося в море, и новой — чрезвычайно укрепленной силами французов земляными валами, искусственными водными преградами и стенами. Эта новая крепость состояла из трех отдельных мощных укреплений, соединенных подземными переходами с заложенными минами. Перед о. Корфу находится небольшой остров Видо, горные возвышенности которого господствуют над городом и крепостью Корфу. Ушаков, окинув глазами место-

положение и указывая на Видо, сказал: «Вот ключ Корфу».

Ушаков установил тесную блокаду Корфу. Русская и турецкая эскадры расположились полукругом по внешней стороне о. Видо, причем русские корабли заняли фланги этой линии и находились против старой и новой крепостей. Но что было делать дальше? Сил для штурма могучих укреплений у Ушакова было совершенно недостаточно. Правда, в Константинополе его заверили, что всем пашам и правителям Мореи, Албании, Эпира посланы строгие приказы оказывать Ушакову всякую помощь и военными силами и продовольствием, какую только он потребует. Ушаков требовал, но ровно ничего не получал. Провиант присылали часто негодный, а людей долго и вовсе не присылали.

Ушаков отрядил часть эскадры к порту Гуино (или Гуви), находившемуся в нескольких километрах от крепости, и здесь произвел первую высадку на о. Корфу. Французы уже старались от крепости не удаляться, и высадка совершилась благополучно. В городе Гуино и в окрестностях местное население приняло русских не менее радушно, чем на Церигио, Занте, о. Св. Мавры и Кефалонии.

Дело сильно затягивалось. Правда, флот Ушакова значительно пополнился за время невольного зимнего бездействия. 9 (20) декабря к Ушакову явился от берегов Египта капитан 2 ранга Сорокин с двумя фрегатами. Он был отправлен Ушаковым к Александрии в свое время еще из Дарданелл и после трехмесячного стояния там, не получая ни от турок, ни от англичан никакого провианта для своей команды, отбыл к о. Корфу. Сорокин за время своего участия в блокаде Александрии перехватил несколько судов, на которых французы пытались проскользнуть. У 18 французских офицеров, захваченных таким образом, оказалось в наличии 30 тысяч червонцев. Ушаков немедленно отпустил французов на честное слово во Францию, причем их деньги полностью были им возвращены после простого их заявления, что эти червонцы принадлежат лично им, а не французской казне.

30 декабря 1798 г. (10 января 1799 г.), после трудного плавания и задержек из-за противных ветров, к Ушакову явился и контр-адмирал Павел Васильевич Пустошкин, дельный и храбрый моряк, учившийся с Ушаковым еще в Морском корпусе и отличившийся в 1791 г. в битве при Калиакрии. Пустошкин привел с собою два 70-пушечных корабля.

Подкрепление эскадры Ушакова кораблями Сорокина и Пустошкина было тем более необходимо, что на турецких «союзников» надежда была плоха. Французскому кораблю «Le G#233n#233reux» (именуемому в наших документах иногда «Женере», а иногда «Женероз») удалось после нескольких неудачных попыток в темную ночь проскользнуть мимо турецких судов, стороживших французские корабли, и уйти в море. Когда Ушаков забил тревогу и послал своего офицера к турецкому контр-адмиралу, то оказалось, что контр-адмирал Фетих-бей был погружен в глубокий сон. Но даже в бодрственном виде турок оказался совершенно бесполезен. В момент, когда каждая секунда была дорога для организации погони, Фетих-бей вдруг открыл дискуссию: он заявил, что не надеется «уговорить свою команду» выйти в море, что его команда жалования давно не получает, провианта тоже не получает, скучает по своим семействам и вообще стала такой сердитой, что нужно даже скрыть от нее требование Ушакова. А если француз и убежал, так, дескать, тем лучше, меньше их тут останется. В заключение турок заявил: «Француз бежит... чем гнаться за ним, дуйте ему лучше в паруса...»

Приходилось опасаться, что решительно никто из пашей западного берега Балканского полуострова и не хочет и не может подать достаточную помощь войсками и провиантом, несмотря ни на какие фирманы, и главное — сделать это в срок. Феодалы — «паши» и не думали повиноваться приказам Порты и никакой подмоги Ушакову не прислали.

В момент прибытия русских к о. Корфу французских вооруженных сил на острове числилось около 3000 человек. Вооружение у французов было

достаточное, провианта же было запасено на продолжительный срок. Командовавший французским гарнизоном генерал Шабо был человеком храбрым и решительным. Его офицеры и солдаты сражались на Корфу мужественно.

Учитывая все это, Ушаков не предпринимал рискованных попыток случайным налетом овладеть французскими укреплениями, а решил ждать обещанных подкреплений с берегов Мореи и Албании. Но жители Корфу, которым не терпелось покончить с французами, решили рискнуть. Инженер Маркати (грек) сформировал добровольческий отряд численностью 1500 человек, и Ушаков помог этому отряду, дав ему три орудия и прислав некоторое количество солдат. Первые действия отряда были довольно удачны; орудия причинили известный ущерб той части крепости, где французы не ожидали появления новой батареи. Однако спустя несколько дней французы произвели очень крупную вылазку, и местный отряд ударился в бегство. Русские не бежали, но были окружены и все погибли, кроме 17 человек, попавших в плен. Был взят в плен и Маркати, которого французы немедленно расстреляли так же, как и нескольких жителей Корфу, попавших с ним в плен. Русские же пленные были обменены на соответствующее число французов. Произошло все это 20 ноября (1 декабря) 1798 г. После этого успеха французы осмелели, их вылазки участились.

Ушаков принял меры к тому, чтобы сделать осаду более тесной, и это привело к прекращению вылазок, предпринимавшихся французами. Одновременно он усилил и строгость морской блокады острова.

Ушаков опасался не только бегства блокированных французских кораблей, но и прорыва подкреплений, которые могла послать Директория для спасения осажденных в Корфу французов.

Селивачев должен был охранять южный пролив, а адмирал Пустошкин — крейсировать в Венецианском заливе (в Адриатическом море), чтобы не допустить французскую подмо-

гу с севера. Все это поясняет Ушаков в письме к русскому полномочному министру в Неаполе Мусину-Пушкину 11 января 1799 г.

Это были напряженные, трудные дни для Ушакова. «Десантных войск со мной нет, а одних морских служителей к штурмованию крепости недостаточно, да и остров Видо, весьма укрепленный и снабженный достаточным числом французских войск, нами еще не штурмован...»

Ушакову и пришлось пойти на трудный и неприятный шаг — обратиться за помощью к Али-паше. Трудность заключалась вовсе не в том, что янинский владыка мог отказать. Ушаков прекрасно понимал, что паша с величайшей готовностью выполнит просьбу. Деликатность предприятия состояла в том, чтобы, получив эту помощь от Али-паши, не отяготить себя никакими обязательствами перед ним, а самое главное — не дать ему ни одного вершка территории Ионических островов.

Адмирал Ушаков с дипломатической миссией отправил Метаксу, снабдив его точными инструкциями, к Али-паше с письмом и с богатейшим

подарком — осыпанной бриллиантами и изумрудами табакеркой, оцененной в две тысячи золотых червонцев.

Начались переговоры. Али-паша, отчаявшись в возможности утвердиться на каком-либо из Ионических островов, требовал, чтобы Ушаков после взятия Корфу выдал ему в награду за помощь половину французской артиллерии и все мелкие французские суда, стоявшие на рейде (крупных там не было). Были трудными переговоры. Али-паша сильно побаивался султана, и в конце концов согласился оказать помощь Ушакову, сообразив, что это согласие, может быть, в самом деле рассеет темную тучу, собиравшуюся против него в Константинополе. Но на одном условии Али-паша настаивал. «Скажи мне свое мнение откровенно, — внезапно спросил он Метаксу, — думаешь ли ты, что независимость, которую ваш адмирал провозглашает здесь, будет распространена и на греков матерого берега?» «Конечно, нет, — отвечал Метакса, у которого был готов ответ на этот неизбежный вопрос, — прочие греки не под игом французов, как ионийцы, а подданные султана».

Али-паша обещал прислать в помощь Ушакову 3000 албанцев и отпустил Метаксу с подарками. Спустя несколько дней, 2 (13) февраля, Али-паша, в богатейшей одежде и окруженный великолепной свитой, явился с визитом к Ушакову на адмиральский корабль. А начиная с вечера 10 (21) февраля на судах стали прибывать выделенные Али-пашой войска. Всего прибыло около 2500 албанцев вместо 3000 обещанных. Не обмануть гяура хоть немножко Али-паша никак не мог.

11 (22) февраля посланный им отряд высадился в порту Гуино на о. Корфу. Как увидим дальше, особого толку от этого запоздавшего подкрепления не получилось, и албанцы (во всяком случае — отдельные части их) вызвали своим поведением такой гнев и такое презрение со стороны Ушакова, что он воспретил даже пускать их в город Корфу после окончательной своей победы.

Нужно снова напомнить, что войска Али-паши называются тут, как назывались и тогда, «албанцами» лишь для краткости: настоящих албанских жителей там было меньше, чем турок.

◀ План крепости Корфу

Неожиданно двое других пашей прислали Ушакову еще 4750 человек, так что в общем этих «албанцев» оказалось 4250 человек. Но и такая подмога была мизерна сравнительно с теми силами, какие были обещаны султаном (12000 чел.).

Много хлопот было с отрядом Али-паши, а польза оказалась совсем ничтожная. Не желая сражаться, турки, однако, во время своего пребывания на Корфу обнаруживали большую энергию в грабежах, буйствах, нападениях на церкви с целью их ограбления и т. д. Штурм неприступных укреплений Корфу был произведен русскими. Все сделали русские и только русские, помощи они фактически ни от кого не получили.

Ни от хитрого, ничем не стеснявшегося Али-паши, ни от «регулярных» турецких сил Кадыр-бея Ушаков реальной подмоги не имел. «...дела сколько здесь не счесть, вся блокада и во всех рассылках и во всех местах, и все успехи производимые деланы все одними моими только судами, а из турецкой эскадры кого ни посылаю, пройдет только час-другой —

и тотчас назад идет. Когда велю где крейсировать и не приходите назад к нам, то отошед останутся и дремлют все время без осмотрительностей... Я измучил уже бессменно всех моих людей в разных местах... Прилежнейшие наши служители (матросы), от ревности и рвения своего желая на батареях в работу и во всех бдительностях в дождь, в мокроту и в слякоть, обмаранных в грязи, все терпеливо сносили», — так описывал Ушаков положение вещей во время борьбы за Корфу. При этом эскадра была очень плохо снабжена боезапасом: «Недостатки (скудость) наши, бывшие при осаде Корфу, во всем были беспредельны, даже выстрелы пушечные, а особо наших корабельных единорогов необходимо должно было беречь на сильнейшие и на генеральные всего производства (всей операции — Е. Т.) дела. Со мной комплект только снарядов к орудиям, тотчас можно было бы их расстрелять и расстреляли бы мы их понапрасну, весьма с малым вредом неприятелю...» Поэтому Ушаков медлил со штурмом, пока не подошли все

его суда и не стало возможным укрепиться на более выгодных позициях.

С прибытием присланного Али-пашой албанского отряда, а также небольших отрядов других пашей, Ушаков ускорил приготовления к штурму. Усилилась бомбардировка крепостных укреплений. Адмирал решил начать действия против о. Видо, в то же время не прекращая и обстрела обеих крепостей о Корфу.

Совершенно внезапно большинство албанского отряда отказалось участвовать в готовившемся общем штурме. Началось с того, что отряд Али-паши не пожелал участвовать в штурме Видо. Только ли тут действовало отсутствие дисциплины, свойственное воинству Али-паши и проявлявшееся особенно часто в тех случаях, когда сам предводитель отсутствовал, или же коварный Янинский паша дал понять командному составу посланного им отряда, что незачем особенно усердствовать, но результат оказался плачевным. «Для убеждения их адмирал (Ушаков — Е. Т.) ездил сам на берег и обнадеживал их в успехе, видя же, что

▲ Морской десант

ничто не помогло албанцев убедить соединиться с нашими войсками, он хотел было понудить их строгостью к повиновению, но тогда они почти все разбежались, оставя начальников своих одних». Но эти начальники оказались вполне достойными своих подчиненных. «Адмирал, услыша от сих последних, что он предпринимает дело невозможное, усмехнулся и сказал им: «ступайте же и соберитесь все на гору при северной нашей батарее, и оттуда, сложа руки, смотрите, как я в глазах ваших возьму остров Видо и все его грозные батареи». Только немногие из отряда Али-паши пошли за Ушаковым.

Действия против о. Видо были предприняты 18 февраля (1 марта) в семь часов. Атака была начата кораблями флота, быстро занявшими по сигналу адмирала свои места по диспозиции. Против каждой из пяти батарей противника действовала заранее определенная группа кораблей, которые должны были сломить сопротивление батарей и тем обеспечить высадку десанта. Французы энергично и упорно сопротивлялись. Пользуясь близостью русских кораблей, подошедших к берегу на дистанцию картечного выстрела (2—2,5 кабельтова), противник попытался стрелять калеными ядрами, с целью вызывать на них пожары, однако мгновенно засыпанные картечью и ядрами батареи вынуждены были отказаться от этого сравнительно медленного способа стрельбы и перейти на обыкновенные ядра и картечь.

Адмирал флота И. С. Исаков в своем труде «Приморские крепости», высоко оценивая план атаки о. Видо, указывает: «Артиллерийский огонь фрегатов, а затем и линейных кораблей благодаря исключительно высокой выучке русских комендоров, хорошему маневрированию капитанов и решительной дистанции, выбранной для боя (дистанция картечного выстрела), уже через четыре часа непрерывного действия сломил боеспособность батарей и гарнизона... Правильно оценив критический момент боя, Ушаков в 11 часов утра приказал начать высадку, не прекращая огня кораблей».

Руководя атакой на наиболее ответственном участке, Ушаков на флагманском корабле «Св. Павел», показывая пример бесстрашия, сперва направился к батарее №1 и на ходу обрушил на нее несколько залпов всем бортом. Затем, пройдя близко вдоль берега к батарее №2 и засыпав ее ядрами и картечью, подошел к батарее №3 и встал здесь на шпринг на ближнем картечном выстреле так, чтобы обоими бортами громить обе батареи.

Занятая адмиралом позиция позволяла ему видеть результаты артиллерийской атаки и своевременно определить момент своза десанта на предназначенные планом береговые участки.

В этот самый решительный момент войска, присланные Али-пашой, просто-напросто отказались участвовать в бою: «...турки и албанцы за работу ни один человек никогда не принялись, даже и орудия все втащены на гору и поставлены на места нашими служителями». Что касается турок, то в документах, где Ушаков мог быть вполне искренен, он оценивал турецкую «помощь» весьма невысоко. А там, где нужно было вести тонкую политику, Федор Федорович лукавил и похваливал: «...словом, вообще, взятие крепостей Корфу целый свет может отдать справедливость вверенной мне эскадре и нашему действию; но, чтобы утвердить более и более дружбу нашу с Блистательной Портой Оттоманскою, в реляции пишу я все вообще и их похваляю, и отношу им признательность». Правда, турки, поскольку зависело от их прямого начальства, «помогают по их возможности». Но беда в том, что их «возможности» были слишком уж скромны: «кораблей турецких в атаке острова не поставил я с нашими», причем Ушаков руководился целью убрать подальше турецкие корабли «в их собственное сбережение», ибо «они но могут скоро лечь шпрингом, как скорость надобности требует, и в это время были бы они против батарей кормами, их с батареей могли бы расстрелять, а они могли бы нам помешать недейтельностью...»

Решительно все сделала русская эскадра, и Ушаков со справедливой гордостью пишет посланнику Томаре: в эскадре к моменту боя было восемь кораблей и семь линейных фрегатов всего-навсего, а «действие мое против крепостей кораблями российскими, которые деятельностью своею, когда они к тому употребляются, стоят больше, нежели тридцать или пятьдесят тысяч сухопутного войска».

«Беспрерывная, страшная стрельба и гром больших орудий, — писал очевидец и участник дела Метакса, — приводили в трепет все окрестности... Видо, можно сказать, был весь взорван картечами и не только окопы... не осталось дерева, которое бы не было повреждено сим ужасным железным градом... В одиннадцать часов пушки с батареей французских были сбиты: все люди, их защищавшие, погибли, прочие же, приведенные в страх, кидались из куста в куст, не зная, куда укрыться...»

По новому сигналу начать высадку назначенные в десант часта поспешно бросились на приготовленные у борта кораблей баркасы, катера, лодки и мгновенно устремились к трем намеченным для высадки небольшим бухточкам и «с невероятной скоростью вышли на берег».

Всего было высажено 2159 человек. Выбивая противника из складок местности, десантные части пробились к центральному редуту и здесь, после трехчасового боя, окончательно сломали сопротивление гарнизона.

Потрясенные боем французы, видя безнадежность дальнейшего сопротивления, стали сдаваться, но бывшие в составе десанта турки, не слушая криков о пощаде, стали безжалостно-резать неприятеля. Стараясь спасти пленных, русские моряки и солдаты окружили их стеной; было приказано стрелять по туркам, если они будут пытаться уничтожить сдающихся французов. «Сия решительная мера спасла жизнь всех, может быть, французов, — турки не пощадили бы, конечно, ни одного». В 2 часа дня на Видо замолкли последние выстрелы и взвились союзные флаги.

В этот момент никого, кроме русских, около крепости не было: Ушаков

▲ Крепость Корфу

не подпустил ни албанцев, ни турок, очень надеявшихся на добычу.

На позднейшие жалобы Али-паши до тому поводу, что его отряд не был подпущен к взятым уже обеим крепостям о. Корфу и к городу, Ушаков отвечал: «Ежели бы албанские войска и турецкие вместе с нашими вошли в город и крепости, то и основания оных не могло бы остаться: все было бы истреблено, кровопролитие, плач и вопль последовали бы, междоусобия и войны были бы с островскими жителями. Я предвидел все это и крепости Корфу принял одними нашими войсками, высадив их со стороны моря на шпинаду (эспланаду — Е. Т.)».

Оставалось решить очень серьезную задачу — овладеть еще двумя крепостями на самом острове Корфу — Старой и Новой — с их мощными долговременными укреплениями. Выраженные заблаговременно

сухопутные войска уже были готовы к штурму укреплений Новой крепости — Св. Авраама, Св. Рока и Св. Сальвадора. В штурме должны были принять участие и отряды местных жителей, но, сомневаясь в успехе, они совсем не явились. Корфиоты полагали, что выделенных войск недостаточно для захвата столь сильных укреплений, и считали штурм обреченным на неудачу. Албанцы же, кроме незначительного числа охотников, вообще отказались участвовать в штурме.

Но это не изменило хода событий. В назначенное время русские войска, усиленные десантом с кораблей, решительно атаковали укрепление Св. Рока и, преодолев рвы, при помощи штурмовых лестниц ворвались внутрь. Увидя невозможность противодействовать стремительной атаке, французы, заклепав пушки и взорвав погреба, отступили в укрепление Св. Сальвадора, где намеревались орга-

низовать упорную защиту. Однако ворвавшиеся на их плечах солдаты и матросы быстро сломили сопротивление, и через полчаса в результате ожесточенной рукопашной схватки французы в беспорядке бежали и отсюда. Та же участь постигла и укрепление Св. Авраама. Через полтора часа после начала штурма все передовые укрепления Новой крепости были в руках русских.

Падение о. Видо и передовых укреплений Новой крепости резко снизило моральное состояние французского гарнизона. С занятием острова русская артиллерия получила полную возможность беспрепятственно и почти безопасно для себя обстреливать Старую крепость о. Корфу, а быстрое занятие внешних укреплений Новой крепости показало французам, что развязка наступит гораздо раньше, чем они рассчитывали.

Главный комиссар Директории Дюбуа и дивизионный генерал Шабо, комендант о. Корфу, прислали 19 февраля (2 марта) к Ушакову трех офицеров с предложением принять их сдачу и начать переговоры. Ушаков ответил, что он прекращает на 24 часа военные действия.

Итак, произошла сдача на капитуляцию сильнейшей по тому времени крепости с большим и храбрым гарнизоном, со значительными запасами вооружения и провианта. В общем французов сдалось на Корфу 2931 человек, во главе с генеральным комиссаром Французской республики и тремя генералами.

Торжественное шествие Ушакова по улицам города было встречено неопишуемым энтузиазмом населения, богато украсившего свои дома.

«Радость греков была неопишана и непритворна. Русские зашли как будто в свою родину. Все казались братьями, многие дети, влекомые матерями навстречу войск наших, целовали руки наших солдат, как бы отцовские. Сии, не зная греческого языка, довольствовались кланяться на все стороны и повторяли: „Здравствуйте, православные!“, на что греки отвечали громкими «ура».

Взятие Корфу завершало полную победу Ушакова — овладение

русскими всей группой Ионических островов. В Европе не могли прийти в себя от удивления: флот взял сильнейшую крепость!

Едва ли не лучшей оценкой действия Ушакова и его моряков были облетевшие весь флот слова поздравления, посланного Суворовым Ушакову:

«Великий Петр наш жив. Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!». ■

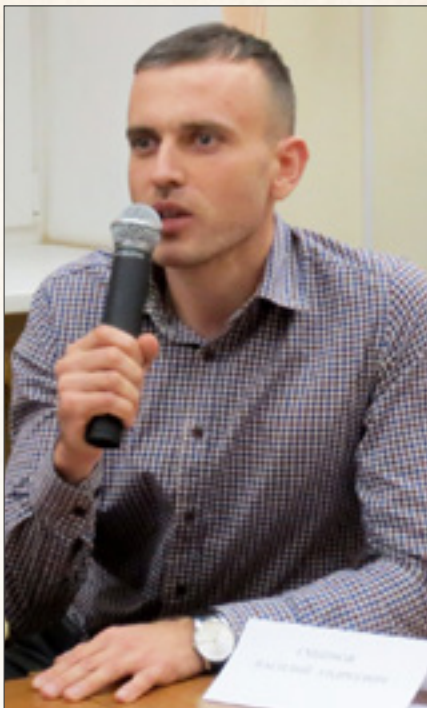
▲ Памятник Ушакову в Севастополе

В.А. СМИРНОВ, кандидат философских наук, доцент Новгородского Государственного университета имени Ярослава Мудрого

ПАТРИОТИЗМ В ИДЕОЛОГИИ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

▲ Смирнов Василий Андреевич

С точки зрения понятийности, поступок считается патриотическим, если человек совершает его в интересах своей страны (родины) и делает это из чувства любви к родине и верности ей. Однако патриотизм, при всей кажущейся ясности данного понятия, характеристика не индивидуальная, а массовая. Чувство патриотизма не является прирожденным, и не пробуждается одномоментно, циклом каких-нибудь «охранительных» передач по телевизору, это чувство является продуктом

длительного и кропотливого процесса воспитания со стороны соответствующих идеологических аппаратов государства. Часто ссылаются на поведение советских людей в годы войны с гитлеровской Германией как на образец патриотизма. Однако почему-то не любят вспоминать, что массовый патриотизм был организован колоссальными усилиями системы власти и идеологического аппарата. В результате действия совокупности факторов в массе народов Советского Союза было выработано идеологическое сознание, важным компонентом которого была высокая степень па-

триотизма. Она проявлялась в миллионах поступков людей, и это стало одним из факторов Победы. Не стоит забывать, что одним из первых указов Совнаркома было положение «О единой трудовой школе РСФСР», которое вводило бесплатное и совместное обучение детей школьного возраста. 19 июня 1920 года Совнарком РСФСР образовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности. Шло активное создание государственной системы образования для взрослых. Таким образом, большевики задолго до коллективизации и индустриализа-

▲ 1929 год

ции начали процесс идеологического воспитания населения.

В той ситуации, которая сейчас сложилась в России, степень патриотизма российского населения чрезвычайно низка. Очевидно, что патриотизм — это явление духовное, которое может возникнуть только в том случае, если есть идея, объединяющая все общество. Правомерен вопрос: есть ли в России такая интегративная идея? Есть ли у нас объединяющая идеология?

Есть все основания предполагать, что идеологическая сфера в России формируется по нескольким взаимоисключающим и противоречивым направлениям. Во-первых, это линия внедрения западных ценностей. Данный процесс начался в 1980-е гг. и продолжается до сих пор. Причем, внедрением западной идеологии занимается как государство через подконтрольные ему СМИ, так и оппозиционные «Кремлю» общественные структуры. Во-вторых, несмотря на разрушение советской идеологии, иногда государство в своих краткосрочных целях использует советскую риторику и демонстрирует преемственность советскому строю. Недавняя реанимация советского гимна есть тому весьма убедительное подтверждение. В-третьих, предпринимаются попытки реанимации дореволюционных ценностей в виде православия и консервативного монархизма. В-четвертых, происходит усиленная пропаганда антисоветских идей. Внедрение в сознание населения противоречащих друг другу по своим базовым установкам идейных концепций (по линии западной идеологии, антикоммунизма, православия, советизма и реанимированного дореволюционного консерватизма) мешает формированию здорового патриотизма. Кроме того, помимо идеологического хаоса, царящего РФ, можно констатировать, что ряд действий наших властей прямо противоречит целям патриотического воспитания. Возьмем для примера несколько самых вопиющих случаев.

Всем известно, что в 1943 г. Гитлер для того, чтобы сплотить народы Европы против победоносно насту-

▲ 1954 год

пающей Красной Армии приказал разрыть могилы с расстрелянными немцами в 1941 г. под Смоленском польскими офицерами и сообщить миру, что они якобы убиты в 1940 г. НКВД. С целью развала социалистического блока, эта провокация была реанимирована во времена Перестройки предателями из ЦК КПСС во главе с Горбачевым. Кстати, в 1943-1944 гг. следствие и комиссия Бурденко полностью изобличили эту геббельсовскую провокацию. Ни один из западных представите-

лей, который был свидетелем работы данной комиссии, впоследствии не поменял своих взглядов и не обвинил в расстреле поляков СССР. Было установлено, что оружие, из которого расстреляли поляков — это немецкие пистолеты калибра 7,65-6,35 и 9 мм. Поляки убиты немецкими пулями, это подтверждали и сами немцы. Место расстрела и захоронения поляков в Катюны было совершенно обжито, здесь находился пионерский лагерь, он действовал до июня 1941 г. И НКВД расстрелял 12 тысяч человек в таком

▲ Катинь 2017 год

месте в принципе не мог допустить. Однако Горбачеву в свое время нужно было развалить советский лагерь и убедить мир в правдоподобности «сталинских преступлений». Поэтому силами горбачевских аналитиков была подготовлена схема фальсификации Катинского дела при помощи документов из архивов СССР. Сначала вещдоков не было, а через пять лет после эксгумации выяснилось, что в могилах, оказывается, было найдено огромное количество писем, удостоверений, и, главное, много газет с первой страницей, по которой ясно, что пленных расстреляли до лета 1941 г. Понимаете, в могилах от костей почти ничего не осталось, а газеты 50 лет пролежали в черной жиже и буквы на них читались вполне прилично. В.В. Путин в статусе президента и премьер-министра Рос-

сии несколько раз делал заявления, осуждающие Катинский расстрел как преступление сталинского режима.

Кроме того, российское руководство признало подлинность так называемых «секретных протоколов», якобы заключенных между СССР и Германией в 1939 г. Всем серьезным историкам очевидно, текст этого соглашения никоим образом не мог быть написан СССР и Германией в 1939-м году: слишком уж много там и нарушений дипломатического протокола, и географических несуразностей. Кстати, впервые фотокопия секретного протокола была опубликована в 1946 году в провинциальной американской газете «Сан-Луи пост диспач». Это чистой воды историческая фальшивка. Во-первых, оригиналы «протоколов» до сих пор не найдены. Во-вторых, в этом якобы официальном докумен-

те сделаны такие ошибки, которые ведомство Молотова допустить просто не могло (например, Финляндия именуется там «прибалтийской страной», в некоторых местах отсутствуют запятые, есть такая фраза — «обоими сторонами» и т.д.). Признание такого «договора» официальными российскими властями (кстати, он фигурирует во всех российских учебниках истории) может иметь для нас весьма печальные последствия. Таким образом, и «катинское дело» и «секретные протоколы» (оба — исторические фальшивки) ставят нас в один ряд с гитлеровской Германией и делают виновником развязывания самой кровопролитной войны в мире. Вот только непонятно, зачем это признается на официальном уровне?

Кроме того, ясно, что в 1941-1945 гг. советские граждане воевали

не за березки у дома, а за вполне конкретный социальный строй, который дал населению много благ. Есть миф, что мы в 1917 г. потеряли Россию, в которой все хрустели французской булкой и прекрасно жили. Однако булка была только у 10-15% граждан, остальные 80% даже черный хлеб считали большим лакомством, существуя от урожая до неурожая, и у мужчин из-за постоянного недоедания был в среднем 44 размер одежды. Естественно, что советский строй дал этим людям, которые должны были сдохнуть лет этак в 40-50 после тяжелой, нищей и беспросветной жизни в бедной общинной деревне, шанс на переезд в город, образование и возможность вырваться из вековой нищеты. Вот за этот шанс они и воевали. А вокруг чего сплачиваться современным россиянам? Вокруг шубохранилища Якунина или яхты Ротенберга?

Многие так называемые российские «патриоты» возмущаются, что российский обыватель в массе своей не готов отдать всё за Родину. А что вы хотели? Для всех нормально, что Кремль признал организованные немцами расстрелы польских офицеров в Катыни «преступлением сталинского режима». И обещал покаяться за это «преступление» всей страной. У граждан не вызывает вопросов тот факт, что в Петербурге устанавливают памятные доски в честь пособника Третьего рейха Маннергейма. Никто не возмущается, что самый почитаемый «писатель» в современной России — это долгое время сотрудничавший с ЦРУ Солженицын, который запустил байку про «100 миллионов репрессированных» в советские времена. И никто никогда не пытался негодовать, что в России массово ходили книги перебежчика Резуна-Суворова, утверждавшего, что Россия

повинна в развязывании Второй Мировой войны гораздо больше Гитлера и являлась более опасным агрессором, чем Третий Рейх. И при этом, все удивляются, что патриотизм у нас на низком уровне.

Таким образом, можно констатировать, что до тех пор, пока не появится, единая интегративная идеология, сплачивающая граждан на основе единой национальной идеи, пока процесс патриотического воспитания не примет системный и планомерный характер, и не будет поддержан государством, пока наше государство не выработает единую позицию относительно нашей истории, говорить о патриотизме как значимом факторе духовной сферы России преждевременно. ■

▲ Мемориальная доска Маннергейму

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

СОЗДАТЕЛЬ СТАЛЬНЫХ КРЕПОСТЕЙ

В Советской Военной энциклопедии есть статья о Духове Николае Леонидовиче, советском ученом в области механики, конструкторе тяжелых танков, генерал-лейтенанте инженерно-технической службы, члене-корреспонденте АН СССР, докторе технических наук, трижды Герое Социалистического Труда... а далее за общими завуалированными фразами все покрыто мраком — строжайшей государственной тайной. Вся известность Н. Л. Духова заканчивается 1948 годом, когда его «перевели в Москву» на выполнение совершенно секретного, исключительно важного «задания партии и правительства». Настало время приоткрыть завесу секретности.

За всю историю Советского государства трижды Героями Социалистического Труда стали 16 человек — десять из которых являлись учеными-атомщиками. Советский конструктор ядерного и термоядерного оружия Н. Л. Духов первую Звезду Героя Социалистического Труда получил 16 сентября 1945 года — за большой вклад в создание танков и совершенствование их конструкции; вторую Звезду Героя Соц. Труда — 29 октября 1949 года — за работы, связанные с созданием и проведением испытания первой советской атомной бомбы; третью Звезду Героя Соц. Труда — 4 января 1954 года — за вклад в разработку и испытания первой водородной бомбы (изделие РДС-6с).

Он награжден четырьмя орденами Ленина: 17. 04. 1940 — за успешную работу и проявленную инициативу по укреплению обороноспособности нашей страны;

▲ Духов Н.Л.

05. 08. 1944 — за успешное выполнение заданий Государственного Комитета Обороны по созданию новых конструкций тяжелых танков и артиллерийских самоходных установок; 16. 09. 1945 — к званию

Героя Социалистического Труда; 25. 10. 1954 — к званию Героя Социалистического Труда.

Духов награжден орденом Суворова 2-й степени (19.4. 1945); орденом Трудового Красного Знамени

(24.1.1944); орденом Красной Звезды (5.6. 1942).

Он лауреат Ленинской премии (1960) — за работы по созданию боеприпаса для ракеты Р-7.

Духов является лауреатом пяти Сталинских премий: 1943 г. — за усовершенствование конструкций тяжелых танков; 1946 — за создание тяжелого танка ИС-2 и коренное усовершенствование существующего танка; 29. 10. 1949 — за создание атомной бомбы; 1951 — за заслуги в производстве новых ядерных зарядов; 1953 — за создание водородной бомбы.

Родился Н. Л. Духов 26 октября 1904 года в селе Веприк в Гадячском уезде Полтавской губернии.

Места эти не просто казацкие, а исторические — на рубеже 1708-1709 годов гарнизон крепости Веприк, состоявший из 1100 русских солдат и нескольких сот казаков Харьковского полка, более двух недель выдерживал осаду армии шведского короля Карла XII. Оборонной крепости им удалось дать время для подготовки к обороне Полтавы.

Родители Духова — русские. Отец, Леонид Викторович, служил военным фельдшером и на Украину попал по долгу службы. За год до рождения сына он уволился со службы и пошёл работать на сахарный завод в Веприке. Мать, Мария Михайловна (в девичестве — Осипова), была дочерью обедневшего помещика. Кстати, у одного из предков Духова гостил Николай Васильевич Гоголь и, по семейной легенде, история тяжбы Никифора Осипова с соседом легла в основу одного из произведений писателя.

Духов учился сначала в сельской школе, затем в Гадячской классической мужской гимназии, где было хорошо поставлено преподавание иностранных языков. Он овладел немецким, английским и французским языками (это, кстати, очень способствовало в дальнейшем в его карьере — он мог читать техническую литературу на немецком, английском и французском языках).

С 14 лет Духов работал секретарём Вепричского комбеда, с 1921 года —

агентом продотряда. Также заведовал районной избой-читальней, где создал самодеятельный оркестр, был секретарём райземлеса, заведовал загсом. В своём селе Духов собрал первый радиоприёмник.

В 1925 году поступил на сахарный завод в селе Чупаховка Ахтырского района, а годом позже, решением заводского комсомольского собрания, ему была дана путёвка на рабфак Харьковского геодезического и землеустроительного института.

После его окончания он был рекомендован «для зачисления без испытания на механический факультет» Ленинградского политехнического института. С 1928 по 1932 год Духов учится на кафедре «Автомобили и тракторы» ЛПИ и получает специальность инженера-конструктора. В характеристике отмечались способности молодого инженера к самостоятельному мышлению и возможность использования его на научной работе.

После окончания института Духов был направлен на завод «Красный путиловец» где работал над организацией производства трактора «Универсал» и легкового автомобиля «Ленинградец — 1». В 1936 году привлечён к работе по улучшению бронетанковой техники: перешёл в СКБ-2 Кировского завода (бывший Путиловский), где сразу приступил к созданию единой методики тягового и прочностного расчёта танков, которой он и его коллеги впоследствии пользовались не один год.

Он принимал участие в разработке нового среднего танка Т-29, а затем ему поручили руководство конструкторской группой, занимавшейся модернизацией танка Т-28. Трёхбашенный средний танк имел передовую для своего времени конструкцию, но отличался крайне низкой надёжностью. Собственно, доведение его до ума и было задачей группы Духова, выполненной к концу 1938 года, причём бортовую передачу новой конструкции для танка Духов спроектировал лично.

Творчески мыслящего инженера-конструктора волновала проблема создания нового танка с противоснарядным бронированием. Когда он рас-

сматривал чертеж, то казалось, будто видит его насквозь. Ни одна ошибка не ускользала от его слегка прищуренного, спокойного взгляда.

Человек огромного аналитического ума, он раньше многих авторитетных специалистов понял, что будущее — только за однобашенными, и только за гусеничными танками. В конце 1938 года Духов предложил технический проект новой машины — тяжёлого танка KB-1. В 1939 году Кировский завод приступил к серийному выпуску танков KB.

Автобронетанковое управление РККА, было заинтересовано разработкой нового тяжёлого танка с противоснарядным бронированием.

Если танк прорыва предыдущего поколения — Т-35, имел пять башен и сравнительно тонкую броню, то новые танки должны были иметь не более двух башен. Проектирование новых танков первоначально велось на Харьковском паровозостроительном заводе (ХПЗ), но затем было перенесено в Ленинград — на завод №185 им. Кирова (проект Т-100) и на Кировский (бывший «Красный путиловец») завод (проект SMK — «Сергей Миронович Киров», и его однобашенный вариант KB — «Клим Ворошилов»).

Первоначально SMK и KB разрабатывала группа Афанасия Ермолаева, с конца 1938 года работа над однобашенным вариантом была поручена Духову. Танк KB впервые был опробован в бою на линии Маннергейма в декабре 1939 года. Финская артиллерия не смогла причинить танку никакого вреда, с другой стороны, как оказалось, калибр 76 мм. особого вреда финским ДОТам причинить не мог и было принято решение разработать вариант танка со 152-мм пушкой, получивший наименование KB-2 (по сути это был не танк, а самоходное орудие с вращающейся башней). Духов также принимал участие в разработке этой машины. Кстати, генерал Гальдер, начальник штаба сухопутных войск вермахта в возможность существования такого танка не поверил — у немцев в это время были только самоходные лафеты под полевые 150-мм гаубицы (легкий

▲ Тяжелый танк КВ-1

танк с железной полукоробкой вместо башни, в которую закатывали орудие).

11 ноября 1940 года Духов был назначен заместителем начальника СКБ-2 ЛКЗ.

Знаменитый организатор производства, директор Ленинградского Кировского завода, бывший одно время наркомом танковой промышленности, И.М. Зальцман писал о Духове: «С Николаем Леонидовичем я познакомился ещё в 1933 году. Он быстро завоевал репутацию талантливого конструктора и расчётчика. Его вклад в создание танка КВ настолько значителен, что я считаю Духова основным автором этой могучей машины. А накануне войны он сверкнул другими гранями своего таланта, показав себя вдумчивым аналитиком и кропотливым доводчиком. Смысл своей деятельности он видел не в проектах, хотя бы и самых блестящих, а в хорошо налаженном серийном выпуске боевой техники и её серийном освоении».

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Со-

ветский Союз. Началась Великая Отечественная война.

30 июня 1941 года был образован Государственный Комитет Обороны. В его первом постановлении говорилось: «Немедленно приступить на Уральских и Сибирских заводах к прокату специальных марок сталей для танкового производства ЧТЗ; перевозку всех грузов для ЧТЗ... производить наравне со срочными воинскими грузами».

В годы Великой Отечественной войны Урал стал основным арсеналом Красной Армии, заняв ведущее положение в снабжении армии вооружением и снаряжением. Он давал 40% всей военной промышленности страны: его заводы поставляли 60% средних и 100% тяжелых танков; каждый второй снаряд, выпущенный советской артиллерией по врагу, был изготовлен из уральской стали.

12 сентября, ГКО принял постановление об эвакуации Харьковского дизель-моторного завода на Урал. Первые эшелоны с оборудованием

и людьми ушли из Харькова на восток 17 сентября, вслед за ними еще более 60 железнодорожных составов.

6 октября 1941 года, по решению ГКО, началась эвакуация танкового производства Ленинградского Кировского завода. На Урал, в Челябинск, на ЧТЗ двигались еще несколько заводов: харьковский станкостроительный завод им. Молотова, московский станкостроительный завод «Красный пролетарий», завод шлифовальных станков, цехи завода «Динамо»... Позже, в 1942 году, прибыли Сталинградский тракторный завод им. Дзержинского и Воронежский завод резинопаранитовых изделий. Директором был назначен И.М. Зальцман.

В октябре 1941 года на совещании у Сталина было предложено назначить Зальцмана наркомом танковой промышленности. Для него это было полной неожиданностью. Он слишком молод и у него мало опыта. На что Сталин заметил, что тридцатилетний возраст, это не препятствие, а преимущество. Молотов

в качестве компромисса предложил назначить Зальцмана заместителем наркома и куратором всех танковых заводов Урала и смежников. Сталин добавил: «Правильно, и перенесите традиции краснопутловцев на Урал». Зальцман, воодушевившись таким оборотом дела, предлагает переименовать ЧТЗ в Кировский. Воцарилась гробовая тишина. Сталин не понимал, почему у всех вдруг стал смущенный вид.

— А как называется сейчас?

— Имени Сталина, — прямо глядя в глаза Сталину ответил Зальцман.

Сталин сделал несколько шагов по кабинету и, смотря куда-то в угол, проговорил: «Ну, что же, имени Кирова, так имени Кирова, пусть будет так».

Скоростными методами на заводе были построены и введены в действие 17 новых цехов, общей площадью 100 тысяч кв. м. В минимально короткие сроки, был проведен монтаж оборудования этих цехов. С ходу, «с колес», нередко на морозе, среди сугробов на пустырях разгружали

оборудование и тут же в недостроенных порой помещениях ставили на фундаменты станки, пускали их в дело, а потом уже возводили стены цехов и сооружали кровлю. Параллельно с перевооружением цехов продолжалась работа над производством танков.

Все основные цехи перешли на казарменное положение. В холодных, кое-как отапливаемых паром от трех паровозных котлов цехов завода и под открытым небом в коробках новостроек, люди работали по шестнадцать — восемнадцать часов, а бывало по двадцать. Систематически недосыпая и недоедая, они работали с полной отдачей сил и не покидали своих мест, пока не выполняли две-три нормы в смену. «Все для фронта! Все для Победы!». Эти слова составили суть и смысл жизни завода военных лет.

Нехватка продовольствия и тяжелый труд по 14 и более часов без выходных, плохое медицинское обеспечение приводили к высокой смерт-

ности от истощения, переутомления и болезней. Не спасали даже специальные пайки, которые директор завода И.М. Зальцман пробил через ГКО и СНК, получившие у рабочих завода наименование «УДП» — умереть днем позже. Сам директор завода переносил все тяготы военного лихолетья наравне со своими рабочими, жил на заводе, не спал по несколько суток. Он был суровым руководителем, даже безжалостным, начальников цехов, не справившихся с суточным заданием, с должностей снимал и отправлял к станку. Часто угрожал собственноручным расстрелом, но ни разу не привел свою угрозу в исполнение. Это был человек с очень сильным характером и очевидными лидерскими качествами.

Зальцману завидовали высокопоставленные чины, что выливалось в разного рода клеветы и доносы на него. Будучи человеком прямолинейным, Зальцман порой и сам открыто наживал себе врагов — не считался ни с какими авторитета-

▲ Духов Н.Л., Зальцман И.М. Махонин С.Н. гл. инженер завода

ми, особенно если эти «авторитеты» мешали достижению требуемых результатов. Один такой случай, произошедший в Нижнем Тагиле, где на конвейере «Уралвагонзавода» Зальцман, как и в Челябинске, в кратчайшие сроки организовал поточное производство танка Т-34. Прибыв туда, он увидел, что конвейер завален артиллерийскими «передками» — ящиками для снарядов. Так руководство завода безропотно исполняло волю курировавшего артиллерию Л. П. Берии — всеми силами увеличивали производство снарядов. Конечно же, в ущерб сборке танков. Имевшийся на заводе артиллерийский запас был огромен — в какой-то момент его стали складировать прямо на производственных конвейерах, остановленных специально ради этого. Зальцман тут же изменил порядок дел, расставив новые приоритеты — танки. Неудивительно, что в тот же день в его кабинете появились соответствующие товарищи. Объявив ему, что он арестован, они попросили его проследовать с ними. Зальцман вызвал охрану и приказал удалить пришедших. После этого в его кабинете раздался звонок Берии. Спокойно выслушав крики и мат, Зальцман привел свои доводы и предложил Берии предоставить разрешение ситуации Верховному Главнокомандующему. Сталин принял сторону Зальцмана. Выслушивать упреки и доносы в адрес Зальцмана Сталину приходилось весьма часто, но каждый из них он подытоживал словами: «Вы забыли добавить еще один недостаток — Зальцман умеет делать танки».

С ноября 1941 года на ЧТЗ полностью прекращалось производство тракторов и артиллерийских тягачей, снарядов, мин, авиабомб. Завод освобождался от поставки всем внешним потребителям литья, штамповок и поковок. Отныне все его цехи, тысячи людей, оборудование, должны были переключиться только на выпуск тяжелых танков.

Так в суровые годы войны родился Танкоград — мощнейший комбинат по производству тяжелых танков в городе Челябинске.

Духов прибыл в Челябинск в июле 1941 г. в составе Конструкторского

Бюро эвакуированного ленинградского Кировского завода на ЧТЗ и был назначен заместителем главного конструктора по производству танков. А в 1943 — главным конструктором танкового производства Кировского завода.

Условия работы были сложные. Например, в конце 1941 года, в связи с эвакуацией, в Челябинске закончились подшипники. Духов предложил делать их самим, используя в качестве роликов обрезки торсионов, металлических прутьев, использовавшихся на КВ в качестве упругих элементов подвески. «Духовские подшипники» оказались не только работоспособными, но и гораздо дешевле, что было отмечено свидетельством

об изобретении и премией, переданной в Фонд обороны.

Николай Леонидович Духов смог наладить на заводе поточно-конвейерное производство танков, ведь основной задачей на первом этапе работы было обеспечение бесперебойного выпуска боевых машин для фронта. В 1942 г. Челябинскому Кировскому заводу было поручено наладить серийное производство танков Т-34, и конструкторское бюро под руководством Духова в течение 33 дней сумело обеспечить все необходимое для организации производства.

Челябинская школа танкостроения с военных лет обрела известность и авторитет не только в стране, но и в мире. Без преувеличения

▲ Танкоград

▲ Тяжелый танк ИС-2

можно сказать — она вправе считаться отечественной школой боевых машин. В довоенные годы советское танкостроение рождалось в Ленинграде и Харькове. Именно отсюда вышли на поля сражений и обрели мировую славу лучшие танки своего времени — Т-34 «тридцатьчетверка» и «гусеничный крейсер» КВ — «Клим Ворошилов». Эти города стали первыми центрами танкостроения страны.

Война перенесла их на Урал — в Нижний Тагил, Свердловск, Челябинск. На Урале центром инженерной танкостроительной мысли стал Челябинск. Концентрация лучших сил конструкторов и технологов, производственников, трудовой совместный подвиг танкоградцев (Кировский танковый и еще многие заводы) позволили обеспечить бронетанковые войска Красной Армии необходимым для разгрома врага количеством боевых машин — 18 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок.

Это были лучшие боевые машины войны. Танкоградцы укомплектовали большую часть боевых машин на фронте двигателями — 48,5 тысячи танковых дизелей, тоже лучших в мире. Не случайно Кировский танковый завод в Челябинске был награжден боевым орденом Кутузова I степени, полководческим орденом, потому что вклад танкоградцев в победу был приравнен к выигранным крупным сражениям.

Столь масштабный и заметный успех танкоградцев объясняется не только их самоотверженным трудом, высокой организованностью и технологичностью производства (один только танковый конвейер чего стоит!), но и тем, что Танкоград имел огромный научно-технический потенциал: два танковых конструкторских бюро, СКБ непревзойденных поныне танковых дизелей В-2, мощные технологические, металлургические отделы. Именно в этом гигантском научно-

техническом конгломерате рождалась Челябинская школа танкостроения боевых машин, которая в сражениях инженерной мысли с немецкими танкостроителями сформировалась, обрела признание.

Благодаря умной и смелой мысли талантливых конструкторов, высокой технической эрудиции технологов, героическому труду рабочих завод успешно справился с одной из главных задач оборонной промышленности, сумев организовать крупносерийный выпуск танков, самоходных артиллерийских установок, танковых двигателей, внося тем самым свой вклад в обеспечение превосходства Вооруженных сил СССР над немецко-фашистской армией Германии.

После войны она продолжала накапливать опыт, набирать высоту, наращивать достижения. Н. Л. Духов вместе со «своим» танком КВ привез в Челябинск и коллектив конструкторов, который он возглавлял при со-

▲ Тяжелый танк ИС-3

здании лучшего в мире тяжелого танка первого поколения. Этот коллектив, этот танк, названный гитлеровцами «Духов-панцер», и стали пионерским ядром челябинской школы танкостроения. Она по праву именуется Школой Духова.

Генерал Духов в войну, как и Ж.Я. Котин, был главным конструктором Танкограда. Он руководил коллективами создателей тринадцати конструкций новых танков и самоходок (с опытными образцами, не вышедшими из стадии эксперимента, — более двадцати). Он пополнял эти коллективы новыми кадрами конструкторов.

Когда после Победы многие из опытных конструкторов, эвакуированных в начале войны в Челябинск, возвратились в родные города, танковое производство, вернувшего свое мирное название — ЧТЗ, не «заметило» этого. Немногие соратники Духова, оставшиеся в Челябинске, и его первые ученики-челябинцы продолжили славные дела танкоградцев, выдавая с конструкторских кульманов

в производство новые боевые машины, и все экстра-класса — тяжелый танк ИС-4 и тяжелый танк Т-10, легкий плавающий танк ПТ-76, арттягач АТ-С, боевую машину пехоты БМП-1 и т.д. Часть их производилась в танковых цехах ЧТЗ, часть передавалась на другие заводы.

«Кадры решают все!» Этот крылатый лозунг Сталина для Духова был основополагающим. Не случайно он включился в подготовку инженеров еще до войны в Ленинграде. Он продолжил ее при первой же возможности в Челябинске. Его называют в числе инициаторов и организаторов Челябинского механико-технологического института (ЧММИ-ЧПИ-ЧГТУ-ЮУрГУ). Есть все основания полагать, что инициатива исходила именно от Н.Л. Духова. В 1943 году главному конструктору Танкограда не хватало конструкторов и технологов, и их по его настоянию стали готовить в Челябинске. Не случайно первым факультетом нового технического вуза стал танковый (ныне Автотракторный), в числе первых ка-

федр — «Танки» (ныне «Специальные и дорожно-строительные машины»), первым зав. кафедрой — главный конструктор Кировского завода в Челябинске генерал-майор инженерно-технической службы Духов.

До конца 1943 года Танкоград заканчивал выпуск КВ-85 и параллельно увеличивал производство танка ИС-1 с 85-мм пушкой, у которого с КВ-85 были одинаковые башни. Одновременно кировцы налаживали производство ИС-2 с 122-мм пушкой Д-25. Всего в том году на Кировском заводе в Челябинске производилось шесть типов танков и самоходных орудий на их базе. Только тяжелых танков КВ, ИС и самоходных установок в течение года кировцы дали 1423 машины. Для сравнения заметим, что «тигров» за всю войну немецкая танковая промышленность выпустила 1348.

Под руководством Н.Л. Духова (при участии Ж.Я. Котина, И.Я. Трашутина и др.) были созданы тяжелые танки КВ-1С, КВ-85, ИС-1, ИС-2, ИС-3, СУ-152, ИСУ-152. Тяжелый танк ИС («Иосиф Сталин»), заслужил репута-

цию самого мощного за всю Вторую мировую войну. Таких машин, как ИС-2 и ИС-3, в 1944–1945 г. не имела ни одна армия мира. Никому из иностранных производств не удалось добиться сочетания высочайшей боевой эффективности, дешевизны и технологичности в производстве. Янки по достоинству оценили новый ИС-3. «...Советский тяжелый танк ИС-3 является одним из наиболее мощных современных танков. На нем установлена мощная пушка калибра 122-мм. По сравнению с танками западных стран он имеет исключительно низкий силуэт, а также весьма эффективную форму броневой защиты. Созданный советскими конструкторами ИС-3 представляет собой выдающийся танк...»

Танк ИС-2 стал грозой для немецких танкистов. Могучая машина с прочной броней и очень сильным вооружением неизменно выходила победителем из всех схваток с немецкими танками.

С насыщением танковых войск Красной Армии этими машинами —

а их за короткий срок было выпущено в два раза больше, чем КВ — началось формирование гвардейских тяжелых танковых бригад и отдельных танковых полков прорыва. Действуя на направлениях главного удара, эти части и соединения своим огнем и броней прорывали любую оборону врага. Это были действительно танки прорыва, они наводили ужас на фашистов, вынуждали их к отступлению, обращали в бегство целые танковые части.

Немецко-фашистское командование вынуждено было издать специальный приказ, запрещавший немецким танкистам вступать в бой с советскими танками типа ИС-2.

...Этот наш тяжелый танк, — писал командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев, — и тяжелая самоходка стали впоследствии владычествовать на поле боя. Они были грозой для всех немецких танков и самоходных орудий, в том числе и для появившихся у немцев в 1944 г. «королевских тигров».

Новые технические решения, впервые применявшиеся на тяжелых танках, создали богатый инженерный задел для широкого использования оригинальных технических находок на перспективных образцах средних и легких танков. Постепенно в конструкторском бюро Танкограда начала формироваться своя научная школа танкостроения. Методики расчетов, разработанные и апробированные на заводе, переходили в программы и учебники по конструированию и расчетам боевых машин. Наибольшую способность в разработке расчета танка показали Н. Л. Духов, А. С. Ермаков, П. П. Исаков, Г. Н. Рыбин. По разработанным этими конструкторами методикам учились молодые инженеры, приходившие на работу в КБ. Для них были организованы теоретические и практические занятия по овладению новыми методами расчетов.

Подводя итог, с полным основанием можно утверждать, что новый советский тяжелый танк ИС-3 оказал большое влияние на конструирова-

▲ Зельдович Я.Б. и Харитон Ю.Б.

ние форм броневой защиты танков всего мира. На его боевых свойствах основывались разработки американских конструкторов в период создания танка М-103. Английские разработчики использовали форму корпуса танка ИС-3 и башни при создании широко известного в 1950-х годах 66-тонного танка «конкэрор».

Есть в Челябинске улица Героев Танкограда. И кто же не знает генералов Танкограда -директор Зальцман, главный инженер Махонин, главные конструкторы Котин, Трашутин (двигатели) и Духов, переведенный неожиданно в атомную область практической деятельности.

Н.Л. Духов был привлечен к работе над конструкцией атомной бомбы не в мае 1948 года, когда был назначен заместителем главного конструктора и начальником конструкторского сектора в КБ-11, а значительно раньше. И.В. Сталин, отлично знавший лучшего танкового конструктора Со-

ветского Союза, фактического создателя лучшего в мире на то время тяжелого танка, нацелил его на создание атомной бомбы. Сегодня мы можем в этом убедиться, прочитав постановление Совета Министров от 21.06.1946 г., подписанное Сталиным, где, в частности, говорится: «... поручить НИИ-6 отработку элементов составного заряда из ВВ... и поручить КБ Кировского завода в г. Челябинске Министерства транспортного машиностроения (руководитель работ — главный конструктор Духов) разработку составного заряда из ВВ, способа заливки его и разработку приборов автоматики...»

Вспоминая о времени создания советской атомной бомбы академик Ю.Б. Харитон говорил:

«В этот момент у нас уже был сильный коллектив ученых, достаточно вспомнить имена Я.Б. Зельдовича, К.И. Щелкина, Л.В. Альтшулера, В.А. Цукермана, Г.Н. Флерова».

«... Многие уже в расчетах представлялось более или менее ясным. Однако руководство конструкторской стороной дела было на совсем другом уровне, и нужно сказать, что мы, сами будучи мало искушенными в конструкторских делах, этого до конца не понимали. По-настоящему это понял и разобрался в этом замечательный инженер, начальник Первого Главного управления, руководивший тогда всеми работами, Б.Л. Ванников. Он поставил вопрос о необходимости привлечения крупных опытных работников в области создания оружия. И в результате его предложения у нас в КБ-11 появились Н.Л. Духов и В.И. Алферов, имевшие большой опыт в области разработки и создания оружия».

Н.Л. Духов прибыл в КБ-11, на пост заместителя главного конструктора уже широко признанным в стране специалистом, Героем Социалистического Труда. Здесь, в совершенно новой для

▲ Щелкин К.И.

▲ Ванников Б.Л.

▲ 30-метровая башня с ядерной бомбой РДС-1

себя отрасли, он подтвердил звание талантливого ученого-конструктора, смело ищущего принципиально новые решения. Духов работал в КБ-11 в 1948-1954 годах. За такой сравнительно короткий срок внес значительный вклад в разработку первой атомной бомбы РДС-1 и ряда образцов усовершенствованных ядерных зарядов. Он был руководителем коллектива конструкторов по разработке первой водородной бомбы. Под его руководством решен ряд фундаментальных задач по конструированию ядерного оружия.

Талант, обширные знания, смелость в принятии решений, трудолюбие, высокое чувство долга, ответственность и преданность конструкторскому делу — вот качества, характеризующие Н. Л. Духова как конструктора и руководителя во время работы в ядерном центре. Его конструкторские способности были врожденными, это был истинный, от природы конструктор.

Духов — великолепный организатор, который сумел сплотить и укрепить состав ведущих специалистов-конструкторов для последующих работ. При разработке и отработке зарядов он проводил четкую и строгую линию: никаких авантюрных и непродуманных решений; прежде чем что-то внедрить, нужно отработать и проверить. Влияние Духова на работу конструкторов ядерного центра трудно переоценить.

В августе 1949 года предстояло испытание первого образца, не бомбы, а одного заряда. Баллистический корпус испытывался в Крыму, на 71-м полигоне под Керчью. Испытывать первый образец бомбы с ядерным зарядом с бросанием с самолета отказались, хотя возможности были. Курчатову Сталин сказал: «Нечего, вдруг промажете, не туда полетит она и набедокурит, и не зарегистрируете ничего. Давайте сначала испытывать так, как испытывали американцы — на башне». Для испытания на баш-

не баллистический корпус не нужен, поэтому испытывали один заряд. Духов руководил сборкой этого заряда. Он не «руководил», он не был «конструктором-белоручкой», а собирал изделие. Видимо, разработка танков заставила его проверять каждую гайку, каждый винт и каждый болт, эта привычка перешла и сюда. Испытания прошли успешно, и мощность взрыва первого ядерного заряда была несколько больше, процентов на 30-40, чем у американцев. Большая мощность у нас обеспечивалась тем, что у нас размеры основного заряда были несколько больше, чем у американцев, то есть мощность взрыва, отжатию плутония получалось выше, а качество сборки и качество работы деталей были лучше намного, чем у американцев. Большинство сотрудников были участниками Великой Отечественной войны, и многие ходили в шинелях, нечего было надеть. В душе у каждого человека был большой патриотический подь-

▲ Забабахин Е.И.

ем, настрой — не считаясь ни с чем, работать и не только просто работать, работать с большими успехами и внедрением новшеств.

29 августа 1949 года Духов участвовал в испытаниях первого советского ядерного устройства — атомной бомбы РДС-1. Название, в видах секретности, расшифровывалось как «реактивный двигатель специальный», но на совещании у Сталина Берия расшифровал его как «Россия делает сама».

Вторую, собственную конструкцию атомной бомбы разработали быстро и довольно удачно. В сентябре 1951 года эта конструкция была испытана тоже на башне. При той же закладке активного материала, то есть плутония, она выдала мощность в два раза большую, чем первая. Причем вес этой бомбы был почти в два раза меньше, и по габаритам тоже процентов на тридцать меньше (по диаметру). Отношение длины к диаметру

▲ Курчатов И.В.

получилось больше, то есть бомба для полета становилась более устойчивой...

Одновременно разрабатывалась и водородная бомба. Разрабатывала группа Тамма, куда входил Сахаров, который предложил конструкцию, вариант, который потом и осуществили. Духов со своим коллективом разработал эту конструкцию при газодинамическом исследовании. Целью исследования было определить, достигается ли нужная величина сжатия при взрыве активного материала.

В 1951 году, когда новый вариант (РДС-4) испытывали, привезли заряды в Семипалатинск, долго разгружали. Разгрузку закончили в три часа ночи. Голодные инженеры испытатели пошли в столовую, но там ничего нет. Кто-то предложил поехать в ночной ресторан. Поужинали в ресторане, только вышли как тут же были арестованы чекистами. Их доставили в Семипалатинское УНКВД к генералу

Мешику П.Я., ответственному за режим и безопасность Семипалатинского полигона. Он обвинил испытателей в нарушении режима секретности. Духов был бессилен помочь. Курчатов был в Москве. Когда вернулся Курчатов, и узнал о пришествии, вызвал Мешику и спросил:

- Мишка (он так его звал), твои лоботрясы могут за них сделать дело? -
- Нет, Игорь Васильевич!

- Тогда вот что, отстань от них, и я не слышал, чтобы они на тебя жаловались!

В целях дезинформации и запутывания потенциальных вражеских разведчиков предприятия Минсредмаша часто меняли свои названия. Будем по-прежнему именовать, как и прежде Минсредмашем. После успешно проведенного испытания первой атомной бомбы широким фронтом велись работы по разработке более совершенных, более грозных образцов ядерного оружия, и конструктор-

ский сектор, руководимый Н.Л. Духовым, работал с полным напряжением.

В начале 1950-х годов становится ясно, что носителями ядерных боеприпасов могут быть не только авиационные бомбы, но и баллистические и крылатые ракеты, торпеды. Необходимо было расширять работы по конструированию различных видов ядерных боеприпасов.

Кроме того, разработка и производство одного из важнейших устройств ядерного боеприпаса — системы электрического и нейтронного инициирования ядерного заряда — требовали создания специальной научной и технологической базы.

Именно в это время были начаты работы по проблеме, которая и привела в мае 1954 года к созданию в Москве на базе завода №25 Министерства авиационной промышленности филиала №1 КБ-11, а затем самостоятельного КБ-25 ВНИИА.

В 1954 году Духов был назначен главным конструктором — руководителем филиала №1 КБ-11, в дальнейшем вновь организованного конструкторского бюро КБ-25 Министерства среднего машиностроения, в целях дальнейшего развития работ по созданию боевых частей носителей, систем автоматики и инициирования. В этот период была поставлена задача оснащения ядерными зарядами всех видов вооруженных сил страны.

Духов определил основные направления тематики филиала №1 КБ-11 — создание ядерных боеприпасов для стратегических и тактических комплексов ядерного оружия, систем электрического и нейтронного инициирования ядерных зарядов, приборов автоматики ядерных боеприпасов, унифицированной контрольно-измерительной аппаратуры. Под его руководством было разра-

ботано первое поколение ядерных боеприпасов для различных носителей — баллистической ракеты Р-7 (мы её больше знаем, как ракету-носитель «Союз», которые эксплуатируются по сей день), торпеды Т-5, первых крылатых ракет для ВВС, ВМФ, ПВО. Духов был основателем конструкторской школы по ядерным боеприпасам.

Проблема заключалась в разработке принципиально новой системы нейтронного инициирования ядерного заряда — внешнего нейтронного инициирования, то есть созданию специального генератора нейтронов, который в точно заданный момент должен послать импульс нейтронов в критическую массу активного вещества, вследствие чего начинался процесс цепной реакции, приводящий к ядерному взрыву. Несмотря на сложность проблемы, по которой имелось заключение одного из со-

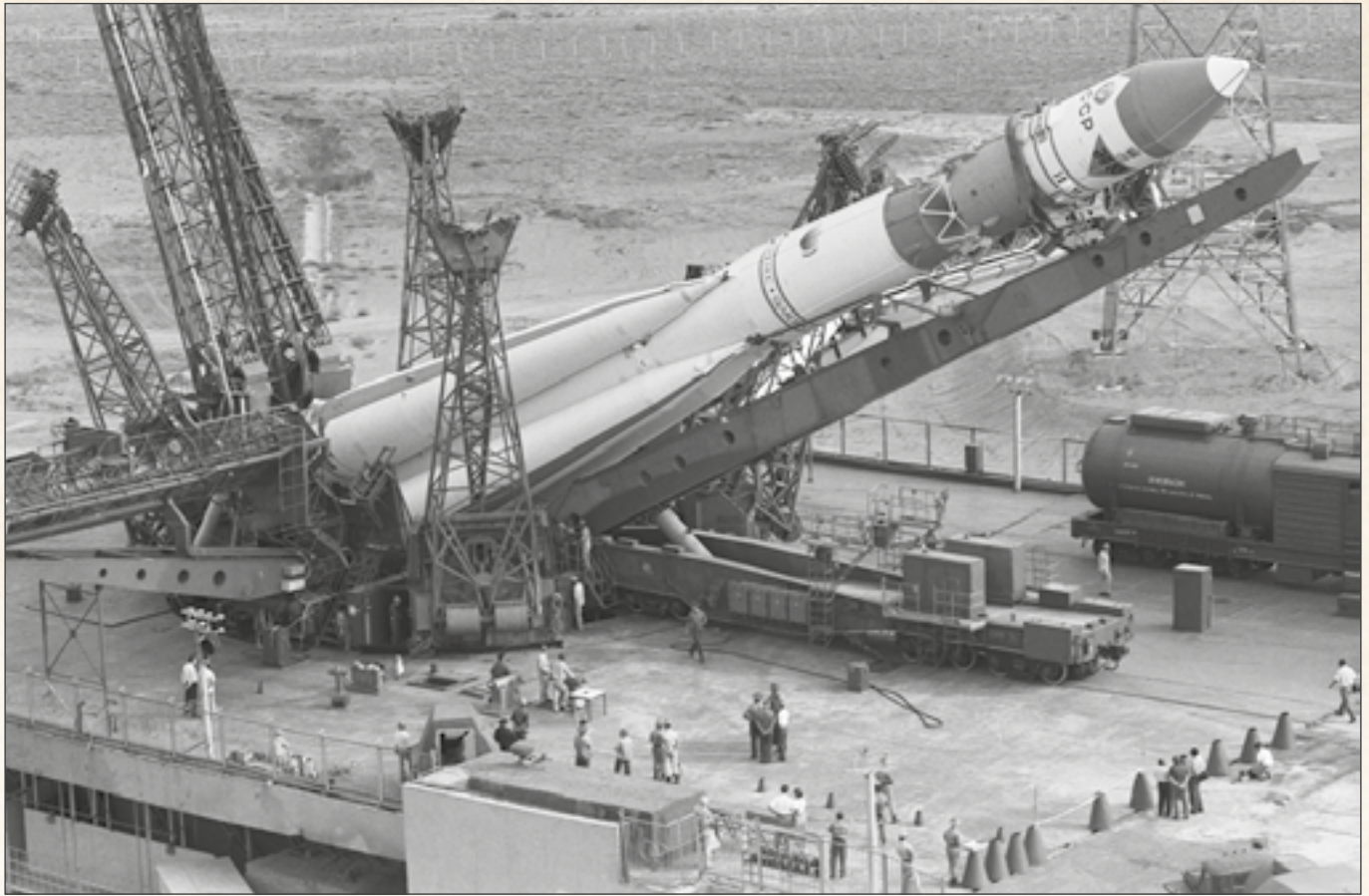

▲ Тамм И.В.

▲ Сахаров А.Д.

▲ Ракета Р-7

лидных московских НИИ о невозможности создания требуемого генератора нейтронов в заданных жестких габаритно-весовых характеристиках, работа была успешно выполнена, и в конце 1953 года в конструкторском секторе ВНИИЭФ под руководством Н. Л. Духова была разработана конструкция новой специальной боевой части (СБЧ), в которую входила система внешнего нейтронного инициирования. Следует отметить, что в США в то время подобной системы еще не было. Однако сразу же стало ясно, что имеющиеся производственно-технологические возможности опытного завода ВНИИЭФ не обеспечивают быстрого изготовления автоматики новой СБЧ. Выпуск первой опытной партии автоматики СБЧ был поручен заводу № 25, а когда стало ясно, что завод успешно справляется с порученным заданием, завод был передан Минсредмашу в виде филиала КБ-11. Духову предложили возглавить новое предприятие в качестве директора —

главного конструктора. Он согласился с данным предложением при условии образования в составе филиала, кроме направления систем нейтронного инициирования, еще и направления разработок СБЧ в целом.

Это было очень дальновидное решение. В скором времени разработчики многих систем вооружения начали переходить на ядерное оружие, и на Минсредмаш буквально посыпались заказы на разработку новых СБЧ. Кроме того, имея собственных разработчиков СБЧ, Духову было легче разрабатывать и внедрять новые приборы, входившие в состав СБЧ. Имея во главе предприятия такого авторитетного директора, как И. Л. Духов, бывший завод № 25 сразу же стал весьма авторитетным КБ. Безусловно, авторитет завоевывался и успешными разработками новой техники. Духов умело руководил большим коллективом разработчиков, технологов, производственников. Он соединил и развил высокий техноло-

гический уровень завода № 25 и научно-технический потенциал бывших сотрудников ВНИИЭФ, переведенных на работу во ВНИИА. В кратчайшие сроки были разработаны новые приборы автоматики, допускавшие применение их в жестких условиях работы головных частей ракетного оружия и имевшие существенно меньшие массо-габаритные характеристики. Была создана мощная испытательная база, имитирующая механические и климатические воздействия на траекториях полета головных частей. Были разработаны и успешно прошли государственные испытания СБЧ для первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 генерального конструктора С. П. Королева, крылатых ракет для поражения кораблей генерального конструктора А. Я. Березняка, СБЧ для установки в морские торпеды, зенитные ракеты.

Духов установил тесные деловые связи с большим количеством главных и генеральных конструкторов авиаци-

онного и ракетного оружия: А. И. Микояном, А. Н. Туполевым, В. Н. Челомеем, С. П. Королевым и другими.

В 1954 году КБ-11 и его филиал, руководимый Н. Л. Духовым, совместно с ОКБ-1 С. П. Королева и другими привлеченными организациями приступили к разработке ядерной головки первой межконтинентальной ракеты. Если в разработке приборов для авиационных бомб имелся хоть какой-то опыт, то разработка приборов и систем для баллистической ракеты началась буквально с нуля. Вот здесь и проявились в полной мере конструкторский талант Н. Л. Духова, его инженерная интуиция, способность не только увлечь коллектив на решение сложнейших задач, но и заставить людей поверить в свои силы.

Начиналась разработка СБЧ для межконтинентальной баллистической ракеты подвижного базирования генерального конструктора А. Д. Надирадзе («Тополь»). С целью повышения эксплуатационных качеств была разработана модификация комплекта контрольно-стендового оборудования и начаты работы по созданию принципиально новой контрольно-стендовой аппаратуры на основе цифровой полупроводниковой техники. И это в начале 1960-х годов! Стиль руководства Духова был очень демократичным. Однако при рассмотрении технических вопросов, конструкторской документации он был чрезвычайно въедливым, как говорили, «любил покопать». И это было не что иное, как проявление чрезвычайной ответственности за порученное дело, воспитанное годами работы на самых передовых рубежах отечественной военной техники. Он прекрасно знал и меру возможной личной ответственности. У него непросто было подписать какой-то документ и даже обычное письмо. Эпоха работы Духова была жестокой, за все отвечали сполна, и это вошло в его плоть и кровь. Ему была свойственна высочайшая требовательность к выполнению любых — простых и сложных — работ в соответствии с требованиями чертежно-технической и эксплуатационной документации. Он особое внимание обращал

на вопросы безопасности в процессе сборки и испытаний ядерных зарядов.

Н. Л. Духов обладал искусством умело управлять коллективами конструкторов и производственников при решении самых сложных проблем. Об этом говорит тот факт, что именно он был назначен первым (несмотря на занятость по руководству ВНИИА) руководителем вновь образованной в 1959 году Секции №1 при Научно-техническом совете министерства (НТС-2) по разработке боевых ядерных боеприпасов. Здесь проявилась его активная деятельность, особенно при создании перспективных и паритетных образцов ядерного оружия.

Ю. Б. Харитон так писал о Н. Л. Духове:

«Его конструкторская гениальность врожденна. Роль Николая Леонидовича в создании первых образцов оружия была чрезвычайно велика. Вместе со своими товарищами по работе он очень много сделал, чтобы под общим руководством Игоря Васильевича Курчатова приблизить день ликвидации американской монополии на ядерное оружие. То, что он сделал за свою жизнь, огромно как по количеству и уровню инженерных решений, так и по тому значению, которое его труды имели для укрепления оборонной мощи нашей Родины».

▲ Королев С. П.

▲ Могила Духова Н.Л. на Новодевичьем кладбище в Москве

Обилие высоких званий и наград не привело Н.Л. Духова к «звездной болезни». Он был очень скромн во всяких бытовых вопросах. Когда на территории института был построен новый производственный корпус и Духов переехал в новый кабинет, то

первое же совещание с руководством института здесь он начал с разъяснения, почему у него такой большой кабинет и что он нужен не для него, а для удобства всех присутствующих и для авторитета фирмы при приеме представителей других организаций.

Этот кабинет директора института функционирует и теперь, и нет в нем никаких излишеств.

Болезнь настигла Н.Л. Духова в расцвете творческих сил. Внезапно. Он быстро узнал о поставленном врачами диагнозе и, по-видимому, пытался выяснить причину заболевания. Так, в один из дней пребывания в больнице он позвонил начальнику лаборатории, и спросил, не могло ли заболевание быть связано с работой нейтронного генератора в лаборатории. Это абсолютно исключено, поскольку расстояние от генератора до его кабинета столь велико, что до него могут доходить нейтроны, не превышающие по уровню естественный фон. Он молча выслушал, попрощался и положил трубку. У него обнаружили рак крови. Принимали всевозможные меры, приезжали великие специалисты по этим делам, но ничего не могли сделать.

Духов умер от лейкоза крови (белокровия) — болезни атомщиков в 1964 году в светлый советский праздник 1 мая, заплатив за создание ядерного щита страны самым ценным, что есть у человека — жизнью. Но его жертва и жертвы тысяч других советских специалистов, создававших атомное оружие, не были напрасными. Образовавшийся их трудами ядерный паритет, это главный аргумент, удерживающий в наше время многие горячие головы на Западе от развязывания третьей мировой войны.

Русский народ неисчерпаемо богат гениями, но всю мощь своего таланта они проявляют тогда, когда нужны государству. Государству, именуемому Российской Федерацией, судя по всему, гении не нужны — как не нужны ему ни качественное образование, ни фундаментальная наука, ни развитая промышленность. А судя по национальной политике, не нужен и сам русский народ.

Поэтому всегда нужно помнить, кому именно мы сегодня обязаны нашим таким неустойчивым, таким шатким, но все-таки миром. ■

А.А. ЕПИФАНЦЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЫЖИВАНИЯ ГРУЗИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

▲ Эвлия Челеби

У каждого, кто вдумчиво читает историю Грузии, очень скоро начинает появляться стойкое ощущение дежа-вю — чувство, что вот это, вот тут и именно вот с таким же результатом уже было. Причем, это даже не особо зависит

от того какую именно версию грузинской истории он читает — в традиционном её толковании или полностью переписанную современную. Сходство событий и действий в разные исторические периоды просто поразительно — временами кажется,

что можно переставить персонажи или высказывания местами и ничего не изменится!

Постепенно приходишь к пониманию того, что, начиная со Средневековья, в разные исторические эпохи и при различных обстоятельствах,

ЕПИФАНЦЕВ Андрей Александрович родился в 1959 году, публицист, писатель, политолог, эксперт по Кавказу. Окончил МГИМО (Москва) и Калифорнийский университет (США). Участник проекта «Карта этнорелигиозных угроз». Соавтор доклада ИИС «Карта этнорелигиозных угроз: Северный Кавказ и Поволжье».

Грузия всегда и везде демонстрировала одинаковую модель поведения.

О моделях поведения государств или народов известно уже давно. По сути, гениальный итальянец Макиавелли в своём «Государе» описывал ни что иное, как универсальную модель поведения государства. А Лев Гумилев на моделях поведения народов во многом построил свою известную систему этногенеза. Он называет их «стереотипами поведения» и говорит, что складываются они у каждой нации по-разному и в соответствии с совершенно специфическими, только им присущими историческими условиями.

Но, вернемся к грузинам. В той или иной форме государственность у грузин была всегда и в их случае уместнее говорить о модели поведения не грузинской нации, а именно грузинского государства. Так вот, Лев Гумилев пишет, что с течением этногенеза стереотипы этносов меняются. Наверняка это так и есть, хотя, судя по истории Грузии, это положение её никак не затронуло, т.к., совершенно удивительным образом модель поведения грузинского государства за последние 450 лет не менялась вообще.

Начало этой модели поведения было положено в середине XVI века, когда сформировался мировой порядок, который определил жизнь в Грузии в течении последующих 250 лет. Тогда территория, что мы сейчас называем Грузией, была поделена между двумя странами-лидерами того времени — Турцией

и Ираном. Грузинские княжества Имеретия, Мегрелия, Абхазия отошли Турции, а Картли и Кахетия — Ирану. Это было тяжелое время, полное испытаний и драм. Описывая его, грузинские историки, обычно перечисляют немалые невзгоды, которые выпали на долю грузинского народа — нашествия персов, турок, лезгин, кызылбашей; грузин убивали, угоняли в рабство и обкладывали данью.

И они правы. Все так, действительно, и было. Были и 6000 монахов монастыря Давида Гареджи, как один отказавшихся принять мусульманство и убитых за это во время праздника Пасхи. Был и грузинский священник Квелтели Тевдоре, за 5 лет до Ивана Сусанина совершивший подобный подвиг — под турецкими пытками согласившийся показать им путь к царю Луарсабу и уведший их в другую сторону, за что и был убит турками. Были и грузинские мученики Бидзина, Шалва и Элисбар, выданные персам на пытки царем Вахтангом IV. Были и походы шаха Аббаса в начале XVII века, в результате которых были убиты 100 тысяч человек и 200 тысяч угнаны в плен.

Все это правда. Так и было.

Однако, существует и другая сторона этой правды, гораздо менее освещаемая и, если существующая, то только в виде разрозненных фактов, почему-то до сих пор не сопоставленных с общей канвой исторических событий.

ГРУЗИНСКИЕ КНЯЖЕСТВА В ТУРЦИИ И ПЕРСИИ

Дело в том, что несмотря на весь трагизм жизни грузин, их положение в турецком и особенно в персидском государствах, было далеко не всегда и не во всем похоже на положение несчастных, обираемых и угнетаемых колоний. Более того, по крайней мере в Иранском государстве картвельские княжества и по сути, и по форме не были колониями, а являлись частью персидского государства — его провинциями, такими же как коренные ираноязычные регионы Хорасан, Балх или Фарс. Ими правили по тем же законам, что и в основной Персии, а назначаемые шахом чиновники практически всегда были картвельского происхождения — омусульманенные грузинские князья и дворяне. Считалось, что князья находятся у шаха на службе, они получали жалование, им дарились дорогие подарки и имения, как в Персии, так и в Грузии. Об отношении шахов к Грузии можно судить по тому, что по их приказам и на их средства в Картли и Кахетии содержалось войско, которое обязано было охранять границы Грузии от набегов горских племен, если войска не хватало шах присылал помощь. Налоги, собираемые с грузинских княжеств были такими же, а иногда и меньше, по сравнению с налогами на других территориях как Иранского, так и Турецкого государств. Так, знаме-

▲ Макиавели

▲ Теймураз II царь Кахетии

нитый турецкий путешественник Эвлия Челеби пишет, что Имеретинское царство, одно из турецких вилайетов «до сегодняшнего времени» свободно от хараджа и урфа (так называемых обычных налогов), «только ежегодно они посылают в Стамбул [в качестве подарков] невольников, соколов [разных видов], ястребов, мулов, а также грузинских женщин редкой красоты». Имеются неоднократные примеры снижения налогов и в персидской части грузинских княжеств.

Выставляемые в качестве угнетателей и гонителей христианской веры, иранцы не уничтожают христианскую церковь полностью, они ставят её в определенные рамки и заставляют согласовывать утверждение грузинских католикосов в Иране. Есть немало свидетельств того, что шахская власть являлась неким верховным судьей, арбитром в церковных хозяйственных и административных вопросах.

Грузинская знать органично и на правах равных входит в высшее сословие Ирана. Были распространены династические браки — немало грузинских княжон стали женами шахов, а в крови знатнейших грузинских родов текло немало персидской крови. Так, у одного из величайших

исторических фигур в истории Грузии, основателя Тбилиси, в честь которого сейчас назван высший орден Грузии — Вахтанга Горгасали — мать была иранка. Кстати, само слово «Горгасали», или «Волкоголовый», тоже имеет персидское происхождение. Представители грузинской знати мальчиками растут при шахском дворе, они назначаются чиновниками в провинции, причем, не только в грузинские, но и в исконно иранские, выступают в роли крупнейших персидских военачальников и даже предводителей всего иранского войска в походах в Индию и Афганистан. При шахском дворе находятся целые группы высокопоставленных чиновников-грузин. Например, при дворе уже упомянутого нами шаха Аббаса I, который, кстати, сам неплохо говорил по-грузински, служило немало грузин, а военную реформу в стране осуществлял Алаверди-хан — омусульманившийся грузин по фамилии Ундиладзе. В истории Персии было целое столетие, в течении которого начальниками столицы государства — в то время Исфагана — мэрами по нашему, были исключительно грузины. Примеров того, чтобы какая-то другая, неиранская народность, допустим ин-

дусы, афганцы или арабы, занимали столь высокое, столь массовое и столь долгое положение в Персии нет. Даже близко.

Центр династической жизни Грузии находится в Тегеране и Исфагане — здесь процветают грузинские интриги, заключаются брачные союзы, приобретаются выгодные государственные должности, получают и теряются царства. Так, в первой половине XVII века царь кахетинский и картлийский Теймураз из-за интриг шахского двора трижды получает и трижды теряет свой царский скипетр. Персидское влияние проникает по все уголки грузинского общества — архитектура принимает иранские формы, высшее и среднее сословия говорят на персидском языке, заводят персидские библиотеки, да и сама грузинская литература начинает следовать не изначальным византийским, а персидским канонам, например, персидское происхождение источника знаменитого «Витязя в тигровой шкуре» сам Шота Руставели даже не скрывает:

«Это повесть из Ирана, занесенная давно,

По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.

Спеть ее грузинским складом было мне лишь суждено»

И хотя в монастырях церковь сохраняет остатки грузинской иконописи и церковной письменности, нравы светского мира к концу XVIII века уже почти полностью копируют персидские.

А как же все эти походы, истребления и казни, упомянутые выше — спросите вы — неужели их не было? Были — скажу я вам. Были. Дело в том, что в то время нравы общества были совсем непохожи на наши. Проблемы, которые мы сейчас решаем судебным порядком, нотами протеста, да, в конце концов, просто грозным окриком центральной власти тогда приводили к войнам и кровавым расправам. В то время

так относились к людям, к целым провинциям, к решению вопросов вообще. Причем властители сплошь и рядом поступали жестоко не только по отношению к иноверцам или к подчиненным народам, но и к своим же собственным соплеменникам. Помните в фильме про Ивана Васильевича: «Как поймут Якина — на кол посадить! На кол — это первое дело!» И восточные деспотии, коими, являлись Турция и Иран, даже не были здесь явными лидерами. Просвещенная Европа могла в этом отношении еще дать Востоку фору. Так, Генрих VIII Английский — тот самый «герцог Синяя Борода» из сказки Шарля Перро — казнил 72 тыс. человек, его дочь Елизавета Английская — «Бабушка английской нации» — казнила

90 тыс. человек, герцог Альба во время войны в Голландии истребил 30 тыс. человек, во Франции во время Варфоломеевской ночи погибло тоже 30 тысяч, а соратник Петра I — князь Меншиков — «счастья баловень безродный», как его называл Пушкин, во время взятия Батурина — столицы мятежного гетмана Мазепы — истребил около 15 тысяч человек. И все это не помешало им войти в историю в роли известных, выдающихся личностей, равно как не помешало шаху Аббасу запомниться современникам просвещенным человеком и сторонником нововведений в науке и технике. Кстати, в свое время на стороне шаха Аббаса сражалось немало грузинской знати, например

▲ Аббас I

▲ Шота Руставели

▲ Вахтанг Горгали

один из величайших героев Грузии — Великий Моурави Георгий Саакадзе, одержавший во главе персидского войска несколько блестящих побед в Индии и Турции.

То есть, жизнь Грузии в составе Персии и Османской Империи была не так уж плоха и если представить, что каким-то фантастическим образом грузины очутились бы в границах какой-либо другой сверхдержавы того времени, их ждали бы такие же, а может быть даже и худшие отношения. После первоначального покорения и Турция, и Персия довольно спокойно относились к грузинским территориям — Иран упразднил грузинские государства, но сделал их своими равноправными провинциями, а Турция изначально и не ставила целью уничтожение грузинских княжеств, удовлетворившись признанием ими вассальной зависимости и ежегодной данью. По сути, дань

и была основной целью прихода Турции на Кавказ — постоянно расширяя границы и ведя многочисленные войны, турецкие султаны остро нуждались в рабах, становившихся потом солдатами — янычарами. Собственно, рабы и составляли основной «продукт» торговли с Турцией как западных грузинских княжеств, так и союзных ей адыгов и абхазов. И все военные походы турок на грузинских царей были так или иначе связаны с отказом платить дань или с требованием её уменьшения, об этом, кстати, пишет и Эвлия Челеби. Нахождение между двух центров силы даже давало грузинским царям определенные преимущества — зачастую, хотя и не всегда успешно, в борьбе за свои интересы они сталкиваются лбами персов и турок, получают для себя лично и для своих земель привилегии, которых не было в других колониях и провинциях. Главным же преимуществом такого положения был тот факт, что союз части Грузии с Ираном давал гарантию от нападения турок и, наоборот, союз её другой части с турками давал гарантию от нападения персов. Установился паритет — сложная, многосторонняя, но эффективная система, которая действовала больше 200 лет и во многом помогла грузинам выжить как нации.

И вот в этих условиях — в жизни как части работающей системы и с обществом, почти полностью инкорпорированным в персидское общество, обласканные турецкими и персидскими властями, грузинские князья решают изменить то, что мы сейчас называем геополитической ориентацией страны и сломать действующий механизм, хранивший их несколько столетий. Это очень серьезный шаг. Что же произошло? Что было причиной?

Турция и Иран ослабли. В XVII веке и позже эти 2 региональных лидера уже не представляли из себя тех львов Малой Азии, которыми они были раньше. Акелла начал промахиваться. Османская Империя выглядит еще внушительно, но корни её могущества уже подгнили. Начинает ухудшаться экономическая ситуация, Ближневосточная Порта терпит ряд бо-

лезненных поражений, таких, как военная катастрофа под Веной; по сути, с середины XVII века она проигрывает войны практически всем державам, с которыми воюет — Венгрии, Польше, Австрии, Венеции, России и теряет крупные территории. Положение в Иране выглядит не лучше. Во 2-й половине XVII века там начинается период упадка, сопровождающийся мятежами, восстаниями, народными волнениями и отпадением целых провинций. Ослабевшая Персия терпит несколько разорительных походов со стороны турок и афганцев. И хотя при Надир-шахе страна еще побеждает в нескольких войнах, после его смерти в 1747 году Иран распадается на несколько государств и объединяется только в конце XVIII века при Ага-Мухамед хане.

Такие государства не могли служить надежной защитой грузинским княжествам — сбалансированный механизм ломался в самом центре. Грузины были готовы жить под гнетом чужеземцем, демонстрировать им лояльность, платить дань, получать привилегии и плести интриги при чужих дворах, но эти чужеземцы должны были быть сильными. Хозяин должен быть сильным — это закон. Пусть у него будут плохие привычки, но он должен быть настолько сильными, чтобы обеспечить глобальную безопасность Грузии. Это очень важный фактор, обеспечивающий понимание модели поведения Грузии за последние 500 лет.

Но проблема была в том, что никто большой и сильный не изъявлял желания прийти в регион, отбить грузин у персов и турок, дать им покровительство, «стол, дом» и сладкие должности у себя при дворе. И Грузия начинает звать. Звать долго и призывно. Звать Хозяина. В то время таким хозяином по многим причинам могла стать только Россия. Грузия посылает посольство за посольством. От одного княжества, от другого, от нескольких княжеств сразу, она взывает к состраданию, напоминает о православно-единстве, просит помощи. Россия долго не соглашается — она не чувствует себя достаточно сильной, чтобы всерьез прийти на Кав-

▲ Лев Гумилев

каз. Русские государи шлют грузинам мастеров, деньги, книги, принимает беглецов, но это все не то, что нужно Грузии и она продолжает звать.

Ситуация изменилась в конце XVIII века, когда Россия уже вышла в число влиятельных Европейских государств, достаточно уверенно стояла в Предкавказье и выиграла несколько сражений против турок. Зачем России была нужна Грузия? Да в общем-то ни зачем. Уговорили. Человека, который уговорил Россию звали Ираклий II, он был царем объединенного царства Картли и Кахети, принадлежащего Ирану. 24 июля 1783 года в крепости Георгиевск князь Григорий Потемкин и князь Иван Багратион и Гарсеван Чавчавадзе подписали Георгиевский трактат, в соответствии с которым Российская корона брала под покровительство Восточную Грузию, гаран-

тировала её автономию во внутренних делах и защиту на случай войны. Государство Картли и Кахети обязывалось признать вассалитет России и отказаться от ведения собственной внешней политики.

В соответствии с трактатом, Россия должна была постоянно держать в Грузии 2 батальона пехоты и 4 пушки. И вот, 3 ноября 1783 года 2 батальона Кавказских егерей — Горский, подполковника Мерлина, и Белорусский, подполковника Квашнина-Самарина, а также четыре орудия под общей командой полковника Бурнашева вступили в Тифлис. Народ ликовал, огромные толпы грузин ходили по площадям и улицам, били колокола, раздавались пушечные залпы.

Сказать, что подписание договора с Россией разгневало персов — значит не сказать ничего. Иран просто

не понял этот шаг, он был удивлен и оскорблен в своих самых лучших чувствах. Для понимания этого важно знать кем был сам царь Ираклий II, которого в народе за маленький рост звали Патара Кахи — Маленький Кахетинец. Дело в том, что за всю историю Грузии, на её престоле, наверное, не находился царь, у которого были бы настолько теплые и дружественные отношения с Ираном. Даже и эти слова, возможно, не совсем точно характеризуют персону Ираклия. Иранцы считали Патара Кахи своим — он вырос и получил воспитание при персидском дворе, долгое время был личным другом победоносного Надир-шаха, возмужав, поступил к нему на службу, достаточно скоро стал одним из командиров отрядов и уже в качестве спасалара — одного из главнокомандующих — участвовал в нескольких военных походах, в частности, в Индию. Фактически, он был одним из высших чиновников персидского государства. И иранцы щедро оплатили Ираклию. Они сделали Патара Кахи царем Кахетии в то время когда на престоле в Картли сидел его отец — Теймураз. Это объединило Восточную Грузию, увеличило её силы, дало возможность проводить единую политику. Став после смерти отца в 1762 году единым царем Кахети и Картли, Ираклий II пользовался исключительно благоприятными условиями, предоставленными ему шахом — он усмирил воинственных лезгин, нападавших на Грузию, заставил хана Гянжи платить ему дань, построил несколько укреплений и т. д. Иран ничем не угрожал Ираклию, более того, за все годы его правления у Восточной Грузии с Ираном были идеальные отношения!

И вот, когда такой человек поворачивается спиной к тем, кому он так многим обязан, то это должно было быть чем-то вызвано. Иранцы не понимали чем. Они пытаются связаться с Ираклием, понять что произошло, уговорить одуматься, но в ответ ничего кроме оскорблений не получают.

Но вернемся к самому Ираклию. Кажется, дело сделано. Победа! Деспотический иранский режим свергнут, договор о протекторате с брат-

ской Россией подписан, войска для защиты Грузии присланы — можно жить и спокойно трудиться. Но не тут-то было! Как вы думаете, чем первым делом начинает заниматься только что освободившееся от гнета и страдавшееся от территориальных захватов соседней государством? Территориальными захватами.

Патара Кахи устраивает походы на Гянжинское и Ереванское (или, как тогда говорили — Эриванское) ханства, отколовшиеся от Ирана, начинает откусывать от территории ослабевшего вчерашнего хозяина другие лакомые кусочки. Он повсюду таскает с собой российские батальоны, пытается втянуть их в сражения, выставляет напоказ, всеми силами подчеркивая, что если вы будете сопротивляться мне, то это вы не со мной — вы с Россией воевать будете! Такой подход к использованию войск не устраивал российское командование. Да, по Георгиевскому трактату Россия обязывалась способствовать возвращению утраченных грузинских земель, но ни Гянжа, ни Ереван, естественно, грузинскими землями никогда не были и лишь короткое время, по согласию шаха, испытывавшего к грузинам особое расположение, платили Грузии дань, что называется, «были отданы ей в прокорм». Но не так считал Ираклий II, уже успевший записать оба ханства в «исконные» грузинские территории. Естественно, такое поведение вчерашнего близкого друга и подданного бесило Тегеран. Но не только это служило источником раздражения для иранцев. Само отношение Ираклия и его подданных к персам было крайне презрительным и, видя это, другие народы смеялись над персами, не понимая почему они позволяют вчерашним подданным так с собой поступать. Иран хотел отомстить, но не мог, т.к. сам в то время погряз в жесточайшей междоусобной борьбе, да и русские батальоны были определенным, хотя и не решающим, препятствием. Большой, но все еще сильный персидский лев выжидал.

В этот момент Ираклий II делает другой решительный шаг — он заключает в 1786 году договор о нена-

падении с Турцией. Значение этого шага огромно и крайне трагично для Грузии. Дело в том, что по сути он подчеркивал саму основу Георгиевского трактата. Напомним, что согласно договору, в обмен на защиту со стороны России, Ираклий II отказывался от ведения самостоятельной внешней политики и все свои шаги в этом направлении должен был согласовывать с Москвой. По факту, Патара Кахи никогда особо не придерживался этого пункта — он довольно активно сносился с правившими тогда в Египте мамлюками из грузинского рода Бегеби, вел переписку, принимал представителей других государств, но все это были мелкие шалости, с которыми Петербург мирился. Договор же с Турцией в корне менял ситуацию. Давайте задумаемся. Одной из самых важных причин, по которым Россия пришла на Кавказ и, в частности, в Грузию, было противостояние против Турции. Россия твердо знала, что новые войны с Турцией обязательно будут и беря на себя нелегкие обязательства, она гарантировала Грузии защиту, в том числе от Турции, и в ответ рассчитывала на помощь самой Грузии и на отсутствие на её территории турецкого влияния. Ираклия же мало волновали интересы других стран, равно как подписанные им самим обязательства. Маленькому Кахетинцу казалось, что вот теперь-то он перехитрил всех: Иран расколот и не пойдет против России, с Россией подписан Георгиевский договор и она связана борьбой против Турции, с Турцией тоже есть договор о ненападении и, кроме этого, турки обязались не подстрекать лезгин и дагестанцев к нападениям на Грузию. Прекрасная ситуация!

На деле же оказалось, что поставивший царя обхитрил самого себя. Сепаратный договор вассала России — Грузии — с врагом России — Турцией — оказался принципиально неприемлем Екатерине II. В течение года российские офицеры и дипломаты уговаривают Ираклия разорвать его, но все тщетно — Патара Кахи не слышит. Ратификация договора в Стамбуле летом 1787 года в то время, когда очередная русско-турецкая

война уже шла полным ходом, поставил точку на предыдущих отношениях России с ненадежным вассалом. Петербург выводит из Грузии войска, затем дипломатическое представительство и прекращает практически все отношения с Ираклием II.

Говоря современным дипломатическим языком, царь Кахети стал «нерукопожатен». Первое время Ираклий настороженно выжидает, пытаясь понять неожиданно сложившуюся ситуацию, переждать русско-турецкую войну и дожидаться пока отношение к нему России сменится с гнева на милость. Проходит время, в 1791 году заканчивается война, но улучшение не приходит. Постепенно Маленький Кахетинец понимает, что его лавирование среди великих держав сыграло с ним очень злую шутку и что положение Грузии на самом деле достаточно трагично: призывая и обманывая покровителей, пытаясь соблазнить только свои интересы, он полностью испортил отношения с двумя из них — Россией и Ираном, а с третьим — Турцией — существует лишь Договор о ненападении, но Турция как раз и была славна тем, что в подходящее вре-

▲ Ираклий II

▲ Ага Мухамед хан Каджар

мя всегда разрывала уже ненужные ей соглашения! Осознав ситуацию, Ираклий пытается помириться с Петербургом, он забрасывает Екатерину Великую письмами, жалуется на свое положение, напоминает о Георгиевском трактате, зовет на помощь... Но теперь уже Россия глуха к мольбам вероломного царя — помощь не приходит.

В этот момент ситуация в Иране разворачивается по наихудшему для Ираклия II сценарию: смута и раскол заканчиваются, к власти приходит недружественный ему Великий скопец — Ага-Мухамед-хан Каджарский. Он объединяет государство и четко заявляет о намерении вернуть все отколовшиеся от Ирана земли. Новый хан исподволь пробует Восточную Грузию на прочность и не видит реакции на это ни от грузин, ни от России — у самого Ираклия сил нет, а Россия не горит желанием защищать изменщика. В 1795 году,

воспользовавшись напряженностью в российско-турецких делах, занятостью России в Польше, а также отказом Ираклия II приехать на свою коронацию, Ага-Мухамед-хан выдвигается в Грузию. Ираклий выставляет только 5000 человек против 35 000 тысяч персов. По сути, и знать, и народ оставляют его — царевичи и князья собирают свои дружины, стоят рядом, но в битву не вмешиваются, народное ополчение не собрано, помощь от западных грузин не приходит. В результате ожесточенной битвы, немногочисленное грузинское войско разбито, самого Ираклия — к тому времени семидесятипятилетнего старика — сыновья увозят с поля боя, Крцанисская битва проиграна. За несколько дней персы убивают или уводят в рабство около 20 000 грузин. Одна из величайших трагедий во многовековой истории Грузии свершилась. По грустной иронии судьбы, на этом самом месте — на окраине Тбилиси — сейчас располагается резиденция Президента Грузии.

Ираклий II удаляется, перестает принимать участие в государственных делах и власть сначала де-факто, а потом и де-юре переходит к его сыну Георгию. С уходом «нерукопожатного» царя Россия просыпается. Уже через несколько месяцев 4 русских батальона приходят в Восточную Грузию и персы без боя отступают, а в 1796 году 30-ти тысячное российское войско под командой Зубова отбрасывает персов назад в Иран. Оживляется переписка, в Грузию идет финансовая помощь, после долгих 12 лет отсутствия возвращается дипломатическое представительство. В конце концов, новый правитель Восточной Грузии, Георгий XII, просит «Белого Царя» уже не о покровительстве, а о принятии Картли и Кахети в состав Российской Империи. Постепенно, в течение нескольких лет и остальные грузинские княжества присоединяются к России.

Все. Над Грузией вошла Российская Звезда.

Давайте теперь разберем модель поведения Грузии, выделим её основные моменты и попытаемся их систематизировать и свести в периоды.

1. Грузия находится под властью иностранной державы. Неважно как эта власть сформировалась — была Грузии навязана, или призвана ею самой. Значение имеет то, что Грузия несамостоятельна.

2. Вне зависимости от природы образования этой власти, правители — верхушка Грузии практически целиком становятся на сторону иностранного «хозяина» — максимально в него вливаются и максимально под него мимикрируют, стараясь показать, что они очень на него похожи и живут его интересами. Примерно тот же процесс, с учетом меньших возможностей, демонстрирует и весь грузинский народ — он начинает во многом «становиться похожим» на народ-покровитель и демонстрирует с ним много общего. Этот процесс — «схожести народов и интересов» в Грузии развит намного более сильно, чем у других стран и народов, так или иначе подпавших под власть чужого государства. Осознанно или нет, этим поведением Грузия демонстрирует, что с покровителем они не просто союзники или вассалы — они часть «хозяина», его лучшие друзья, наиболее преданные помощники и союзники. Они — такие же как он.

3. Весь период нахождения под властью покровителя эта политика используется Грузией для получения для себя выгод и привилегий — финансовых, территориальных и иных, добиваясь в этом немалых успехов, по сравнению с другими территориями.

4. Со временем «хозяин» слабеет и его слабость с одной стороны начинает угрожать интересам Грузии, т.к. несет в себе упущенную выгоду, увеличивает опасность нападения на нее, как на часть ослабевшей империи, с другой же стороны, слабость хозяина дает хорошие шансы поживиться за счет его собственных или ему подконтрольных территорий и ресурсов. Но у самой Грузии сил для этого нет, а значит...

5. Грузия тут же, активно и инициативно, начинает искать нового покровителя. Первой поиск нового «хозяина» начинает наиболее облагодетельствованная старым по-

кровителем знать. Именно она в дальнейшем станет наибольшим врагом и хулителем старого «благодетеля».

6. Грузия жалуется на старого хозяина, рассказывает о нем страшные вещи, сокрушается о том как тяжело ей под ним жилось и одновременно хвалит нового кандидата, показывает как она им восхищена, говорит о том, как они похожи друг на друга, насколько едины у них интересы и на ходу пытается под него мимикрировать.

7. Но вот союз с новым хозяином заключен. Власть, и народ ликует. После получения гарантий, Грузия моментально начинает захват территорий, в том числе территорий, принадлежащих старому «хозяину», демонстрирует к нему презрительное и оскорбительное отношение, и в то же время пытается укрепить дружбу с новым покровителем, демонстрируя ему полную лояльность,

восторженность им и показывая свою с ним схожесть.

Все. Цикл завершен. Дальше можно переходить к пункту 1 и повторять процесс много раз практически без изменений. Теперь держите эту модель в голове и давайте посмотрим, как она будет реализовываться в последующих исторических периодах.

ГРУЗИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

К 1810 году вся так или иначе вся «грузинская» Грузия оказывается во власти Российской короны. Где-то это проходит добровольно, где-то под влиянием обстоятельств. Что интересно, и здесь грузинская модель поведения не дает сбоев — через 10 лет после Ираклия II, его ошибку повторяет царь Имеретии Соломон — он подписывает договор о протекторате

с Россией, но продолжает активные переговоры о таком же протекторате с Турцией — в результате теряет власть, бежит в так любимую ему Турцию, а Имеретинское царство упраздняется и становится основой Кутаисской губернии.

Впервые за несколько столетий все грузинские княжества оказываются в составе одного государства. Но территориальный вопрос на этом не останавливается — сбывается многовековая грузинская мечта — собрание земель. Российское государство понемногу собирает старые грузинские земли, утерянные кавказцами за несколько столетий до того — Ахалцихе, Ахалкалаки, Саингило, Самце-Джавахетию, Аджарию и др. и вводит их в состав грузинских губерний. В боях за эти земли гибнет около 20 000 русских солдат.

Во чреве России начинается выживать единая грузинская нация.

▲ Георгий XII, князь

▲ Соломон царь Имеретии

▲ Багратион

Много веков, по крайней мере с XIV века, историки, этнографы и путешественники не говорили о грузинах, как о единой нации, называя картвел «грузинские народы» и видя очень значительную разницу между гурийцами, мингрелами, кахетинцами, сванами и т.д. Помещенные в единые условия, управляемые одинаковыми законами, грузинские народности постепенно начинают приобретать черты действительно единого народа.

Грузины уравниваются в правах с остальными российскими подданными. От этого российская аристократия сразу взрывается — на территории с населением в триста тысяч человек князей и дворян оказывается немногим меньше чем во всей пятидесятимиллионной России. В процессе вхождения грузинского народа в российскую орбиту аристократия играет лидирующую роль. Как и при персах, за немногими исключениями, практически вся она переходит на службу короне. От знатных грузинских фамилий в свите Императора, в Гвардии, да и вообще на высших постах российской администрации

просто рябит в глазах — князя Шервашидзе, Чавчавадзе, Церетели, Орбелиани, Мачабели, Абашидзе и т.д. Многие из них оставили свой след в русской истории, как например потомок грузинских царей князь Петр Багратион. Грузинская знать роднится с известнейшими русскими родами, и если раньше царь картвелов Вахтанг Горгасали — Волкоголовый — мог сказать, что он наполовину перс, то теперь наследник Российского престола — Великий князь Георгий Романов может сказать, что он на четверть грузин (его бабушка — Великая княгиня Леонида Георгиевна происходит из рода Багратион-Мухранских).

Вхождение в состав России изменяет не только политическую, но и культурную ориентацию грузин. Если раньше она воспитывалась на византийских и персидских традициях, то теперь культура грузин лежит в европейской, в российской сфере. В обществе выделяется и становится популярной группа талантливых молодых людей, строящих грузинскую культуру под воздействием пере-

довых идей российского общества. Представителей группы называют «тергдалеули» — «испившие воду Терека», то есть побывавшие в России и проникнувшиеся её идеями.

В XIX веке степень проникновения грузин в жизнь России становится настолько велика, что они начинают русифицировать имена и фамилии. Абсолютно тот же процесс наблюдался в течение нескольких веков, только раньше они изменяли имена и фамилии на турецкий и персидский лад. Например, Сефер-бей Шервашидзе — владетельный князь Абхазии или Ростом — начальник гвардии шаха Аббаса, потом управляющий Исфагана, а потом и царь Картли и строитель Тбилиси. Процесс русификации приобретает немалый размах. Только известных грузин, изменивших свои имена — десятки: Цициановы (грузинский княжеский род, изначально Цицишвили), Мазниев (генерал русской службы Мазниашвили), Баратовы (княжеский род Бараташвили, давший многих известных российских военачальников, поэтов и историков, например генерала Николая Баратова, героя Первой мировой войны, командира Иранского корпуса Кавказской Армии, Сулхана Баратова — автора известной «Истории Грузии», изданной в Санкт-Петербурге в 1871 году), Андроники (известнейший княжеский род Андроникашвили, давший уже в наше время великолепного писателя и литературоведа Ираклия Андроникова) и т.д.

В XIX веке в российском обществе понемногу начинает складываться отношение к грузинам, которое будет потом характерно до самого конца века XX. Это отношение нельзя назвать просто хорошим или приятельским. Не будет преувеличением сказать, что такое чувство не испытывалось ни к одному другому народу. Это была влюбленность, восторженность, уважение на грани восхищения. Каждый образованный человек знал и мог цитировать «Витязя в тигровой шкуре»; русские поэты Пушкин, Лермонтов и другие посещали Грузию; строки «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной», «И божья благодать сошла на Грузию! Она

цвела» стали чуть ли не символом российской поэзии. Грузин холили, берегли и лелеяли. Чего стоит, например, запрет Николая II на разведение в Грузии чая из тех соображений, что чай чрезвычайно трудоемкая «плантаторская» культура и он не хочет, чтобы грузины изнуряли себя на чайных плантациях, поэтому чай государь император предпочитал покупать в Китае.

Россия традиционно тратила на развитие Тифлисской и Кутаисской губерний гораздо больше средств, чем собирала с них доходов, тем самым напрямую дотируя Грузию. Против этого неоднократно выступал легендарный российский министр финансов, а потом и премьер — граф С. Ю. Витте, который высказывался против идеи Государя по снижению и без того символических налогов грузинских губерний.

Даже в случаях открытого противостояния грузин царской власти отношение к ним все равно было намного более снисходительным и щадящим. Вспомним расправы императорской власти над декабристами, польскими повстанцами, петрашевцами и т. д. В случае с грузинами не было ни виселиц, ни пожизненной сибирской каторги, ни лишения дворянства с переламыванием шпаг над головой. Участники раскрытого в Тифлисе в 1832 году антиправительственного заговора были арестованы, сосланы в благополучные регионы, вроде Калуги и Тамбова, и буквально через несколько лет помилованы с полным восстановлением в правах. Многие из них потом сделали блестящую, абсолютно не рядовую карьеру по военной или административной линии. Так, один из лидеров заговора князь Вахтанг Орбелиани, кстати, внук Ираклия II, впоследствии получил чин генерал-лейтенанта, а его родственник Григор Орбелиани, который придерживался наиболее радикальной и антирусской позиции, стал генерал-адъютантом и одно время даже исполнял обязанности наместника царя на Кавказе. Ну разве можем мы представить, чтобы «кровавый» царизм вместо виселицы сослал Сергея Муравьева-Апостола в Калугу,

через три года простил и еще через несколько лет дал генеральский чин? Это абсурд! Но в случае с Грузией — это реальность.

Такая ситуация продолжалась ни много ни мало до начала XX века, когда, повторяя судьбу Ирана и Турции, уже новый покровитель Грузии — Российская Империя, тоже начинает слабеть. В 1905 году Россия проигрывает войну с Японией, страну начинают раздирать политические волнения, 300-летняя монархия сдает позиции, несколько раз созывает и распускает Думу, страну лихорадит. Начавшаяся в 1914 году Великая война сначала мобилизует общество, но затем неудачи на фронте и экономические неурядицы приводят

к катастрофе. Армия разваливается, в стране происходит череда восстаний и переворотов, часть которых долгое время называлась революциями, Николай II отрекается, повсюду царит разброд и шатание.

Хозяин ослабел. Он уже не мог исполнять для грузинского народа ту функцию, которую позднее американцы назовут «safe harbor» — счастливое пристанище. Новая ситуация заключала в себе ряд угроз, но, как и с персами, несла интересные возможности. С одной стороны, возможности для грузин в российском государстве уменьшались и увеличивалась опасность со стороны Турции — страны, сохранившей боеспособную армию

▲ Витте

▲ Церетели Ираклий

▲ Чавчавадзе Илья

и притязания на Закавказье. С другой стороны, появлялась перспектива расширить грузинскую территорию за счет земель старого хозяина.

ГРУЗИЯ В ПЕРИОД МЕНШЕВИСТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Я намеренно не пишу о возможности «освободиться от покровительства» и стать независимым государством. Такого пункта в грузинской политической парадигме (за одним слабым исключением полуромантического 1832 года) не существует. По крайней мере, последние 450 лет истории не дают нам ни такого примера, ни даже желания таковой пример создать. Подобно старым грузинским князьям, Грузия начинает искать нового покровителя. Претендентами на эту роль в то время являлись старые хозяева — Турция и Иран, а также Англия и Германия. Турцию и Иран можно было отместить сразу — Иран сам был слаб и оккупирован Англией, а интересы Турции полностью противоречили грузин-

ским. Англия была сильно занята военными делами и особого интереса в покровительстве Грузии не проявляла. А вот в случае с Германией намечилось удивительное совпадение интересов. Дело в том, что увязшая в войне, не имевшая колоний, а значит, и существенных сырьевых ресурсов, Германия остро нуждалась в полезных ископаемых для своей военной промышленности. И Грузия опять начинает звать.

Еще находясь в составе Закавказской Республики, Грузия начинает закулисные переговоры с Германией по поводу создания на Кавказе отдельного, подконтрольного немцам государства. Весной 1918 года в германский МИД направляется сообщение следующего содержания: «При определенных обстоятельствах Грузия обратится к германскому правительству с просьбой инкорпорировать ее в германский рейх в качестве либо федерального государства, управляемого германским принцем, либо на условиях, подобных управлению британскими доминионами, при контроле со стороны германского вице-короля».

Грузинским вопросом со стороны Германии занимается представитель одного из самых древних немецких родов — потомок рыцарей-крестоносцев граф Фридрих фон Шуленбург — тот самый, что потом будет послом фашистской Германии в СССР. 22 июня 1941 года объявит Вячеславу Молотову о начале войны, а еще через три года будет повешен как участник заговора против Гитлера. Пользуясь тем, что фон Шуленбург с 1911-го по 1914 год возглавлял немецкое консульство в Тифлисе и находился в курсе грузинской ситуации, в начале 1918 года Кайзер посылает его в Грузию в составе немецкой делегации в качестве «серого кардинала», отвечающего за успех предприятия.

Степень подчиненности Грузии Германии в то время просто поражает. Ни о каком «равноправном партнерстве» с немцами, как это любят представлять современные грузинские историки, нет и речи. По сути немцы выполняют функции грузинского МИДа или верховной власти вообще. Так, фон Шуленбург лично пишет документ о выходе Грузии

из состава России, составляет текст грузинско-немецкого договора о сотрудничестве, включает в него все существенные на его взгляд условия и т.д.

И вот 13 мая 1918 года Грузия объявляет о выходе из Закавказской Республики. Два дня спустя, 15 мая, в Поти высаживаются первые подразделения кайзеровских войск. 26 мая Грузия объявляет о своей независимости, а 28 мая Берлин эту независимость признаёт. К этому времени на земле Царицы Тамары находится уже больше 7 тысяч немецких солдат, а германские гарнизоны располагаются по всей территории страны. Немцы берут под контроль самые важные объекты инфраструктуры, начинают формировать, оснащать и обучать грузинскую армию. Ной Жордания распространяет сообщение: «Грузинское правительство доводит до сведения населения, что прибывшие в Тифлис германские войска приглашены самим правительством Грузии и имеют своей задачей защищать, в полном согласии и по указаниям правительства, границы Грузинской демократической республики. Часть

этих войск уже отправлена в Борчалинский уезд для очищения его от банд разбойников».

Ничего из времен Ираклия II не напоминает? Например, «азиатическую музыку» и батальоны Мерлина и Квашнина-Самарина? Под бандами разбойников, кстати, имеются в виду азербайджанцы, с которыми у Грузии, как когда-то с их предками гянджинцами, моментально возник спор по поводу территории.

В соответствии с договором, составленным фон Шуленбургом, Грузия превращается в сырьевой придаток Кайзеровской Германии. Немцы получают марганцевые, медные рудники, порт Поти, железную дорогу, вывозят из «независимой» страны полезные ископаемые, продукты питания, шерсть и т.д. Дело идет так удачно, что Берлин награждает министра иностранных дел Грузии Акакия Чхенкели высшим военным орденом Германии Железным крестом. Представление на награждение таким же орденом посылается и на главу грузинского правительства Ноя Жордания.

И вот здесь мы подходим к лидерам грузинского государства, реали-

зовавшим его традиционную модель развития. Их личности просто поразительны! В советское время таких людей называли «перевертыши». Скорости изменения их политического кредо и разворота их позиций на 180 градусов мог бы позавидовать сам персидский грузин Ираклий II. Достаточно сказать, что еще в 1917 году Ной Жордания принадлежал к группе так называемых «оборонцев», то есть тех, кто очень активно ратовал за войну с Германией до победного конца, а через каких-то полтора года за заслуги перед Германией немцы уже представили его к Железному кресту! Это поразительно! Такие кульбиты нигде больше, кроме как в Грузии не встречаются!

Вообще, стоит сказать, что по старому грузинскому обычаю разворот Грузии от одного покровителя к другому подготовили и возглавили люди, предыдущей властью обласканные и выдвинутые на передовые иерархические позиции. Это была та традиционная грузинская знать, которая, как и в случае с персами, если и не правила Россией, то уж, во всяком случае, оказывала значительное влияние

▲ Немцы в Грузии, 1918 г.

▲ Ной Жордания

на принятие важных государственных решений. Пришедшие к власти в Грузии в 1918 году Жордания, Чхенкели, Церетели, Чхеидзе и др. были очень известными и влиятельными людьми в политике России начала XX века. Ной Жордания был одним из лидеров политической мысли России того времени, главой фракции социал-демократов в I Государственной думе; Ираклий Церетели возглавлял фракцию меньшевиков II Государственной думы, был Министром почт и телеграфа Временного правительства; Николай Чхеидзе являлся одним из виднейших депутатов Думы III и IV созывов, фактически спикером меньшевистской фракции, при Керенском он стал Председателем Петербургского Совета, а затем и ЦИК; награжденный Железным крестом Акакий Чхенкели тоже был одним из руководителей сначала социал-демократов, а потом и меньшевиков, членом Государственной думы, пред-

▲ Черепов А.Н.

ставителем Временного правительства в Закавказье.

Как в свое время персы возмутились неожиданным политическим разворотом Ираклия II, так и соратники грузинских лидеров не поняли резкой смены их позиции на диаметрально противоположную.

В этом отношении интересны статьи Троцкого, который тогда был в самой гуще политической борьбы и новое грузинское руководство знал давно. Лев Давидович был возмущен внезапным дружным переходом коллег по борьбе в стан противников. То, что он пишет про них, настолько ёмко и точно, что даже через 100 лет его оценки и характеристики можно давать без каких-либо комментариев. Взгляните:

«Мы знали этих господ раньше, и притом не как владык независимой демократической Грузии, о которой они сами никогда и не помышляли, а как русских политиков Петербур-

га и Москвы... В качестве идеологов буржуазной республики Церетели — Чхеидзе, как и все их единомышленники, непримиримо отстаивали единство и неделимость Республики в пределах старой царской империи. Притязания Финляндии на расширение ее автономии, домогательства украинской национальной демократии в области самоуправления встречали со стороны Церетели — Чхеидзе беспощадный отпор. Чхенкели громил на Съезде Советов сепаратистские тенденции некоторых окраин, хотя в ту пору даже Финляндия не требовала полной самостоятельности. Для подавления этих автономистских тенденций Церетели — Чхеидзе готовили вооруженную силу. Они применили бы ее, если бы история оставила им для этого необходимое время».

Читаем дальше:

«В качестве министров всероссийского правительства грузинские меньшевики обвинили нас в союзе

с германским штабом и через царских следователей предали нас обвинению в государственной измене. Брест-Литовский мир, открывавший германскому империализму «ворота революции», они объявили предательством России. Именно под этим лозунгом они призывали к низвержению большевиков. А когда почва революции слишком нагрелась у них под ногами, они откололи Закавказье от России, затем Грузию от Закавказья и действительно настежь открыли ворота «демократии» перед войсками кайзера — с самым низким поклоном и с самыми льстивыми речами...»

То есть, говоря иными словами, лидеры «свободной» Грузии сами проделали то, в чем они всего за год до этого обвиняли других!

Вспомним, чем первым делом занялось Картли-Кахетинское царство, получив от Российской Империи войска и гарантии своей защиты? Захватом территории. Чем через 130 лет занялась «свободная» Грузинская Демократическая Республика? Удивительно, но это — тоже захват террито-

рии! 26 мая Грузия объявляет о своей независимости, и практически тогда же, в июне, грузинская армия, вооруженная и обученная немцами, захватывает Абхазию, а через месяц идет и дальше — за пределы бывшей Кутаисской губернии на непосредственно российские земли: 2 июля 1918 года занят Адлер, 5 июля — Сочи, 27 июля — Туапсе, а чуть позже — расположенный за перевалом и уже совсем не приморский Хадыженск, бывшая станица Хадыженская Кубанского Казачьего войска. Командует армией генерал Мазнишвили, человек, который на российской службе просил звать его исключительно Мазниевым и известный в том числе тем, что в Царскосельском госпитале после ранения его выхаживали лично Великие княжны — дочери Николая II.

Здесь мы подходим к моменту, о котором нынешние грузинские историки не любят упоминать, — агрессия Грузии. Этот момент они тщательно ретушируют, ограничиваясь только захватом Абхазии, который, естественно, признается правомерным, а о продвижении в глубь российской

территории зачастую не упоминается вообще, как, например, в учебнике «История Грузии» Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М., изданном в Тбилиси в 1995 году.

Следует признать, что момент для нападения был выбран исключительно удачный. Как когда-то иранцам, прежнему хозяину было не до территориальных устремлений грузин: русские дрались между собой. Какой-либо военной силы вооруженная и наскоро обученная немцами грузинская армия не представляла, но ни Деникин, ни красные не могли выделить достаточно сил для постоянного размещения в регионе. Поэтому грузин били, что называется, при случае, причем, несмотря на очень агрессивную риторику и угрозы, при более-менее серьезном столкновении грузинская армия сопротивления не оказывала и сразу же бежала, оставив позиции и бросив оружие, щедро розданное своим покровителем — Германией (ничего из современности не напоминает?).

Так было и в конце августа 1918 года, когда одна колонна обес-

▲ Генерал Деникин, второй слева

▲ Мазниашвили Г.И, генерал

силенной красной Таманской Армии, отступавшей через горы на Армавир, почти без боя заняла Туапсе, захватив брошенные грузинами 16 орудий и 10 пулеметов (эпизод, который описал А.С. Серафимович в книге «Железный поток»). Так было и в начале февраля 1919, когда, несмотря на тяжелое положение на Дону, Деникин смог выделить отряд под командованием одного из руководителей Ледяного похода генерала А.Н. Черепова, который за несколько дней занял весь Сочинский округ. За всю операцию белые потеряли всего лишь семь человек убитыми, а грузины — всего лишь 12, что стало возможным только потому, что грузинская армия не оказывала сопротивления и бежала аж до Сухуми. Не успев убежать, гарнизоны Сочи и Адлера в полном составе сдались в плен. Примечательно, что в самом начале наступления на речушке Лоо кубанский казачий разъезд захватил в плен командующего грузинскими войсками генерала Кониешвили, который в пьяном состоянии в компании женщин возвращался

▲ Гегечкори

со свадьбы. А через несколько дней в Сочи в плен попал и его начальник штаба — полковник Церетели.

Вообще же Грузинская Демократическая республика за короткое время умудрилась перессориться и начать воевать со всеми своими соседями. Кроме России в этот список попали и Армения, с которой Грузия воевала за армянонаселенные Лори и Ахалкалаки, и Азербайджан, с которым разгорелся спор за Борчалинский уезд и куда по просьбе Грузии Германия направила свои войска.

В конце 1918 года в грузинских планах случился очень серьезный сбой. В Германии произошла революция, что привело к её капитуляции. Все усилия по привлечению немцев на Кавказ в качестве покровителей Грузии оказались тщетны — Германия проиграла и по приказу победителя — стран Антанты — вывела свои войска с территории бывшей Российской Империи.

Тбилиси снова был вынужден искать нового хозяина. В сложившейся ситуации таковым могла стать только

Англия, но здесь произошла наклад-ка — у Англии не было никаких планов по превращению Грузии в свой протекторат. Лондон занимал взвешенную и равноудаленную позицию с учетом ослабления сильнейшего игрока — сначала белых, а потом и победивших их большевиков.

Несмотря на это, Грузия прикладывает немалые усилия по полноценной замене ими немцев, и тут сложилась просто анекдотическая ситуация: грузинам надо было объяснить англичанам, почему они, так «искренне» и «открыто» призывавшие немцев, помогавшие им и набивавшиеся к ним в близкие друзья, теперь с такой же «искренностью» призывают заклятых врагов немцев — англичан. Об этом казусе Л. Троцкий пишет: «...Пришлось уже открывать ворота великобританским войскам. Этому предшествовали переговоры, главной задачей которых было доказать, разъяснить, убедить, что с немецким генералом фон-Крессом (руководитель немецкой делегации в Грузии — А.Е.) у грузинской «демократии»

был навязанный обстоятельствами полубрак по расчету; настоящий же брак, по глубокому чувству, предстает именно с великобританским генералом Уоккером (Командующий Группой британских войск в Закавказье — А. Е.). Троцкий называет всю эту ситуацию «зигзаги, противоречия, измены» и говорит, что теперь «министр войны Гендерсон (министр английского правительства — А. Е.), бравшийся в Петербурге с министром войны Церетели, снова встретил его как собрата, после того как Церетели прошел через объятия гогенцоллернского генерала фон-Кресса». Стоит полагать, что подобные трудности за 100 лет до того испытывал и Соломон Имеретинский, будучи сначала вассалом Турции, затем добившись против неё протектората с Россией, а потом и пытаясь получить протекторат от турок против русских.

Переговорная практика и риторика грузин того времени заслуживают отдельного упоминания. Как некогда грузинская литературная тенденция копировала персидские, а потом и российские литературные и социальные традиции, так, стремясь показать схожесть интересов и свою собственную схожесть с немцами, а затем и с англичанами, грузины полностью копируют их лексику, разливая, по выражению Троцкого «поток торжественного демократического славословия». В ходу и тут и там употребляются такие слова, как «демократия», «стремление к свободе», «часть Европы», «европейская ориентация Грузии» и т. д. Быстро осознав, что и немцы, и, позже, англичане заинтересованы в борьбе с большевиками, грузины начинают повсюду применять нужные «заклинания» и говорить, что все свои шаги они делают в целях борьбы с большевиками. Временами это доходит до полного абсурда. Так, на переговорах с посланцем Деникина генералом Лукомским они оправдывают грузинскую оккупацию принадлежавшего белым Сочинского округа... тоже борьбой с большевиками!

Как и в случае с персами, новая грузинская знать не церемонится с бывшими друзьями и хозяевами.

Насколько грузины льстивы и подобоострастны к немцам и англичанам, настолько же они бесцеремонны и презрительны по отношению к русским. До белых и до красных доходят слухи об ужасающем положении, в котором находятся русские, абхазы, армяне и осетины, проживавшие на захваченных Грузией территориях. Именно тогда профессор Санкт-Петербургского Императорского университета, доктор наук, член множества научных сообществ Александр Цагарели впервые выдвигает тезис об аннексии Грузии, о компенсации грузинам за тяжелейшую русскую оккупацию и призывает западные страны помочь маленькой Грузии в её святой борьбе с Россией. Кстати, похоронен профессор Цагарели в Пантеоне виднейших, наиболее уважаемых деятелей Грузии — Мтацминда — рядом с Чавчавадзе, Грибоедовым и Пшавела.

Известно, что такое отношение возмущало Деникина, который неоднократно прерывал переговоры с грузинской стороной из-за невероятных запредельных требований заведомо более слабого противника. Грузины оказались неприятным соседом и крайне тяжелым партнером. Кстати, в переговорной практике грузинское государство в полной мере использовало ряд очень интересных и уже известных нам подходов. Как когда-то Ираклий II старался вовлечь русские войска в свои междоусобные войны, так и теперь принципиальным моментом было стремление грузин максимально вовлечь в любые переговоры или конфликты тогдашних «политических тяжеловесов» — немцев, а позднее и англичан. Пользуясь влиянием и тех и других в регионе, а также их особым отношением к Грузии, это в значительной степени усиливало её позиции, а в некоторых случаях позволяло просто полностью развернуть проигрышную ситуацию в свою сторону. Так, армяне до сих пор не понимают, как, одержав победу в двухнедельной армяно-грузинской войне 1918 года, заняв Ахалкалаки и Лори, двигаясь маршем на Тбилиси и не встречая серьёзного сопротивления, Армения вдруг ока-

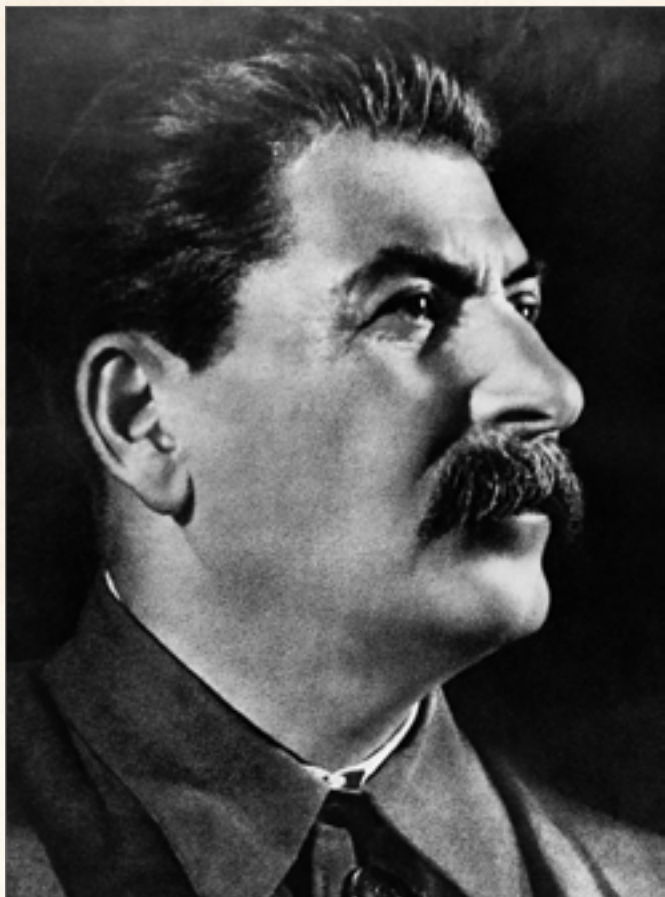
залась проигравшей стороной в мирных переговорах, на которые разбитая ими Грузия пригласила англичан?

Схожее положение наблюдалось и на переговорах с белым командованием. Добившись согласия англичан на включение в состав Грузии занятых ими кубанских земель и Абхазии, грузины зачастую выставляют это согласие как основной аргумент в споре. Существуют занимательнейшие стенограммы переговоров Деникина, Лукомского и Алексеева со сменившим «немецкого орденосца» Акакиа Чхенкели на посту Министра иностранных дел Грузии Евгением Гегечкори, кстати, по совместительству — родным дядей жены Лаврентия Павловича Берия — Нины Гегечкори. Разговоры в основном шли по поводу принадлежности захваченного грузинами Сочинского округа. На неоднократные требования генералов хоть как-то объяснить, на основании чего российская земля, где нет грузин и которая не является спорной территорией, должна принадлежать Грузии Гегечкори твердит лишь одно: «Англичане с этим согласны».

По стенограмме видно, что такой ответ выводит героя Брусиловского прорыва Александра Лукомского из себя, он не понимает, как вообще англичане могут определять, кому должны принадлежать Сочи, Туапсе и Адлер, но в ответ снова и снова получает «Англичане согласны. Вы что — не понимаете? Англичане согласны».

Более того, стремясь вынудить Деникина признать принадлежность к Грузии Сочинского округа и Абхазии, грузины в полной мере прибегают к тому, что в наше время назвали бы «асимметричным подходом». Они поддерживают сепаратистские движения горцев Северного Кавказа и повстанческие отряды красно-зеленых, которые находятся в тылу Добровольческой Армии и ведут против нее партизанскую борьбу. Грузинское правительство размещает штаб повстанцев в Гагре и полуофициально поставляет им оружие и снаряжение, шантажируя Деникина тем, что прекратит их поддержку сразу же, как только тот признает Сочи и Абха-

▲ Сталин И. В.

▲ Квинитадзе Г.И.

зию грузинскими. Часть этих отрядов, возвращенных на грузинские деньги, потом волеется в 11-ю армию и займет Тбилиси.

Так или иначе, в 1920 году ситуация в Закавказье меняется. Деникин разбит, Армения и Азербайджан становятся советскими, и Грузия остается в одиночестве. Ни Англия, ни другие европейские страны не горят желанием признать и защищать её.

А Грузия всеми силами рвется на Запад. Она рассылает эмиссаров, шлет воззвания, стремится привлечь к себе международное внимание — жалуется на Россию, на большевиков, на русское иго, негодует, что западные страны не хотят помочь ей — своему собрату и т.д. Постепенно Ной Жордания понимает, что это тупик и что внешнеполитическая ситуация в высшей степени катастрофична. Англия не признаёт потому, что не забыла «жаркой и «искренней» любви» грузин к немцам и оглядывается на постоянно усиливающуюся Россию. Дру-

гие страны не признают по той же причине: они открытым текстом заявляют, что Грузия испортила отношения с Россией и, как в своё время персов, турок и русских, она очень активно пытается столкнуть их лбами с русскими и турками, а они не хотят идти из-за Грузии на конфликт с Москвой и Стамбулом. С Москвой отношения испорчены кардинальным образом — надо было постараться, чтобы так сильно нагадить одновременно и проигравшим белым, и победившим красным! Старый соперник, Турция, выжидает удобного момента, чтобы откусить от Грузии кусок побольше. Активизируются территориальные споры с Арменией и Азербайджаном, да и Советская Россия все чаще говорит о том, что Грузия — агрессор и должна вернуть захваченные кубанские земли, Абхазию и Южную Осетию. Положение все больше начинает напоминать кризис конца 1790-х. Как когда-то старый царь Ираклий II, Ной Жордания

понимает, что долго такая ситуация продолжаться не может и расплата неминуема. Но особого выбора у Грузии нет — ей надо опереться хоть на кого-то, кто может признать её и обеспечить защиту.

В это время, казалось, канувший в небытие, ослабевший и оскорбляемый грузинами старый хозяин — Россия возвращается. С каждым днем она становится сильнее — наводит у себя порядок, расправляется с остатками «старого мира», приближается к грузинским границам. С окончанием войны, заинтересованные в доступе к русским природным ресурсам, западные страны занимают к ней намного более лояльную позицию, а приближение НЭПа обещает им получение прямых концессий. Тема «злых большевиков» начинает отходить в сторону, но у Грузии нет другой, и она продолжает взывать о помощи.

И тут Россия делает то, что совсем недавно не могло присниться грузи-

нам и в страшном сне: Россия открыто атакует «богоизбранную» и «великую» Англию, до последнего момента полугаранта существования Грузии. Весной 1920 года советская Каспийская флотилия под командованием Ф. Раскольникова захватывает иранский порт Энзели, в котором скопились 23 российских судна, эвакуировавших из Краснодарска белых и гражданское население. Энзели охраняет английская 51-я пехотная дивизия. Красные выдвигают ультиматум и, получив отказ, обстреливают Энзели с моря, высаживаются на берег, разбивают английскую дивизию, принуждая англичан и белогвардейцев покинуть город. Затем они захватывают корабли и увозят их. Забавно, что в том бою русские взяли в плен английского командующего — коммодора Фрайзера. Знали бы они, что через 20 лет — с 1941-го по 1945 год именно он в чине адмирала Английского Королевского флота будет отвечать за сопровождение союзных конвоев в Мурманск!

Россия показала, что она опять стала сильной! И Грузия бросается за признанием к России. В Кремль к стремительно набирающему политический вес Сталину направляется грузинский спецпредставитель Григол Уратадзе — давний соратник Сталина по подпольной борьбе, сидевший вместе с ним в тюрьме, тот самый Уратадзе, который потом в эмиграции напишет, что в 1909 году их партийная бакинская ячейка обвинила Сталина в сотрудничестве с царской охранкой и в выдаче полиции своего друга Камо. Удивительно, но Уратадзе подписывает в Москве договор о признании Советской Россией Грузии! Грузины ликуют! Жордания считает, что кризис пройден и уж теперь-то, имея на руках признание русских, он сможет убедить Запад признать их.

Григол Уратадзе плохо знал своего соратника по партии. Как договор о ненападении с Турцией в 1786 году стал концом Грузии Ираклия II, так и договор о признании Россией стал началом конца Грузии Ноя Жордания. Мудрый лис Коба внес в договор пункт о том, что Грузия должна освободиться от влияния англичан и вы-

вести их войска со своей территории.

Грузия опять разворачивается на 180 градусов, теперь уже по отношению к англичанам, моментально указывает бывшим «лучшим друзьям» на дверь, те уходят, оставив Грузию один на один с Россией и Турцией, а через восемь месяцев, в начале 1921 года, Россия подписывает с Великобританией торговое соглашение, по которому англичане обязываются при любом развитии событий воздерживаться от поддержки Грузии. Остальное было уже делом времени, и в феврале 1921 года Красная Армия, практически не встречая сопротивления со стороны грузинских войск, захватывает Грузию, и один грузин, Орджоникидзе, посылает другому грузину, Сталину, знаменитую телеграмму «Красное знамя реет над Тифлисом!».

Вопреки ожиданиям грузинского руководства, захват Грузии не вызвал международного резонанса. За короткое время Грузия успела всем надоесть своими метаниями из стороны в сторону, своим молниеносным предательством тех, кому еще вчера пылко изъяснялась в любви, своими бесконечными жалобами и своим постоянным сталкиванием лбами великих держав. Вопрос защиты Грузии и войны с Россией даже не поднимался. Между большой, всем нужной Россией и маленькой и скандальной Грузией Запад выбрал Россию. Над Грузией опять взошла Российская Звезда.

Еще один цикл истории Грузии завершился. В нем она удивительнейшим образом практически идентично воспроизвела свою модель поведения и в точности повторила периоды, обрисованные ранее: Власть иностранной державы — Максимальная мимикрия под хозяина с целью получения благ — Ослабление покровителя — Поиск нового хозяина грузинской знатью, возвеличенной старым — Мимикрия под него — Полный и очень быстрый разворот против старого покровителя и наступление на его интересы.

Поразительно, но, живя в другую эпоху, с иными действующими лицами, с другими интересами, с гораздо

большей скоростью происхождения перемен, Грузия ни на йоту не отошла от своей модели поведения — она не поставила новых целей, не добавила в ней новых пунктов, не отбросила старые. Закономерно и то, что результат двух циклов оказался одинаков, что в 1801 году, что в году 1921-м.

ГРУЗИЯ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Тут мы подходим к периоду, который большинство читателей знает не понаслышке и для описания которого не всегда обязательно прибегать ко мнению историков. Люди помнят. С 1921 года фраза «15 республик — 15 сестер» стала символом общего дома для Грузии и в этом доме она жила на правах равного — и в горе, и в радости. Правда, тоже в соответствии со своими традиционными «стереотипами поведения».

Двадцать предвоенных лет для Грузии не были богаты на события, хотя некоторые из них стоит выделить. Во-первых, это, конечно же (только не говорите, что вы удивлены!) территориальные приобретения, а именно передача Сталиным Грузии земель Абхазии и Южной Осетии. Можно много говорить о законности этого шага, но не это составляет задачу данной статьи. По сути, для Грузии получение этих двух регионов составило такое же территориальное приобретение, как и происходившие ранее завоевания, правда, случившееся мирным путем, что вполне понятно, т.к. все территории находились в сфере владений одного покровителя. Вторым важным для понимания моментом явилось начало политики «огрузинивания» всей территории Грузии, причем не только новоприобретенных земель, но и непосредственно её грузинской части. Сначала в рамках этой политики вообще принимались какие-то дикие, средневековые законы — так, объявлялось, что грузинки, вышедшие замуж за иностранцев теряли возможность возвращения на территорию Грузии, негрузины, не имевшие жилья на территории Грузии не могли прописаться

нигде, даже в общежитиях, из Тифлиса масштабно депортировались армяне и т.д. Это вызвало шквал жалоб и в какой-то момент зарвавшихся товарищей, что называется просто «поправили» сверху. Интересно, что среди лидеров и идеологов этих «зарвавшихся» был человек, сын которого через 30 лет напишет гениальное «Ах, Арбат, мой Арбат» — Шалва Степанович Окуджава — Предсовнаркома тогдашней Грузии.

Уже позднее, в рамках «огрузивания», власти республики начали стимулировать переселение крестьян в Абхазию. Создавались переселенческие программы, работала целая государственная организация «Спецпереселенстрой», в массовом порядке перевозившая колхозников из Мегрелии в Абхазию. Курировал это направление сам Лаврентий Берия, что много позже дало рождение абхазской поговорке, начинающейся так: «Берия привез грузин в Абхазию...»

Невозможно сказать, что в то время в полной мере соблюдались традиционные стереотипы поведения, в том числе, сложившиеся в период царской России. Такое уж время было — предпочтений особо никому не давали, исключений не делали, требования были одинаковые, да и любили все тогда только одного человека, кстати, грузина по национальности. Грузия в полной мере хлебнула и радости, и горести того периода — около 30 000 человек были репрессированы, на фронт ушли 700 000 человек, около 250 000 погибли. Светлая им память и земной поклон!

После Великой Отечественной войны ситуация меняется и входит в рамки традиционной грузинской модели. Как и в Российской Империи, Грузия обретает особое, недостижимое для других республик место — она становится всеобщей любимицей. Первой среди равных.

В то время представления советских людей о Грузии сводились к некоей сказочной стране, где всегда тепло, где есть море, пальмы, мандарины и хурма, где живут добрые и мудрые грузины, которые только и думают, как напоить гостя вином и спеть ему красивые грузинские песни. Вся

▲ Летчик Мизандари, артист Кикабидзе

страна слушала Нани Брегвадзе, «Орейро» и «Мзиури», пела Сулико, восхищалась полотнами Пиросмани, переживала за судьбу доброго, гордого и по-своему несчастного летчика Мимино — Валико Мизандари, по поваренным книгам на праздник готовила чахохбили и подавала его на стол вместе с бутылкой Киндзмараули или Оджалеши.

Простые советские люди, попадая в Грузию, удивлялись уровню жизни грузин — там было больше всех машин в пересчете на душу населения, добротные каменные грузинские дома были совсем не похожи на деревянные избы передовых колхозников Тамбовской и Рязанской областей, да и сами грузины, по мысли простого советского человека, жили на широкую ногу. «Должно же быть что-то почему они так хорошо живут!» — думали люди. И они не ошибались. Было.

Причин было несколько. Во-первых, исключительно благоприятным было само положение Грузии, как субтропической, курортной территории в рамках северной страны с суровым климатом. Такая бумажная география приносила Грузии немало реальных, полновесных советских рублей. Это именно она предоста-

вила Грузии безграничный советский рынок для продажи по очень высоким ценам своих мандарин, хурмы и фейхоа, в то время как в остальном мире конкуренция за рынки сбыта субтропических фруктов была огромной и стоили они копейки. Это именно из-за нее курорты Грузии, наряду с крымскими, считались лучшими и путевок в них рядовым совгражданам было не достать.

Во-вторых, была и другая причина, о которой не любят говорить современные грузинские историки. В Советском Союзе всем позволялось одинаково, но грузинам позволялось чуть больше. А конкретнее это относится к процветавшей в этой закавказской республике теневой экономике — к цеховикам и ворами в законе. За коммунистической ширмой общественной собственности на средства производства в Грузинской ССР фактически легализовался частный бизнес. Тысячи мелких и средних цехов действовали как в частных домах, так и на государственных предприятиях, да и сами эти предприятия полуофициально превращались в работавшие на благо их руководства частные лавочки, где наиболее «хлебные» должности предоставлялись преемникам по рыночным

расценкам. Да, цеха существовали и в других краях СССР — немало их было и в Средней Азии, и в Одессе. Но количество грузинских цехов было несопоставимо больше, чем на территории всей остальной шестой части суши, превышая остальные регионы в десятки, если не в сотни раз.

Примерно такая же ситуация сложилась с ворами в законе. После войны, да и сейчас эта область криминального мира в массе своей стала грузинской вотчиной, таким видом национального бизнеса. Поинтересуйтесь национальным составом советских, да и современных воров в законе — фамилии процентов 80 из них, а то и больше удивительным образом оканчиваются на —швили и —дзе.

Чем же объясняется такое удивительное благорасположение советских властей по отношению к Грузии? На этот счет есть разные мнения. Одни специалисты считают, что из неё хотели сделать маленький рай, курортное место, где советский гражданин из Тамбова или Нерюн-

ри мог от души расслабиться и порадоваться частичке счастливой жизни. Другие говорят, что в этом есть немалая заслуга грузинских вождей того времени — тех же Мжаванадзе или Шеварднадзе, которые твердо отстаивали перед центром интересы своей республики и добились невероятных, почти невысказанных привилегий, умело чередуя требовательность, угрозы национального недовольства и мощные потоки восточного славословия, типа известной фразы Шеварднадзе о том, что «Солнце для Грузии восходит с Севера».

Так или иначе, но фактом является то, что не производящая практически ничего, Грузинская ССР стала в Советском Союзе самой богатой и успешной республикой, а уровень жизни её населения был выше не только, чем в целом по стране, но даже выше чем во многих, далеко не самых последних странах мира.

Так продолжается до середины 1980-х годов, когда... когда... Хозяин ослабевает. После персов и Российской империи ветренная Мадам

История в очередной раз совершает для Грузии поворот. Друг и покровитель, со стороны которого для земли картвелов 70 лет восходило солнце — Советский Союз — слабеет. В советских республиках усиливаются центробежные силы и страна начинает трещать как лоскутное одеяло.

Летом 1991 года из состава СССР одна за другой выходят Прибалтийские республики — в июле — Литва, в августе — Латвия и Эстония. Справедливости ради стоит сказать, что они никогда не ощущали себя ни частью России, ни, тем более, частью Советского Союза, всегда давали понять это, да и совграждане воспринимали их как что-то не совсем свое, чопорное, европейское, лишь по воле судьбы оказавшееся с ними в одном государстве. Через 4 месяца после выхода прибалтов — 8 декабря 1991 года — руководители России, Украины и Белоруссии подписывают Беловежские соглашения, положившие конец Союзу Советских Социалистических Республик... Но... Но всеми любимая и всех любящая,

▲ Берия Л.П.

▲ Мжаванадзе В.П.

▲ Шеварнадзе

обласканная советской властью и советским народом, всюду исключительная и беспримерная Грузия не дожидается Беловежских соглашений и выхода прибалтов из СССР — она первая, первая среди республик, еще за 5 месяцев до выхода балтийцев и за 8 месяцев до встречи в Беловежской пуще проводит всенародный референдум и 9 апреля 1991 года объявляет о своей независимости! Всё. Советская эра для Грузии заканчивается. Начинается время грузинской независимости.

ГРУЗИЯ ПОСЛЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

К этому моменту судьба выбрасывает на политический небосклон Грузии Звиада Гамсахурдия. Он получает широкую известность как диссидент, оппозиционный деятель и как сын корифея грузинской литературы — Константина Гамсахурдия.

Отец и сын Гамсахурдия — это классический вариант традиционной грузинской элиты, не изменившей свой типаж, по крайней мере, с XVI века. — элиты умной, талантливой, вероломной и до мозга костей расчетливой. Оба они настолько похожи на Ираклия II, на Соломона Имеретинского и на Ноя Жордания, что не удивлюсь, если это сходство ока-

жется даже портретным! Их политические кульбиты тоже поражают воображение!

Если классик современной грузинской литературы Константин Гамсахурдия — папа будущего президента Грузии — Звиада — кем-то в жизни не был, так он не был заурядным и простым человеком. Повороты его судьбы достойны отдельной книги. Молодым человеком, еще перед I мировой войной, он уехал в Германию, окончил Берлинский университет, 10 лет прожил на Западе, и в 1921 году вернулся в Грузию, придерживаясь очень сильных левых, антироссийских и антисоветских убеждений. Еще в 1920 году он вошел в Комитет освобождения Грузии, созданный в Европе и после своего возвращения на Родину, уже в Тбилиси основал литературный кружок антисоветской, меньшевистской и прогерманской направленности. Что в то время могло случиться с таким человеком? Правильно: клеймо «шпион» — и в лагерь! Так все и произошло. В 1926 году его арестовывают, отстегивают за «художества» десятку и отправляют на Соловки в печально знаменитый лагерь СЛОН. Казалось бы, что тут интересного? Все тогда так жили. Но вот тут-то и начинаются удивительные метаморфозы, вспоминая слова Льва Давидовича — «зигзаги, противоречия, измены»!

Через год после приговора Константин Гамсахурдия отпускают. Причем, без реабилитации — на основании постановления Президиума ЦИК СССР. Перековался товарищ! Гамсахурдия хватило года, чтобы почувствовать, что хозяин силен, а значит переориентироваться, выбросить свои «гнилые» европейские замашки и «встать на путь исправления». Я не иронизирую. Вернувшись из лагеря, он становится совсем другим человеком: пишет про народное счастье, про коллективизацию, про столкновение старого и нового мира, про цветущее будущее. Хорошо, кстати, пишет! Но венцом творения Гамсахурдия, конечно же, явилась книга «Вождь» про его великого земляка и друга всех детей — тов. Сталина. Константин Гамсахурдия ожидал, что получит за нее Сталинскую премию. Но власть обидела талантливого певца и дала ему только Орден Ленина. Уже начиная с тридцатых годов бывший зэк, «шпион» и антисоветчик становится корифеем грузинской прозы, его официально называют «грузинским Горьким», он входит в Президиум грузинской Академии Наук, дружит с Маленковым и Берия, разъезжает по Тбилиси на личном авто и живет в огромном доме, называемом в Тбилиси «Колхская башня» и построенном по его собственному проекту.

Вот такие метаморфозы! Назовите мне хоть один другой, негрузинский пример таких замечательных исторических кульбитов! Нет таких примеров. Но это еще не все. Кульбиты продолжились! К концу своей жизни, обласканный властью пролетарский певец Грузии возвращается к антирусским позициям, которые он занимал в бурной европейской молодости, когда в 1914 году в Берлине пытался добровольцем вступить в германскую армию — «могучий старик» отличается антирусскими взглядами удивительной силы, даже с делегациями из Москвы он принципиально отказывается говорить по-русски и называет свою дворовую шавку — Иваном.

Кстати, мало кто знает, но когда летом 1942 года немцы заняли Моздок, рвались через перевалы в Аб-

хазию, а их подлодки в надводном положении обстреливали поезда Сочи-Адлер, советские войска рассматривали возможность сдачи Тбилиси и готовили на этот случай подпольную агентуру. Так вот руководителем этой агентуры и должен был стать Константин Гамсахурдия. Правда, на счастье, в дело вмешался легендарный разведчик П. А. Судоплатов, прекрасно разбиравшийся в людях, он-то и отвел эту кандидатуру по причине слабого доверия к кавалеру Ордена Ленина. Роль резидента тогда передали драматургу Мачавариани.

Судоплатов пишет: «Опасения, что Тбилиси, да и весь Кавказ могут быть захвачены врагом, были реальны. В мою задачу входило создание подпольной агентурной сети на случай, если Тбилиси оказался бы под немцами. Профессор Константин Гамсахурдия (отец Звиада Гамсахурдия) был одним из кандидатов на пост руково-

дителя агентурной сети в Грузии. Он являлся старейшим осведомителем НКВД. К сотрудничеству его привлек еще Берия после нескольких арестов в связи с инкриминированными ему антисоветскими заявлениями и националистическим сепаратизмом. По иронии судьбы перед войной он был известен своими прогерманскими настроениями: он всем давал понять, что процветание Грузии будет зависеть от сотрудничества с Германией. Мне захотелось проверить эти слухи, и я, заручившись согласием Берии, вместе с Саджая (грузинский чекист погиб при бомбежке в районе Моздока летом 1942 года. Ред.) провел в гостинице «Интурист» беседу с профессором Гамсахурдия. Мне он показался не слишком надежным человеком. К тому же весь его предшествующий опыт осведомителя сводился к тому, чтобы доносить на людей, а не оказывать на них влияние.

В целом это был человек, склонный к интригам и всячески пытавшийся использовать в своих интересах положение Берии: оба были мингрелы.

Посоветовавшись с местными работниками, мы пришли к выводу, что Гамсахурдия лучше использовать в другой роли. Главная же роль отводилась Мачивариани, драматургу, пользовавшемуся в Тбилиси репутацией солидного человека. Он был известен как безукоризненно честный человек, и мы спокойно доверили ему крупные суммы денег, а также золотые и серебряные изделия, которые в случае надобности можно было использовать на нужды подполья».

Сын «грузинского Горького» — Звиад Гамсахурдия — во многом повторил кульбиты отца. С поправкой на свое время, конечно. Еще с юности он отличается антисоветскими и антироссийскими взглядами, основывает подпольные организации, пишет и распространяет националистическую литературу, участвует в антисоветских демонстрациях. Тень папы-корифея надежно хранит его и выводит из самых тяжелых ситуаций. Так продолжается до 1975 года, когда папа умер и хранить Звиада стало некому. В 1977 году его арестовывают, осуждают, но сидеть ему, как и папе, приходится только год — в 1978 году, через полвека после «перековки» папы, случается чудо — «перековывается» и его сын! Ярый антисоветчик и будущий грузинский президент выступает с публичным раскаянием, которое республиканское телевидение транслирует на всю Грузию и вместо суровой сибирской зоны получает мягенькую ссылочку в соседний Дагестан, а еще через год — в 1979 году — Гамсахурдия присваивают степень доктора наук и он становится старшим научным сотрудником Академии наук Грузинской ССР. Ну как тут не поверить в единство судеб отцов и детей!

Именно Звиад Гамсахурдия, который, будучи диссидентом и правозащитником, в своем понимании, боролся за права угнетенных наций, став президентом независимой Грузии совершил еще один поворот — выдвинул лозунг, от которого сейчас всеми силами отрешиваются просвещенные

▲ Мачивариани

▲ Гамсахурдия Звиад

▲ Гамсахурдия Константин

грузинские историки — «Грузия — для грузин!» и именно Звиад выступил в роли продолжателя неколебимой грузинской политической формулы. Территориальные завоевания — вот чем он начинает заниматься первым делом. В его смысле завоевания территории означали удержание Абхазии и Южной Осетии, которые все советское, да и не только советское время не считали себя частью Грузии, добровольно в нее никогда не входили и желали остаться в Советском Союзе после его распада.

Давайте снова обратим внимание на исторические приоритеты. Вспомним, что исторически, поменяв покровителя, Грузия сразу же, буквально сразу же, приступала к расширению территории, войнам, захватам и т.д. Так было и в конце XVIII века, и в 1918 г., и в начале 20-х годов прошлого века. Что происходит со Звиадом Гамсахурдия? Может быть здесь что-то поменялось?

Гамсахурдия становится Председателем Верховного Совета Грузии в ноябре 1990. А уже в декабре он упраздняет автономию Южной Осетии и еще через месяц вводит туда милицейские силы. Начинается осетино-грузинская война, которая, в той или иной форме, продолжается 18 месяцев и заканчивается только

в июле 1992 года, уже при Шеварднадзе. В Абхазии принимается ряд законов, ущемляющих права абхазов, ограничивающих хождение абхазского языка, а затем, с принятием грузинской Конституции образца 1921 года, фактически отменяется абхазская автономия и вводятся войска под командованием тогда еще капитана Гиви Каркарашвили. Все вместе это привело к еще более масштабной и катастрофической для Тбилиси абхазской войне. Грузия оглушительно проигрывает свои войны в обеих мятежных провинциях, Звиада свергают, он бежит в Чечню, где его то ли убивают, то ли он умирает сам. Грузинское население Абхазии, в огромной степени вовлеченное в войну, покидает её. Поговорка «Берия привез грузин в Абхазию» через 60 лет получает свое завершение — «а Шеварднадзе их забрал».

В определенном смысле, действия Грузии в 1990-1993 годах явились первым и единственным исключением из традиционной многовековой грузинской модели поведения. Система дала сбой. Что же случилось? В первый и единственный раз за много лет Грузия начала расширение территории и наступление на интересы старого покровителя, не найдя нового! От России Грузия к тому времени

уже официально отвернулась, а нового покровителя еще не призвала.

Огромная ошибка! Её срочно исправляют — у руля становится Белый Лис — старый и опытный мастер международных баталий Эдуард Шеварднадзе и, как и за несколько веков до того... Грузия начинает звать хозяина.

По многим причинам хозяевами тогда могли стать только США или ЕС, да и еще за ними, как Лига Наций в 1920 году, маячило НАТО; как и в Лигу Наций, вступать туда было надо, но сделать это можно было только с одобрения первых двух. Некоторое время, по старому грузинскому обычаю, Тбилиси пытается получить протекторат от обоих сразу, но поняв, что, из-за конфликта их интересов это невозможно, останавливается на связке США — НАТО. И здесь все сразу встает на свои места и начинает полностью укладываться в историческую грузинскую парадигму, не допуская даже малейших изменений.

Элита грузинского, точнее сказать, советского общества — очень известные, уважаемые и любимые в СССР люди — начинают переориентацию грузинского народа с общесоветского наследия на американо-западное. По аналогии с «испившими

воду Терека» «тергдалеули» — Илей Чавчавадзе и др., сторонников новой политической географии Грузии в шутку начинают называть «потомакдалеули» — «испившие воду Потомака». В обществе насаждаются взгляды о вероломстве России, о российско-советской оккупации, о тяжелом русском иге. Как и раньше, почти полностью переписывается история — из неё вымарываются многолетние исторические события, кардинальнейшим образом изменившие судьбу Грузии, как например, уже описанное ранее, заключение Ираклием II мирного договора с Турцией, перечеркнувшее Георгиевский трактат, — об этом практически ничего не пишется и в массе своей грузины об этом не знают. Зато мельчайшие исторические факты, хоть как-то связанные с Европой, типа грамот Константина II испанскому королю Фердинанду в XV веке, выносятся на первый план. Доходит до полного абсурда, так, в учебниках истории для мест-

ных русскоязычных школ вся история взаимоотношений русских и грузин представлена двумя периодами — «ярмом русского царизма» и «ярмом Советской России».

Посланцы Грузии по всему миру рассказывают о том, как тяжело Грузии жилось «под Россией» и как она хочет быть с Америкой и Западом. Начинается политическая мимикрия. Грузия полностью перенимает западную риторику и политическую лексику. Если в начале XX века правильной и выигрышной фразой была «борьба с большевиками», то теперь её место занимают слова «демократия» и «европейские ценности». Чтобы быть похожим на своих покровителей, грузинские лидеры употребляют их по делу и без дела, доходит до того, что лидеры Грузии уже объявляют о своем желании учить демократии другие народы.

Вообще, сходство меньшевистской и нынешней Грузии поразительно даже в риторике. Вот две фразы: одна

из них была произнесена в 1919 году, другая — в наше время. Угадайте — где какая? «Восточному варварству мы предпочитаем западный империализм» — «Дух русского быта — деспотия... русская культура породила зараженного великорусским шовинизмом раба» Угадали? Я лично не смог. Раскрою секрет — первое предложение — известная фраза Ноя Жрдании, а вторая — цитата из современной «Литературной Грузии».

Ничего не меняется. Вместе с любовью к новому патрону у Грузии исторически приходит ненависть к старому. Это распространяется на отношения к России как личном уровне, так и на государственном. На личном, повседневном уровне русофобия в Грузии возведена в ранг официальной политики. Русских называют не иначе как оккупантами, в кинотеатрах перестали показывать фильмы на русском языке, в аптеках перестают торговать медикаментами российского производства. Грузинская элита абсолютно закономерно и исторически безальтернативно превратилась из любимой всеми в ненавидящую Россию, и оскорбляющую её при каждом удобном случае. Очень точно охарактеризовал эту ситуацию экс-посол Грузии в Москве Зураб Абашидзе: «Мы превратили конфронтацию с Россией в смертельный поединок с элементами театрализованного шоу. Мы соревнуемся, кто выскажется в адрес России более иронично, более пренебрежительно, более остро».

На государственном уровне Грузия всюду наступает на интересы России, пытается противопоставить себя ей и усиленно сталкивает лбами Россию и США. Любое противодействие себе она, по старой грузинской традиции, выставляет как конфронтацию не с нею самою, не с её лидерами, а не мало, ни много — с Западным образом жизни и с интересами демократии во всем мире. Грузия выступила инициатором создания альтернативного России центра интеграции ГУАМ, объявила жесткий курс на вступление в НАТО, активно включилась в строительство транспортных коридоров нефте- и газопроводов в обход

▲ Судоплатов П.А

России, препятствует вступлению России в ВТО. Наконец, поразительно... насколько все-таки повторяется политика Грузии... если в 1918-1921 годах меньшевистская Грузия поддерживала красно-зеленых и северокавказских сепаратистов и предоставляла им убежище в Гаграх, то в наше время, теперь уже «демократическая» Грузия несколько лет поддерживала чеченских боевиков и давала им «и стол, и дом» в Панкиси.

Вот так, генацвале. Как говорится, ничто не вечно под луной. Особенно, если эта луна — грузинская. Но жизнь идет вперед и надо понимать, что нам делать сейчас и о чем нам вся эта предыдущая история говорит.

Надо четко понять, что Грузия никогда не была союзником России на Кавказе. Это аксиома. Грузия всегда была союзником самого сильного, вне зависимости от того кто этим сильным являлся. Как только покровитель Грузии переставал демонстрировать силу — она тут же от него отворачивалась, приступала к поискам нового сильного, а найдя, разворачивалась на 180 градусов и начинала наступление на интересы старого хозяина, по ходу безобразно его оскорбляя и отгрызая куски его территории. Исключений из данной модели поведения не существует.

Ключевым элементом этой модели — тем, что самым коренным образом отличает её от отношений других государств со своими «патронами» и покровителями является то, что Грузия позиционирует себя по отношению к хозяину не просто как союзник, исполняющий определенные обязательства в обмен на какие-то действия более сильного партнера, а в создании иллюзии дружбы, верности и искренней привязанности к покровителю с тем, чтобы хозяин, повинувшись ложному чувству единения, сам решал грузинские проблемы, либо обеспечивал Грузии защиту, если их будут решать грузины.

Это очень важный момент и не понимать его — значит ставить знак равенства между всеми любимым летчиком Валико Мизандари и дико ненавидящим Россию актером Вахтангом Кикабидзе.

Можно по-разному относиться к такой модели — принимать её, не принимать, считать, что это — предательство и проституирование, или, наоборот, защита национальных интересов. Я лично не склонен к эмоциям и считаю её просто моделью поведения — своеобразной и специфической моделью, которая, однако, доказала свою эффективность и действенность. Правда, ограниченную эффективность и ограниченную действенность. С одной стороны, она не позволила Грузии ранее и не позволяет сейчас реализовать все её геополитические мечты, но с другой — гарантировала грузинам их выживание как нации, что, с учетом бурного и опасного исторического прошлого Кавказа, уже является огромной победой.

Да, наверное, с моральной точки зрения, это не самая сильная модель и от неё за версту разит предательством. Но что вообще есть предательство в политике? Всего лишь один из методов достижения своей цели. Старый мудрый Уинстон Черчилль называл предательство особым политическим даром. Можно ли винить Грузию за обладание таким даром? Можно ли винить рыбу-прилипалу? Вряд ли. Правда, в случае если бы я был потенциальным хозяином Грузии, то предпочел бы с самого начала четко осознавать, что являюсь не «гением чистой красоты», не примером для подражания и не солнцем, восходящим для Грузии с Севера, а всего лишь частью её традиционной политической модели, причем, именно той частью, за счет которой и будут в конечном итоге реализованы национальные грузинские интересы.

КАКИЕ ЖЕ ВЫВОДЫ МЫ ДОЛЖНЫ СДЕЛАТЬ ИЗ ВСЕГО ЭТОГО?

1. За последние 500 лет в Грузии сложилась очень четкая, неоднократно повторяемая и циклическая модель политического поведения. Данная модель применяется грузинским государством и обществом с очень

высокой степенью неизменности и преемственности.

2. Нет причин считать, что эта модель меняется сейчас или изменится в обозримом будущем.

3. В настоящий момент Грузия находится в середине основного цикла модели. Такое положение характеризуется устойчивыми и крепкими связями с покровителем, высокой степенью мимикрии, высоким уровнем зависимости от него и значительным объемом получаемых от него преференций и льгот.

4. Покровитель Грузии — США — уже прошли пик своего политического могущества, если таковым считать однополярный мир, отсутствие геополитических вызовов со стороны ближайших конкурентов — Европы, Китая и России, а также однозначное экономическое лидерство, и медленно, но неуклонно сдают позиции.

5. С ходом истории скорость завершения полного цикла политической модели Грузии неуклонно увеличивается. В прошлом эти циклы завершались за 238 — 135 — 69 лет соответственно, если не считать 3-х летний цикл в период 1918 — 1921 годов, который был искусственно прерван во многом по независящим от Грузии причинам.

6. Простое математическое экстраполирование показывает, что длина нынешнего грузинского цикла будет около 25-30 лет. При этом 10 лет уже пройдено. [Статья написана в 2009 г. — мое прим.] Значит, при естественном ходе событий лет через 15–20 Грузия неминуемо отвернется от США и... начнет звать нового покровителя. Вероятность этого не измеряется в процентах. Она — абсолютна. Никакого другого выбора история Грузии за последние 500 лет нам не предоставляет. И очень возможно, что через какие-нибудь 20 лет мы с вами станем свидетелями того, как в центре Тбилиси с помпой откроют музей американской оккупации и увидим, как изрядно постаревший Михаил Саакашвили выйдет на трибуну и с болью в голосе начнет рассказывать о тяжёлом наследии НАТО и об искреннем стремлении Грузии к России.

Надеюсь, ему не поверят.

К.К. ЗВОНАРЕВ, полковник Красной Армии,
начальник 2-го агентурного отдела Разведупра ГШ РККА

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

▲ Без них армия беззащитна. Контрразведка

Книга Николаи, несмотря на ее довольно крупные недостатки и пробелы, на ее вольные и невольные неточности, является весьма ценным вкладом в литературу по вопросам разведки. До сих пор служба разведки во время мировой войны не освещена ни в одной стране. Правда, в некоторых странах появились отдельные журнальные статьи, появилось также несколько брошюрок по вопросам разведки, но они в большинстве случаев не носят серьезного характера. Их авторы предпочитают заниматься пинкертоновщиной, описанием отдельных пикантных эпизодов из деятельности разведки. Вины в этом, конечно, не одни авторы этой литературы, а, главным образом,

то обстоятельство, что во-первых, тема сама по себе уж очень щекотлива, а во-вторых бывшая Антанта считает нужным тщательно скрывать все то, что делалось ею в области разведки за время мировой войны, ибо как сотрудники, так и система, и приемы этой службы могут ей еще пригодиться в дальнейшем.

Германии как будто бы всего этого опасаться больше нечего, ибо вся ее организация разведки разгромлена, отчасти раскрыта. Казалось бы, поэтому, что Николаи будет действительно и до конца откровенен и приподнимет завесу над этой таинственной особой — разведкой. Это было бы крайне интересно и поучительно, ибо до сих пор все держались, да

и теперь еще держатся того мнения, что единственной страной, в которой разведка была поставлена на должную высоту и делала чудеса, является Германия.

Но Николаи далеко не откровенен, не искренен и не объективен. Быть таковым ему, по-видимому, мешает не погасшая жажда реванша. Эта мысль красною нитью проходит через всю книгу. Некоторые места этой книги, где он, увлекшись пропагандой идеи реванша, удалился от темы, мы сочли нужным просто вычеркнуть, так как никакого интереса они не представляют. Николаи до невероятных размеров раздувает и хвалит организацию и деятельность разведки Антанты, в частно-

Полковник германской армии **Вальтер Николаи (1873-1947)** является одним из столпов германской разведки первой четверти XX века. Своей деятельностью на посту начальника военной разведки и контрразведки кайзеровской Германии он оставил заметный след. В 1923 году, уже будучи в отставке Николаи опубликовал объемный труд под заголовком «Тайные силы», в котором рассматривает работу германской военной разведки накануне и в период I мировой войны, участником которой он был сам. В своем печатном труде он не только сформулировал многие принципы разведывательной деятельности, но дал большой исторический материал, полезный для осмысления. В Советском Союзе книга «Тайные силы» Вальтера Николаи вышла в 1925 году.

сти царской России, и умышленно, до наивности, преуменьшает таковую у немцев.

Его книга, в отношении Германии, написана до того дипломатично и туманно, что, прочитав ее, вы так и не получите ясной картины организации, приемов и деятельности немецкой разведки. Лишь в некоторых местах, при внимательном чтении можно уловить незаметные на первый взгляд противоречия. Так, например, Николаи все время твердит, что немецкая разведка была в ужасном загоне, никто до войны не обращал на нее внимания, ее разьедал ведомственный антагонизм, ей не давали средств, она не имела политического руководства и т.д. и т.д., и в то же самое время он несколько раз ясно и определенно подчеркивает, что все нужные немецкому командованию сведения разведка всегда давала исчерпывающе и заблаговременно. Спрашивается, что же еще нужно? Ведь это идеал каждой разведки — давать командованию нужные исчерпывающие сведения и вовремя.

Далее. Николаи пишет, что в мирное время немцы не имели в странах Антанты прочно заложенной и налаженной агентурной сети. Но несколькими строками ниже он заявляет, что агент немецкой разведки во время войны состоял комендантом одной крепости, хотя, правда, во время войны в нем заговорили «национальные

чувства» и на предложение немцев сдать им крепость он ответил отказом.

В отношении России Николаи категорически утверждает, что немцы к началу войны в ней ничего серьезного не имели. Но это, конечно, неверно. Даже по данным слабенькой царской контрразведки немцы в России еще задолго до войны имели хорошо и прочно заложенную агентурную сеть. Так, французская контрразведка установила в 1916 году, что германские страховые общества поддерживают тесную связь со страховыми обществами России. Эти последние, под благовидным предлогом перестраховки, совершенно открыто пересылали страховые бордеро в Германию. По этим бордеро немецкая разведка имела полную картину русской военной промышленности, военного судостроения и проч.

Во время войны русской контрразведкой было обнаружено довольно внушительное количество агентов немецкой разведки среди офицерства русской армии, до чина генерала включительно, напр., полковник Артур Штюрмер (повешен в начале 1916 г.), полковник или генерал Иванов; вообще до марта 1916 г. на одном лишь Юго-Западном фронте было обнаружено 87 австр. и немецких шпионов. Ясно, что в эту работу они были втянуты еще в мирное время.

Николаи отрицает виновность казненного русскими в качестве не-

мецкого шпиона жандармского подполковника Мясоедова. Он склонен утверждать, что дело Мясоедова аналогично делу Дрейфуса во Франции только с гораздо более трагичным финалом. Правда, дело это крайне темное и запутанное. Но, судя по тем материалам, которые появились в печати и которые имели целью доказать полную невиновность Мясоедова, получается, наоборот, впечатление, что он действительно имел связь с немецкой разведкой.

Николаи молчит также о роли немецкой разведки в разных великосветских и придворных салонах Петрограда. Но русская контрразведка имела определенные сведения о том, что эти салоны, как в мирное время, так и во время войны использовались немцами в целях разведки.

Он так же ничего не говорит о роли в немецкой разведке того громадного количества немецких колонистов, состоящих в двойном подданстве, которыми были наводнены русские пограничные с Германией области и районы крепостей.

А задачи их и роль хорошо известны.

Николаи ничего не говорит также и о том, как его молодцы обрабатывали Распутина. И.В. Гессен по этому поводу передает следующее заявление А.Н. Хвостова, царского министра внутренних дел (от февраля 1916 г.).

▲ Распутин, генерал Путянин М.С., полковник Лотман

▲ Мясоедов С.Н.

«Я прежде не вмешивался в его (Распутина) поведение, но потом убедился, что он принадлежит к международной организации шпионажа, что его окружают лица, которые состоят у нас на учете и которые неизменно являются к нему, как только он вернется из Царского, и подробно у него все выспрашивают».

Если припомнить отношения Распутина с царским двором, то можно легко себе представить, какую ценность он представлял собой для немецкой разведки.

Так мы имеем также непровержимые данные о том, что сам Вильгельм II не только интересовался результатами своей разведки, не только давал ей руководящие указания и задания, но даже сам не брезговал заниматься разведкой в тех кругах, куда другим его разведчикам проникнуть было невозможно. Он «обращался» к монархам, президентам и придвор-

ные круги разных стран, и, нужно сказать, довольно успешно. Он, не стесняясь, пишет Николаю Романову, что президент Америки Рузвельт его «осведомил о том-то и том-то», что «мать императора (Николая) постоянно общается мне все» и т.д.

В августе 1905 года, во время посещения английским флотом германских вод, он отдает приказ своему флоту «неотступно следовать за британским и, когда тот встанет на якорь, остановиться вблизи, дать им (англичанам) обед, напоить их елико возможно и вывести у них, что нужно, а потом уйти». Об этом своем плане Вильгельм по секрету сообщает Романову.

Вильгельм почти в каждом письме сообщает Николаю Романову те или иные «агентурные новости». То они из «частного источника», то «из источника заслуживающего полного доверия», то «от знакомого и преданного

немца, посланного мною следить за Антантой», то газетные сведения, журнальную статью такого-то влиятельного лица и т.д. и т.д. Вильгельм под псевдонимом сам пишет статьи военно-политического характера в газетах с целью инспирации своих соседей. Он сам выбирает и посылает в другие страны своих представителей, дает характеристики нужным и ценным для него людям, устраивает их. Сам он назначает военных атташе в нужных ему странах и поддерживает с ними связь лично.

Больше того. Он так ловко изо дня в день «обрабатывает» Николая Романова, что тот по его указке назначает своими министрами, послами, военными атташе, губернаторами пограничных с Германией губерний и т.д. желательных для Вильгельма лиц. Последний открывает на границе с Россией госпитали, обставляет их безукоризненно во всех отноше-

ниях, увлекает туда под благовидным предложением — лечения русско-подданных, — и его разведчики выведывают от них все, что им нужно. Для полезных ему русских офицеров и саванников он не жалеет орденов, денег, ласки и представляет их в глазах Николая Романова самыми преданными последнему подданными.

У Вильгельма любой разведчик может поучиться собиранию нужных сведений. Он подробно изучает людей, нащупывает их слабые стороны, на которых искусно играет. Так, например, по отношению к Николаю Романову он применяет следующий прием. Ему во время русско-японской войны нужно было ослабить русские войска на немецкой границе и узнать, какими войсками Романов намерен усилить свою Дальневосточную армию. Прямо вопроса он не ставит, ибо это будет нескромно, и Николай может не дать прямого ответа. Поэтому он тянет последнего, что называ-

ется, за язык. Он пишет ему дипломатическое письмо, в котором указывает на количество дивизий на Дальнем Востоке у Японии и у России. Чтобы получить перевес над японцами, он предлагает Романову отправить на Дальний Восток еще столько-то дивизий. При этом Вильгельм ясно намекает, что дивизии эти нужно взять с немецкой границы. Понял ли Николай Романов заднюю мысль Вильгельма — не известно, но факт тот, что на Дальний Восток действительно были отправлены некоторые части с немецкой границы и при том так: из одного корпуса вывучена артиллерия, из другого бригада пехоты, саперная команда и т.д. Этим боеспособности расположенных на германской границе корпусов был нанесен чувствительный ущерб.

Таким образом, цель Вильгельма была достигнута: русские войска на германской границе были ослаблены и пока что неопасны.

Вильгельму выгодно было поссорить Россию с Францией и Англией. Он тщательно подбирает факты и фактики, дает им свое освещение и со своими выводами преподносит их Николаю Романову. Когда же все это действует на Николая Романова недостаточно сильно, Вильгельм начинает систематически играть на его самых слабых струнках. Он ему пишет: Франция, мол, республика, Англия — либеральная монархия. Они хотят уничтожить монархию в России и Германии, поэтому дают у себя убежище революционерам последних. Следовательно, — никакой дружбы с этими странами, лишь Россия и Германия должны быть в дружбе и действовать сообща против Антанты. И эту своеобразную обработку Николая Романова Вильгельм продолжает в каждом своем письме.

Мы, конечно, далеки от того, чтобы утверждать, что все это делал и писал только лично сам Вильгельм, что

▲ Немецкая карикатура времен I Мировой войны

все это плоды его мысли. Нет, за его спиной безусловно скрывалась и его устами говорила немецкая разведка (ген. Ведель) и дипломатия, — а Вильгельм являлся их послушным и довольно талантливым исполнителем.

Такого рода примеров можно привести довольно много, и вряд ли Николаи сможет их опровергнуть.

Ошибка немецкой разведки, повлекшая за собой в начале войны некоторое ее расстройство, заключалась в системе построения агентурной сети, а именно в том, что немцы базировались главным образом на своих соотечественниках и даже во сне не допускали возможности того, чтобы царское правительство уже в первые дни войны оказалось способным запереть их почти поголовно по тюрьмам и в Сибири. Однако немцы быстро от этого удара оправились, связались с уцелевшими агентами и работа пошла. Николаи об этом упорно молчит, не желая выдавать всем известного секрета построения немецких разведывательных организаций.

Николаи утверждает, что немцы не занимались активной (разрушительной и уничтожающей) разведкой. Он говорит, что немецкая разведка неоднократно получала самые серьезные предложения убить то или иное высокопоставленное лицо в стане противников, взорвать заводы, склады и т. д., но немцы, якобы, всегда от таких предложений отказывались. Но и это не соответствует действительности. Контрразведка Антанты располагает по этому поводу большим количеством данных. Правда состоит лишь в том, что не всегда немцам удавалось провести такого рода намерения в жизнь. Так, например, английского лорда Китченера немецкая разведка выследила и немецкая подводная лодка отправила его на тот свет, однако Николая Николаевича и Николая Романова, сколько террористы немецкой разведки за ними ни охотились, поймать не удалось. Людей же немецкая разведка для такого рода предприятий загубила довольно много.

А сколько военных заводов, складов, мостов, пароходов и т. д. пустила

▲ Вильгельм II

на воздух немецкая активная разведка в тылу своих противников, — об этом Николаи молчит, и не зря.

Николаи утверждает, что немецкая разведка крайне слабо вела агитацию и пропаганду в рядах своих противников. Но это тоже не соответствует действительности. Более организованную и реальную агитацию и пропаганду, чем немцы, за время войны вряд ли кто из воюющих вел. В этом отношении немцы были неподражаемыми мастерами. Напомним хотя бы «Русский Вестник» и массу разных прокламаций, листовок и карикатур, которыми немцы засыпали русские окопы и т. д.

Как широко была поставлена у немцев агитация и пропаганда, видно из слов М. Эрцбергера о том, что уже в октябре 1914 г. в Германии насчитывалось «не менее 27 бюро или

ведомств», занимавшихся немецкой пропагандой за пределами Германии. По словам Эрцбергера, каждое из этих бюро или ведомств занималось пропагандой на свой собственный страх и риск, без всякой объединяющей их идеи. Но постепенно все эти бюро были объединены в одно центральное бюро для пропагандистской работы за границей. Общая сумма расходов, затраченная за время войны немцами на пропаганду неизвестна. Но заявление Эрцбергера о том, что лишь одно его бюро затратило на пропаганду 12.000.000 марок, указывает, что общая сумма расходов на пропаганду была громадной.

Немцы весьма искусно использовали для агитации и пропаганды каждый подходящий повод: недостаток вооружения, проигранное сражение, настроение солдат, национальные

▲ Квартирмейстер ГШ генерал Борисов В.Е., в центре генерал Эверт А.Е

противоречия, состав правительств и т.д. и даже не брезговали организацией и поддержкой восстаний и «революционного» движения в стане врагов. Весьма пространно и подробно одно из таких предприятий описывает соотечественник Николаи капитан Карл Шпиндлер в книге «Таинственный корабль», везший оружие ирландским революционерам-националистам.

Николаи также обходит молчанием хорошо поставленную немцами еще в мирное время дезинформацию противника. Так, например, еще в 1908 году немцы продали русской разведке «Записку о распределении германских вооруженных сил в случае войны». Записка эта, хотя по форме и стилю и не совсем удачно составленная, но с подлинными подписями тогдашнего начальника Большого генерального штаба Мольтке и самого Вильгельма, была оценена русским Генеральным штабом, как самый подлинный, не вызывающий никаких сомнений документ. 2-ой обер-квартирмейстер русского Ген. штаба ген.-майор

Борисов писал тогда по поводу этой «липы»: «...Он очень интересен для нас. За подлинность его, по моему мнению, можно ручаться. Составлен он очень серьезно и с истинным воинским взглядом и воодушевлением, к сожалению, не принятым в наших сухих формальных распоряжениях...».

Но именно эта сторона документа и выдает, что он сфабрикован для продажи и введения в заблуждение противника. Русский ген. штаб не потрудился сличить стиль и тон этого документа с имевшимися у него настоящими немецкими документами и попался на удочку. А разве это единственная «липа», подsunутая немцами своим противникам за большие деньги?

Во время войны немцы очень ловко проводили своих противников также и при помощи распространения ложных сведений посредством агентов-двойников, прессы и т.д. Об этом пишет даже Людендорф в своих «Воспоминаниях».

Все это необходимо иметь в виду при чтении книги Николаи, в противном случае о немецкой разведке и ее

деятельности создается неверное представление.

Разведку царской России Николаи расписал так, что у читателя действительно может создаться впечатление о ее образцовой организации, постановке и работе. На самом же деле положение было совершенно иным.

Во-первых, утверждение, что русская военная разведка тратила в год от 13-ти до 25-ти миллионов рублей, явно не соответствует действительности,

До 1905 года на секретные расходы военному министерству, исключая морское ведомство, отпускалось в год 113.650 руб., причем из этой суммы, начиная с 1885 года, выдавалось с «высочайшего соизволения», в полное и непосредственное распоряжение главнокомандующего Кавказским военным округом, для разведки в Турции и Персии -56.890 руб., т.е. 50% всей суммы. Остальная сумма (56.760 руб.) отпускалась в распоряжение главного управления ген. штаба и распределялась следующим образом:

Штабам военных округов — 51.000 руб.

Консулу в Бомбее — 1.200 —

На содержание военной голубятни в Дании — 3.000 —

На приобретение случайных сведений — 1.560 —

Помимо этого, официальные военные агенты получали средства на свое личное существование по другим статьям сметы военного министерства.

В 1913 г. секретная смета военного министерства по статье «на известное его императорскому величеству употребление» была утверждена в размере 1.947.850 руб.

Из этой суммы на разведку против Германии и Австрии расходовалось около 180.000 руб. Можно предположить, что приблизительно такая же сумма шла на расходы по контрразведке против этих стран.

Утверждение Николаи, что германская разведка до войны получала всего около 450.000 марок не соответствует действительности, так как, несмотря на жалобы Николаи, в Германии все время существовал самый

тесный контакт между военной разведкой и разведкой министерства иностранных дел, а последнее на секретные надобности получало в год около 1.500.000 марок.

Кроме того, нужно также учесть бесплатную эксплуатацию немецкой разведкой своих соотечественников за границей, особенно коммерсантов и фабрикантов, а также те суммы, которые получались от продаваемого другим разведкам дезинформационного материала.

О постановке и деятельности русской разведки Николаи великолепно знает по русско-японской войне. Правда, после неудачного исхода этой войны в России забили тревогу по поводу из рук вон плохо поставленной разведывательной службы. Но в то время русские политические и военные круги также были заражены теперешней болезнью Николаи — стремлением к реваншу на Дальнем Востоке. Лишь с 1912 года стремление это затихает, и главное внимание обращается в сторону запада — Германии и Австрии.

Свой рассказ о том, как работала русская разведка на западе, Николаи иллюстрирует весьма характерным для русской разведки примером — провала ею своего же ценного сотрудника в австрийском Ген. штабе. Немецкая разведка таких грубых ошибок не делала и так легкомысленно своих ценных сотрудников не губила.

Николаи указывает на то, что немцы нашли в приграничных пунктах русской разведки документы, свидетельствующие о том, что русские имели много ценных данных о Германии. Бесспорно, что кое-что русская разведка должна же была иметь: ведь люди работали, и деньги тратились. Но он умалчивает о том, сколько среди этих, имевшихся у русских, документов было сфабриковано немецкой разведкой. Самым показательным для слабой постановки и неорганизованности русской разведки накануне войны является следующий факт.

9-го июля 1914 г. главное управление Ген. штаба категорически запретило военному атташе в Италии заниматься разведкой против Германии

▲ Николай II

▲ Петроград, 2014 год

и Австро-Венгрии, 20-го июля тот же Генеральный штаб посылает тому же военному агенту истеричное телеграфное предписание во что бы то ни стало до 25-го июля установить на какой фронт — на западный или восточный, — двинутся внутренние германские корпуса, причем за успешное выполнение этого поручения в срок была обещана награда в размере 25.000 руб. Военному агенту случайно удалось это приказание исполнить, но оно стоило 35.200 итальянских лир и 25.000 руб.

Спрашивается, допустима ли такая игра случайностями при хорошей организации и постановке разведки?

Можно категорически утверждать, что с началом военных действий и с отъездом военных агентов из Германии и Австрии, русский Генеральный штаб очутился у разбитого корыта, т.е. без всяких сведений о противнике, без всякой аген-

турной сети. Отсутствовал, также, какой бы то ни было план работы разведки во время войны. Мы видим в первый период войны не организованную деятельность разведки, а какой-то хаос и неразбериху.

Глубокой зарубежной военной разведкой начинают заниматься все, кому не лень. Одно перечисление всех этих органов может привести в ужас:

1. Главное управление Генерального штаба;
 2. Главное управление морского генерального штаба;
 3. Ставка верховного главнокомандующего;
 4. Верховный начальник санитарной части принц Ольденбургский (по газам);
 5. Штабы всех фронтов;
 6. Штабы всех армий;
 7. Штабы некоторых военных округов;
 8. Штабы некоторых корпусов.
- Все эти учреждения, каждое

самостоятельно и независимо, направляли своих агентов в нейтральные страны и, в большинстве случаев, связывали их с русскими военными агентами — главными руководителями агентуры главного управления Ген. штаба. Связывали их не для того, чтобы последние руководили и координировали их деятельность, а просто как с легальным пунктом связи.

Этот хаос и неразбериха дошли до того, что XI армия насаждала свою сеть в Италии, Швейцарии, Швеции, Сев. Америке и Аргентине, а II-я армия — в Канаде.

При таком положении дела нет ничего удивительного в том, что немецкая контрразведка могла разоблачать целыми пачками агентов русской разведки. В первое время агенты разных организаций, нагнанные в нейтральные страны, как сельди в бочку, начали расшифровывать и проваливать друг друга. Потом постепенно все это улеглось

и предоставленные сами себе агенты как бы объединились, начали не без помощи молодцов из контрразведки Николаи, фабриковать разные вымышленные донесения и передавать их каждый своему учреждению. В ставке главверха создалось впечатление, что раз все донесения разных источников бьют в одну точку, — значит, они верны. Лишь после, при помощи сведений разведок Антанты, ставка смекнула в чем дело.

В конце 1915 года в Париже при французском военном министерстве было создано «Междусоюзническое Бюро» (Bureau Interallie). Задачами этого бюро являлись: «Совместное изучение и выработка общих мер борьбы с неприятельским шпионажем, контрабандой и пропагандой, а также централизация всех сведений о противнике».

Представителем Ставки русско-го главверха в этом Бюро был назначен молодой подполковник граф Игнатъев (брат которого состоял в то время военным агентом во Франции),

бывший до этого руководителем агенты штаба Юго-Западного фронта в Париже. Естественно, что к нему потянулись агенты всех вышеуказанных русских разведывательных органов, разбросанных по Швейцарии, Франции и Голландии. К концу 1916 года Бюро объединяло уже 28 самостоятельных организаций. Но фактически граф Игнатъев в то время этими организациями руководил лишь отчасти, а главным образом являлся посредником между ними и их хозяевами на русской территории.

В начале 1916 года Генеральный штаб понял, что с разведкой дело обстоит более, чем плохо, и стал настаивать на том, чтобы подчинить себе всю глубокую зарубежную разведку. По этому вопросу он писал 18 января 1916 г. (№102) в Ставку Главверха: «В июле 1915 г. главное управление Ген. штаба получило от нашего военного агента в Копенгагене тревожные сведения о том, что находившаяся в этом городе группа агентов разведки бывшего штаба Северо-Западного фронта ведет себя настолько неосто-

рожно, посещая увеселительные места и вращаясь в обществе подозрительных лиц, что обращает на себя внимание местных жителей».

Далее говорится о том, что, благодаря этому, немцы из 11-ти агентов переманили к себе на службу 9 человек, и в результате немцами в Варшаве обнаружено и казнено 8 агентов русской разведки. В заключении предлагается, в целях устранения этих и других ненормальностей, объединить всю агентуру в руках Ген. штаба.

Главверх на это совершенно резонно ответил, что в принципе он, конечно, не возражает против такой централизации всей глубокой агентурной разведки в руках Ген. штаба, но последний должен доказать, что он способен справиться с этим делом. В пояснение этой пощечины Ген. штабу говорится, что «...в начале войны заграничная разведка в смысле освещения армиям положения противника совершенно себя не проявляла, и казалось, что ее совсем нет. Сведения о неприятеле, доставляемые военными агентами, ограничивались

▲ Энкель Оскар

▲ Граф Игнатъев А.А

ничего не выразившим перечислением поездов, проходивших через тот или иной пункт. Сведения военных агентов относительно сосредоточения в Буковине до 450.000 австрийцев принесли уже плоды. Нельзя назвать обстоятельной работой и настойчивые сведения о формировании в Германии армии в 275 полков. Подобные сведения, разумеется, убили в полевых штабах всякую веру в возможность получения от военных агентов сколько-нибудь верных сведений и поэтому фронты вынуждены были посадить за границей в тылу неприятеля свою разведку».

Как бы в свое оправдание, Ген. штаб пишет в Ставку главверха: «... К моменту начала войны, вследствие особо неблагоприятно сложившейся обстановки, может быть, и в связи с некоторыми дефектами в самой организации дела, заграничная разведка во враждебных нам странах фактически прекратила свое существование и военным агентам

в нейтральных странах пришлось спешным порядком устраивать разведочную сеть из элементов, имевшихся под рукой...».

Переписка по вопросу о передаче всей глубокой агентурной разведки в Ген. штаб тянулась до июня 1917 года, когда, наконец, эта передача и состоялась. Ген. штаб получил в свое распоряжение приблизительно 40 самостоятельных разведывательных организаций, в каждой 5–15–26 человек, и около 450 отдельных агентов. Право самостоятельного ведения разведки было оставлено только за Кавказским фронтом.

При приеме агентуры Генеральный штаб старался учесть результаты и стоимость работы этой обширной разведывательной организации. Конечно, при царившем тогда в разведке хаосе, полностью этого намерения выполнить не удалось. Однако, все же выяснилось кое-что довольно пикантное. Во-первых, было установлено, что

в русскую агентуру довольно глубоко проникла немецкая контрразведка, которая выкачивала деньги за сфабрикованные управлением Николаи сведения. Например, среди сети военного атташе в Италии полковника Ген. штаба Энкеля (бывшего до конца 1924 года начальником генерального штаба Финляндии) была обнаружена целая организация, так называемая «Римская», состоявшая из бывших служащих международного общества спальных вагонов и одновременно находившихся на службе у Николаи, дававшая фабрикуемые последним сведения и поглотившая за 1,5 года около 2.000.000 итальянских лир.

Произведенное в августе 1917 г. обследование результатов работы к тому времени уже самого крупного разведывательного центра русских в Париже — Бюро гр. Игнатьева, дало следующую картину: за время с 1 мая по август 1917 г. им было послано в Россию всего 324 донесения, из них:

▲ Здание страхового общества в Москве

▲ Боже царя храни

- ценных — 38,
- бесполезных — 87,
- несерьезных — 28,
- неверных — 154,
- запоздалых — 17.

В заключение комиссия, производившая обследование, пишет: «Столь ничтожный процент удовлетворительных сведений комиссия признает фактом, свидетельствующим о серьезных недочетах в организации и деятельности названного Бюро (гр. Игнатъева). Успех работ при существующей организации дела Бюро совершенно не отвечает ни задачам, возлагаемым на него, ни особо крупным суммам, отпускаемым на его содержание».

Полковник Кривенко, находившийся в составе русской военной миссии при французской главной квартире, по поводу работы Бюро Игнатъева писал 26 сентября 1917 г. в Ген. штаб: «...Считаю лишь нужным, ввиду серьезности вопроса, отметить, что разведывательный материал этого Бюро, посылаемый, между прочим, в главную француз-

скую квартиру, остается там в нераспечатанных конвертах за бесполезностью...».

Не лучше обстояло дело и с остальными русскими разведывательными организациями.

Николаи пишет, что русская разведка занималась также организацией в Германии революционного движения, убийств, саботажа, взрывов и т. д. Николаи в данном вопросе, по-своему, прав; попытки такого рода действительно имели место, и кончались весьма печально... для русского же Генштаба. Вот наиболее крупные из такого ряда попыток:

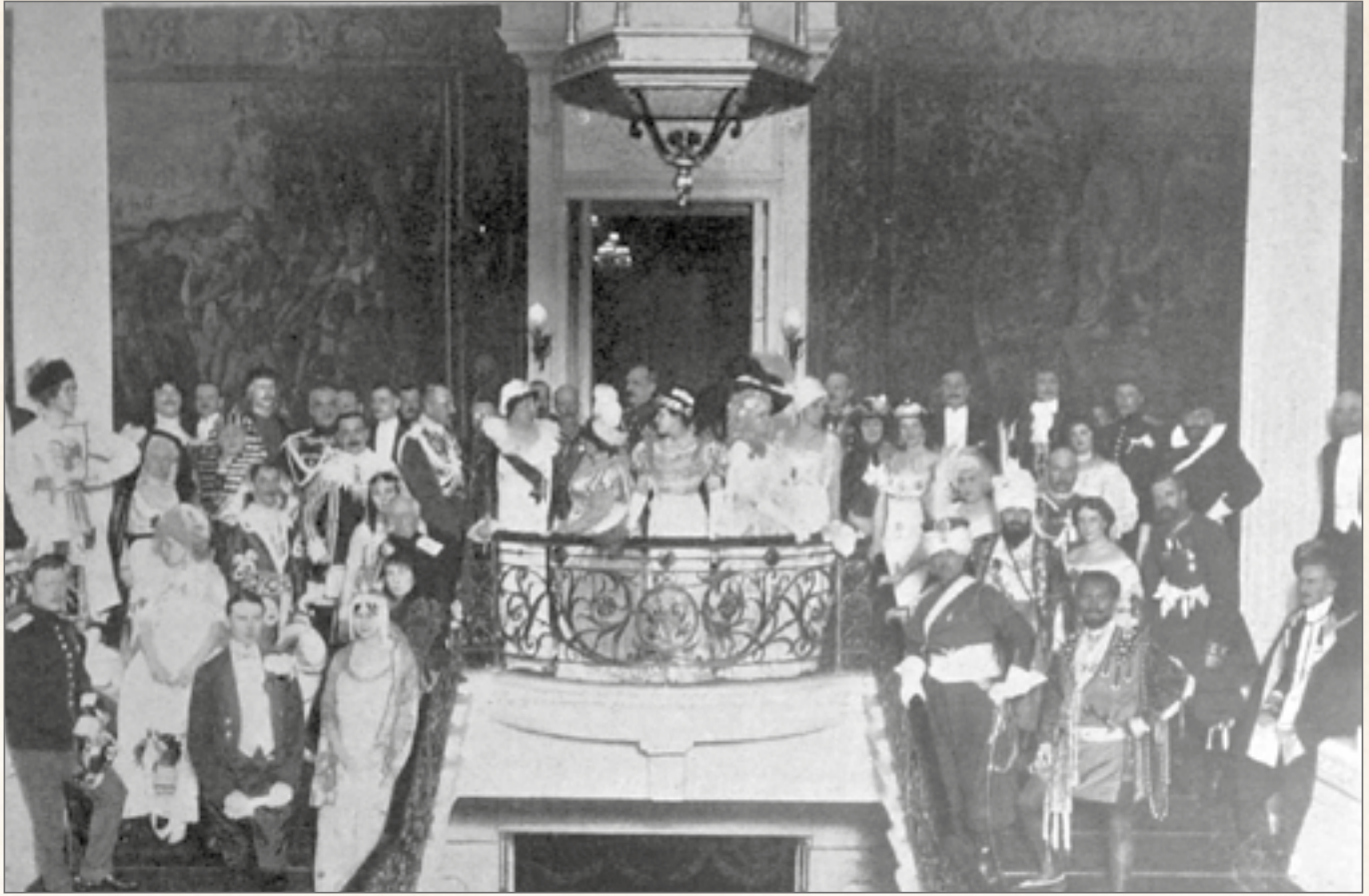
В конце 1916 г. у переводчика Ставки главноверха капитана Брагина возник план об организации революционного движения в Германии. План этот был построен очень широко, вплоть до издания подпольных газет, листовок, агитации на заводах, создания типографий, коммерческих предприятий, банков и т. д. и т. д. На проведение этого плана в жизнь Брагин требовал всего только... 40.000.000 руб.

в год. Проект, несмотря на всю его абсурдность, был всеми инстанциями принят, и Брагин должен был приступить к проведению его в жизнь. Но начальник Ген. штаба Аверьянов нашел сумму чересчур крупной и предложил Брагину кое-что сбавить. Тот наотрез отказался. Тем временем грянула февральская революция, и проект Брагина таковым и остался.

После февральской революции московский профессор Р.И. Вонгловский подал докладную записку командиру войсками Московского военного округа, в которой предлагал учредить специальный комитет по обработке в «революционном» духе австрийских и германских военнопленных и после обработки тем или иным путем сплавлять их на родину с поручением вести там революционную пропаганду. Докладная записка дошла до самого Керенского, получила его одобрение и на том и остановилась.

Наконец, третья авантюра — по «революционной» (?) обработ-

▲ Великосветский салон, Петроград

ке Турции — была сделана штабом Одесского военного округа в 1916 г. Эта «революционная» обработка в своей программе имела: «избиение германского состава и преданных немцам младотурок, взрывы мостов, линий жел. дорог, туннелей, складов огнестрельных припасов, поджоги провиантских и вещевых складов, препятствование своевременному подвозу огнестрельных и продовольственных припасов и т.д.». В программе предусматривалась также соответствующая, ничего общего с революцией не имеющая, агитация среди разных племен, населяющих Турцию.

Выполнитель этого плана, некто Георгий Александрович Фарди, в конце 1916 года донес штабу Одесского военного округа, что его организацией совершены убийства: фон-дер-Гольц-паши, Абдул-паши, фон-Мюнцнер-паши, Ахмед-Заде, Селим-бея; покушения на Энвер-пашу и на Сандерс-пашу; массовые

убийства германо-турецких офицеров в Сивасе 15-го июня и т.д. Фарди получил за это 86.900 руб. и впредь требовал в месяц 50.000 руб.

В штабе Одесского военного округа и в Ставке главковерха поверили этой явной лжи Фарди. Он никого не убил, ни на кого не покушался, никого не агитировал, а состоял на службе у Николаи, выкачивал от русской разведки народные деньги и выдавал немецкой контрразведке ее агентов. Но лишь 23 сентября 1917 г. Ставка главковерха узнала об этом от военного агента в Копенгагене Потоцкого.

Более успешно шла работа нынешнего президента одной из республик, появившихся в результате мировой войны. Во время войны этот теперешний президент состоял фактически вербовщиком агентов для русской разведки и руководил разложением армии одной из союзниц Германии. Много стоил он денег русской разведке, но зато и много вреда нанес противнику.

Для агитации Ставкой главковерха в Стокгольме и Румынии было создано под руководством известного польского журналиста, ныне сенатора, Владислава Рабского «пресс-бюро», под названием «Норд-зюд», но результаты его работы были столь ничтожны, а расходы столь велики, что уже в 1916 г. это учреждение было ликвидировано.

Правда, русская разведка имела несколько довольно солидных, как по своему общественному положению, так и по стоимости, агентов, но она не умела заставить их работать, не умела их использовать. Так, например, агентами русской разведки состояли: один из видных генералов теперешней Польши и один из бывших в 1923 г. министров той же Польши (в то время они оба состояли депутатами прусского сейма). Но оба они не давали ничего ценного.

Вот вкратце и в общих чертах картина работы русской глубокой зарубежной военной разведки во время

войны. Вряд ли ее можно признать хотя бы удовлетворительной.

Сейчас несколько слов о русской тактической фронтовой разведке. Несмотря на горький опыт русско-японской войны, русский Генеральный штаб по-прежнему верил, что с такой разведкой справится кавалерия. Но уже в начале 1915 г. наступило разочарование, а союзники подсказывали, что нужно вести разведку посредством агентов через линию фронта, заняться агентурным опросом пленных (среди пленных посадить своего агента для подслушивания их разговоров), подслушиванием телефонных переговоров противника и проч.

Этим делом занялись разведывательные отделения штабов фронтов, армий и, отчасти, корпусов. Но и здесь до конца существования царской армии положительных результатов добиться не удавалось. Главная беда заключалась в отсутствии людей, знающих и любящих это дело и в общей организационной неразберихе. Например, при оставлении русскими войсками Львова, там сошелся стык двух армий. Вербовщики разведывательных отделов этих армий перебивали друг у друга

агентов, набивая и цену им, и конечно, развращая их. Такие явления имели место сплошь и рядом. Тратилась уйма денег и губилась масса людей, но результаты были самые мизерные, чтобы не сказать — равные нулю.

Лучше всего об этом говорят следующие цифры по V-ой армии.

За время с 1/XI-1915 г. по 28/VIII-1916 г. было отправлено через фронт в тыл противника 137 агентов, вернулось со сведениями — 23 агента, причем 4 из них принесли важные сведения, 16 маловажные, остальные 3 агента-двойники (работали у немцев); 72 агента совсем не вернулись, 32 агента не прошли фронта. Как видим, результаты самые плачевные.

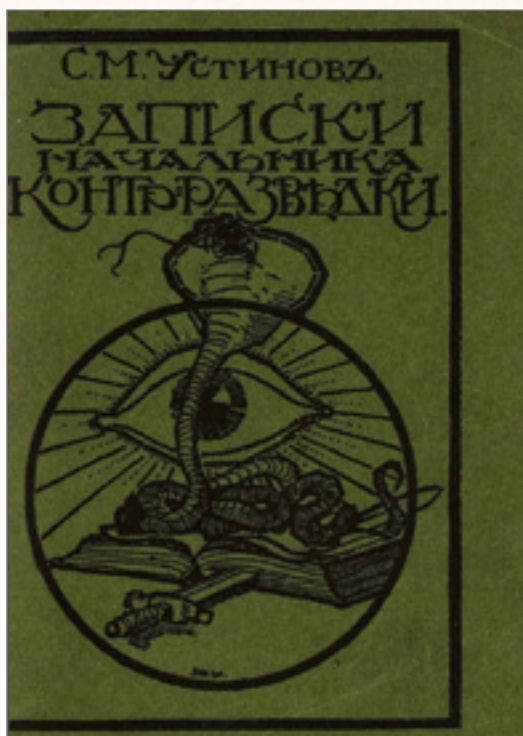
Немцы учли слабость русской разведки и в этой области и перетянули на свою сторону большинство агентов более ловким и жизненным подходом к ним. Лишь некоторые из таких агентов сознались в этом своим первым хозяевам — русским. Большинство же молчало и передавало немцам верные данные, а русским данные, сфабрикованные немецкой контрразведкой.

Русская военная контрразведка большой опасности для немецкой

разведки представлять не могла, ибо она была сравнительно молода (создана лишь в 1911 году; до того военной контрразведкой занималось министерство внутренних дел в лице департамента полиции и жандармских управлений), без опыта и навыков, не имела кадров подготовленного личного состава, вследствие чего, несмотря на антагонизм между Генеральным штабом и министерством внутренних дел, она старалась выезжать на жандармских офицерах. Последние же ударялись в сторону политического сыска и придерживались знакомых им приемов провокаций и наружного наблюдения. О военной разведке они имели в большинстве случаев слабое представление и применяли в борьбе с разведкой приемы охраны, оказавшиеся совершенно непригодными для этой цели.

До чего низок был уровень работников военной контрразведки царского генерального штаба, показывает следующий, рассказанный С. М. Устиновым в его «Записках начальника контрразведки» факт:

«Из Килии я приехал в Измаил, где во главе контрразведки уже стоял переведенный из Сулина капитан П.

▲ Обложка книги «Записки начальника контрразведки»

▲ Обложка книги «Тайные силы»

▲ Один из великокняжеских салонов Петрограда

По сведениям агентуры, действительно через Дунай под видом беженцев из завоеванных немцами местностей в Измаил просачивалась масса шпионов и агитаторов. Воинские части задерживали в камышах Дуная всех без разбора и приводили к нему целыми партиями в 30–40 человек. Как разобрать в этой толпе, кто из них действительно беженец, кто шпион, — мне казалось совершенно невозможным. Но капитан П. был убежден, что нет ничего легче этого. «Шпиона по роже видать», уверял он меня. Рожа, конечно, рожей. Но какой-то агент, бывший пристав в Измаиле, разжалованный (февральской) революцией, убедил его, что германцы своим шпионам для беспрепятственного их возвращения через фронт, ставят на заднице особые клейма, которые он, якобы, сам видел у некоторых сознавшихся шпионов. Капитан П. поверил этой чепухе и потому смотрел не только рожу, но и задницу, отыскивая на ней эту своеобразную визу».

В русской контрразведке было не мало людей, подобных этому капи-

тану П. Сведение личных счетов, выдумывание и раздувание дел, с целью выслуживания в глазах начальства, добывания орденов, чинов и получения побольше денег на расходы — вот в большинстве случаев главные побудительные импульсы работников царской контрразведки.

Понятно, что такая контрразведка была не очень-то опасной для разведки противника, и он ее мог водить безнаказанно за нос. В этом отношении немцы были неподражаемыми мастерами.

Такова в общих чертах картина организации, построения и работы русской военной разведки до и во время мировой войны. Более основательно и подробно осветить этот вопрос в кратком предисловии невозможно; для этого нужен специальный труд, гораздо более объемистый, чем труд Николаи. По тем же соображениям нам пришлось обойти молчанием вопрос о постановке разведки Антанты, а также не пришлось более подробно остановиться на разведке Германии и союзников.

По тем же причинам мы не имели возможности в настоящий момент выявить и указать на все сознательные или несознательные извращения Николаи фактов и их тенденциозное и одностороннее освещение. Нам пришлось остановиться лишь на более крупных из них.

Все же, несмотря на все указанные выше дефекты, труд Николаи заслуживает того, чтобы с ним ознакомились не только работники разведки, но и командный и политический состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В этом труде много весьма поучительных фактов и примеров из деятельности разведки или «тайной силы», как ее называет Николаи. Правда, как сказано выше, некоторые из них неточны, или даже неверны, но установить истину довольно легко, хотя бы по мемуарам и воспоминаниям о войне, которых за последние годы появилось довольно большое количество. ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ВОЕННОМУ ОБЩЕСТВУ ОХОТНИКОВ — 100 ЛЕТ

▲ Владимир Мономах, отдых после охоты

Охота — древнейшее занятие человека, его ровесница. Охота представляет собой один из древнейших видов деятельности человека, которым люди занимались со времен первобытного состояния, и не утратившего своего значения до настоящего времени. На разных этапах развития человеческого общества, охота являлась одним из основных источников существования, основным стимулом развития первобытного человека.

Охота издавна была в чести во всех сословиях общества. Необъятные просторы, обилие дичи и невысокая плотность населения позволяли долгое время без заметных последствий использовать охотничьи ресурсы.

Охота была одной из самых страстных увлечений древнерусских князей, которые были прекрасно осведомлены об ее роли в физическом развитии и совершенствовании военных навыков. Обучая своих сыновей, Владимир Мономах говорил: «Закаляйте себя охотой, не страшна и брань будет. Не испугаетесь вепря — и половец окажется не страшен».

«Будьте охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою и угодно и весело; да не одолеют вас кручины и печали всякие», — наставлял охотников русский царь Алексей Михайлович Романов.

Охота, как ни какое другое занятие, способствует развитию физической выносливости, мужества, смекалки, совершенствованию военных навыков. Из охотников во все времена получались отличные воины.

Охота — это не просто забава или развлечение. Являясь пластом национальной культуры, охота представляет собой образ бытия, образ специфической деятельности.

Охота помогла многим людям приобщиться к царству Природы, постичь ее сокровенные тайны и загадки, найти добрых и верных друзей.

ИЗ ИСТОРИИ ВСЕАРМЕЙСКОГО ВОЕННО-ОХОТНИЧЬЕГО ОБЩЕСТВА

19 июля 1884 года калужский губернатор, действительный статский советник Константин Николаевич Жуков послал в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел просьбу войти с ходатайством к военному министру генералу от инфантерии Петру Семеновичу Ванновскому о разрешении производить силами военных частей облавы на хищных животных, особенно волков, наносящих значительный ущерб помещичьим и крестьянским хозяйствам. В это же время к военному министру поступил рапорт начальника 41 пехотной дивизии с просьбой узаконить созданные им в полках «охотничьи команды», в которых посредством охоты готовятся группы людей, способных в военное время выполнять поручения, требующие особой смелости, отваги и находчивости, то есть вести разведывательную службу. Начальник 41 пехотной дивизии генерал-лейтенант Квитницкий Леонид Ксенофонтович просил также военного министра добиться разрешения в Министерстве государственных имуществ проводить охоту в казенных лесах безвозмездно, иначе оплата охоты ляжет тяжелым бременем на полковые кассы.

Что касается «охотничьих команд», то идея их создания в русской армии появилась несколько раньше. Генерал-инженер Константин Петрович Кауфман, завоеватель Туркестанского края и первый его генерал-губернатор в подчиненных ему войсках ввел новшество, в последствии развившееся в институт охотничьих команд.

К. П. Кауфман учредил при всех отдельных войсковых частях «для подготовки нижних чинов, не более четырех человек на роту, эскадрон, сотню и батарею, к использованию в военное время отдельных поручений, соединенных с особой опасностью и требующих личной находчивости».

▲ Кауфман К. П.

Для заведования каждой командой назначался особый офицер, понимающий толк в охоте. Главное занятие команд в мирное время — охота на хищных зверей.

Мысль использовать охоту для улучшения боевой подготовки была признана правильной, и Военное министерство в 1886 году издало приказ, в котором говорилось: «Государь император в 21 день октября сего года высочайше повелеть соизволил: в каждой отдельной части войск пехоты и кавалерии иметь некоторое число людей, заблаговременно подготовленных соответствующими упражнениями к исполнению в военное время отдельных поручений, соединенных с особой опасностью и требующих личной находчивости.

Означенные люди должны быть избираемы из энергичных, сильных, ловких, искусных в стрельбе (а в кавалерии — в езде) и вообще из наиболее способных к достижению указанной выше цели. Для удобства надлежащей их подготовки разрешается собирать их в особые при каждой отдельной части войск охотничьи команды... Предметом занятий команд должны служить по преимуществу в пехоте — охота на хищных зверей, а в кавалерии — псовая охота верхом. Занятия эти, по возможности, должны быть соединены с задачами по разведке и по изучению местности».

Решение Главного штаба императорской армии на обзаведение охотничьим имуществом полкам отпустили единовременно по 500 руб., а Артиллерийскому управлению приказали наладить производство охотничьих ружей. Одновременно от лесного департамента было получено разрешение охотничьим командам (но «не отдельным лицам, военного звания») бесплатно охотиться в казенных лесах на диких зверей и птиц. При этом Лесной департамент обращал внимание на то, чтобы охота велась с ведома лесной стражи, без нанесения вреда лесам, «холодным или огнестрельным оружием в таких казенных лесных дачах, в которых или вообще нет хвойного насаждения, или где хвойные деревья растут

▲ Арсеньев В.К. и Дерсу Узала

едилично среди лиственных пород леса, а дачах же с хвойным насаждением, во избежание пожаров, употребление огнестрельного оружия воспретить, начиная с половины марта до половины ноября месяца».

В докладе военному министру об учреждении охотничьих команд в качестве пособия для их подготовки упоминался журнал «Природа и Охота», издававшийся в Москве Л.П. Сабаневым с 1874 года.

В 1888 году Главный штаб провел охотничьи команды и нашел их деятельность полезной и полностью отвечающей поставленным перед ними целям. Характерно, что участники охотничьих команд несли служ-

бу наравне с остальными солдатами. Для специальных занятий им отводились только вторая половина субботы, воскресенье и праздничные дни.

В этом же году командующий войсками Петербургского военного округа генерал от инфантерии великий князь Владимир Александрович получил от командира лейб-гвардии Измайловского полка генерал-майора Г.К. Маклакова рапорт с просьбой офицеров полка разрешить им создание охотничьего общества. 21 марта 1889 года был утвержден устав первого военного общества охоты.

В уставе говорилось: «Первое военное общество охоты учреждается

▲ Пржевальский Н.М.

применительно к приказу по Военному ведомству 1866 года за № 260, с двоякой целью:

а) развить в среде офицеров дух отваги, выносливости и находчивости, дабы таким образом выработать контингент, отвечающий требованиям начальников полковых охотничьих команд;

б) дать возможность офицерам производить экономическую и правильную охоту за возможно дешевой платой».

Из устава следовало, что первой задачей общества была физическая подготовка офицеров посредством таких ценных упражнений, какие содержит в себе охота. Что касается второй цели создания общества,

то она, вероятно, появилась в связи с теми социальными изменениями в составе офицерского корпуса, какие начали проявляться к концу XIX века: проникновение в офицерскую среду выходцев из разночинной интеллигенции и разоряющегося дворянства. Офицеров, имеющих свои поместья с охотничьими угодьями, даже в войсках гвардии, оставалось ничтожное количество.

Устав общества состоял из трех разделов: состав общества и порядок его действия; производство охоты; устройство хозяйственной части.

В члены общества принимались только офицеры русского подданства. Размер членского взноса определялся ежегодно на общих собраниях,

но не должен был превышать 25 руб. Управление обществом осуществлялось общим собранием, а все распоряжения по ведению охоты, надзор за служащими и хозяйством возлагались на распорядительный комитет, состоявший из председателя и членов-распорядителей. Председателем общества был старший в чине, а члены-распорядители избирались на собрании большинством голосов. О времени и месте общих собраний и коллективных охот распорядительный комитет обязан был заблаговременно сообщать местной полиции. Распорядительный комитет оповещал членов общества о начале охоты. Охотиться до получения оповещения воспрещалось. Участие женщин во всякого рода охотах и даже пребывание их в охотничьих домах не допускалось.

Во время охоты воспрещалось употреблять пижи из пакли и бумаги, стрелять глухариных и тетеревиных маток и их цыплят. За нечаянный выстрел взимался штраф в один рубль, за выстрел по стрелковой линии на высоте роста человека взимался штраф три рубля, а за стрельбу по лосихе — пять рублей.

При облавах на рысей, лисиц, волков, медведей и лосей категорически запрещалось стрелять «по перу и зайцу». Членам общества позволялись охоты с легавыми на птиц, с гончими на зверя, облавы на птиц и зверей, с чучелами и с подъезда на самцов глухарей и тетеревов. Охота с легавой собакой начиналась не ранее 15 июля, с гончими и облавой — не ранее 1 сентября, за исключением охоты на волков, рысей и лисиц, отстрел которых разрешался круглый год. Охотник, добывший на облаве медведя или лося, имел право на шкуру и голову зверя.

Общество арендовало под охоту лесные дачи, снимало или строило охотничьи дома, нанимало егерей и сторожей, приобретало и содержало собак. Члены-распорядители, егеря и сторожа обязаны были бороться с браконьерами.

Был заведен такой порядок, что штрафы, получаемые обществом

по суду от браконьеров, целиком шли в собственность сторожа или егеря, который задержал нарушителя. Егеря и сторожа не имели права на гладкоствольное оружие, а могли пользоваться для охраны угодий только нарезным, с выдачей им подотчетного количества патронов.

По уставу действие общества распространялось «на все местности империи, в которых оно будет приобретать право охоты на частных или иных землях, причем в каждой местности должны быть соблюдены установленные для охоты особые законоположения и распоряжения правительства». Однако, по негласному указанию Министерства внутренних дел, действие общества не распространялось на царство Польское, некоторые западные губернии и все губернии и области Кавказа. Поэтому командующий Варшавским военным округом ходатайствовал перед военным министром об организации в Варшаве Второго военного общества охоты. Его устав утвердили 19 ноября 1891 года.

Устав Первого военного общества был утвержден сроком на пять лет. С 1896 года началась переписка

председателя общества генерал-майора Васмунда Георгия Робертовича, а позднее контр-адмирала Бирилёва Алексея Алексеевича с военным министром по поводу утверждения нового устава общества, которое, «постоянно совершенствуясь, вполне окрепло и оправдало себя».

23 сентября 1900 года император утвердил новый устав Первого военного общества охоты. Были несколько расширены его цели, добавлено пять новых пунктов: охранять дичь и бороться с браконьерством, распространять понятия о правильной охоте и о полезных и вредных животных, истреблять хищных зверей и птиц, улучшать способы охоты и породы охотничьих собак, изучать образ жизни, нравы и привычки местной дичи. Обществу было предоставлено право устраивать охотничьи выставки и состязания в стрельбе на призы. Для вступления в общество требовалась рекомендация трех его членов; был введен вступительный взнос в размере 10 руб.

Стали создаваться новые военные охотничьи общества. Наиболее крупными военными обществами,

имевшими свои правления и уставы, являлись Петербургское, Московское, Варшавское, Киевское, Тифлисское, Казанское.

Охота, вырабатывающая в человеке качества и навыки, которые позволяют ему в экстремальных условиях выполнять особо трудные и рискованные задания, прочно вошла в жизнь русской армии.

Россия располагает исключительно благоприятными условиями для охоты. В мире нет другого государства, равного нашему по обилию и разнообразию природных богатств, животного и растительного мира.

Лучшие традиции старых охотничьих организаций, опыт прогрессивных охотников были унаследованы военно-охотничьими коллективами и хозяйствами, созданными в годы Советской власти. Из среды русских военных охотников вышла целая плеяда замечательных ученых, исследователей и путешественников, обогативших своими открытиями мировую и отечественную науку.

От вольноопределяющегося Белевского полка до маститого ученого с мировым именем — таков

▲ Ленин В.И. на охоте

▲ Фрунзе М.В.

путь выдающегося охотника — исследователя Центральной Азии Н.М. Пржевальского, Никогда не померкнет слава подвига морских офицеров Д.Я. и Х.П. Лаптевых, казаков С.И. Дежнева, В.В. Атласова, Е.П. Хабарова, мореплавателей Г.Я. Седова и В.А. Русанова, путешественников П.П. Семенова-Тянь-Шанского, А.В. и Г.Н. Потаниных, Н.А. Северцева, И.Д. Черского, П.К. Козлова, В.К. Арсеньева и многих других. Всех их объединяло стремление проникнуть в неизведанные дали пустынь, степей, гор, дебри тайги, в северные широты, раскрыть тайны и загадки природы.

27 мая 1918 года В.И. Ленин подписал декрет о лесах, а в 1923 году был введен в действие Лесной кодекс РСФСР. 14 февраля 1919 года было обнародовано постановление «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию».

Внимание новой власти было направлено на то, чтобы мобилизовать

▲ Самойло А.А.

на оборону, на снабжение населения самым необходимым все резервы страны, изыскать новые. Значительным подспорьем могла стать охота, и в то тяжелое время Советское правительство неоднократно рассматривало вопросы ее лучшей организации.

В январе 1919 года, в разгар Гражданской войны, В.И. Ленин принял секретаря Астраханского губисполкома — агронома Н.Н. Подъяпольского, внесшего предложение сохранить уникальную природу дельты Волги. Через два месяца после этой встречи в Астраханском укрепленном районе был учрежден первый советский государственный заповедник.

25 января в Наркомпросе состоялось совещание, на котором обсуждался план организации заповедных земель в России, хотя часть территорий еще предстояло отвоевать у Колчака, Деникина, Врангеля.

Первым советским законом об охоте явилось постановление

Совета Народных Комиссаров РСФСР, подписанное В.И. Лениным 27 мая 1919 года, «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие». Этим постановлением запрещались охота на лосей и диких коз, а также соби́рание птичьих яиц; запрещались весенняя и летняя охота до 1 августа (за исключением охоты с научной целью по особому разрешению Наркомзема) и торговля дичью.

Народному комиссариату земледелия и научно-техническому отделу Высшего совнархоза поручалось выработать и представить на утверждение Совнаркома правила о сроках охоты, об установлении заповедных мест и т.д. Постановление узаконило право каждого советского гражданина пользоваться охотничьим оружием при наличии у него свидетельства на право охоты.

20 июля 1920 года был обнародован подписанный В.И. Лениным декрет «Об охоте», по которому охотничье дело передавалось в ведение Народного комиссариата земледелия

лия. На него возлагались организация и ведение охотничьего хозяйства, разведение и охрана охотничьих животных, снабжение охотников оружием, боеприпасами и одеждой. Наркомзем получал право издавать инструкции и обязательные постановления по вопросам охотничьего хозяйства, учреждать заповедники, заказники, зоофермы, охотничьи парки, питомники пушного зверя, птицы и охотничьих собак, разрабатывать перечни зверей и птиц, запрещенных и разрешенных к отстрелу, а также устанавливать сроки охоты. Надзор за соблюдением охотничьих правил возлагался на органы милиции, лесной охраны, охотничьи организации и всех граждан. За нарушение охотничьих правил виновные привлекались к ответственности по закону.

В апреле 1917 года был создан Петроградский союз охотников. Рабочие — охотники Петрограда провозгласили лозунг: «Охота для всех».

15 ноября 1918 года на базе Петроградского добровольного общества был образован Северный союз охотников. Из состава Исполнительного комитета Петроградской организации в ноябре 1918 года был создан государственный административный орган по делам охоты Северной области — Центрохота, который на правах отдела вошел в состав Комиссариата снабжения и распределения союза коммун Северной области.

Центральный отдел охоты провел большую работу по объединению охотников. Группа добровольных общественных инструкторов, преодолевая огромные трудности, бездорожье, условия северной зимы, объехала все, даже самые отдаленные уезды Северной области, находящиеся подчас в полосе фронтов Гражданской войны, организовывала всюду союзы охотников, помогала установлению и налаживанию постоянной связи.

Нужно отметить, что охотничьи команды нашли свое место и в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Выдающийся военный деятель и полководец М. В. Фрунзе, глубоко любивший охоту, придавал ей

известное спортивно-оборонное значение. Еще в годы жесточайшей и кровопролитной Гражданской войны, однажды в 1920 году, во время операции по ликвидации басмачества и разгрома армии эмира бухарского, командарм Фрунзе, посмотрев, как под вечер потянули стаи дроф с полей в барханы, и как табунок быстроногих джейранов, будто не касаясь земли, пронесся по такыру, сказал своему адъютанту:

«Возьмите бумагу, Сергей Аркадьевич, я продиктую вам небольшой приказ, навеянный раздумьями охотника... — Приказываю во всех стрелковых полках сформировать охотничьи команды в составе начальника команды, его помощника и 18 стрел-

ков. Формирование произвести без расходов от казны, за счет штата полков. Команды предназначаются для производства правильной охоты, строго согласованной с уставом и правилами охоты на всех животных. Убитая дичь должна представляться в полк и идти на улучшение довольствия... Охоту разрешается производить в окрестностях полков и только в те дни, когда полку не предстоит выполнять боевые задания...»

Рост и укрепление низовых охотничьих организаций в первые годы Советской власти были тесно связаны со Всевобучем (Всеобщее военное обучение граждан). Чтобы создать многомиллионную Красную Армию, способную отстоять новое народное

▲ Хрулев А.В. и Воронов Н.Н

▲ Ворошилов К.Е.

государство от внешних и внутренних врагов, требовалось большое количество хорошо подготовленных резервов. Выполнению этой задачи помогали и охотничьи общества.

В Архангельской губернии по мере освобождения ее от интервентов и белогвардейцев в союз охотников вступило около 20 тысяч человек. Работу с ними проводили городские охотники, преимущественно коммунисты из частей Всевобуча.

Спортивный отдел Всевобуча объединил охотников Владимирской губернии. Общество правильной охоты Могилевской губернии также присоединилось к военной организации. 1 мая 1919 года произошло слияние его с отделениями Всевобуча. Общество охотников перешло в ведение полкового округа, который возглавил организацию охотников в семи уездах. Вскоре из них образовался Могилевский объединенный союз охотников. Всевобуч был организатором охотников и в городе Орша.

В те годы народное хозяйство терпело колоссальный ущерб, причиняе-

мый волками. Гражданские организации Союза охотников не справлялись с уничтожением опасных и вредных хищников. На помощь им пришли охотники Красной Армии. В январе 1920 года Высший Совет Народного Хозяйства рассмотрел вопрос о борьбе с волками и возложил руководство истреблением хищников на Реввоенсовет республики, располагавший более подготовленными командами и кружками военных охотников.

С окончанием Гражданской войны была проведена реорганизация Красной Армии. Фронты преобразовались в округа. Перестраивалась боевая подготовка. К этому периоду относится организация военно-охотничьих кружков в частях и отдельных гарнизонах.

Революционный Военный Совет республики в приказе № 1215 от 5 июня 1921 года поставил перед командующими округами, фронтовыми управлениями, командирами соединений и частей задачу привлечь рядовой и начальствующий состав армии к участию в коллективной

охоте. В приказе указывалось, что «охота, в особенности по крупному зверю, развивает качества, необходимые пешему разведчику, и является хорошей практической школой в приобретении навыков, необходимых в деле разведки». Приказ требовал ввести в программу обучения разведчиков охоту на крупного зверя «преимущественно в зимний период, но не менее двух раз в год...».

Для руководства в войсках охотничьим спортом и рыболовством 10 октября 1921 года по приказу Реввоенсовета республики № 2262 была создана Центральная комиссия охоты и рыболовства при Главном штабе РККА (ЦКОР), а в округах (фронтах) — окружные (фронтовые) комиссии. Этот приказ организационно закрепил существовавшие военно-охотничьи организации в округах и фронтах и положил начало Всесармейскому военно-охотничьему обществу.

Первым председателем ЦКОР стал Александр Александрович Самойло, впоследствии генерал-лейтенант Советской Армии, один из вид-

ных военных педагогов — ведущий преподаватель общей тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе. В годы Гражданской войны А. А. Самойло командовал 6-й отдельной армией, освобождавшей от иностранных интервентов и белогвардейцев Архангельск и побережье Белого моря.

В конце 1921 года комиссии по охоте и рыболовству были созданы в Московском, Приволжском, Сибирском, Северокавказском, Киевском и Туркестанском военных округах, на Западном фронте, при командующем войсками Украины и Крыма и в отдельной Кавказской Краснознаменной армии.

Центральная комиссия по охоте и рыболовству являлась не только административным, но и общественным руководящим органом. В состав ее входили кроме военачальников представители Наркомзема, Упродснаба, Главнауки, Союза охотников и других учреждений и организаций.

В марте 1922 года состоялось совещание руководящего актива Комиссии по охоте и рыболовству с участием представителей всех военных округов, на котором обсуждался также вопрос о развитии охотничьего собаководства и об открытии в Петрограде и в Москве питомников по разведению и воспитанию подружейных и гончих собак.

Деятельность Центральной комиссии продолжалась более двух лет. Приказом Реввоенсовета от 14 ноября 1923 года она была упразднена и деятельность ее прекращена с 1 января 1924 года. Общее руководство охотой в Красной Армии возложили на отдел (комитет) по подготовке войск штаба РККА.

Большое значение в истории развития охотничьего и рыболовного спорта в Красной Армии имел приказ Реввоенсовета СССР № 570 от 17 апреля 1924 года, подписанный М. В. Фрунзе. Этим приказом вводилась в действие Инструкция по организации и проведению занятий охотой и рыболовством в частях Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В ней указывалось следующее: «...в целях правильной постановки

охоты в РККА распоряжением командующих войсками округов, фронтов и армий при каждой отдельной части и в вузах организуются кружки (секции) охотников и рыболовов. В члены кружка зачисляются любители и знатоки охоты и рыбной ловли из числа красноармейцев, командиров, политработников.

Общая ответственность за успешное проведение занятий охотой и рыболовством возлагается на командира части.

Занятия имеют целью способствовать развитию у бойцов и командиров ловкости, смелости, выносливости, находчивости, наблюдательности, навыков в стрельбе, ходьбе, ориентировке и прочих качеств».

Кроме занятий, входящих в план специальной подготовки разведчиков и курсантов войсковых школ, в каждой отдельной части предусматривалось проведение бесед и собраний, практической подготовки к охоте и рыбной ловле, одиночной и групповой охот по перу, зверю и рыбной ловле, облавной охоты на крупного зверя в составе охотничьих команд, занятий по биологии; изучение повадок зверей и птиц;

разъяснение законов об охоте и охране природы.

На практических занятиях организовывались учебно-показательные охоты, охотники знакомились с охотничьим оружием, правилами снаряжения патронов, пристрелкой оружия и тренировкой в стрельбе по движущимся целям. Изучались следы зверей, ориентирование на местности (с компасом и по местным предметам), переходы по азимуту. Особенно высокие требования инструкция предъявляла к изучению правил облавной охоты по крупному зверю, поведению номеров на стрелковой линии, движению загонщиков и соблюдению правил обращения с огнестрельным оружием.

Крупные трофеи, добытые в результате облавной охоты, разрешалось использовать на улучшение питания личного состава части, Средства от реализации пушнины поступали в пользу кружка охотников на приобретение инвентаря и боеприпасов.

В соответствии с Инструкцией с весны 1924 года сведения о качестве занятий охотой и рыболовством включались командирами частей в отчеты о боевой подготовке.

▲ Сталин И.В. Буденный С.М. Ворошилов К.Е. на охоте

▲ Рокоссовский К.К.

В марте 1922 года из кружков армейских охотников столичного гарнизона и военнослужащих, состоявших членами Московского охотничьего общества, сформировалось Военно-охотничье общество Московского военного округа.

Вначале оно работало на правах уездного объединения, в контакте с Московским губернским союзом охотников.

В первые годы своего существования общество было малочисленным. К 1925 году едва насчитывалось девятьсот человек. Состав актива не превышал двадцати человек. Однако уже тогда было много сделано для организационного укрепления общества и развития его финансовой базы. Недалеко от станции Виноградово был создан питомник охотничьих собак. Общество имело штатных егерей, охотничий стэнд, магазин охотничьих товаров. Весной 1926 года впервые была организована выставка охотничьих собак.

С годами численность общества возрастала. Расширялись его органи-

▲ Тимошенко С.К. слева

зационно-массовая работа и пропаганда охотничьих знаний. В конце мая 1928 года состоялся I съезд Военно-охотничьего общества Московского военного округа, избравший окружное правление. С апреля 1930 года стал издаваться журнал «Боец-охотник». В апреле 1930 года проходил II съезд Военно-охотничьего общества МВО. В состав правления были избраны ветераны Первой Конной армии А.В. Хрулев и М.С. Кузнецов, профессор С.А. Бутурлин, активисты В. Сатинский, В. Дудниченко и другие. Деятельность общества выходила за пределы округа. Оно стало объединять военно-охотничьи организации и кружки других гарнизонов и частей. Назрела необходимость объединения охотников всей Красной Армии.

17 октября 1933 года Реввоенсовет СССР принял решение «О создании Всеармейского военно-охотничьего общества и его филиалов в военных округах». Был создан организационный комитет, в который вошли А.В. Хрулев, М.С. Кузнецов,

Н.М. Никольский и еще четыре представителя от главных управлений Наркомата Военно-Морских дел. Оргкомитету вменялось в обязанность в трехмесячный срок разработать Положение о Всеармейском военно-охотничьем обществе, представить на утверждение РВС СССР, провести организационное оформление низовых и окружных организаций.

На основании постановления Реввоенсовета 26 января 1934 года Наркомат по военным и морским делам дал указание провести в округах выборы руководящих органов ВВОО.

В мае 1934 года в Москве состоялась Первая конференция охотников Красной Армии. Делегаты конференции, прибывшие из всех военных округов, теперь представляли уже несколько тысяч организованных охотников.

Конференция избрала первый Центральный Совет. В него вошли С.С. Каменев (председатель), А.В. Хрулев (первый заместитель председателя), М.С. Кузнецов (второй заместитель председателя), воен-

ный врач профессор П. В. Мандрыка, охотовед, орнитолог и специалист по охотничьему оружию профессор С. А. Батурлин — всего 21 человек.

К. Е. Ворошилов, находясь на посту Наркома обороны, всемерно содействовал развитию охотничье-стрелкового спорта в армии. Оказывал всестороннюю помощь Военно-охотничьему обществу. По его инициативе создавались охотничье-рыболовные хозяйства в военных округах. Особое внимание уделял созданию материально-технической базы для развития охотничьего спорта. Будучи отличным стрелком, страстным охотником и прекрасным спортсменом, дал начало спортивному патриотическому движению среди молодежи в развитии стрелкового спорта, получившего наименование «Ворошиловский стрелок». Нарком знал толк в охоте. Очень любил зверовую охоту с охотничьими собаками, весеннюю охоту на току на глухаря и тетерева. Был исключительно щепетилен в плане охотничьей этики, наказывал охотников, допустивших нарушение правил на охоте (перестрел, нарушение правил при стрельбе и др.).

Маршал Советского Союза С. М. Буденный, прекрасно понимавший значение охоты в деле повышения оборонной мощи страны, перед войной заявлял: «Несмотря на большие преимущественные качества, многие еще не сознают, какое огромное значение имеет охотничье-стрелковый спорт для дела укрепления обороны нашей социалистической Родины. Этот вид спорта имеет неисчерпаемые элементы для военнизации широких масс трудящихся, для повышения боевой подготовки бойцов и командиров Красной Армии и Флота».

Планомерная работа охотничьих обществ была нарушена Великой Отечественной войной. На фронт ушли тысячи членов общества. Они стали известными снайперами, разведчиками, артиллеристами, стрелками.

В годы Великой Отечественной войны Всеармейское военно-охотничье общество не прекращало своей деятельности. Все усилия его были

направлены на оказание помощи фронту.

В коллективах окружных организаций ВВОО Дальнего Востока, Забайкалья, Сибири, Урала, Средней Азии были созданы специальные промысловые бригады по заготовке дичи и отлову рыбы для снабжения армии и военных госпиталей.

После окончания Великой Отечественной войны Всеармейское военно-охотничье общество еще шире развернуло свою работу. Подвиги охотников-героев послужили примером для пропаганды боевых традиций и военно-охотничьих знаний. Молодые воины, вступающие в общество, учились у ветеранов, старались во всем подражать им.

Усилилось внимание к нуждам общества со стороны командования и политорганов в войсках. В ряде округов были изданы специальные

приказы о значении и задачах работы охотничьих коллективов в деле организации спорта и отдыха солдат, сержантов и офицеров. Повысилась популярность общества не только в войсках, но и среди гражданского населения.

В декабре, 1950 года состоялась Четвертая Всеармейская конференция военных охотников, принявшая новый устав ВВОО, а в ноябре 1954 года — Пятая конференция. На Шестой конференции в марте 1959 года с речью выступил Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

Министр обороны подчеркнул, что «...значение военно-охотничьего спорта для нас, членов ВВОО, вполне ясно и трудно его переоценить. Наше общество, как об этом сказано в уставе, призвано воспитывать беспредельную преданность Коммунисти-

▲ Гречко А.А. и Броз Тито

▲ Фидель Кастро Завидово 1962 г.

▲ Вишневский А.А. главный хирург
Красной Армии

ческой партии и Советской Родине, горячую любовь к родной природе, к охране и увеличению ее неоценимых богатств.

Для нас, военнослужащих малых и больших рангов, Общество открывает огромные возможности. Оно вырабатывает у своих членов — многочисленной армии охотников, рыболовов и туристов — прочную физическую закалку, бодрость духа и высокие моральные качества. Возьмите, к примеру, хотя бы стрелковую подготовку члена Общества. Ведь именно здесь воспитываются сильные, ловкие и меткие стрелки, что, конечно, имеет немаловажное значение для военного человека. Поэтому надо не выпускать из вида стрелковый спорт, больше строить стендов, лучше их оборудовать, чаще проводить соревнования, шире вовлекать в них охотников.

Чтобы успешно решать эту важную задачу, нужен тесный контакт руководящих работников Общества с командирами и политорганами частей и соединений. Необходимо привить вкус к военно-охотничьему спорту и тем командирам, которые не являются еще охотниками, членами КВО. В чем это должно выражаться? Прежде всего в оказании действенной помощи коллективам военных охотников, в содействии им по созданию, оборудованию и строительству военно-охотничьих и рыболовных баз, таких очагов спорта, куда бы тянуло каждого члена Общества, где бы он мог культурно и в то же время полезно заняться тем видом спорта, который больше всего ему по душе».

Всеармейское военно-охотничье общество всеми своими формами и методами работы содействовало

повышению боеспособности Советских Вооруженных Сил.

Министр обороны СССР, Маршал Советского Союза А. А. Гречко (1967-1976 гг.) руководил деятельностью Общества, оказывал ему необходимую помощь. В своих указаниях он ставил перед ВВОО конкретные задачи по дальнейшему улучшению спортивной работы, усилению борьбы за сохранение и рост охотничьей фауны и рыбных запасов, повышению активности военно-охотничьих организаций в создании условий для здорового отдыха, физической закалки и воспитания высоких морально-боевых качеств воинов.

На Всеармейское военно-охотничье общество возложены важные задачи. Являясь добровольной спортивной организацией, объединяющей охотников и рыболовов воинских частей, кораблей, военно-

учебных заведений, штабов, учреждений, предприятий и организаций Советских Вооруженных Сил, оно проводило свою работу под руководством командования и политических органов. Всеармейское военно-охотничье общество, широко используя охотничий спорт, туризм, стендовые стрельбы и спортивное рыболовство, содействовало повышению боевой подготовки и физической закалки членов Общества.

Всеармейское военно-охотничье общество располагало площадью охотничьих угодий почти в 6,5 миллионов гектар, 164 спортивно-охотничьи хозяйства, более чем 70 домами охотников и рыболовов со всеми необходимыми службами, сотнями лодочных станций, большим

количеством лодок, катеров и другого инвентаря. В хозяйствах работало большое число специалистов.

Чтобы стать метким стрелком, нужно долго и упорно тренироваться, отрабатывать действия до автоматизма. Лучший способ тренировки — стендовая стрельба.

Стрелково-стендовый спорт возник, когда появились охотничьи дробовые ружья, и служил главным образом для развлечения знати.

В нашей стране этот вид спорта известен как стендовая стрельба.

В советское время стрельба на стенде стала развиваться с начала двадцатых годов.

В Всеармейском военно-охотничьем обществе первая стрелково-стендовая секция была создана

в 1928 году при Окружном совете Московского военного округа.

В 1935 году состоялись первые Всеармейские соревнования. С этого года начали проводиться ежегодные Всеармейские стрелково-стендовые соревнования. Результаты объявлялись в специальном приказе Народного комиссара обороны.

В 1961 году в Москве вступил в строй стрелково-стендовый комбинат ЦС ВВОО — один из крупнейших в Европе. На нем проводились Всесоюзные и Международные соревнования. Были построены первоклассные армейские стенды в Киеве, Свердловске, Львове, Тбилиси, Баку, Ташкенте и в других городах.

С ростом материальной базы стрелково-стендовый спорт становится все более массовым.

Следует отметить, что большинство выдающихся полководцев и легендарных военачальников Советской Армии были истовыми охотниками. Они своим зажигательным примером активно влияли на охотничье дело и способствовали быстрому прогрессу развития охоты в Вооруженных Силах. В первую очередь это знаменитый советский полководец М. В. Фрунзе, Маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, С. К. Тимошенко, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, И. С. Конев, Г. К. Жуков, Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский, А. И. Еременко, Н. И. Крылов, В. И. Чуйков, С. С. Бирюзов, В. Д. Соколовский, Н. В. Огарков, С. Л. Соколов, И. И. Якубовский, П. Ф. Батицкий, А. А. Гречко, адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков, генералы армии А. В. Хрулев, И. И. Федюнинский, П. И. Батов, И. И. Масленников, В. А. Матросов, И. М. Третьяк, В. Л. Говоров, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, главные маршалы авиации К. А. Вершинин, А. Е. Голованов, маршалы авиации А. И. Покрышкин, С. А. Красовский, маршал войск связи И. Т. Пересыпкин, маршал артиллерии Н. М. Хлебников, адмирал Ф. С. Октябрьский и многие, многие другие военачальники. ■

▲ Гагарин Ю.А.

П.А. СУДОПЛАТОВ, генерал-лейтенант, в 30-е годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД. Во время войны начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД-НКГБ, после Победы возглавлял особую группу МГБ, был заместителем начальника Первого (разведывательного) главного управления МГБ.

НАЦИСТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ ПРОТИВ СССР НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ

▲ Диверсанты из Бранденбург-800

По установленному порядку разведывательные органы должны докладывать правительству обо всех сигналах и слухах, связанных с угрозой большой войны или локального военного конфликта. Это, можно сказать, их святая обязанность. По этой причине иногда случалось, что мы, идя на поводу немецкой дезинформации, оказыва-

лись ее жертвами. Весной 1941 года немцам не раз удавалось переиграть советские резидентуры в Берлине, Софии, Бухаресте, Братиславе, Анкаре. Нашей главной ошибкой было преувеличение роли немецкого посла в Москве графа Шуленбурга, который при встречах неизменно подчеркивал заинтересованность немцев в развитии экономических

отношений с Советским Союзом. Однако надо иметь в виду и тот факт, который неправомерно отрицается, что в немецком руководстве были серьезные разногласия в отношении войны против СССР и что окончательное решение о нападении было принято 10 июня 1941 года, то есть за 12 дней до начала военных действий. Мне могут возразить, ведь

▲ Шуленбург

▲ Остер

план «Барбаросса» был представлен на утверждение Гитлера еще в декабре 1940 года. Но разработка военных планов, в том числе наступательных широкомасштабных операций, была обычной практикой всех генеральных штабов крупнейших держав Европы и Азии в 1930–1940-е годы. Для нас никогда не было секретом, что такого рода планы разрабатываются и фашистской Германией. Другое дело — политическое решение о развязывании войны и об осуществлении на практике замыслов военного командования.

Для германского руководства вопрос о войне с СССР в принципе был решенным. Речь только шла о выборе благоприятного момента для нападения. С военной точки зрения время для начала военных действий было выбрано Гитлером безошибочно. Немцы верно оценили сравнительно низкий уровень боеготовности войск Красной Армии, дислоцированных в приграничных округах. Для Гитлера было выгодно

навязать нам войну в то время, когда техническое перевооружение механизированных корпусов и нашей авиации не было завершено.

И все же, если оценивать операции немецкой разведки по дезинформированию нас весной 1941 года, то нужно сказать, что вклад абвера и службы безопасности (СД) был не таким уж значительным. Гораздо выигрышнее в этом деле выглядит специальное разведывательное бюро Риббентропа, то есть та часть разведывательного аппарата, которая замыкалась на МИД Германии. Здесь немцы достигли значительно большего результата.

Но зато немецкая военная разведка — абвер — эффективно действовала в приграничной и прифронтовой полосе, где развернулись в начале войны неудачные для нас сражения. Под видом дезертиров из германской армии к нам в пограничные районы почти беспрепятственно забрасывалась немецкая агентура. Чуть ли не косяком она шла

в Западную Белоруссию и Западную Украину. «Дезертиры» выдавали себя за австрийцев, призванных на немецкую военную службу после аншлюса Австрии. Этот маневр абвера, который вел свои операции в Румынии, Польше и Болгарии, нам удалось вовремя разгадать. Агенты-австрийцы, такие как Иоганн Вечтнер, Франц Шварцель и другие, были опознаны и обезврежены.

Допросы липовых перебежчиков позволили нам впервые узнать о конкретных руководителях немецких разведывательных органов. Мы установили, что своих агентов немцы готовили для краткосрочных диверсий непосредственно в нашем тылу. Было абсолютно ясно, что немецкое командование активно изучает будущий театр военных действий. Однако, к сожалению, мы не сделали из этого выводов, что Гитлер планирует молниеносную войну.

Весной и в начале июня 1941 года абвер, следует признать, свою задачу по разведке прифронтовой поло-

сы в целом выполнил. Он обладал данными, которые поставляли агенты-маршрутники и местное население. Немцы были осведомлены о расположении наших войск, о дислокации аэродромов, местонахождении нефтебаз благодаря хорошо налаженной работе аэрофоторазведки, радиослужб и визуальной разведки. В актив абвера надо записать вывод из строя 22 июня узлов связи Красной Армии.

Удары немецкой авиации по нашим аэродромам оказались четко спланированными. Наиболее жестоким бомбардировкам подверглись аэродромы Юго-Западного фронта. Особенно сильно пострадала авиация, находившаяся в Черновицах, Станиславе — Ивано-Франковске. Результаты налетов оказались ошеломительными и для Белорусского (Особого) военного округа. Практически полностью были уничтожены самолеты, запасы горючего. Наша авиация понесла невосполнимый

урон. Это можно отнести к достижениям немецкой разведки. Она получала точные сведения от местных жителей, сотрудничавших с ОУН и прибалтийскими националистами.

В то же время наши потери в значительной мере были обусловлены и низким уровнем боеготовности ВВС и ПВО к отражению нападения. В нарушение основных положений уставов об охране аэродромов и стратегических складов не были развернуты даже дежурные огневые средства. За это командованию ВВС и ПВО — известным героям-летчикам и генералам пришлось расплачиваться своей головой. Они были расстреляны летом-осенью 1941 года по сфальсифицированным обвинениям в измене Родине и вредительстве. Судьба Г. Штерна, Я. Смушкевича и других широко известна. Однако мало кто знает, что среди жертв этой трагедии были люди, попавшие в роковой список по инициативе местных партийных руководителей.

По сфальсифицированному обвинению был расстрелян в феврале 1942 года Герой Советского Союза, Герой испанской войны, командующий ВВС Юго-Западного фронта Птухин. Арестовали его и предали суду на основании специальной записки Никиты Хрущева, которую он передал Сталину, ставя как член Военного совета фронта вопрос об ответственности Птухина «за разгром советской авиации».

Однако немецкая разведка все же не сумела предсказать гитлеровскому командованию малую вероятность разгрома Советского Союза в краткосрочной летней военной кампании. Немцы не обладали исчерпывающими данными о нашем военно-экономическом потенциале. Они вынуждены были опираться на агентуру из формирований оуновцев, грузинской, армянской и азербайджанской эмиграции, националистов Прибалтики, которые не имели доступа в наши экономи-

▲ Штерн Г.М.

▲ Птухин Е. С.

ческие министерства и ведомства и в среду высшего и среднего звена советского военного командования.

Следует остановиться на важной операции немецкой разведки в самый канун войны. Весной 1941 года под видом туриста абвер направил в Советский Союз опытного оперативного работника. Нам, к сожалению, стало известно об этой акции только когда он уже покинул нашу страну. Но этот результативный разведчик был, по-моему, преждевременно «засвечен». Перед майором абвера Хольтусом, он же доктор Бруно Шульце, была поставлена задача — собирать развединформацию о военно-промышленных объектах. Его поездка по изучению наших железных дорог пролегла по маршруту Москва — Харьков — Ростов-на-Дону — Грозный — Баку. Немцы стремились установить пропускную способность наших железнодорожных магистралей и предположительно разработать план диверсий, чтобы вывести их из строя. Шульце, возвращаясь в Москву, передал собранную информацию немецкому военному атташе и уехал. Позже нам стало известно о его вояже, а также и то, что он получил указания подготовить диверсионные операции на наших нефтепромыслах в Закавказье и создать для этого специальную опорную базу в Иране.

Довольно странно то, что немецкая разведка Хольтуса, прошедшего довольно обстоятельное визуальное изучение наших объектов, вместо того, чтобы использовать его на диверсионной работе по этой линии, предпочла направить в качестве резидента диверсионной группы в Иран. По подложным документам секретаря-референта немецкой торговой компании Шульце Хольтуса забросили в Тебриз, где он собирал разведывательную информацию, используя агентов из числа армянских и азербайджанских эмигрантов. Там он попал в наше поле зрения. В итоге его разведгруппа была захвачена и уничтожена.

Абвер накануне войны обладал одним существенным преимуществом перед советскими органами

госбезопасности. В его структуре функционировал специальный отдел по проведению разведывательно-диверсионных операций. При нем был сформирован учебный диверсионный полк «Бранденбург-800» в составе национальных рот карательного батальона «Нахтигаль» («Соловей») задолго до начала войны. «Бранденбург» проявил себя в диверсионных операциях еще на Западном фронте. Потом он был передислоцирован на Восточный фронт. Этот немецкий спецназ привлекался и для обеспечения важнейших задач стратегического значения. Например, по нашим данным, полученным из Румынии, специальная рота 2-го батальона «Нахтигаль» была переброшена в Румынию для охраны нефтескважин и сопровождения транспорта, то есть немцы использовали специальные подразделения как для диверсий, так и для охраны стратегических объектов. Начиная с февраля 1941 года и до 15 июня диверсионные подразделения были развернуты против нас, заняв выжидательные позиции. Штаб-квартирой батальонов полка «Бранденбург-800» стали Краков и местечко Аленштайн в Восточной Пруссии.

Надо подчеркнуть, что в 1940 году спецназ использовался немцами преимущественно в прифронтовой полосе. Например, полк «Бранденбург-800» во время операций против Греции и Югославии захватил мост через реку Вардер в Северной Греции и удерживал его до подхода авангарда прорвавшихся к Салоникам немецких танковых дивизий.

На нашей территории диверсионные подразделения первоначально действовали так же, как в Югославии. Например, в ночь на 22 июня 1941 года абвергруппы полка «Бранденбург-800» появились на участках Августов — Гродно — Колынка-Рудинки — Сувалки и захватили десять стратегических мостов. Сводная рота батальонов «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» при форсировании реки Сан заняла плацдарм. Спецподразделение абвера сумело воспрепятствовать эвакуации и уничтожению важных секретных документов советских военных и гражданских учрежде-

ний в Брест-Литовске и в Литве.

15–17 июля, переодетые в красноармейскую форму, украинские националисты из батальона «Нахтигаль» и немцы 1-го батальона «Бранденбург-800» совершили нападение на штаб одной из частей Красной Армии в лесу под Винницей, но атака была отбита, нападающие рассеяны и частично уничтожены.

28 июля диверсанты 8-й роты полка «Бранденбург-800», также замаскированные в красноармейскую одежду, захватили и разминировали подготовленный к взрыву отступающими советскими войсками мост через Даугаву под Даугавпилсом. В ожесточенных боях абвер потерял командира подразделения, но все же рота удержала мост до подхода передовых частей немецкой армии «Север», рвущихся в Латвию.

29–30 июля тот же 1-й батальон, подкрепленный «Нахтигальем», занял Львов и взял под контроль стратегические объекты и транспортные узлы города. Затем военнослужащие абвера и весь состав батальона «Нахтигаль» по специальным спискам, составленным агентами краковского отделения абвера, осуществили массовые казни еврейского населения, а затем и польской интеллигенции во Львове.

Оценивая действия немецкого спецназа, следует отметить, что учебный полк особого назначения «Бранденбург-800», усиленный специальными ротами для выполнения особых заданий, был запланирован к использованию на совершенно других направлениях, в том числе для диверсионных действий против англичан на Ближнем Востоке. Однако немецкое командование сочло нужным в сжатые сроки переориентировать их вместе с опергруппами абвера и СД на расправу с противниками оккупационного режима в СССР, Греции и Югославии.

В итоге остановимся на двух особенностях подготовки немецкого спецназа и его использования в начальном периоде войны против нас. Во-первых, перед ним ставились узкие боевые задачи действий в при-

фронтальной полосе и в ближайших тылах Красной Армии. Диверсий в нашем глубоком тылу, за исключением бакинских нефтепромыслов, немецкое командование не планировало. Во-вторых, формирование спецназа и агентурных групп в нашем тылу из эмигрантов противник вынужден был проводить, используя антисоветский и антироссийский потенциал только определенной части эмиграции. При существующем недоверии к белой эмиграции о массовой вербовке не могло идти и речи. Это существенным образом ограничивало сферы разведывательно-диверсионной деятельности абвера на Восточном фронте.

Специальное подразделение абвера — штаб «Вали» для действий против СССР в условиях военного времени — был развернут противником лишь к середине мая 1941 года вблизи Варшавы.

СУДЬБА РУКОВОДИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ

Интересна судьба некоторых известных мне руководителей немецкой разведки. Почти все они после войны оказались захваченными нами. В плен попал полковник Э. Штольце, возглавлявший диверсионные операции абвера, заместитель генерала Лахузена, генерал Бентивини, под чьим руководством проводились контрразведывательные операции абвера за границей, генерал Г. Пикенброк, начальник отдела «абвер-заграница» в 1938–1943 годах.

Показания захваченных в плен руководителей абвера рассылались в 1945–1948 годах для ознакомления начальникам самостоятельных служб и подразделений НКВД-МГБ СССР. Сейчас этим материалам уделяется недостаточное внимание. Между тем

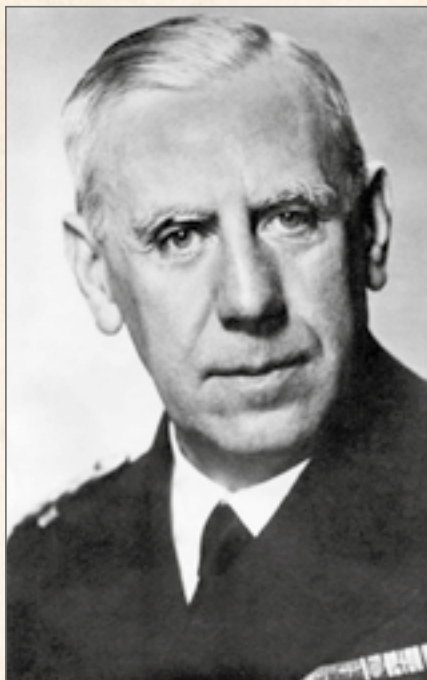
из их показаний видно, что, хотя подготовка к войне с Советским Союзом велась давно, конкретные задачи немецкой разведке по обеспечению нападения были поставлены лишь за один-полтора месяца до начала войны. Развертывание германских войск для наступательных операций началось буквально за несколько недель до 22 июня. Конкретные же задачи, поставленные перед абвером в начале июня 1941 года, ограничивались лишь изучением и планированием операций в пределах фронтальной полосы.

Что собой представляли руководители немецкой разведки? Например, шеф абвера-1 генерал-лейтенант Ганс Пикенброк был кадровым военным. Шеф абвера-2 генерал-майор Эрвин Лахузен руководил немецкой диверсионной работой против Англии, США и Советского Союза. Он стал работать в абвере

▲ Канарис, Лахузен и Пикенброк

▲ Канарис

лишь в 1938 году, перейдя из австрийской военной разведки после аншлюса Австрии. Но и до этого он тесно сотрудничал с немцами против Чехословакии.

Хотелось бы отметить еще один момент, связанный с судьбой руководителей немецкой разведки. Когда в 1943 году Гитлер разогнал абвер, передав его в аппарат под контроль службы безопасности СД, те, кто попал под подозрение как участники оппозиции Гитлеру, были отправлены общевоинскими командирами на фронт.

Мне запомнились материалы допросов бывшего командира пехотной дивизии германской армии генерал-лейтенанта Ганса Пикенброка. Человек, который, как уже говорилось, занимался агентурно-оперативной работой, был назначен командиром обычной пехотной дивизии. Как следует из его показаний, никаких приказов, связанных с подготовкой плана «Барбаросса», он не получал, хотя приказы и установки в связи с подготовкой к войне с Россией существовали. В марте 1941 года об этом шел разговор с Канарисом и полковником в то время Лахузеном. Только в мае 1941 года он был проинформиро-

ван в самом общем виде о том, что война, возможно, начнется в первых числах июня 1941 года. Отмечу, что Пикенброк поддерживал рабочую переписку с начальником отдела иностранных армий генерального штаба сухопутных войск вермахта генералом В. Типпельскирхом, написавшим потом «Историю Второй мировой войны».

Эта книга издана и у нас. В рабочих отношениях он был и с начальником отдела иностранных армий «Восток», полковником В. Кинцелем, которого сменил Р. Гелен, руководивший немецкой военной информационно-аналитической службой в годы войны и в 1950–1970 годы возглавивший разведку ФРГ.

По показаниям Пикенброка, задания военной агентуры накануне войны сводились в основном к проверке старых разведывательных данных по Красной Армии, а также по уточнению дислокации советских войск в приграничных округах.

Какие методы использовали немцы? Пикенброк говорил, что было направлено значительное количество агентуры в районы демаркационной линии между советскими и германскими войсками. В разведывательных целях использовались германские подданные, ездившие по различным делам в СССР, а также проводился опрос лиц, ранее бывавших в СССР.

После пленения Пикенброка держали, как говорится, про запас. Не исключалось, что он мог понадобиться. Лишь 26 марта 1952 года военной коллегией Верховного суда он был осужден, позднее, в 1955 году, репатриирован по амнистии в ФРГ.

Несколько слов о штабе «Вали» — специальном органе абвера по тайной войне против СССР. Его возглавлял Баум — специалист по России в звании майора. Это показатель того, что противник, уверенный в быстрой победе, не развернул против нас центральный аппарат абвера, надеясь, что он свою работу по агентурному проникновению, насаждению у нас нового порядка совместно со службой безопасности осуществит после

решения главной задачи — молниеносного разгрома Красной Армии, который мыслился в основном в приграничном сражении. Недаром ведь 7 мая 1941 года руководитель военной разведки Канарис и немецкий военный атташе в Москве, докладывая Гитлеру о соотношении сил, высказывались о предстоящей войне как о быстротечной кампании.

Из анализа разведывательно-диверсионных операций противника в начале войны мы видим, что он хорошо был подготовлен и целенаправленно использовал против нас диверсионные группы в прифронтовой полосе. Нами был сделан вывод, что необходимо значительно усилить противодиверсионное обеспечение и охрану важных объектов в тылу. А ответные удары мы можем наносить специально подготовленными группами. Спецназ следовало создать не для противодействия диверсиям, а для действий прежде всего на коммуникациях противника. Поэтому войска НКВД, хотя и создавались как бригада особого назначения, по своей организации и структуре были подразделениями не массовой подготовки диверсантов, а штучной. Эффективность их использования определялась тесным взаимодействием с агентурно-разведывательными боевыми группами, что давало возможность в кратчайшие сроки реагировать на те или иные повороты событий на фронте.

Второй момент — как известно, в канун войны немецкие спецслужбы в массовом порядке использовали примкнувшие к ним националистические элементы, которые стали основой диверсионно-разведывательных формирований и в ряде случаев должны были сомкнуться с бандитским движением для организации беспорядков в нашем тылу. Противодействуя националистическому подполью, мы в основном обезглавили его в прифронтовых районах. Однако ущерб от совместных выступлений националистов и немецких диверсантов на территории Прибалтики в июне-июле 1941 года все же был значительным.

МУСУЛЬМАНСКИЙ ФАКТОР

Противник активно искал возможности задействия против нас так называемого «мусульманского фактора». Одним из агентов немецкой разведки был профессор «Идрис», татарин, ранее проживающий в Казани, получивший там университетское образование. Будучи участником Первой мировой войны, он попал в плен к немцам. Уже тогда сотрудники немецкой разведки собирали сведения среди русских военнопленных. В порядке обмена военнопленными «Идрис» выехал в Россию. А в 1922 году вместе с так называемой бухарской комиссией снова приехал в Германию. Тогда отношения между Германией и Советским Союзом улучшились. Но после окончания работы комиссии «Идрис» отказался вернуться в СССР и остался проживать в Берлине. Он продолжительное время был внештатным консультантом немецкого

МИДа и по совместительству работал в Министерстве пропаганды, часто выступал по радио с антисоветскими речами на турецком языке. Вокруг «Идриса» группировались те, кто использовался на мусульманском направлении немецкой разведки. Противник готовил Среднюю Азию в качестве театра военных действий. При этом использовались старые кадры.

В мае 1941 года наряду со штабом «Вали» создаются боевые органы и в немецкой службе безопасности (СД) — это несколько подразделений, так называемых рефератов, в якобы научно-исследовательских центрах по изучению стран Востока. Например, отделение «А» ведало материальным обеспечением, поставкой боеприпасов, радиоаппаратуры, взрывчатых веществ агентурно-диверсионным группам, которые планировалось забрасывать в тыл Красной Армии. Отделение «В» проводило агентурно-разведывательную работу на европейской части СССР.

Отделение «Н» должно было организовывать диверсии на Кавказе. Под-реферат «Д» проводил агентурно-разведывательную работу на территориях советских республик Средней Азии.

В мае 1941 года появилась специальная группа при рефератах по внедрению в агентурно-осведомительную сеть НКВД и органов госбезопасности. Важнейшей задачей ее было «раскрытие и ликвидация исключительно сильной агентурно-осведомительной сети ГПУ».

Координацией деятельности органов немецкой военной разведки, службы безопасности СД и разведывательного бюро Риббентропа некоторое время руководил генерал Ф. Нидермайер, хорошо известный разведке и контрразведке НКВД. Он, прекрасно владея русским языком, неоднократно встречался с нашим резидентом в Берлине в 1940–1941 годах А. Кобуловым.

Нидермайер, видный немецкий дипломат и разведчик, считался

▲ Нидермайер

▲ Риббентроп

▲ Эйтингон Н.И.

▲ Гелен

весьма авторитетным специалистом по России. В двадцатые — тридцатые годы он был немецким военным атташе в Москве. С санкции своего руководства действовал, как двойник немецкой и советской разведок. В этом качестве с ведома Артузова Нидермайер поддерживал личные доверительные отношения с маршалом Тухачевским. В 1940 году он пытался по поручению Канариса и Риббентропа возобновить с нами неофициальные отношения в беседах с Кобуловым. Однако нам через источники в эмиграции и в гестапо стало известно, что Нидермайер выступает с предложением о создании в преддверии войны Туркестанского легиона — националистических мусульманских организаций для действий против советских войск. Речь шла о создании Туркестанского, Волго-татарского комитетов, Крымского центра, Азербайджанского, Северо-Кавказского, Армянского, Грузинского штабов. Таким образом, у немец-

ких разведывательных органов были большие планы по разыгрыванию мусульманской карты против Советского Союза.

Немецкая разведка, в частности бюро Риббентропа, стремились активно использовать против нас и грузинскую эмиграцию. Сейчас этих перебежчиков воспринимают как национальных героев Грузии. Вот краткая биография одного из них — некоего Н. Кедии, руководителя так называемого Грузинского комитета в Берлине. По профессии журналист. С 1927 года проживал в Париже. Примкнул к партии грузинских социал-демократов. После нападения Германии на Советский Союз переехал в Берлин, вступил в немецкую армию, сотрудничал с гестапо, вошел в руководящий состав прогерманского грузинского комитета. В период временной оккупации объявился в Пятигорске, где создал антисоветскую националистическую организацию «Ассоциация Грузии», которая

оказывала помощь немецкой армии, готовила агентуру для переброски в Грузинскую ССР. После войны переехал в США.

В заключение хочу подчеркнуть следующее. Между советскими органами госбезопасности, советской военной разведкой и немецкими разведывательными органами накануне и в течение всей войны существовала кардинальная разница. Все руководство немецкой и военной разведок и службы безопасности получило всестороннее образование в военных академиях и училищах. Я слабо знаю кадры военной разведки Красной Армии, но у нас во внешнеполитической разведке НКВД-НКГБ накануне войны только Эйтингон и Мельников имели законченное высшее военное образование. Но зато наш аппарат был укомплектован отличными специалистами по Германии. Немецкое направление — 1-й отдел разведывательного управления НКГБ — имело костяк

сотрудников, прекрасно знавших немецкую военную и полицейскую машину. Среди них начальник 1-го отдела П. Журавлев, ведущие оперработники З. Рыбкина, А. Коротков, легендарная Е. Зарубина, востребованные войной после необоснованных репрессий, нелегалы Ф. Парпаров, И. Каминский, спецагент, один из главных вербовщиков «Красной капеллы» М. Гиршфельд.

Немецкий разведывательный аппарат в высшем и среднем звене представляли люди, знавшие театр военных действий в Западной Европе. А майор Баум, возглавивший за месяц до войны штаб «Вали», неплохой специалист по России, был офицером примерно среднего звена. Абвер ориентировался прежде всего на ведение диверсионных операций в нашем ближайшем тылу и на выполнение заданий по тактической разведке. Немцам удалось разведать цели вдоль границы. Но в своей работе противник вынужден был опираться, как я уже писал, на эмигрант-

ские формирования. А они-то как раз были нам известны по оперативным учетам. Таким образом мы обладали большими возможностями им противодействовать.

Наконец, самый главный момент. Получалось, что непосредственным планированием разведывательных операций противника и их руководством занимались люди некомпетентные в русском вопросе. Не случайно из-за ряда интриг из германской разведки были изгнаны специалисты по России, предано забвению завещание генерала фон Секта, предупреждавшего о невозможности молниеносной войны с Россией. А полковника, позже генерала Нидермайера, поскольку, как уже было сказано, он по долгу службы сотрудничал с Разведупром Красной Армии и Тухачевским, немцы использовали с большой осторожностью. К нему не было полного доверия. Он отсиживался на скромной должности советника и в итоге оказался руководителем разведыва-

тельных операций лишь по «мусульманской линии».

У руководства немецкой разведки, можно сказать, произошло ослепление «молниеносной войной». Кроме того, они были уверены, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опираясь на раскулаченное крестьянство в тылу нашей страны им удастся создать пятую колонну наподобие той, которая успешно действовала в странах Западной Европы. В действительности же все сложилось иначе. Они также просчитались насчет массовой опоры на оккупированных территориях Украины и Белоруссии. Да и в Прибалтике местное население, за исключением участников военизированных националистических формирований, не встретило немецкую оккупацию хлебом-солью. ■

▲ Коротков А.М.

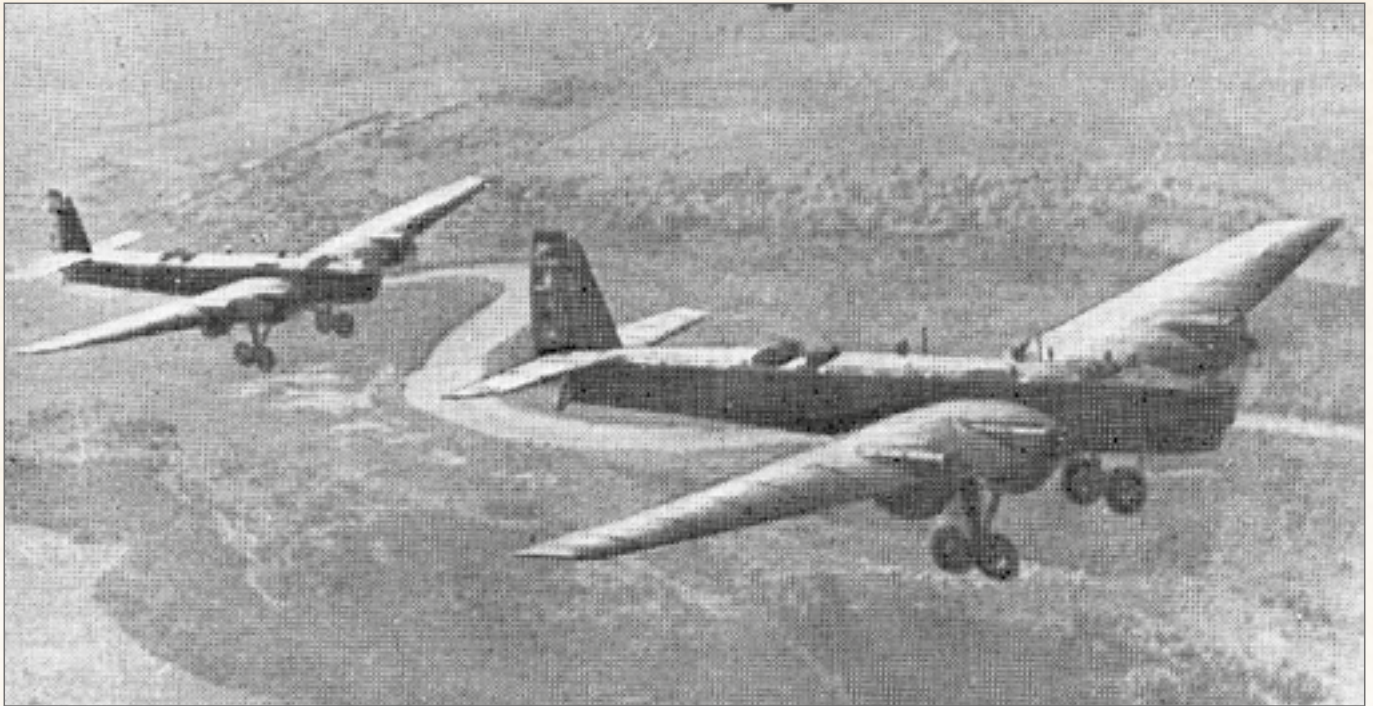

▲ Маршал Тухачевский

П.Т. СОБИН

ВОЗДУШНЫЙ МОСТ АЛМА-АТА – ЛАНЬЧЖОУ

▲ ТБ-3 в небе Китая

В октябре 1937 г. два экипажа самолетов ДБ-3А из воронежской авиабригады были вызваны в штаб, где получили задание вылететь на один из ведомственных аэродромов под Москвой для выполнения особого задания. В состав экипажей входили командиры кораблей летчики Е. Н. Ломакин (старший группы) и С. Я. Дорофеев, бортмеханики П. Д. Рубан и А. В. Талалихин, и два стрелка-радиста — А. А. Анисифоров и А. Г. Спиридонов. По прибытии в Москву к нам присоединились еще два экипажа самолетов ДБ-3А (я помню командира корабля летчика Кадука, штурмана Ковалева, стрелка-радиста Осипова).

В Москве наши экипажи были приняты командованием АОН (Ар-

мии особого назначения) и получили указание детально проверить материальную часть самолетов и оборудование, произвести в районе аэродрома несколько ознакомительных полетов для отработки слетанности в группе, проверить технику пилотирования экипажей и аэронавигационную подготовку штурманов. С самолетов было снято бомбардировочное оборудование, установлены дополнительные бензобаки для увеличения радиуса действия с таким расчетом, чтобы машины без дополнительной заправки могли преодолеть расстояние 3000–3500 км. Иными словами, ДБ-3А были переоборудованы в транспортно-десантные самолеты.

После проверки командовани-

ем нашей подготовки группе было поручено выполнение специального задания — перелет в Китай для оказания помощи китайскому народу в борьбе с японскими милитаристами. Конкретные задачи мы должны были получить по прибытии в Алма-Ату. Старшим группы (четыре самолета ДБ-3А) был назначен Кадук (штурман Ковалев), его заместителем — Е. Н. Ломакин (штурман П. Т. Соби́н).

Во второй половине октября 1937 г. группа вылетела по маршруту Москва — Энгельс — Ташкент — Алма-Ата.

Погода нам благоприятствовала. На некоторых аэродромах имелись радиомаяки, но воспользоваться их сигналами мы не могли, так как

Собин П. Т. — полковник Советской Армии, родился в 1907 г. в деревне Собипо Шарканского уезда Удмуртии. Член КПСС с 1928 года. Службу в Красной Армии начал в 1929 году. В 1932 году окончил Московские военно-политические курсы им. В. И. Ленина, в 1933 году — военную школу летчиков-наблюдателей. В 1935–1937 гг. после окончания высших курсов штурманов бомбардировочной авиации служил флаг-штурманом авиаэскадрильи (Воронеж). В 1937–1939 гг. в качестве добровольца участвовал в освободительной войне китайского народа против японских милитаристов. Участник боев с белофиннами. В 1941–1945 гг. организовывал приемку и отправку из США в СССР боевых самолетов, предоставленных по ленд-лизу. После Великой Отечественной войны занимал различные командные должности в Советской Армии.

не располагали необходимыми данными.

По прибытии в г. Энгельс экипажи вечером стали готовиться к перелету по следующему участку маршрута: утром предстояло направиться в Ташкент. Мы проложили маршрут, договорились о сигналах визуальной связи между экипажами, так как установленные на самолетах радиостанции еще не были освоены.

Рано утром следующего дня мы вылетели из Энгельса и взяли курс на Ташкент. Радиостанции, установленные на самолетах, не работали, и у нас не было радиоданных по маршруту полета как связных, так и радиомаяков, поэтому полет выполнялся по видимым наземным ориентирам. Не было внутри самолета и переговорного радиоустройства, переговоры между членами экипажа велись при помощи записок или световой сигнализации (если надо было повернуть самолет вправо или влево).

Полет на Ташкент проходил в солнечную погоду на высоте 2000–3000 м при видимости 50–100 км.

Когда самолет миновал Аральское море и Кызыл-Орду, я заметил, что мы отклоняемся от намеченного маршрута полета влево. Оказывается, командир ведущего самолета Кадук и два его штурмана уже в по-

лете приняли решение следовать прямо на Алма-Ату: по их расчетам, дневного времени для такого броска было вполне достаточно. Однако они не учли, что в горах темнота наступит почти мгновенно. Уже в сумерках подлетели к Алма-Ате, ведущий экипаж, видимо опасаясь близости гор, развернулся и взял курс в направлении оз. Балхаш. Через некоторое время ведущий подал сигнал покачиванием самолета с крыла на крыло, чтобы ведомый занял его место. Командир нашего корабля Ломакин сразу же запросил координаты полета. Группа снова развернулась и пошла за нами. Тем временем наступила почти полная темнота. В Алма-Ате и ее пригородах уже горели огни, в степи мелькали огоньки костров. При подходе к горам Алатау между Чиликом и Алма-Атой в сумерках хорошо видна с воздуха шоссейная дорога. Через несколько минут, следуя вдоль дороги, мы приблизились к Алма-Ате. Но где посадить самолет? Где находится аэродром? Этого мы не знали, так как готовились приземляться в Ташкенте. (Как выяснилось позднее, в то время в Алма-Ате имелось два аэродрома, в том числе один грунтовой.)

По нашему курсу — никаких посадочных огней. Командир приказал дать сигнал ракетой. Я выпустил

одну за другой две зеленые ракеты. Через какое-то время на одном из аэродромов взвилась ответная ракета того же цвета, затем вторая, и два самолета ДБ-3 один за другим почти в полной темноте без световых знаков благополучно совершили посадку (экипажи летчиков Ломакина и Ульянова).

Па следующий день сообщили, что самолет Кадука произвел посадку на другом аэродроме, а летчика Дорофеева — на небольшой площадке в 70 км к востоку от Алма-Аты. Экипаж его остался невредим, но у самолета оказалось сломано шасси.

Грунтовой аэродром, на котором приземлились экипажи Ломакина и Ульянова, небольшой по размеру, с восточной и западной сторон был ограничен глубокими оврагами. На севере проходила железная дорога. В южной части аэродрома возвышались два ангара, между которыми мы благополучно и сели. Экипаж С. Я. Дорофеева оказался на вынужденной посадке примерно около недели, пока не отремонтировали шасси.

В конце октября 1937 г. все четыре самолета ДБ-3А и их экипажи собрались все вместе на одном аэродроме. Экипаж временно разместился в самолетных ящиках, прямо на летном поле. Зимой в гарнизоне

▲ Ломакин Е.Н.

▲ Летчики, перегонявшие истребитель в Китай

было выделено несколько комнат для летного. состава нашей группы и помещения в казармах военного городка для техников самолетов и стрелков-радиостов.

Как выяснилось, командование аэродрома, где мы произвели посадку, не получило сведений о нашем прилете и не было подготовлено к приему самолетов, не было выложено ни дневного, ни ночного старта. Некоторые из персонала даже подумали, что «пожаловали» японцы. Но все обошлось сравнительно благополучно.

Наземная база на станции Сары-Озек (Турксиб) обеспечивала автотрассу от Алма-Аты через провинцию Сяньцзян до Ланьчжоу. Эта не благоустроенная грунтовая дорога общей протяженностью свыше 3 тыс. км пересекала горы и пустыню Каракум. Грузовые автомобили шли по ней в одну сторону около месяца и столько же обратно.

По этой авиатрассе выполняли эпизодические полеты отдельные самолеты как нашей страны, так и некоторых иностранных авиакомпаний.

Командиры авиагруппы Кадук и Ломакин после доклада начальнику базы в Сары-Озек полковнику Грязнову и комиссару Валуеву о прибытии получили конкретные указания по освоению авиатрассы Алма-Ата — Ланьчжоу.

Нам было известно, что наши люди работали только на аэродроме Урумчи, на остальной авиатрассе не было связных и приводных радиостанций, а также технического персонала, который мог бы обслуживать наши самолеты. Тогда нам никто не мог рассказать о тех девяти аэродромах, расположенных по трассе, которые мы должны были осваивать. Мы пользовались лишь картами-сорокакилометровками. К тому же переводчиков среди нас не было, никто не владел китайским или каким-либо

другим иностранным языком. В общем, небольшая авиагруппа из четырех самолетов ДБ-3А начала свою работу, что называется, вслепую.

В начале ноября 1937 г. командир авиагруппы Кадук получил задание на выполнение полета по маршруту Алма-Ата — Ланьчжоу, который, к сожалению, закончился трагически.

Кадук вылетел из Алма-Аты и благополучно прошел аэродром Кульджа. Затем он должен был выйти на перевал и следовать далее на Шихэ и Урумчи. Однако экипаж потерял ориентировку и попал в узкое ущелье, приняв его за перевал. Поняв свою ошибку, летчик стал разворачиваться, чтобы вырваться оттуда. Но в узеньком ущелье, закрытом сверху сплошной облачностью» ему не удалось развернуть самолет, и он врезался в гору.

Штурман Ковалев, находившийся в передней кабине, погиб сразу. Кадук сломал обе ноги и вскоре скончался

от потери крови. Погибли и остальные члены экипажа. Остались в живых представитель Генштаба полковник Журавлев и бортмеханик Талалихин, которые во время удара находились в задней кабине самолета. Страдая от многочисленных ран и ушибов, они около месяца добирались с места катастрофы до Кульджи. В пищу пошли унты и меховые рукавицы. Позднее в горах были обнаружены погибшие товарищи и разбитый самолет, а в нем нашли неприкосновенный запас продуктов, рассчитанный примерно на восемь-десять дней.

Так как никакой связи самолета с землей не было, мы узнали подробности о гибели самолета Кадука только по возвращении товарищей в Кульджу.

Вместо погибшего самолета и его экипажа на пополнение нашей авиagrппы из Воронежа прибыл новый экипаж самолета ДБ-3А (командир Д. Г. Чекалин, штурман Индыченко, бортмеханик К. В. Казанцев).

Во второй половине ноября 1937 г. задание пройти по упомянутому маршруту получил экипаж летчика Дорофеева со штурманом Хуторным. Однако вскоре его экипаж произвел вынужденную посадку на болотистой равнине из-за неисправности матчасти и потери ориентировки. Экипаж при посадке не пострадал, примерно через месяц он был доставлен автокараваном в Алма-Ату и отправлен в свою часть.

В декабре 1937 г. два экипажа самолетов ДБ-3А, возглавляемые летчиками Е. Н. Ломакиным (штурман П. Т. Собин) и Ульяновым (фамилию штурмана, к сожалению, не помню), получили задание от командования доставить на промежуточные аэродромы авиатрассы Алма-Ата — Ланьжоу оборудование, начальников авиабаз, метеорологов, радистов и другой персонал, с тем «чтобы организовать на этих авиабазах прием и обслуживание советских

самолетов и истребителей, которые СССР передавал борющемуся Китаю. Аэродромы (мы их называли «точками») по трассе располагались таким образом: №1 — аэродром Кульджа (Инин); №2-аэродром Шихэ; №3-аэродром Урумчи (начальником базы вначале был Моисеев, затем А. В. Платонов); №4 — аэродром Гучэн (Цитай) (начальник базы А. В. Политикен); №5 — аэродром Хами (до организации базы здесь уже работали несколько советских специалистов, которые по просьбе дубаня — правителя — Синьцзяна служили в качестве летчиков-инструкторов; они были одеты в китайскую форму); №6-аэродром Аньси; №7-аэродром Сучжоу (Цзюцюань) (начальник базы Глазырин); №8 — аэродром Лянчжоу (Увэй) (начальник базы П. И. Базь); №9 — аэродром Ланьжоу (начальник базы В. М. Акимов, приехал в Китай еще в 1925 г., владел, китайским языком и хорошо знал местные обычаи).

▲ Подготовка к полету

В Алма-Ате после прилета нашей авиагруппы был организован не-большой штаб, который вместе с командиром руководил личным составом. Начальниками штаба в разное время работали Куприянов, Кирюхин и Уразов. Штаб нашей авиагруппы получал указания из базы Сары-Озек, которой руководил полковник Грязнов.

Авиатрасса проходила в основном вдоль грунтовой дороги через указанные «точки». С начала 1938 г. по этой грунтовой дороге шли наши караваны с самолетами в ящиках, оборудованием, вооружением и запчастями. Путь автокаравана от железнодорожной станции Сары-Озек до Ланьчжоу, занимавший около месяца, самолет ДБ-3А без посадки преодолевал за десять часов полета.

С воздуха эта грунтовая дорога в ясную погоду просматривалась довольно четко, правда, когда по ней шли караваны, а в ненастную погоду отдельные участки ее терялись в пе-

сках. В 50-х годах вдоль этой грунтовой дороги на территории СССР вплоть до государственной границы в районе озера Эби-Нур была построена одноколейная железная дорога.

В погожую погоду полеты выполнялись без особого труда. От Алма-Аты до Кульджи маршрут проходил вдоль реки Или, остававшейся слева, и горного хребта Кетмень, тянувшегося справа. Вдали по курсу на траверсе пункта Чилик виднелся пик Победы высотой 7439 м, сверкавший ледниковой шапкой. Аэродром Кульджа располагался в долине реки Или, весь он был как на ладони. От Кульджи до Шихэ нужно было пересечь хребет Боро-Хоро, высота которого вблизи Цзинхэ достигала 4 тыс. м. После прохода Цзипхэ спереди и слева появлялось озеро Эби-Нур, а справа на траверсе Шихэ — хребет Боро-Хоро (пик горы со снежной вершиной 5500 м). От Шихэ до Урумчи маршрут тянется вдоль грунтовой

дороги через Манас: справа от нее горная система Тянь-Шань, слева — пески Дзосотын Элисун. При приближении к Урумчи появлялась гора Богдо-Ула высотой 6512 м.

От Гучэна до Хами маршрут пролегал через Мулэй. Справа от него тянулся горный хребет с высотами 2500–3000 м, слева — пески Джунгарской Гоби. В районе Хами слева виднелись очертания двух снежных вершин высотой 4267 и 4925 м, справа расстилалась Гобийская пустыня. От Хами на северо-восток дорога сворачивала на перевал Баркель (высота 2765 м). Гора высотой 4925 м сверкала своей снежной вершиной. В летнее время в ясную погоду к 12 часам над ней повисало мощное кучевое облако, которое служило своего рода ориентиром аэродрома Хами.

Первую посадку с ночевкой мы сделали в Аньси. На аэродроме нас встретил губернатор уезда со своей свитой и переводчиком, который до-

▲ Пустыня Гоби

▲ Луганец-Орельский И.Т.

вольно сносно говорил по-русски.

Маршрут от Хами до Аньси проходил вдоль грунтовой дороги, которая в песках Гоби едва просматривалась с воздуха.

Аэродром Аньси находился южнее города и реки Шулэхэ. В то время на аэродроме стояло только одно здание барачного типа. Летное поле — утрамбованный песок, без каких-либо знаков, ограничивающих его периметры, ни посадочных знаков, ни ветроуказателя. По всему полю бродили дикие козы.

Южнее аэродрома с запада на восток тянулся горный хребет Алтынтаг и далее на восток хребет Паньнань с отдельными вершинами высотой 5400, 6209, 6346 м.

От Аньси до Сучжоу летный маршрут также проходил вдоль грунто-

вой дороги. В жаркие дни в этом районе часто можно было наблюдать миражи в виде больших озер или населенных пунктов. Иногда в стороне от маршрута виднелся самолет, следующий, параллельным курсом.

При подходе к Сучжоу слева по маршруту видно было начало Великой китайской стены, которая тянулась до Ланьчжоу, иногда теряясь в долинах.

На аэродроме Аньси не хватало помещений для размещения нашей группы (около 25 человек вместе с экипажами), поэтому губернатор уезда предложил на ночь поехать в город, до которого было примерно 6–8 км. Никаких средств передвижения на аэродроме в то время не оказалось, и нам предоставили лошадей — тощих кляч без седел,

с одной уздечкой. Многим из нас верхом не приходилось ездить, поэтому немудрено, что по прибытии в город некоторые товарищи чувствовали себя не важно.

Наконец мы добрались до отведенного для нас помещения. Губернатор уезда устроил для всего личного состава ужин. На этом торжестве всем вилок не досталось и некоторым пришлось осваивать китайские палочки. Ко всеобщему изумлению, мой командир Е. Н. Ломакин овладел ими довольно быстро.

На ночлег нас устроили в глинобитном помещении. Несколько одеял положили на нары, а другими укрыли сверху. Ночью держалась минусовая температура, и единственным спасением был таз с горячими углями. На какое-то время стало немного теплее. Так мы провели первую ночь за рубежом нашей Родины.

На следующий день мы прибыли на аэродром. Подготовили самолеты, заправили горючим и вылетели в Сучжоу. На месте остались Глазырин (начальник авиабазы), а также радист и метеоролог. После короткой остановки прилетели в Ланьчжоу (Увэй). Здесь нас встречали представители местного провинциального начальства и жена Чан Кайши — мадам Сун Мэйлин, которая в то время являлась председателем китайского авиационного комитета. Правительством был устроен прием, провозглашались тосты в честь советско-китайского сотрудничества.

Наутро мы стали готовиться к обратному вылету в Алма-Ату. Надо сказать, никаких заправочных средств на аэродроме не было. Заправка горючим выполнялась вручную: один человек стоял на крыле самолета, а второй подавал ему с земли 20-килограммовую банку с бензином. Такая заправка продолжалась около часа, а иногда и дольше. |

После заправки самолеты были поставлены в один ряд моторами к зданию (против солнца для прогревания). На скамейках около здания сидело местное китайское начальство и наблюдало, как мы готовили самолеты к вылету.

Затем наступил момент запуска моторов. Моторы воздушного охла-

ждения на самолетах ДБ-ЗА запускались при помощи сжатого воздуха. Однако он был использован на предыдущих запусках, а зарядить баллоны на промежуточных аэродромах не было возможности. Все четыре мотора пришлось запускать вручную, цепочкой, как обычно это делалось на самолетах У-2. На заправку и запуск моторов ушло примерно 2 часа.

Такое обслуживание наших самолетов на аэродромах авиатрассы Алма-Ата — Ланьчжоу продолжалось до тех пор, пока на трассу не были доставлены средства заправки и запуска в виде стартеров и баллонов со сжатым воздухом.

Однажды нашему экипажу поручили срочное и ответственное задание — доставить из Алма-Аты в Ланьчжоу советского посла в Китае И. Т. Луганец-Орельского. Для пассажирских перевозок самолеты этого типа не приспособлены. Посол оказался человеком богатырского те-

лосложения, и мы с трудом поместили его в кабину вместе с радистом. К тому же дело было зимой. В Алма-Ате температура понизилась до минус 30°. Опасаясь за здоровье посла, мы предложили ему летный комбинезон, унты, а также утеплили кабину чехлами. И хотя полет продолжался без посадки около десяти часов, наш посол был доставлен вовремя и без приключений.

Аэродромы на трассе Алма-Ата — Ланьчжоу, как правило, создавались на месте бывших кладбищ, без искусственных взлетно-посадочных полос. Даже бывали случаи, когда могилы проваливались. Например, такой случай произошел на аэродроме Ланьчжоу. При рулении самолет летчика Ф. М. Коршунова провалился в могилу правым колесом. Некоторые аэродромы были огорожены невысокими каменными заборами для защиты от грязевых потоков с гор. На летном поле обыч-

но лежало много камней, и почти ежедневно командование мобилизовало местное население на расчистку аэродромов. Однако камни все равно оставались. Поэтому каждый раз летчиков предупреждали, чтобы при взлете или посадке проявляли предельную осмотрительность.

С местными жителями, которые работали по расчистке аэродромов, гомиьндановские солдаты обращались очень грубо, часто били их палками или прикладами. Защитить их от всех издевательств мы не могли, но по возможности старались как-то облегчить их участь.

Во время работы в Китае с сентября 1937 по июнь 1938 г. я выполнял полеты не только на самолете ДБ-ЗА с командиром Е. Н. Ломакиным, но и на других воздушных кораблях — СБ, ПС-9, ПС-5. На самолете СБ я неоднократно лидировал группы в десять-двенадцать истребителей И-15 и И-16. Моими

▲ Советские летчики в Китае

▲ Бомбардировщик ДБ-3

командирами были такие выдающиеся летчики, как А. Шорохов и А. А. Скворцов. Их техника пилотирования была безупречной, они всегда принимали смелые решения, могли летать в любых условиях. Доброго слова заслуживают и техники этих самолетов А. З. Сорокин и В. Д. Землянский, которые своим неутомимым трудом поддерживали машины в боевой готовности. Не было ни одного случая, чтобы их самолеты были неисправны.

Лидирование самолетов И-15 и И-16 происходило следующим образом: сначала шел на взлет самолет-лидер, который совершал полет по кругу, затем поодиночке взлетали истребители, пристраиваясь к самолету-лидеру, и следовали по маршруту до аэродрома посадки звеньями или парами. Экипаж лидера во время полета должен был внимательно наблюдать за ведомыми: не отстал ли кто-нибудь.

За время лидирования у нас был только один случай, когда из-за неисправности мотора И-16 произвел вынужденную посадку в районе Муля, примерно 70 км восточнее Гу-

чэна. В ту же ночь мы нашли нашего летчика (при посадке он получил травму головы) и привезли его в Гучэн. Самолет, потерпевший аварию, был оставлен на месте до прибытия ремонтной бригады.

На отдельных аэродромах самолеты при посадке «капотировали», т.е. принимали вертикальное положение, мотором вверх. Летчики при этом, как правило, отделялись легкими ушибами, но на самолетах оказывались погнуты винты, повреждены капоты моторов и хвостовое оперение. Как правило, эти самолеты быстро восстанавливались.

При подходе к аэродрому лидер распускал строй, самолеты-истребители разворачивались в круг и производили посадку поодиночке. Лидер садился последним. Затем командир ведущего самолета делал разбор полета и давал указание летчикам-истребителям на следующий этап маршрута.

Лидировать приходилось не только наших летчиков-волонтеров, но и китайских летчиков, а также смешанные группы наших и китайских летчиков.

Однажды в первой половине 1938 г. экипажу ПС-9 (командир корабля Ф. М. Коршунов, бортмеханик Котов, штурман П. Т. Собин) было поручено доставить из Алма-Аты в Ланьчжоу сотрудников нашего посольства в Китае, жену посла Луганец-Орельского, двух жен секретарей посольства и консула Назарова. Из-за плохой погоды (пыльные бури, низкая облачность, минимальная видимость) полет длился около десяти дней. Никаких сведений о погоде на трассе мы не получали заранее, радио отсутствовало, поэтому решение принимал командир корабля вместе со штурманом.

Пыльная буря задержала нас на аэродроме Сучжоу на трое суток. Консул Назаров торопил нас, но погода не позволяла вылет. На четвертый день буря стихла, и мы наконец вылетели в Увэй (Ланьчжоу). Была безветренная погода и сильная дымка. Самолет набрал высоту примерно 2 тыс. м. Ярко светило солнце, но земля почти не просматривалась. Снежные горы, высота которых была более 6000 м, были как на ладони. Однако при подходе к пункту Шань-

дань опустилась низкая облачность, и мы были вынуждены вернуться в Сучжоу. Только на следующий день удалось добраться до Ланьчжоу, где нас встретили сотрудники советского посольства.

С летчиком Ф. М. Коршуновым я неоднократно выполнял ответственные полеты: в начале 1938 г. на самолете ПС-9, а во второй половине 1938 и первой половине 1939 г. на самолете ДС-3 в качестве его штурмана. Это был исключительно одаренный пилот. На родине он вел большую работу как депутат Верховного Совета Казахской ССР. С ним летал борттехник Котов, которого он любовно называл «Котик». Впоследствии Котов сдал экзамен на летчика. Меня же Коршунов называл «Петрович». Это прозвище так пристало ко мне, что вся авиатрасса знала меня как «Петровича».

Ф. М. Коршунов был не только первоклассным пилотом, но и отличным музыкантом, неутомимым юмористом-рассказчиком. Он играл на многих музыкальных инструментах. На борту его самолета пос-

тоянно находился баян. Я помню, как на одном из вечеров во время празднования 21-й годовщины Октября в Урумчи он давал концерт для наших специалистов, демонстрировал виртуозную игру на баялалке.

На всех авиабазах, где мы оставались на ночлег, Коршунов обязательно играл на баяне. Начальники авиабаз старались изо всех сил, чтобы подольше задержать его. Без преувеличения можно сказать, что он был любимцем авиатрассы.

Летал он с особым удовольствием, я бы сказал, с наслаждением. Воздух был его стихией. Я неоднократно встречался с ним после Великой Отечественной войны, он был шеф-пилотом К. Е. Ворошилова, хорошо знал его семью, когда он еще жил в Алма-Ате, а затем в Москве. К сожалению, его нет сейчас среди нас: он скончался несколько лет тому назад.

В 1938 г. на авиатрассе появился еще один самолет ДС-3, на котором совершал полеты В. С. Лебедев с борттехником Кофановым. На ави-

атрассе грузо-пассажирские перевозки выполняли также самолеты ТБ-3 (летчики Самохин, Угрюмов, Коваль и др.; Коваль в 1938 г. погиб), а также самолеты П-5 (переделанные из самолетов Р-5), на которых работали летчики Вьюрков, А. Власов, а позднее Чайковский. Их экипажи осуществляли перевозку пассажиров и наших волонтеров из Алма-Аты в Ланьчжоу и обратно.

На авиатрассе часто случались пыльные бури. Скорость ветра достигала 150–170 км/ч. Однажды во время такой бури на аэродроме Урумчи был сорван со стопоров самолет П-5. Он сделал в воздухе «мертвую петлю», отлетел от места стоянки при мерно на 20–30 м и приземлился на три точки, поломав шасси и частично консоли крыльев. А на одном из зданий сильный ураган «снял» крышу и перенес ее в сторону метров на двадцать.

Во время одной из бурь Коршунов решил определить скорость ветра. Он зашел в кабину своего самолета ДС-3, снял чехол с трубки Питэ. Скорость ветра по прибору была 150 км/ч. Эта песчаная буря продолжалась непре-

▲ Песчаная буря

▲ Польшин Ф.П.

ровно около трех суток. После таких бурь, как правило, объявлялись авралы по очистке самолетов от песка и пыли. Пыль проникала во все щели самолетов, во все помещения, где жил личный состав. От нее никак нельзя было избавиться. В столовой пища хрустела на зубах.

Примерно в феврале 1938 г. я получил задание от заместителя начальника штаба ВВС Красной Армии генерала Алексева, который также работал в Китае, приступить к описанию авиатрассы Алма-Ата — Ланьчжоу. С энтузиазмом принялся я за подготовку этого важного и нужного документа. Во время полетов я стал детально изучать отдельные участки авиатрассы, делать зарисовки отдельных характеристик линейных и точечных ориентиров. Я получил в свое распоряжение два фотоаппарата для плановой и перспективной аэрофотосъемки, фотографирования отдельных объектов и ориентиров. Всю документацию

▲ Тхор Г.И.

по описанию авиатрассы по прибытии в СССР я сдал в генштаб. В июне 1938 г. я был отозван на Родину.

Перед отъездом в Москву на аэродром Алма-Ата прибыла эскадрилья ДБ-3А из Запорожья, в которой я начинал свою службу в авиации.

В этой эскадрилье были штурманы и летчики, с которыми я был хорошо знаком, в частности командир корабля летчик Зобов (с ним я летал в одном экипаже в 1934 г.), командиры кораблей Уваров, Панков, штурман Катиков и другие. Командование авиабазы в Алма-Ате поручило мне ознакомить эту эскадрилью с авиатрассой, особенностями ориентировки в условиях горной и безориентирной местности, характеристикой аэродромов на трассе, особенностями метеоусловий. Я старался передать бывшим однополчанам весь накопленный мною опыт.

В конце июня 1938 г. по прибытии в Москву я отчитался о своей работе в Китае. Перед отъездом

в Воронеж я получил задание главного штаба ВВС подготовить для полета в Китай новую эскадрилью ДБ-3А. Командиром эскадрильи был летчик Козлов, штурманом — Шевченко, мой однокашник, с которым я учился в Ейске в 1934–1935 гг. Эта эскадрилья прибыла в Москву из воронежской авиабригады, где я служил штурманом в 1935–1937 гг.

В эскадрилье я знал многих летчиков и штурманов, в частности командира корабля Володина, штурманов А. Астахова, Н. А. Алексева. В период Великой Отечественной войны он получил звание Героя Советского Союза.

Примерно около месяца я готовил эту эскадрилью в Москве к перелету в Алма-Ату и далее по авиатрассе. Готовность эскадрильи к выполнению боевого задания проверял главный штурман ВВС Красной Армии комбриг А. В. Беляков, который отметил хорошую выучку личного состава.

После отпуска, в августе 1938 г. я снова был вызван в Москву. На этот раз я получил задание отправиться в Китай уже в качестве штурмана авиатрассы. Начальником авиатрассы был назначен полковник Ф.П. Польшин, инженером — З. А. Иоффе, комиссаром — И. Д. Ветлужинский. Судьба снова свела меня с Ф. М. Коршуновым, который к этому времени получил самолет ДС-3.

Второй раз из Москвы до Алма-Аты я добирался уже поездом. Вместе со мной в одном купе ехали в Китай Ф. Ф. Жеребченко, назначенный командиром истребительной авиагруппы в Ланьчжоу, и Яков Зелинский, назначенный комиссаром группы волонтеров-истребителей. В дороге я кратко познакомил их с обстановкой и условиями работы в Китае.

Во второй половине 1938 и в 1939 г. основная работа по пе-

регонке самолетов выполнялась с аэродрома Хами, где была организована сборка истребителей для дальнейшего следования в Ланьчжоу и дальше на фронт.

Наряду с обучением летного состава для полетов по авиатрассе я снова включился в работу по лидированию самолетов до Ланьчжоу и выполнению спецзаданий с отдельными командирами кораблей. Летать приходилось часто, за неполные два года в Китае я налетал более 600 часов.

...После пыльной бури в Хами, которая продолжалась около трех суток, весь летный и технический состав самолетов, находившийся в это время на аэродроме, был мобилизован на очистку самолетов от песка и пыли. Казалось, после такой чистки в самолетах не осталось ни одной пылинки. Но это было не так. Мы с Федором Петровичем Польшиним собрались

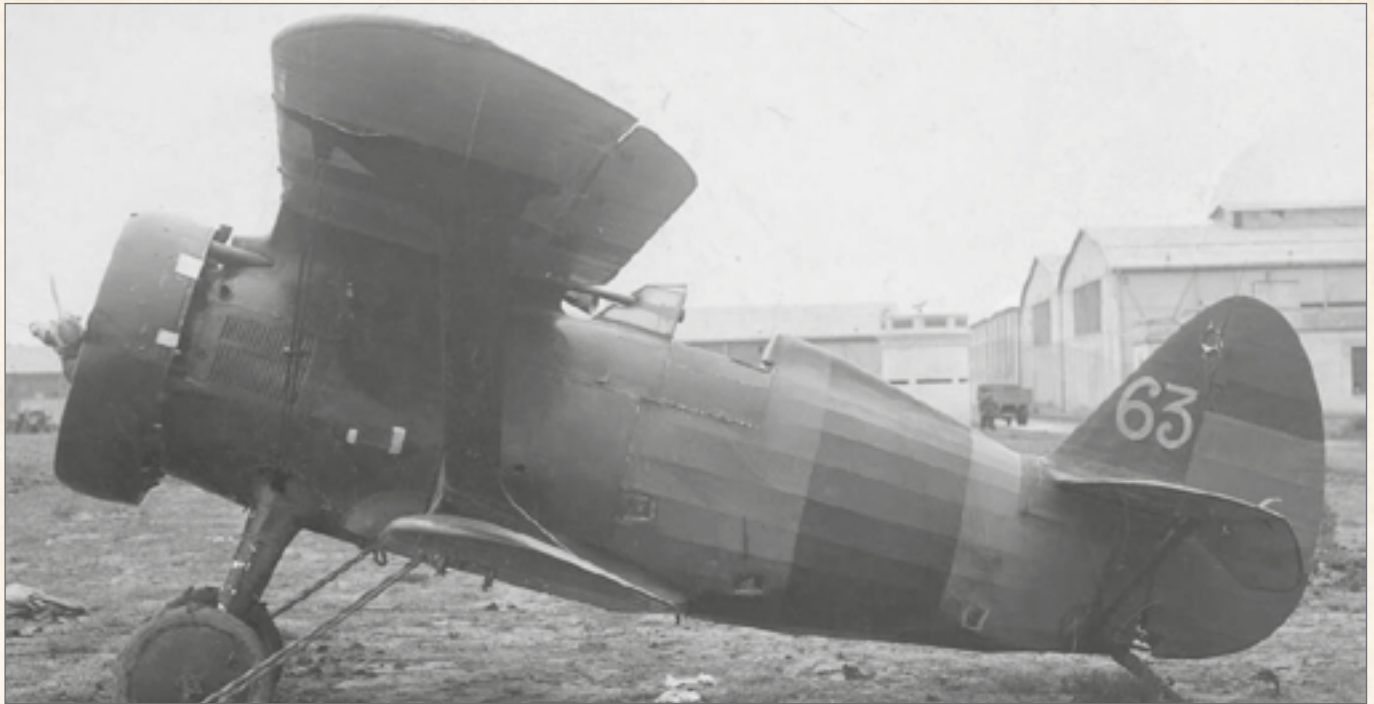
лететь в Ланьчжоу на самолете СБ. В момент взлета я почувствовал, что самолет набрал необходимую скорость, оторвался от земли и вдруг начал снижаться, а затем резко взмыл в воздух. После полета я подошел к командиру и спросил, что случилось на взлете. Федор Петрович сказал, что он взлетел без очков и ему засыпало глаза песком. Он резко принял ручку на себя и этим спас корабль и экипаж от неминуемой аварии, а может быть, и катастрофы. Этот случай послужил нам уроком: нельзя было взлетать без очков, о чем мы предупреждали весь летный состав.

Хочется отметить незаурядные летные качества командира корабля ДБ-3А Е. Н. Ломакина, с которым до командировки я служил в одной эскадрилье в воронежской авиабригаде. Тогда он был командиром звена самолетов ДБ-3А. Я налетал

▲ Сухов И.С. второй слева

▲ Истребитель И-15

с ним в Китае около 500 часов. Ломакин был хорошим летчиком, ориентировался в воздухе не хуже любого штурмана.

В 1939–1940 гг. Е. Н. Ломакин участвовал в войне против белофиннов. С 1940 по 1949 г. он был летчиком-испытателем на одном из авиационных заводов, где испытывал ИЛ-2, ТУ-2, МИГ-15 и другие типы самолетов. За боевые заслуги и работу летчиком-испытателем он награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

Я вспоминаю и командира корабля ДБ-ЗА Дмитрия Георгиевича Чекалина. Он, также как и Е. Н. Ломакин, служил со мной в одной эскадрилье. Волевой и требовательный, после командировки в Китай он стал командиром эскадрильи, а во время боев с белофиннами был назначен командиром авиационного полка. Участвовал в Великой Отечественной войне. После войны стал летчиком-испытателем вместе с Е. Н. Ломакиным. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

В Ланьчжоу была создана группа истребителей, командовал которой Ф. Ф. Жеребченко. Задачей этой авиагруппы была охрана аэродрома Ланьчжоу от налетов японской авиации. Во второй половине 1938 — первой половине 1939 г. японцы несколько раз совершали налеты на Ланьчжоу, но большого урона они не нанесли, так как группа Ф. Ф. Жеребченко встречала их на подходе к аэродрому и частично сбивала.

Японские бомбардировщики, видя безнаказанность, выполняли налеты без сопровождения истребителей и тем самым облегчали действия наших летчиков. Противовоздушная оборона в то время состояла из одного малокалиберного орудия и практически не оказывала помощи нашим истребителям.

В свободное время летный состав группы Ф. Ф. Жеребченко занимался боевой подготовкой и изучением китайского разговорного языка. Помню летчика Ионова, который примерно за год прилично освоил китайский язык и мог объясняться с китайским персоналом. Были и другие летчики из этой группы, которые также овладевали китайским языком.

На трассе одновременно со мной работали такие замечательные штурманы, как Н. Н. Ищенко, который одно время был флаг-штурманом воронежской авиабригады, Н. А. Алексеев, штурман самолета ДБ-ЗА из воронежской авиабригады, во время Великой Отечественной войны он получил звание Героя Советского Союза, И. С. Сухов — штурман Т. Т. Хрюкина. За выполнение боевых заданий в Китае он получил звание Героя Советского Союза. С ним вместе я учился в Ейске в 1934–1935 гг.

В июне 1939 г. мы вернулись из Китая одновременно с Г. И. Тхором и получили награды из рук Михаила Ивановича Калинина; Г. И. Тхор — орден Ленина и орден Красного Знамени, а я — орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Во время вручения наград мы сидели с ним рядом. Он спросил меня: «Ну как, волнуешься?» — «Конечно, волнуюсь, — ответил я. — А вы?» — «Да, я тоже волнуюсь-сказал Тхор, — хотя получаю награды не в первый раз». ■

В.П. МАРЧЕНКО

ВАТИКАН И РАЗВЕДКА

▲ Ватикан

Понимая под разведывательной службой государственное специализированное ведомство, предназначенное для организации и практического осуществления разведывательной деятельности, мы сразу должны сказать, что наступление эпохи Великих географических открытий Ватикан встретил, такой службы не имея. Да и в XVI-XVII столетиях такая служба создана не была.

Конечно, главная причина заключалась совсем не в том, что создание разведывательной службы требовало существенных административно-организационных, кадровых и финансовых затрат. Главная причина была в другом. В ту пору, в XVI-XVII века,

Риму нужен был не инструмент, каковым в руках каждого монарха являлась разведывательная служба, а уже готовый результат его применения, то есть разведывательные сведения по всем интересующим Рим вопросам. Разведывательные сведения нужны были прямо сейчас, или, как иногда говорят, еще вчера. Создавать инструмент и налаживать его работу было уже поздно, да и некогда. Не до того в то время было Ватикану. Эпоха Великих географических открытий мчалась по планете с огромной скоростью, можно было не успеть, можно было оказаться на обочине. Но если разведывательную службу не создавать, то ка-

ким образом можно было устроить регулярное и своевременное поступление разведывательных сведений? Это была задача из задач, труднейшая из труднейших. И, надо сказать, Ватикан эту задачу решил, причем весьма и весьма успешно, несмотря на организационные трудности, длительные временные паузы между отдельными этапами, проблемы внутреннего и внешнего порядка, угрозы самому существованию Римской католической церкви.

По нашему мнению, Ватикану удалось в XVI — первой трети XVII века создать в своем роде уникальную, иначе не скажешь, «Систему» разведывательного обеспечения

реализации своих геополитических интересов. Подобной системой не обладало ни одно европейское государство, и ни одно европейское государство не могло даже сравниться с Ватиканом по тематике, объемам и географии поступающих разведывательных сведений, по глубине проработки вопросов. В отсутствие специализированного разведывательного ведомства информационные разведывательные ручейки, потоки и реки связали Рим с теми странами и территориями, которые входили в его сферу текущих и долгосрочных интересов, то есть со всем миром, с его уже вновь открытыми и еще даже не открытыми территориями. Разведывательные сведения стали поступать отовсюду: из католических, православных, протестантских и исламских государств Европы; из стран Востока — Индии и Персии, Сирии и Китая, далекой Японии; из стран и территорий Центральной и Юго-Восточной Азии, Африки, Южной и Северной Америки. Эти сведения шли в Рим через пышущие жа-

ром и безводные пустыни, по узким и неверным тропам преодолевали высокие и страшные горы, их поднимало к небу и бросало в бездну огромными бушующими волнами трех океанов, они пробирались через территории, где велись военные действия или хозяйничали беспощадные разбойники. Конечно, в таких условиях какие-то сведения и не доходили, но, тем не менее, «Система» была создана и она работала.

Это была многоуровневая и многофункциональная система, позволявшая Риму знать все обо всем и отовсюду, без излишних затрат времени и средств (дополнительное время и средства расходовались на дальнюю и трудную доставку сведений) контролировать развитие обстановки в мире и решать целый комплекс задач, вытекавших из геополитических интересов Ватикана, в том числе:

- выявление, изучение и по возможности нейтрализация внешних угроз папам Римским,

Римской католической церкви и Папской области, исходивших от каких-либо государств;

- обеспечение пап Римских и курии достаточными информационными основаниями для формирования выгодного Ватикану политического курса и принятия политических решений по отношению к государствам и Церквам, а также корректировки (в случае необходимости) геополитических интересов;
- разведывательное проникновение в интересующие Ватикан государства, близкие и далекие заморские территории, Церкви, создание условий для экономического и политического проникновения. Образование и использование т.н. «опорных пунктов»;
- сбор разноплановой разведывательной информации в отношении интересующих Ватикан государств, территорий, Церквей и лиц;

▲ Инквизиция

▲ Павел V

▲ Лев X

- создание условий для организации и осуществления подрывных акций в отношении тех или иных государств, Церквей, лиц;
- подготовка и осуществление подрывных акций в отношении тех или иных государств, Церквей и лиц, включая войны, военно-политические конфликты, заговоры и государственные перевороты, оказание политического давления на неудобных монархов и глав Церквей; а также распространение католицизма на канонических территориях других Церквей, в том числе путем направления миссий и эmissаров, печатания и распространения католической, униатской и полемической литературы, приобретения и использования агентуры влияния и др.

Подробнее об этих задачах и деятельности «Системы» по их решению мы поговорим в последующих главах.

На самой вершине «Системы» находился папа Римский, руководитель и организатор разведывательной деятельности Ватикана, заказчик разведывательной информации и ее главный пользователь (потребитель). Именно папа Римский, как монарх государства Папская область и глава Римской католической церкви, определял геополитические интересы Ватикана. Интересы, которые концентрировались в церковно-религиозной и светской сферах. На их основе формировались стратегические и тактические цели и задачи разведывательной деятельности, определялись потребности Ватикана в разведывательной информации. В то время папа Римский являлся самым непосредственным участником разведывательного процесса.

На одну ступень ниже стоял глава папского правительства — курии, государственный секретарь Ватикана. Собственно говоря, такое название этой должности появилось позже, в понтификат папы Павла V (1605-

1621). Непосредственным предшественником государственного секретаря являлся Ближайший или Великий секретарь (*sekretarius intimus*, или *major*), введенный папой Львом X (1513-1521). А еще до него коллегия апостолических секретарей, образованную в 1487 году папой Иннокентием VIII (1484-1492), возглавлял т.н. Домашний секретарь (*sekretarius domesticus*). Но как бы государственный секретарь ни назывался, именно через его руки проходили все архивные, важные и менее важные документы, поступавшие в Ватикан со всех концов света, и затем, после анализа и оценки, докладывались с конкретными предложениями папе Римскому. Решения понтифика облекались в соответствующую нужную форму и по открытым или закрытым (тайным) каналам усилиями государственного секретаря доводились до заинтересованных лиц, от чужеземных монархов и церковно-религиозных деятелей до рядовых исполнителей, принимались необходимые

меры по обеспечению выполнения принятых решений.

Рассматриваемая нами «Система» отразила все те кардинальные организационно-штатные изменения в структуре курии и деятельности Ватикана, которые произошли или были произведены после наступления эпохи Великих географических открытий, и прямо связаны с ее политическими, экономическими и религиозными последствиями.

21 июля 1542 года папа Павел III (1534-1549) буллой «Licet ab initio» образовал Комиссию кардиналов для осуществления контроля за чистотой католического вероучения. Папа Сикст V своей апостольской конституцией «Immensa Aeterni Dei» от 22 января 1588 года на базе этой Комиссии создал в составе курии конгрегацию «Святой римской и вселенской инквизиции». (С 1983 года она носит название «Конгрегация Доктрины Веры»). Заметим, что инквизиция была создана еще в январе 1231 года папой Григорием IX

(1227-1241), и исполнение ее задач тогда же было поручено Ордену доминиканцев. Но в первые десятилетия XVI века масштабы борьбы с ересями стали намного шире, Реформация распространялась по Европе и наносила удар за ударом по Римской католической церкви, по могуществу и престижу Ватикана. Доминиканцы явно не справлялись с порученным им делом, нужно было создавать специализированное ведомство, которое занималось бы борьбой с ересями не от случая к случаю, а на постоянной и профессиональной основе и во вселенских масштабах. И такое ведомство, как мы видим, было создано, также как и подведомственные ему суды (трибуналы).

С целью кардинального повышения эффективности борьбы с распространением книг, не отвечающих требованиям Римской католической церкви (т.е. ереси), по указанию папы Павла IV в 1559 году был опубликован папский список («Индекс»)

запрещенных Церковью книг («Index librorum prohibitorum»). В «Индексе», в частности, говорилось: «Всем верующим христианам, какого бы они звания и состояния ни были и где бы ни обитали, мы повелеваем, под угрозой подозрения в ереси, лишения всех достоинств, должностей и бенефиций, какими они обладают, и под угрозой всегдашней неправоиспособности приобретать эти и другие должности и бенефиции..., а также под угрозой вечного позора и иных наказаний: чтобы впредь никто не осмеливался писать, издавать, печатать или позволять печатание, продавать или под каким-нибудь предлогом явно или тайно давать, принимать, или как-либо сберегать или допускать сбережение хоть какой-либо одной из книг или сочинений, которые отмечены в этом индексе священного суда, или какие-либо другие сочинения, о которых известно, что они составлены еретиком или запятнаны каким-либо лжеучением. Кто не послушается

▲ Павел III

▲ Сикст V

этого приглашения...». Далее следовал перечень наказаний, который мы опускаем. (В 1883 году Боннский профессор Генрих Рейш (Reusch) издал труд «Der Index der verbotenen Bücher, — ein Beitrag zur Kirchen und Literaturgeschichte. Erster Band. Bonn, 1883»). Этот труд был посвящен истории церковного законодательства в книгопечатании до конца XVI века. Российский историк А. П. Лебедев по материалам этого труда подготовил реферат, который был впервые опубликован в 1-ом томе журнала «Православное Обозрение» за 1885 год. Из этого реферата мы и взяли приведенную выше выдержку). Списки (каталоги) запрещенных книг время от времени издавались и ранее, в основном различными университетами и императорскими указами. Но эти издания не носили системного, всеобъемлющего характера, где-то они исполнялись, где-то нет. Рим очень желал положить конец распространению ереси, и вот в 1559 году и появился названный

выше «Индекс». А в 1571 году, чтобы обеспечить надзор за соблюдением и обновлением списка запрещенных книг, папа Пий V создал конгрегацию «Индекс». Черное покрывало религиозной цензуры накрыло большую часть Европы и некоторые территории других континентов.

На первый взгляд, обе образованные конгрегации не имеют к теме нашего рассказа никакого отношения. Это не так. В основе деятельности обеих конгрегаций была одна важная общая составная часть — поиск, который, в свою очередь, является составной частью профессиональной разведывательной деятельности; и чтобы названные выше конгрегации эффективно решали поставленные перед ними задачи, этой деятельностью нужно было заниматься настойчиво и профессионально. А в поисковые сети могли попасть и попадали не только еретики и еретические книги, но и агенты разведывательных служб враждебных Риму государств, как, например, агент английской раз-

ведки «Фагот», которого мы знаем как Джордано Бруно.

2 августа 1564 года папа Пий IV апостольской конституцией *Alias Nos* учредил Священную Конгрегацию по исполнению и интерпретации Тридентского собора (лат. *Congregatio pro executione et interpretatione concilii Tridenti*), на которую возлагалась обязанность осуществления контроля за исполнением дисциплинарных декретов Тридентского собора. 22 января 1588 года папа Сикст V апостольской конституцией *Immensa Aeterni Dei* расширил функции конгрегации и обязал осуществлять контроль за провинциальными соборами. Фактически это означало установление более действенного контроля за деятельностью католического духовенства. В этот же день папа Сикст V учредил Священную Конгрегацию обрядов, которая была предназначена для совершенствования и осуществления процедуры канонизации и беатификации.

▲ Святая римская инквизиция

В 1566 году папа Пий V (1566-1572) образовал секретную службу под названием «Священный Альянс» (La Santa Alianza), основным предназначением которой являлся поиск и физическое устранение опасных врагов Рима. Можно сказать, что «Священный Альянс» в определенной степени осуществлял и разведывательную работу в других странах. Испанский историк Эрик Фраттини посвятил ей свою книгу «Священный Альянс. Палачи и шпионы Ватикана».

22 июня 1622 года папа Григорий XV (1621-1623) буллой «Inscrutabili divinae providentiae» образовал конгрегацию «Пропаганда Веры» (Propaganda Fide), которой подчинил образованную еще в 1573 году папой Григорием XIII (1572-1585) конгрегацию по делам Восточных Церквей (Congregatio pro Ecclesiis Orientalibus). Инициатива создания конгрегации «Пропаганда Веры» принадлежала, вероятно, его племяннику, кардиналу Людовико Лудовизи (1595-1632), являвшемуся в 1621-1623 годах государственным секретарем Ватикана. Это специализированное ведомство в составе курии было призвано активно и всеми силами распространять католичество везде, где это было нужно Римской католической церкви. В задачи конгрегации входило не только издание нужных религиозных книг, проведение богословских диспутов, образование школ и других учебных заведений, миссионерская деятельность, обращение заблудших овец в католичество и т. п. В эти задачи входила и бескомпромиссная борьба, явная и тайная, с противниками Римской католической церкви, с другими Церквями и даже государствами, на территории которых эти Церкви действуют. Историк А. М. Иванцов-Платонов писал, что конгрегация «Пропаганда Веры» состояла из нескольких отделений, «в которых предположено готовить миссионеров для распространения христианства (католического) во всех странах света». В этой конгрегации «обращено было большое внимание на приготовление миссионеров к распространению латинства между восточными христианами, как

▲ Урбан VIII

православными, так и принадлежащими к различным сектам — между несторианами, армянами, маронитами...». Ватикан возлагал на конгрегацию большие надежды. В инструкции папскому нунцию в Польше Джованни Баттиста Ланчеллотти от 14 декабря 1622 года его внимание обращалось на то, что только что образованная конгрегация мало-помалу начинает свою деятельность, со временем ее возможности возрастут и она «сможет совершить великие дела в каждой части мира». («... będzie mogła dokonać wielkie dzieła w każdej części świata»). 1 августа 1627 года папа Урбан VIII (1623-1644) буллой «Immortalis dei Filius» основал «Урбанианскую коллегию по распространению веры» (Collegium Urbanianum de propaganda fide), предназначенную для подготовки священников-миссионеров, и подчинил ее конгрегации «Пропаганда Веры». Много позднее, 1 октября 1962 года, папа Иоанн XXIII (1958-1963) преобразовал «Урбанианскую коллегию по распространению веры» в Папский Урбанианский университет.

Конгрегация «Пропаганда Веры» являлась настоящим штабом, мозго-

вым центром, который планировал, готовил и осуществлял мероприятия по разведывательному проникновению и внедрению своих эмиссаров в Московское государство и Русскую православную церковь. В последующих главах мы расскажем о миссиях Георгия Крижанича при дворе царя Алексея Михайловича; о Паисии Лигариде, его участии в деле патриарха Никона и попытке занять патриарший престол в Москве; о Якове Рейтенфельсе и его предложениях конгрегации «Пропаганда Веры» по проникновению в Московию; о Сильвестре Медведеве; о деятельности в Москве католических миссионеров на рубеже XVII — XVIII столетий и о других весьма интересных исторических персонажах.

Префекты и секретари конгрегации «Пропаганда Веры» играли ключевую роль в практической деятельности конгрегации, со многими из них мы не раз встретимся в нашем рассказе.

Весьма немаловажным структурным элементом «Системы» являлся образованный в 1612 году Ватиканский секретный архив, торжественно отметивший в 2012 году свое 400-летие. Его значение и важность перео-

ценить нельзя. Мы знаем, каким исключительно напряженным явился XVI век с его Великими географическими открытиями и кардинальными изменениями на политических картах Европы и мира, Реформацией и Контрреформацией, войнами и конфликтами, расширением поля деятельности Римской католической церкви до планетарных масштабов. Этот век обрушил на Ватикан такой огромный поток информации, прежде всего секретной разведывательной, что для работы с ней, для ее эффективного использования потребовалось создать специализированное ведомство.

Историк Шмурло Е. Ф., посвятивший Ватиканскому архиву свой научный труд, писал: «...До 1475 г. Архив (собрание деловых правительственных бумаг) и Библиотека (рукописи, а позже и печатные книги литературного, богословского и научного содержания) существовали нераздельно. С Сикста IV (1471-1484. Прим.

М. В.) первое выделено из второго. За Архивом упрочивается название *biblioteca secreta*, за Библиотекою — *biblioteca publica*...». (Отметим, что Библиотека Ватикана была образована папой Николаем V в 1450 году). Но к тому времени кроме Ватиканского архива существовал еще ряд архивов, где хранились Ватиканские документы (архив Замка Св. Ангела, Авиньонский архив, Латеранский, частные архивы-библиотеки и др.). И папа Пий IV (1559-1565) принял решение соединить все архивы в один, Ватиканский, для которого началось сооружение соответствующего помещения. Последующим папам Римским не удалось завершить начатую работу, и только при папе Павле V Ватиканский архив въехал в новое помещение. Шмурло Е. Ф. называет Павла V «истинным основателем Архива». Самым первым префектом Ватиканского секретного архива (*Custodi e prefetti*) являлся Микеле Лониго (27.10.1610-

25.07.1617), в последующем этот важнейший пост занимали Балдасар Ансидей, Николо Алеманни, Феличе Контелори и другие. Первые префекты и их преемники (безусловно, под руководством пап Римских и курии) создали очень важный структурный элемент «Системы», позволивший Ватикану успешно пользоваться плодами разведывательной деятельности.

В Ватиканском секретном архиве концентрировались не только документы, отражающие деятельность Римских пап, курии и Римской католической церкви в целом. Сюда поступали и документы о политической и экономической обстановке в странах Европы и мира, о географических открытиях и богатствах вновь открытых заморских территорий, о политическом и торговом проникновении в интересующие Ватикан страны и по многим другим вопросам. Ватиканский секретный архив по существу являлся подра-

▲ Иван IV Васильевич Грозный

▲ Сикст IV

зделением, которое хранило, накапливало, обобщало, совместно с заинтересованными сотрудниками курии анализировало и оценивало поступающие разведывательные сведения, готовило необходимые предложения. Примечательно, что в основе работы с документами уже тогда начал внедряться страноведческий принцип. В то время он (архив) фактически был и аналитическим центром, работа которого, бесспорно, дисциплинировала, придавала плановость и конкретность всей разведывательной деятельности Ватикана.

Мы уже говорили, что XVI век вызвал настоятельную потребность в дополнительных сведениях по всему интересующему Ватикан информационному спектру. В этом спектре соседствовали политика и религия, история, военное дело и торговля, экономика в широком смысле слова, география и картография, пути-дороги к неведомым землям, этнография проживающих там народов. И эти сведения должны были поступать в Ватикан не от случая к случаю, а постоянно. Вчера, сегодня, завтра и всегда. Соблюдение этого принципа информационного обеспечения позволяло Римским папам и курии опережать других монархов, как дружественных, так и нет, в оценке тех или иных событий и принятии решений. Это давало Ватикану неоспоримые преимущества.

Мы уже говорили, что XVI век вызвал настоятельную потребность в дополнительных сведениях по всему интересующему Ватикан информационному спектру. В этом спектре соседствовали политика и религия, история, военное дело и торговля, экономика в широком смысле слова, география и картография, пути-дороги к неведомым землям, этнография проживающих там народов. И эти сведения должны были поступать в Ватикан не от случая к случаю, а постоянно. Вчера, сегодня, завтра и всегда. Соблюдение этого принципа информационного обеспечения позволяло Римским папам и курии опережать других монар-

▲ Григорий XV

хов, как дружественных, так и нет, в оценке тех или иных событий и принятии решений. Это давало Ватикану неоспоримые преимущества.

Одновременно с внесением изменений в структуру, полномочия и функции папской курии, в том числе в полномочия и функции государственного секретаря Ватикана, заново выстраивались и настраивались дипломатические отношения с другими государствами; основой для новой настройки являлось то политическое и экономическое положение, какое стали занимать государства с началом эпохи Великих Географических открытий. Образно говоря, Рим стал выстраивать государства по ранжиру их значимости. Уже в мае 1504 года церемониймейстер папской капеллы Парис де Грассис из Болоньи составил «Порядок старшинства христианских королей и герцогов», который

впоследствии служил в качестве нормативного документа при решении спорных вопросов приоритета. В этом «Порядке» государства были расставлены в такой очередности:

«Император Цезарь; король римлян; король Франции; король Испании; король Арагонии; король Португалии; король Англии, в ссоре с тремя предыдущими; король Сицилии, в ссоре с королем Португалии; король Шотландии и король Венгрии, в ссоре между собой; король Наварры; король Кипра; король Богемии; король Польши; король Дании».[1] Далее следовал «Порядок» старшинства христианских герцогов, который мы опускаем.

Определились основные категории папских дипломатов: легат а latere (личный легат, или, как его еще называли, легат «от ребра Апостольского», таким легатом являлся Антонио Поссевино), легат и нун-

▲ Секретные архивы Ватикана

ций (в детализацию этих категорий мы не вдаемся). С самого начала XVI столетия Ватикан ввел в практику использование в интересующих его странах своих постоянных дипломатических представителей — нунциев вместе с аппаратом сотрудников, обеспечивавших их деятельность. Нунциям были предоставлены полномочия самостоятельно, без предварительного согласования с Ватиканом, решать на месте многие вопросы, как в области межгосударственных отношений, так и в области деятельности Римской католической церкви в стране пребывания нунция.

Русский историк Ф. Вержбовский, изучавший в Ватиканском секретном архиве материалы польской нунциатуры (*nunziatura di Polonia*), писал: «...В старину было обычным явлением в папской дипломатии, что дела тех стран, в которых не пребывал постоянный представитель Римской курии и даже временно не находился чрезвычайный посланник ее, подлежали ведению ближайшего по месту нунция или легата. Так как нунциатура в Польше была самым северным постом, то она официально в некотором отношении заведовала или руководила переговорами и сношениями курии с двумя соседними государствами — Швецией и Московским царством. Польские нунции, пребы-

вая обыкновенно при королевском дворе, оказывали содействие командированным папою посланникам в Стокгольм или Москву, давали им советы, отсылали в Рим полученные от них письма. Обыкновенно они посвящены были во все тайны переговоров и очень часто в своих донесениях в Рим упоминают о разных подробностях, бросающих свет на ту или другую сторону дела. Даже если с этими странами не было непосредственных сношений, папские нунции в Польше все-таки не упускали их из виду: докладывали в Рим то о замечательных в них событиях, то об их отношениях к Польше...».

В то время, помимо решения возложенных на них папой Римским и курией дипломатических и политических вопросов, нунции фактически возглавляли организацию и практическое осуществление разведывательной деятельности на закрепленной за ними территории. Вот наглядный пример. Уже упоминавшийся историк Ф. Вержбовский нашел в Ватиканском секретном архиве и изучил более 200 (!) донесений папского нунция в Польше Винченцо Лаурео, которые он направил государственному секретарю Ватикана Галлио Толомео, кардиналу Комскому. Нужно заметить, что эти 200 с лишним донесений были направ-

лены в Рим в течение не такого уж большого периода, в 1574-1578 годах. Конечно, не все из них разведывательные. Тем не менее, в них нашлось немало места самым разноплановым сведениям о Московском государстве. В частности, об Иване Грозном, его характере и поведении, планах, приверженцах русского царя в Польше и Литве, о возможных условиях избрания Ивана Грозного королем Польши, о действиях Винченцо Лаурео по склонению польского короля к войне с Московией и др.

Нужно еще раз сказать, что папские нунции и нунциатуры интересуют нас только в той мере, в какой они участвовали в разведывательной и подрывной деятельности против Московии и Русской православной церкви в XVI — XVII столетиях.

На общем фоне расширения и укрепления дипломатических связей Московии со Священной Римской империей германской нации, Англией, Голландией и некоторыми другими европейскими государствами, прямые дипломатические контакты между Москвой и Римом не приобрели сколь-либо долговременного и устойчивого характера. Их активизация в первые десятилетия XVI века сошла на нет к концу XVII столетия. По ряду причин Ватикан вместо прямых контактов перешел к использованию дипломатических возможностей других государств, что и предопределило некоторое снижение роли института папских легатов в «Системе» (применительно к Московии) и добывании разведывательных сведений о Московии, Русской православной церкви и Сибири. Несмотря на это, легаты остались полноправным элементом «Системы», и некоторые из них (Поло Чентурионе, Антонио Поссевино и др.) внесли определенный вклад в информационное (разведывательное) обеспечение политики папства на территории Московского государства. ■

В.А. МАЛЬЦЕВ

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «СТАЛИНИЗМ»

▲ Сталин и Ленин

В исторической действительности и исторической науке помимо черного жупела «сталинизма» существует понимание его как необычайно конструктивного и эффективного движения партии советских коммунистов под руководством И. В. Сталина по всестороннему преобразованию страны и выводу ее из вековой отсталости, превращению в мощное государство. Большинство историков признает, что сталинский период нашей стра-

ны был самым выдающимся по достижениям в ее истории, а Сталина называют самым эффективным менеджером.

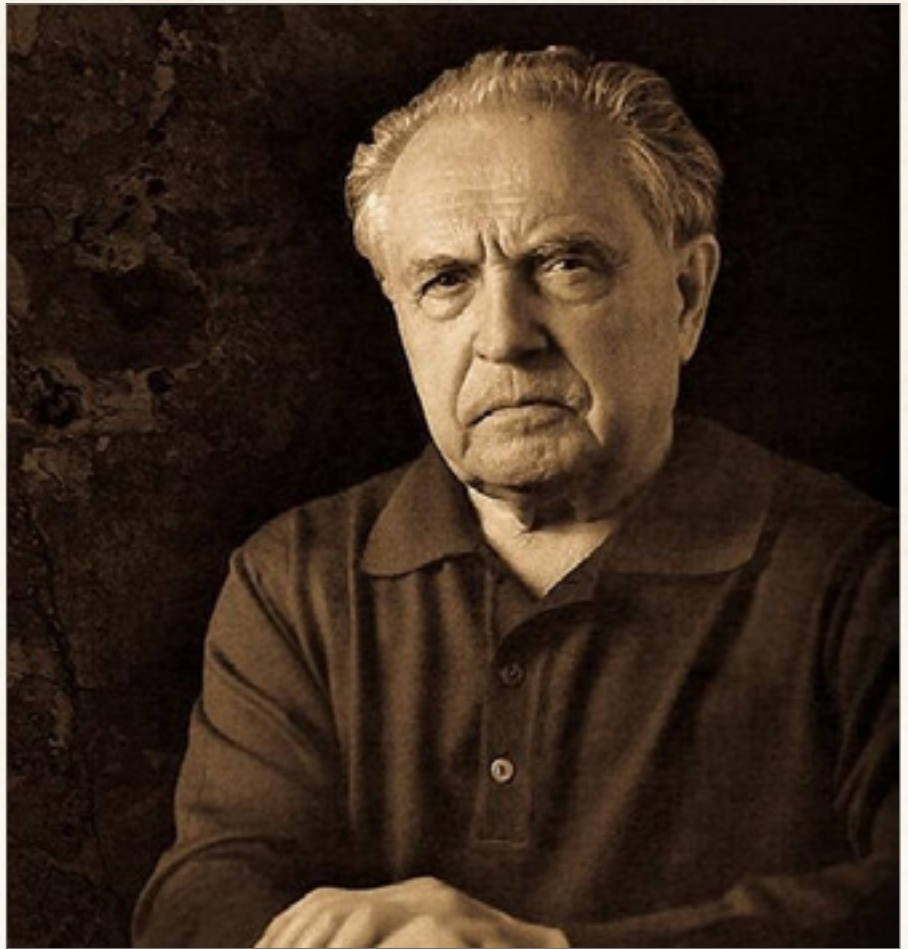
Сталинизмом можно назвать политику, проводимую под руководством И. В. Сталина в политической, экономической, социальной и национальной сферах жизни народов СССР и партийном строительстве, которая не соответствовала мертворожденным догмам марксизма. Нам неизвестно насколько искренне

признавался Сталин в преданности идеям Маркса, Энгельса и Ленина. При его жизни наиболее русофобские и расистские произведения Маркса и Энгельса не печатались или были доступны только для специалистов. Его практическая деятельность по созданию советского государства к концу 1920-х годов стала все больше расходиться с постулатами марксизма. Если Маркс считал, что коммунизм может существовать в виде всемирной ре-

спублики, созданной в результате мировой революции, то у Сталина иллюзии по поводу возможности такой революции полностью рассеиваются. Он ставит задачу за десять лет провести в СССР индустриализацию или, как говорят в наше время, модернизировать промышленность и сельское хозяйство, чтобы противостоять надвигающейся агрессии Западной Европы. Сталин прямо заявляет, что если этого не сделать за такой срок, то «нас сомнут». Надежды на восстание пролетариата стран Западной Европы, который после победы присоединится к СССР, заменяются требованием надеяться на собственные силы, укреплять могущество армии и флота. Маркс, не веривший в творческие силы пролетариата, даже не помышлял о том, что одна страна, особенно Россия, которую он считал отсталой и вообще контрреволюционной, сможет противостоять мировой буржуазии. Сталин такое противостояние сделал реальным и одержал в нем победу — это величайшее достижение сталинизма, опровергающее марксизм.

В оценке Сталина и политике «сталинизма», большой интерес представляет мнение известного ученого, математика, философа Александра Александровича Зиновьева, бывшего в юности противником сталинизма. Родившись в 1922 году, когда Сталин стал Генеральным Секретарем партии, он был живым и чрезвычайно вдумчивым свидетелем эпохи. За свою критику недостатков советского строя он прослыл диссидентом и был выслан из СССР в 1970-е годы. Зиновьев более двадцати лет провел за границей и вернулся назад только после развала СССР, когда НАТО напало на Югославию. Пребывание на Западе позволило ему сделать сравнительный анализ достижений обеих цивилизаций — советской и либеральной. Это сравнение оказалось не в пользу Запада. Он писал: «Сталинская эпоха была трагической и страшной эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она не была

▲ Зиновьев А.А.

преступлением и не является преступным обществом, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно не казалось с чьей-то точки зрения. В тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом великой революции и единственным способом для нового общества выжить и отстоять право на существование. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что она похоронила надежды на идеологический земной рай, построив этот рай на самом деле» (Зиновьев А. А. М.: Алгоритм, 2008. С. 74). В своих интервью, размещенных в сети Интернет, Зиновьев называет Сталина не злодеем и тираном, а природным гением, который в невероятно трудных и сложных условиях не только превратил страну во вторую сверхдержаву, но и создал новое общество. Зиновьев писал: «Советская реализация идеалов коммунизма была

максимально близкой к идеалам» (Зиновьев А. А. Русская трагедия. М. Алгоритм, 2008. С. 107).

Иллюзии о мировой революции и всемирной республике пролетариата Сталин оставил Троцкому, а сам как рачительный хозяин начал строить империю, в которой главной имперской нацией были русские, не имевшие никаких привилегий перед другими народами. Возможно, именно этот факт и способствовал объединению всех народов вокруг русского в могучий кулак, сокрушивший Гитлера. Создание СССР в 1922 году способствовало пробуждению национального самосознания народов, населяющих страну. Лозунг Маркса о том, «рабочие не имеют отечества» оказался надуманным и фальшивым. Великая Отечественная война показала, что среди подавляющего большинства

народов СССР, поднявшихся на защиту общей Родины, нашлось незначительное число людей, вступивших в предательскую связь с врагами. Сейчас либералы возлагают на Сталина ответственность за геноцид, совершенный во время депортаций некоторых народов во время войны. В то же время они не желают признавать тот факт, что во время войн депортация лиц, принадлежащих к вражеской национальности или замешанных в коллаборационизме, были общепринятой практикой во всех государствах, в том числе либеральных, и Сталин не сделал ничего нового. Подобная мера была предпринята США в отношении японцев, живших на их территории, после нападения Японии на Перл-Харбор.

Наполеон, дважды бросивший своих солдат погибать в египетских песках и русских снегах, бежавший от них, спасая собственную жизнь, для либералов остается великим

полководцем и политиком. Сталин, оставшийся в осажденной Москве в октябре 1941 года, готовый погибнуть вместе со своей армией, все равно является для них бездарным и трусливым полководцем, потому что не ездил на фронт, словно в этом заключалась его роль. По их мнению, Верховный Главнокомандующий, на котором сходились все нервы управления армией, экономикой, политикой внутренней и внешней, обеспечения нужд фронта, кадровые назначения и много, много других вопросов, должен был на джипе гонять по переднему краю, оставив немцев. Глупее картины, чем эта, которую либеральные авторы представляют, как пример своих критических рассуждений о Сталине, придумать трудно.

Лозунг Сталина «кадры решают все» разбивал механическую модель Маркса, в которой действовали только классы и партии. Этот лозунг делал упор на личность

борца за социализм, ее образованность и преданность порученному конкретному делу, а не революционным лозунгам. Правильность кадровой политики Сталина подтверждают два факта — победа в Великой Отечественной войне и создание послевоенной мощи СССР. Упомянутый нами А. А. Зиновьев считал, что войну выиграли вчерашние десятиклассники — новое поколение советских людей, воспитанных социализмом, которых призывали на фронт и они, пройдя краткосрочные курсы, становились командирами взводов и батарей или летчиками. У них не было боевого опыта, но они имели образование и веру в коммунистические идеалы, ими руководило страстное желание защитить Родину и победить врага. Это из их среды вышли герои «Молодой Гвардии», Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Николай Кузнецов. Их было миллионы.

Ковали победу не только солдаты и офицеры, но и сталинские

▲ Наполеон в Египте

▲ Д.Ф. Устинов

▲ К.К. Рокоссовский

маршалы, наркомы, ученые и конструкторы, а также писатели и деятели культуры. Сталин умел подбирать и выращивать кадры. Несмотря на басни о страхе, бушевавшим всех, кто встречался с ним, подавляющее число людей в своих воспоминаниях отзываются о Сталине с уважением, подмечая его глубокую осведомленность в обсуждаемых вопросах, касались ли они техники или литературы. Одним из тех, кто с глубоким уважением отзывался о Сталине после его смерти, был Константин Константинович Рокоссовский. В 1937 году он был репрессирован, в тюрьме его пытали, добиваясь признания о своей шпионской деятельности, но он на сломился, и в начале 1940 года был освобожден, восстановлен в воинском звании и должности. За годы войны Константин Константинович стал одним из самых прославленных маршалов. Сталин поручил ему командовать Парадом Победы 24 июня 1945 года. Дважды Герой

Советского Союза, кавалер ордена Победы и других многочисленных государственных наград, он отказался подписывать письмо, чернившее Сталина.

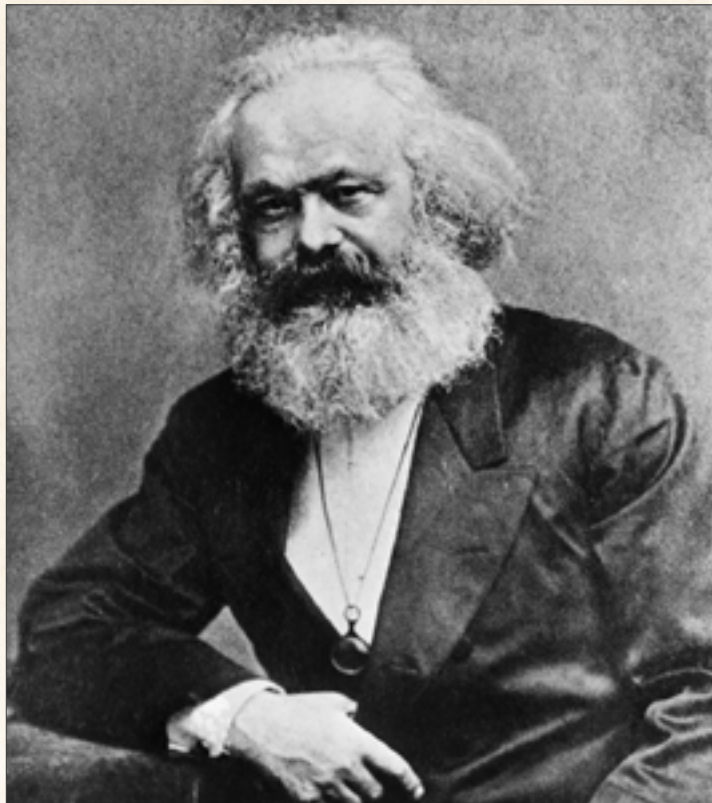
Михаил Шолохов был одним из выдающихся, если не великих советских писателей, в судьбе которого принимал участие И.В. Сталин. Они переписывались: Шолохов слал Сталину телеграммы о бедственном положении казаков в годы коллективизации, а тот уберег его от репрессий.

Военная мощь Советского Союза создавалась трудом ученых, инженеров и рабочих. Либералы часто пытаются опорочить эти достижения, доказывая, что чертежи атомной бомбы в США украли бериевские шпионы. Эти доказательства свидетельствуют, во-первых, о том, что советская разведка, возглавляемая Л.П. Берией, была высокоэффективной, а, во-вторых, советские ученые обладали высоким научным потенциалом. Над созданием атомной бомбы в США работали лучшие

умы Европы и Америки, и нет ничего предосудительного в том, что советские ученые воспользовались их наработками. Обмен научной информацией между учеными существовал всегда. Однако получить чертежи это даже не полдела, это только маленький задел для огромной работы. Нужно было создать научные школы и технологические направления для воплощения в реальность, изображенного на чертежах, если бы они попали к неподготовленным людям, то они не смогли бы ими воспользоваться. Руководителем советского атомного проекта стал И.В. Курчатов, под его руководством уже в 1949 году была испытана первая атомная бомба, явившаяся для США и Запада большим неприятным сюрпризом. Есть информация, что Курчатов тоже отказался подписывать письмо, очернявшее Берию, ближайшего сподвижника Сталина.

Историк А.В. Пыжиков называет кадровую политику Сталина после

▲ Карл Маркс

1936 года «русификацией власти» в СССР. В доказательство называются фамилии его выдвиженцев, ставших деятелями высшего государственного и партийного звена: Молотова В. М., Косыгина А. Н., Байбакова Н. Г., Громыко (Бурмакова) А. А., Устинова Д. Ф., Маленкова Г. М., Пономаренко П. К., Зверева А. Г., Малышева В. А., Первухина М. Г., Патолочева Н. С., Хрулева А. В. и многих других. Только наркомов, выдвинувшихся при Сталине, насчитывается более пятидесяти. Все военачальники, руководившие объединениями Красной Армии в период Великой Отечественной войны, были выдвиженцами Сталина. Решающее значение при назначении на должность играла не национальность и личная преданность Сталину, а деловые качества. Среди сталинских наркомов был армянин Микоян А. И., еврей Каганович Л. М., Ванников Б. Л., Гинзбург С. З. и представители других национальностей.

Удивительным феноменом является то, что простые труженики, пережившие период репрессий

▲ Никита Хрущев

1937-1938 годов, а также испытавшие тяготы коллективизации и Великой Отечественной войны, в своей массе сохранили глубокое уважение к Сталину. В молодости автор этих строк, заставший в живых многих фронтовиков, не встречал среди них сторонников «разоблачений» Хрущева. Тем более интересно, что среди молодежи, несмотря на потоки грязи, льющейся на Сталина, неуклонно растет интерес к этой исторической личности, потому что она видит великие памятники той славной эпохи, которым современные либералы не могут ничего противопоставить.

В наши дни русские националисты, к которым присоединяются некоторые политические клоуны, мнящие себя великими мыслителями, обвиняют Сталина в том, что его национальная политика, утвердившая в конституции право выхода национальных республик из состава СССР, предопределила его развал. Эти «стратеги» не берут во внимание, что никто из советских

руководителей 1922 или 1936 годов не допускал мысли, что руководство СССР своими руками разрушит страну. Национальная политика была направлена на то, чтобы обеспечить каждому народу в рамках союзного государства реализацию его прав и свобод, поэтому право на выход было чисто гипотетическим. Никто не предполагал, что, отделившись, какой-либо из народов приобретет больше преимуществ, чем он имеет, будучи членом Союза. Впрочем, постсоветская история это красноречиво доказала. Все блага отдельного существования после распада СССР достались небольшой кучке финансовых и политических дельцов в независимых государствах, а подавляющее большинство народа понесло от разделения большие потери. Не будем на них останавливаться, кратко перечислим блага, которые получили народы, от вхождения в СССР.

Из народов, входивших в Российскую империю и вошедших в состав СССР, до Октябрьской революции, ни один не имел национальной

государственности. Все они получили ее из рук Сталина. Россия знала губернии, но никаких республик или автономий не было. О Польше и Финляндии мы не упоминаем, так как они сразу же вышли из состава РСФСР и создали самостоятельные государства. Экономическое развитие в Российской империи в разной степени затронуло Украину, Белоруссию, Прибалтику и Бакинский район. В остальных местах, которые позже назвали «отсталыми национальными окраинами» оно находилось в зачаточном состоянии. Первые пятилетки включили в процесс промышленного развития многие республики, но еще больше их было вовлечено в него во время и после окончания Великой Отечественной войны.

Развитие искусства у многих народов стояло на уровне фольклора, не у всех существовала письменность, поэтому литературы не было. Образование и наука в национальных окраинах получили развитие только благодаря национальной политике советской власти, которую проводил Сталин. В российских вузах получили образование десятки и сотни тысяч молодых людей из национальных республик, которые составили костяк для формирования национальной интеллигенции, которой раньше не было.

В Конституции 1977 года было записано, что в СССР сложилась новая историческая общность — советский народ. Сегодня над этим понятием смеются многие либералы, однако, это было реальностью. Уничтожили СССР не народы Советских республик, а переродившаяся партийно-хозяйственная верхушка. Достаточно вспомнить, как билась на заседаниях Съезда народных депутатов СССР, против Горбачева и его политики по развалу страны, словно предчувствуя будущую трагедию своего народа, депутат от Чечни Сажи Умалатова.

Стало традицией, рассматривая причины развала СССР и всей социалистической системы, всю ответственность возлагать на отдельные

персоны: Хрущева Н. С., Андропова Ю. В., Горбачева М. С., Ельцина Б. Н. и даже самого И. В. Сталина, но почему-то никому не приходит в голову рассмотреть вопрос, какую роль сыграла марксистская теория в процессе развала, забывая, что Октябрьская революция и последовавшие после нее мероприятия советской власти не были спонтанными, а проводились в соответствии с ней. Ленин с величайшей гордостью повторял, что теория Маркса всеильна, потому что она верна, так как основана на научном анализе. В наши дни мало кто смеет задаться вопросом, а верно ли это? Некоторые называют коммунизм утопией, но при этом не касаются К. Маркса и его «научной теории».

В течение своей жизни И. В. Сталин всеми силами старался показать свою преданность учению Маркса и Ленина. По-другому просто не могло быть, малейшие сомнения в верности их идеям закончились бы для него гибелью. Идея построения нового общества, по туманной схеме Маркса, владела умами всех коммунистов. Дискуссии, проходившие в партии при жизни Ленина, и после

его смерти, шли не о соответствии марксизма историческому моменту, а о реализации его положений в конкретных условиях. По мере укрепления Советского государства происходило переосмысление марксистской теории и отказ от нее, сопровождавшийся клятвами верности. В 1920-е годы Сталин отказался от идеи мировой революции и начал укреплять государство, причем упор делался на союз национальных республик, обеспечивавших расцвет экономики и культуры, которые Маркс предполагал уничтожить. В конце этого десятилетия произошел полный отказ от этических принципов марксизма, включавших идеологию «свободной любви» и уничтожение семьи. В СССР утверждается политика поддержания государством семьи и нравственности. В 1930-е годы в условиях приближения Второй мировой войны, Сталин возвращает пролетариату его Отечество, отобранное Марксом, и обращается к национальным, патриотическим корням русского народа. В 1943 году прекращаются гонения на православную церковь, которая переживала до конца жиз-

▲ Ленин в Горках 1923 г.

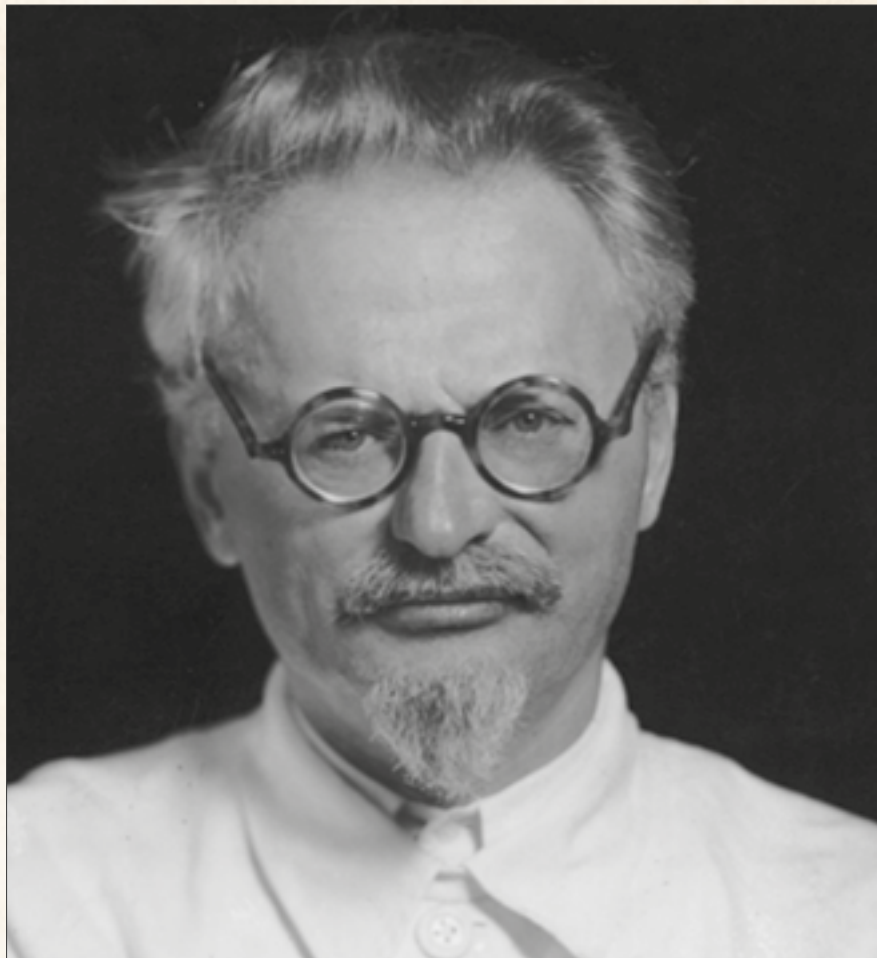

ни И. В. Сталина первое возрождение: открывались духовные академии и семинарии, восстанавливались монастыри и храмы, открывались церковные приходы. Таким образом, произошел кардинальный поворот в сторону от марксизма по основным положениям его теории, требовавшей уничтожения национального государства, национальных традиций, религии, морали и семьи.

Историки оставляют без внимания вопросы, почему американский капитал участвовал в финансировании русских революций в 1917 году, почему интернационалист Троцкий был награжден Гитлером в 1934 году знаком «Почетный ариец», а Сталин — создатель первого реального социалистического государства, организатор победы над фашизмом превратился во всемирного деспота и кровавого диктатора.

На первом этапе революции, пока в России шел захват власти большевиками, марксистская теория диктатуры пролетариата работала. Подавление господствовавших до революции классов, «кавалерийская атака на капитал», деятельность партии большевиков как организующей силы — все соответствовало теории Маркса. Однако уже в конце Гражданской войны население, особенно крестьянство, устало от репрессий и подавления. Начались крестьянские восстания, охватившие многие области. В начале 1921 года вспыхнуло восстание на главной базе Балтийского флота — Кронштадте под лозунгом: «Власть советам, а не партиям». Восстание подавили, но Ленин понял, что безумное следование марксистской догме и продолжение репрессий без изменения внутренней политики погубят революцию. Для ее спасения он вводит Новую экономическую политику — НЭП. При переходе к мирному труду марксистская теория перестала работать, но продолжала довлеть над руководством партии.

Вокруг введения Новой экономической политики развернулась ожесточенная полемика. Интернационалистические силы русской революции выступали против, считая ее отступлением от марксизма, а наци-

▲ Троцкий

оналистические выступали за ее введение в качестве меры сохранения связи с крестьянством и возрождения экономики. В наши дни многие либеральные историки упоенно доказывают, обвиняя Сталина, что с началом первой пятилетки он прервал НЭП, тем самым остановил продвижение страны по рыночному пути. Так же критикуются и сами пятилетки, которые «не были выполнены в соответствии со всеми плановыми заданиями». При этом многие критики оглядываются на Маркса, призывая его в свидетели отступничества Сталина. Странная логика: Карл Маркс, который умел красиво и последовательно излагать мысли, зачастую чужие, которого Бакунин называл слабым организатором, лично не создавшим ничего, кроме написания статей и книг (Союз коммунистов и I Интернационал созданы не им), сравнивается с великим практиком и организатором первого

социалистического государства — Сталиным.

И. В. Сталин, воспитанный в грузинских традициях и на принципах православной религии был лишен нигилистического отношения к национальным и религиозным традициям, поэтому уважение к своим предшественникам: Ленину и Марксу было ему присуще. Более того, он сам закладывал многие коммунистические традиции, без которых невозможно воспитание у молодежи и всего населения нового мировоззрения, поэтому отдавая на словах долг уважения марксистской теории, он не боялся от нее отходить. Введение НЭПа показало, что марксистская теория, рассчитанная на автоматическое подчинение классов руководству партии, на практике не работает, что нужно видеть не только классовые, но и индивидуальные интересы отдельного человека.

Борьба Сталина с троцкизмом соединилась с борьбой с деятелями Коминтерна, который был создан для разжигания мировой революции. Постепенно, можно сказать интуитивно, логика процессов развития страны подвела его к мысли о необходимости создания национального государства — империи, построенной на совершенно иных идеологических и нравственных принципах, чем либеральное государство. Созданную им модель социально-государственного и партийно-политического устройства позднее назовут «сталинизмом». Создание этой системы либералы ставят ему в несмыслимую вину, а многие ученые и большинство народа — в величайшую заслугу, как результат работы по реальному построению социализма.

О личности Сталина многие судят по характеристике, данной ему Лениным в Письме к съезду. Сегодня об этом письме ходят противоречивые суждения. Некоторые историки

считают, что Ленин не мог его написать, так как был уже тяжело болен, и письмо, скорее всего, было написано Н. К. Крупской, у которой со Сталиным были неприязненные отношения. Либеральные историки, обвиняя Сталина во всевозможных грехах, ссылаются на его ближайшее окружение последних лет жизни, которое после смерти вождя принялось поливать его грязью. При этом не принимают во внимание, что соратники покойного вождя руководствовались «принципом стаи», которая вместе бросается на чужого. Умершего Сталина перестали бояться, и он вмиг стал чужим, а на его место заступил Никита Хрущев, который повел наступление на Сталина только через три года после смерти, когда укрепил свою власть. Стая, должна была следовать указаниям нового вожака и травить ставшего безопасным старого вождя. Всякий, кто отказывался это делать, становился чужим. Таими чужаками, подлежащими травле, стали не только соратники по КПСС,

но и зарубежные коммунисты, такие как Мао Цзэдун и Энвер Ходжа, с которыми Хрущев порвал не только личные, но и межгосударственные отношения. Принципом стаи верхушка КПСС руководствовалась до своего конца — каждый новый партийный вождь поливал грязью старого. Хрущев обвинил Сталина в культе личности, Брежнев приписал Хрущеву волюнтаризм, а Горбачев, не обвиняя Брежнева лично, назвал период его правления «Эпохой застоя». Только Черненко и Андропов из-за краткости своего правления не успели ничего придумать для очернения своих предшественников. В XXI веке принцип стаи используется Западом в отношениях с государствами, проводящими независимую политику, в том числе и с Россией.

О личностях такого масштаба как И. В. Сталин нужно судить не по заказным «творениям» писак типа Волкогонова, а по отзывам и воспоминаниям людей, близких ему по уровню интеллекта и уча-

▲ Мао Цзэдун

▲ Энвер Ходжа

▲ Бакунин

ствия в государственных и мировых делах. Пигмеи не могут понять великана, поэтому высказывание У. Черчилля, что «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», является одним из самых верных, отражающим суть его свершений, в которых бомба свидетельствует не только о военной мощи, но и о высочайшем уровне научного и индустриально-экономического развития, достигнутого страной.

Критики упрекают Сталина в авторитаризме и вождизме. Однако то и другое появляется с момента рождения марксизма. Бакунин заявлял, что Маркс считал себя «Папой социализма». Таким же вождем считался Ленин. Принцип вождизма идет от иллюминатов, у которых по при-

меру древних тайных обществ существовало жесткое подчинение по иерархической лестнице, точно такое же подчинение существует в масонстве. Принцип демократического централизма, когда нижестоящие организации беспрекословно подчиняются вышестоящим, вошел в устав большевистской партии. Таким образом, Сталин только последовательно выполнял требования устава своей партии. Эти выводы подтверждает деятельность Хрущева Н.С., которого при снятии с должности в 1964 году обвинили в «субъективизме и волюнтаризме», что в переводе на более понятный язык и означает авторитаризм и вождизм. Впрочем, и правление «дорогого» Леонида Ильича Бреж-

нева, удостоенного немислимого количества высших государственных наград, свидетельствует о том же самом. Только в случае с ним эти награждения превратились не столько в форму поднятия авторитета руководителя, сколько в повод для анекдотов и насмешек среди народа.

Нынешние антисталинисты рисуют образ Сталина, так, словно культ его личности родился вместе с ним, во всяком случае, в 1922 году, когда он был назначен Генеральным секретарем. Это является грубой исторической фальсификацией. Культ личности Сталина возник не на пустом месте. Сталину пришлось почти двадцать лет бороться за утверждение своего авторитета. Авторитет партийного вождя был необходимым атрибутом власти, решающим фактором для решения всех вопросов практической деятельности. В условиях острейшей внутривластной борьбы и международной обстановки, чреватой постоянной опасностью начала войны, принципы парламентской демократии не работали. Большевики, являвшиеся меньшинством населения, при демократических выборах были бы сметены, но стало бы от этого лучше народу и государству? Сомнительно. Слишком много врагов было у России, которые не преминули бы возможностью поживиться за ее счет. Планы расчленения страны западными «союзниками» существовали еще во время Гражданской войны. Об этом все знают. Они существуют до настоящего времени. Для сохранения единого государства и защиты интересов народа жизненно необходим был непрерываемый авторитет первого руководителя — вождя партии и народа. Для возникновения «культа личности» Сталину необходимо было пройти долгий путь смертельной борьбы не только с личными врагами, но и врагами выбранного им курса развития страны и добиться успехов в строительстве социализма, которые убедительно свидетельствовали о правильности его политики. Он должен был делом доказать свою правоту — и он сделал это.

Историки, изучающие биографию Сталина, отмечают его исключительную работоспособность и стремление к самообразованию. Они говорят, что ежедневно он прочитывал или просматривал 400-500 страниц текста. Его библиотека насчитывала более 10 000 томов, большинство из которых было помечено его рукой. Он посещал театр, оперу, читал всех современных ему авторов и советовался с другими писателями, чтобы составить собственное мнение о творчестве кого-либо. Нужно помнить, что Сталин в отличие от Хрущева и многих соратников имел серьезное образование, так как почти закончил духовную семинарию. Касаясь некоторых непривлекательных черт его характера, нужно сказать, что все великие личности имели не легкий характер, который никогда не заслонял от потомков саму личность.

Представляет большой интерес, почему две исторические личности — М. Робеспьер, который впервые в истории провозгласил террор государственной политикой республиканской Франции, и Иосиф Сталин, принявший эстафету террора от Ленина и Дзержинского, считавших себя наследниками идей якобинцев и Маркса, оставили такие разные следы в исторической памяти потомков.

М. Робеспьер был создателем революционного террора. Он написал инструкцию, ставшую основанием закона о терроре, в которой сказано: «Враги революции < ... > стараются препятствовать ходу революции и мешать утверждению республики. Наказание за такое преступление смерть... Правом при произнесении приговоров должна быть совесть судьи... Присяжных не нужно, одних судей довольно». В этих строках изложена вся система репрессивного судопроизводства, которую Ленин положил в основу деятельности ВЧК. Ленин любил ставить в пример деятельность якобинцев в период Французской революции. Более двух веков Робеспьер остается в памяти потомков как неподкупный

и пламенный революционер, а Сталин уже через три года после смерти превратился в кровавого тирана. Робеспьеру поставлены памятники, его имя чтят коммунисты и либералы, улицы в различных городах России носят его имя по сей день, а память о Сталине выкорчевывается полностью. В чем дело? Ответ мы находим у П. А. Кропоткина в книге Великая Французская революция: «Буржуазия поняла, что Робеспьер был тот человек, который благодаря уважению, внушаемому им народом, и благодаря своему умеренному уму и властолюбию наиболее способен

образовать твердое правительство и таким образом положить конец революционному периоду» (Кропоткин П. А. Великая Французская революция. М.: Наука. 1979. С. 430, 426). Террор, развязанный Робеспьером, способствовал установлению твердой власти буржуазии, поэтому он работал на ее интересы и тем самым заслужил уважение благодарных потомков-либералов, взгляды которых разделяют марксисты.

В случае со Сталиным все выглядит по-другому. Он твердо отстаивал интересы трудящихся, защищая их от буржуазии, поэтому нынешние

▲ Робеспьер

приватизаторы, вороватые и коррумпированные чиновники во времена Сталина были бы репрессированы. Кто из них этого хочет? В их глазах он стал символом неотвратимости наказания. По этим причинам они испытывают к нему лютую ненависть.

История распорядилась так, что среди противников Сталина мы можем найти представителей противоположных идеологических направлений — преданных марксистов и последовательных либералов, в том числе представителей классов, пострадавших от революции. В этом многообразии врагов зачастую непонятно, кто опаснее? Сторонники мировой революции и простые последователи Троцкого, к которым относится Хрущев, были в непосредственной близости и окружали его со всех сторон. У них был орган, созданный для организации мировой революции — Коминтерн, поэтому Сталину пришлось бороться не только с одиночками, но и с организованной силой. Дополняли число врагов Сталина и советской власти масоны, эзотерики и оккультисты, которые не могли служить продвижению социализма в жизнь. Антисталинисты ищут в нем психические отклонения — паранойю и манию садизма, приводившие к тому, что он находил врагов в силу своего заболевания. Это откровенная ложь. Враги социализма плодились не в воображении Сталина, а в условиях жизни того времени. Бандитский беспредел 1990-х годов очень похож на период НЭПа. Обогащение ничтожной части населения в условиях всеобщей нищеты вызвало к жизни не только небывалый рост преступности, проституции, детской безнадзорности, но и повлекло моральное разложение силовых структур, посеяло у значительной части населения надежду на ре-

ставрацию капитализма, по этим причинам чрезвычайно обострило классовую борьбу.

В своих воспоминаниях А. А. Зиновьев пишет, что свою общественную деятельность он начал с организации тайного общества, ставившего целью убийство Сталина. При этом упоминает, что ему было известно о другом таком же обществе среди студентов. По этому примеру можно представить размах антисталинского движения к концу 1930-х годов. Репрессии в таких условиях были естественным способом сохранения стабильности в государстве.

Коллективизация тоже способствовала активизации противников Советской власти. Все обвинения в адрес Сталина о недопустимости методов ее проведения, отмечают двумя доводами. Первый: у него не было опыта проведения акций подобного масштаба, он опирался на марксистскую теорию, в которой классы играли роль оловянных солдатиков, которые по воле кукловода займут предназначенную им позицию. Сегодня на него легко вешать обвинения, но никто не может сказать, а как нужно было делать, так как всё упирается во второе обстоятельство: у страны не было времени, чтобы обеспечить деревню техникой, увеличить сборы зерна и другой сельхозпродукции в целях обеспечения страны продовольствием и привлечения иностранной валюты. Довод второй, коллективизацию можно было бы проводить путем постепенной кооперации крестьян в течение 25-50 лет без потрясений и репрессий, но Гитлер не стал бы ждать столько времени, а едиличная деревня не обеспечила бы армию и страну продовольствием. Сталин поступил жестоко, но его жестокость оправдывается исторической необходимостью. Никто не обвиняет в жестокости Петра I, при котором население страны

значительно сократилось, началось бесчеловечное закабаление крестьян. Петр I подорвал основы православия, его реформы во многом были бессмысленными и даже глупыми. Он уничтожил на троне русскую национальную династию и своим Указом о престолонаследии посеял семена смуты, когда гвардия в течение полутора столетий решала, кому быть российским императором. Эта сумятица в умах подтачивала корни монархической власти в течение последующих двух столетий, а самое главное он заложил основы пресмыкательства перед Западом. Но именно поэтому Петр I в умах и речах либералов — великий государственный деятель, а Сталин, отстаивавший национальный суверенитет и добившийся выдающихся побед, — кровавый тиран.

Самым главным и организованным врагом Сталина был мировой сионизм, каковым он остается и сегодня. Достаточно посмотреть национальность нынешних самых активных антисталинистов, как всё становится ясно, хотя у него много защитников среди честных и порядочных людей всех национальностей.

Демонизация фигуры Сталина была предугадана им самим. Он сказал: «Когда я умру, на мою могилу нанесут много мусора, но ветер времени безжалостно сметет его». Сторонники Троцкого, выжившие в годы репрессий, отсидевшие в Гулаге и вышедшие на свободу, сделали все для того, чтобы облить Сталина грязью и воспитать в своих детях ненависть к нему. Сталин после смерти оставил в наследство своим детям поношенную шинель, да подшитые валенки. Эти вещи не только свидетельства величайшей скромности выдающегося человека, но и показатель его высочайшего духа. ■

ПОДГОТОВКА ТЫЛА В МАНЬЧЖУРСКОЙ ОПЕРАЦИИ 1945 ГОДА

▲ На Дальний Восток

Маньчжурская стратегическая наступательная операция Красной Армии на Дальнем Востоке по замыслу, размаху, динамичности, способу выполнения задач и по конечным результатам является одной из самых выдающихся операций Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, она единственная в истории войн. Общее руководство войсками в Маньчжурской операции осуществляло специально созданное Ставкой Верховного Главнокомандования Главное командование Советских войск на Дальнем Востоке во главе с блестящим военным стратегом, истинным мозгом армии Маршалом Советского Союза А. М. Василевским. Маршал Василевский в годы войны занимал особое место в советском военном руководстве. Его оценки военно-стратегической обстановки были безошибочны. На самые ответственные участки советско-германского фронта Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин направлял Василевского. Будучи начальником Генерального штаба из 34 месяцев войны 22 месяца А. М. Василевский провел на фронтах.

Вершиной его выдающегося полководческого таланта явилась беспрецедентная по мастерству Маньчжурская стратегическая наступательная операция. В военной истории известны только два полководца не проигравшие ни одного сражения за свою военную карьеру — это Генералиссимус Александр Васильевич Суворов и Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский.

▲ Василевский А.М.

В мае 1945 г. смолкли последние орудийные залпы в Европе. Гитлеровская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Но на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана еще бушевало пламя войны. Правительство империалистической Японии заявило о своем намерении продолжать борьбу. Убедившись, что Япония и после

капитуляции гитлеровской Германии не намерена отказаться от своих агрессивных устремлений, Советский Союз спустя три месяца после окончания войны в Европе решительно повернул против нее свое оружие.

Идя навстречу пожеланиям США и Англии, а также стремясь укрепить антигитлеровскую коалицию и ликвидировать очаг войны на Даль-

нем Востоке, советская сторона еще на Тегеранской конференции дала принципиальное согласие вступить в войну с Японией после завершения разгрома гитлеровской Германии. Окончательно вопрос о вступлении СССР в войну с Японией был пред-решен соглашением, заключенным на Крымской конференции глав трех держав.

Приняв на себя обязательство, Советский Союз начал готовиться к ликвидации опасного очага войны на Дальнем Востоке. План советского командования состоял в том, чтобы разгромить основную ударную силу японского империализма — Квантунскую армию и освободить от японских захватчиков Северо-Восточный Китай и Корею, а также исконно русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова. Япония, лишившись своей наиболее боеспособной группировки войск и военно-экономической базы на Азиатском континенте, вынуждена будет отказаться от продолжения войны и капитулировать. Советские Вооруженные Силы одним мощным ударом достигали конечной цели войны.

Для решения задач по разгрому Квантунской армии было развернуто три фронта: Забайкальский (командующий Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, начальник тыла генерал-полковник В.И. Вострухов), 1-й Дальневосточный (командующий Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, начальник тыла генерал-майор И.К. Николаев) и 2-й Дальневосточный (командующий генерал армии М.А. Пуркаев, начальник тыла генерал-лейтенант Д.И. Андреев). В операции также принимали участие Тихоокеанский флот (командующий адмирал И.С. Юмашев, начальник тыла контр-адмирал-инженер

▲ Малиновский Р.Я. Пуркаев М.А. Мерецков К.А.

В. Ф. Бурханов, с мая 1945 г. — контр-адмирал-инженер Н. П. Дубровин) и Краснознаменная Амурская речная военная флотилия (командующий контр-адмирал Н. В. Антонов).

Всего к 9 августа 1945 г. на Дальнем Востоке было развернуто одиннадцать общевойсковых, одна танковая, три воздушные армии, три армии ПВО, флот и флотилия. Общая численность советских войск достигала более 1,7 млн. человек, из них около 500 тыс. человек в тыловых частях и учреждениях. Советские войска имели 29 835 орудий и минометов, 5 252 танка и САУ, 5 171 боевой самолет (в том числе 1 450 боевых самолетов Тихоокеанского флота).

Для организации тылового обеспечения и руководства тылом при главнокомандующем советскими войсками на Дальнем Востоке Маршале Советского Союза А. М. Василевском была создана оперативная группа Управления Тыла Советской Армии во главе с заместителем начальника Тыла генерал-полковником В. И. Виноградовым. В нее вошли офицеры штаба Тыла Советской Армии под руководством полковника А. Н. Лаговского и представители центральных управлений: от Центрального управления военных сообщений — генерал-лейтенант технических войск А. И. Добряков,

Главного автомобильного управления — генерал-лейтенант технических войск И. П. Тягунов, Главного дорожного управления — генерал-майоры технических войск В. Т. Федоров и Я. Н. Усенюк, Управления снабжения горючим — генерал-майор технических войск П. В. Томилину, генерал-майор инженерно-технической службы В. В. Никитин, Управления продовольственного снабжения — генерал-лейтенант интендантской службы В. Ф. Белоусов, Управления вещевого снабжения — генерал-майор интендантской службы Ф. Г. Тармосин, Главного медицинского управления — генерал-майоры медицинской службы Н. И. Завалишин, Л. А. Ходорков, В. Н. Шамов, М. С. Вовси, Главного трофейного управления — генерал-лейтенант П. Д. Давыдов, генерал-майор Ф. И. Вахитов, а также офицеры этих управлений.

Операции Советских Вооруженных Сил должны были развернуться на огромной территории. С севера на юг сухопутный театр военных действий простирался более чем на 1500 км, а с запада на восток — на 1200 км. Государственная граница СССР и Монгольской Народной Республики с Маньчжурией и Кореей, являвшаяся рубежом развертывания советских войск, тянулась более

чем на 5000 км. Заметим, что общая протяженность всех европейских фронтов второй мировой войны (советско-германского, западного и итальянского) в январе 1945 г. не превышала 3500 км.

На пути предстоящего наступления наших войск находились полупустынные районы Забайкалья, цепь горных хребтов, окаймляющих Маньчжурию с запада, севера и востока, крупные реки, таежные леса, переходившие на юге района в полное безлесье. Дальневосточный театр военных действий имел слаборазвитую сеть путей сообщения, был очень редко заселен, находился далеко от основных экономических центров страны. Все это требовало от Тыла Советских Вооруженных Сил большой предварительной подготовки, умелого использования опыта, накопленного в годы Великой Отечественной войны, тщательного учета новых условий.

Тыловое обеспечение войск явилось одним из важнейших факторов, лимитировавших сроки начала Дальневосточной кампании. Поэтому многие мероприятия по его организации начали проводиться задолго до окончательной отработки замысла боевых действий. Развивалась железнодорожная сеть, подготавливались станции для приема войск

и грузов, усиливались автотранспортные и дорожные части, создавались запасы материальных средств, развертывалась госпитальная база.

Одной из наиболее трудных задач тыла являлось обеспечение своевременного сосредоточения войск и накопление запасов материальных средств. Запасы вооружения, техники и других материальных средств на складах и базах Дальнего Востока не могли обеспечить предстоящие боевые действия. Местная же экономическая база, несмотря на ее значительное развитие, также не могла полностью обеспечить текущие потребности войск. Поэтому почти все необходимое приходилось доставлять из центральных районов страны, Поволжья, Урала и Западной Сибири. Решение задачи значительно осложнялось большой удаленностью театра и наличием только одной Транссибирской железнодорожной магистрали, пропускная способность которой к востоку от станции Карым-

ская была недостаточной и осложняла снабжение. На отдельных ее участках имелись «узкие места» по тяге и водоснабжению, которые еще больше снижали пропускную способность.

Учитывая большую зависимость Дальневосточного театра военных действий от возможностей Транссибирской магистрали, ГКО 13 апреля 1945 г. принял специальное постановление о значительном повышении пропускной способности железных дорог Дальнего Востока, усилении их локомотивами и специалистами, создании запасов топлива и проведении других мероприятий.

Во исполнение постановления ГКО НКПС и Центральное управление военных сообщений направили 25-ю железнодорожную бригаду в состав 2-го Дальневосточного фронта, а 3-ю — 1-го Дальневосточного фронта. Эти части, хорошо укомплектованные личным составом, строительной и транспортной техникой,

развернувшись на Амурской, Дальневосточной и Приморской железных дорогах, сыграли большую роль в увеличении их пропускной способности, развитии станций снабжения. Было развернуто строительство железнодорожных путей и автомобильной дороги, разработан вариант использования Байкала в качестве водной коммуникации, а через реки подготовлены паромные железнодорожные переправы. На случай разрушения мостов через реки параллельно двухпутной железнодорожной магистрали были отсыпаны земляные подходы и подготовлены береговые причалы для скоростного строительства железнодорожных мостов. В пунктах пересечения железнодорожной магистрали некоторых рек, ввиду близости этих пунктов к государственной границе, были построены однопутные железнодорожные обходы с устройством на них железнодорожных мостов, приспособленных к пропуску войск походным порядком. Од-

▲ Юмашев М.С.

▲ Вострухов В.И.

новременно с этими мероприятиями проводились работы по подготовке переправ через Амур и приспособлению некоторых железнодорожных мостов для пропуска через них войск и боевой техники.

С декабря 1944 г. органы тыла центра приступили к созданию на Дальнем Востоке запасов материальных средств. Так, с 1 декабря 1944 г. по 1 апреля 1945 г. было отправлено 4640 минометов, около 2200 орудий, свыше 410 млн. патронов к стрелковому оружию, около 3,2 млн. артвыстрелов и другие материальные средства.

После победы над фашистской Германией перевозки войск и грузов на Дальневосточный театр военных действий с запада резко увеличились. Только в состав Забайкальского фронта были перевезены за 10–12 тыс. км 39-я и 53-я общевойсковые и 6-я гвардейская танковая армии, в состав 1-го Дальневосточного фронта — 5-я общевойсковая армия. Кроме того, на Дальний Восток были переброшены десятки танковых и артиллерийских бригад, большое количество тыловых частей и учреждений. В целом с мая по июнь 1945 г. с запада на Дальний Восток и в Забайкалье прибыло 136 тыс. вагонов с войсками и материальными средствами. К началу боевых действий общая численность войск здесь увеличилась в два раза.

Значительный объем перевозок выполнил водный транспорт. Для 2-го Дальневосточного фронта морским транспортом в Советскую Гавань, на Сахалин и Камчатку было подано 51,3 тыс. т и для Приморской группы 1-го Дальневосточного фронта по Амуру 84 тыс. т материальных средств.

В июне 1945 г. были установлены размеры запасов материальных средств, подлежащих к накоплению во фронтах к началу боевых действий. По боеприпасам они составляли для Забайкальского фронта — 4–5 боекомплектов, для 2-го Дальневосточного — 3–4 и для Приморской группы 1-го Дальневосточного фронта — 3,5–4 боекомплекта на все виды вооружения; по горючему (для всех

▲ Подготовка к морскому походу

фронтов) — 30 заправок авиационного бензина, 20 заправок автомобильного бензина и 10 заправок танкового горючего.

Однако вследствие недостаточной пропускной способности Транссибирской магистрали, занятой в это время переброской массы войск, боевой техники и вооружения, и недостатка емкостей для слива горючего решение полностью выполнить не удалось. Фронты не располагали также достаточным количеством складов и автотранспортных средств для вывоза материальных средств от станций Транссибирской магистрали непосредственно в войска.

Особенно неблагоприятно обстояло дело с накоплением запасов горючего, в связи с чем в конце июня 1945 г. боевая подготовка частей Забайкальского фронта, а также дальнейший подвоз материальных средств находились под угрозой срыва. По просьбе начальника Управления снабжения горючим было разрешено разбронировать часть мобилизационного резерва горючего для обеспечения текущей потребности войск Забайкальского фронта с последующим его пополнением из поступивших в середине июля транспортов с горючим.

В целях разрядки напряженности с обеспечением горючим войск

Забайкальского фронта и решения проблемы емкостей из Румынии перебрасывались два батальона перекачки горючего и ряд строительно-восстановительных подразделений из военных округов для строительства резервуаров. Но эшелоны с ними были на подходе к Чите лишь в середине августа 1945 г. Поэтому планируемые работы по строительству стационарных резервуаров под горючее в установленные сроки выполнены не были. В этих же целях Советское правительство в срочном порядке заказало несколько комплектов полевых трубопроводов. Планировалось, что они будут использованы для перекачки горючего на территории МНР в помощь железнодорожному транспорту. Но, к сожалению, эти трубопроводы поступили с большим опозданием.

Большую работу проделала в этот период оперативная группа УСГ во главе с генерал-майором технических войск П. В. Томилиным. Она перераспределила между фронтами имевшееся у них горючее и приняла неотложные меры по изысканию на месте свободных емкостей. В результате только в одном Забайкальском фронте к 8 июля было обнаружено и собрано стационарных и подвижных емкостей на 35,2 тыс. т горючего. Группа поставила также

перед центром вопрос о срочной отправке на Дальний Восток восьми наливных автомобильных батальонов, 70 тыс. бочек, 1600 контейнеров и подвижных емкостей, а также о передаче трубопроводов в распоряжение отдела снабжения горючим Забайкальского фронта. Благодаря принятым мерам запасы горючего к началу операции в Забайкальском фронте составили 4 заправки дизельного топлива, 4,3 заправки автомобильного бензина и 6,9 заправки авиационного бензина Б-70 и КБ-70.

Обеспеченность фронтов боеприпасами к началу операции в целом была высокой. Однако в результате недостаточно четкого планирования подвоза эшелонирование запасов боеприпасов было крайне неравномерным. Например, в 35-й армии 1-го Дальневосточного фронта было сосредоточено до 10 боекомплектов 82-мм мин, а в 1-й Краснознаменной и 25-й армиях, наступавших на направлении глав-

ного удара войск фронта, только 2,8 боекомплекта. Примерно такое же положение было и с распределением 120-мм мин в 35-й и 5-й армиях этого же фронта. Это мешало эффективному использованию артиллерийских систем и усложняло подвоз снарядов в ходе операции.

В целом же созданные запасы боеприпасов и горючего с учетом подвоза их в ходе операции обеспечивали бесперебойное снабжение войск.

Запасы продовольствия и фуража накапливались из расчета потребности создаваемой группировки войск. В покрытие этой потребности засчитывались коммерческие ресурсы продфуража, имевшиеся к этому времени в Забайкалье и на Дальнем Востоке, запасы на базах Главного управления государственных материальных резервов в данных районах, а также планируемый выпуск продуктов питания на местных предприятиях. Образовавшийся

дефицит по отдельным продуктам питания покрывался за счет подачи из центральных районов. Важным источником снабжения войск продовольствием в этот период являлись подсобные хозяйства соединений и частей. На Дальнем Востоке имела широкая сеть таких хозяйств, организованных в предвоенные годы и особенно в годы войны. Получаемая из них сельскохозяйственная продукция шла главным образом на текущее довольствие войск и была серьезным подспорьем в обеспечении соединений и частей. В 1945 г. только с подсобных хозяйств Забайкальского фронта было собрано такое количество овощей, картофеля и хлебного зерна, на подвоз которого из центральных районов нашей страны потребовалось бы около 28 тыс. железнодорожных вагонов.

В результате большой работы, проделанной органами тыла, и в первую очередь службой продовольственного снабжения, к началу

▲ Сталин И. В.

▲ Виноградов В.П.

▲ На Дальний Восток

войны с Японией обеспеченность фронтов продфуражом составляла от 16 до 68 суточных дач. Из них в армиях находилось от 10 до 20 суточек продовольствия, в том числе 3 суточка сухого пайка. Однако из-за недочетов в планировании снабжения и подвоза имела место значительная неравномерность в обеспечении армий продовольствием. Например, в 53-й армии Забайкальского фронта к началу операции имелось 221 суточка сахара и только 24 суточка крупы, 47 суточек жиров и 9 суточек овса; 5-я армия 1-го Дальневосточного фронта располагала только 5 суточками крупы и 33 суточками жиров и т. д.

Войска 2-го Дальневосточного фронта, находившиеся на Северном Сахалине (16-я армия) и на Камчатке (Камчатская оборонительная группа), были обеспечены годовым запасом продовольствия.

В период подготовки кампании органы управления службы продовольственного снабжения совместно со штабами тыла фронтов и армий

заблаговременно разработали планы заготовки продовольствия и фуража на территории Маньчжурии и Кореи, а также правила использования местной сельскохозяйственной продукции. Районы заготовок были своевременно доведены до заготовительных органов фронтов и армий. В связи с тем, что на территории Маньчжурии и Кореи представлялась возможность заготовок продовольственных культур, которые не имели распространения в СССР (гаолян, чумиза, соя и др.), были разработаны и разосланы в войска специальные инструкции о способах приготовления пищи из этих культур.

Характер Дальневосточного театра военных действий обусловил целый ряд особенностей построения тыла фронтов, использования сети путей сообщения. 1-й и 2-й Дальневосточные фронты имели общие с армиями тыловые районы. Тыловые границы для них не устанавливались, так как за Транссибирской железнодорожной магистралью были горы и тайга, почти отсутствовали на-

селенные пункты и дороги. Использовать эту территорию не представлялось возможным. Восточная часть Транссибирской железнодорожной магистрали, вдоль которой в основном и развертывались тыловые части и учреждения фронтов, проходила на удалении 25—150 км от войск — фактически в пределах войсковых и армейских тыловых районов.

Исключение составлял Забайкальский фронт, которому был выделен фронтовой тыловой район. Его глубина на левом крыле достигала 100 км, на правом — 600–650 км, а вместе с армейскими и войсковыми тыловыми районами доходила до 1000 км и более. Такая большая глубина тыловых районов в Забайкальском фронте объясняется сосредоточением войск к началу операции в пустынной и полупустынной местности Внешней Монголии и Даурских степей Забайкалья, где почти отсутствовали железные дороги, было очень мало водных источников и населенных пунктов. Железная дорога и благоприятная для развертывания

тыловых частей и учреждений местность находилась на значительном удалении от районов сосредоточения войск.

Одной из особенностей построения тыла являлось и то, что 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта, предназначенной для обороны побережья Татарского пролива и наступления на Южном Сахалине, тыловой район не назначался, а 6-й гвардейской танковой армии Забайкальского фронта, действовавшей в первом эшелоне оперативного построения войск фронта, был назначен самостоятельный тыловой район (от ред. По взглядам того времени, танковым армиям тыловые районы не назначались).

Транссибирская железнодорожная магистраль находилась в ведении оперативной группы Управления тыла Советской Армии при главнокомандующем советскими войсками на Дальнем Востоке. Руководство линейными и полевыми органами военных сообщений всех трех фронтов было объединено в ру-

ках уполномоченного ЦУПВОСО при Дальневосточном округе железных дорог генерал-лейтенанта технических войск А. В. Добрякова, которому были предоставлены права заместителя начальника Тыла Советской Армии. Фронты использовали железнодорожные участки, ответвлявшиеся от Транссибирской магистрали.

Забайкальский фронт имел два участка широкой колеи довольно низкой пропускной способности и пять участков узкоколейных (военно-полевых) дорог провозной способностью от 350 до 1200 т в сутки. Армии Забайкальского фронта (39, 53, 17, 6-я гвардейская танковая и конно-механизированная группа), которые должны были наступать с территории МНР, самостоятельных железнодорожных участков не имели. Для обеспечения их материальными средствами могла быть использована только одна узкоколейная железная дорога Баин-Тумэн (Чойбалсан) — Тамсак-Булак.

2-й Дальневосточный фронт имел три подводивших к границе участка

широкой колеи пропускной способностью от 12 до 24 пар поездов в сутки и два участка узкой колеи провозной способностью 400–600 т в сутки. Наиболее сложной была организация подвоза войскам 16-й армии. При подготовке и в ходе операции армия использовала водный участок Амура от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре протяжением 940 км, а также морские коммуникации по Охотскому морю и Татарскому проливу, связывавшие Николаевск с портами и пристанями выгрузки. На Северном Сахалине 16-я армия использовала железнодорожный участок широкой колеи Москальво — Оха протяжением 36 км и военно-полевую железную дорогу Арково — Дербинское длиной 54 км, провозной способностью до 400 т в сутки. Это был один из немногих примеров комбинированного использования армией морских, речных и железнодорожных коммуникаций.

1-й Дальневосточный фронт имел семь железнодорожных участков, из них подводивших к границе было

▲ Переброска войск по железной дороге

три, и один участок узкой колеи провозной способностью до 300 т в сутки, что не обеспечивало полностью его потребностей.

В связи с недостаточным количеством железных дорог большинство фронтовых складов размещалось на железнодорожной магистрали Иркутск — Владивосток, находившейся в ведении центра. Ввиду этого внутрифронтовые перевозки приходилось осуществлять по участкам, не входившим в состав фронтовой сети железных дорог.

Удаление фронтовых тыловых частей и учреждений 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов от войск было небольшим (50—150 км), что значительно облегчало подвоз. Армии этих фронтов (за исключением 16-й и 35-й) имели свои железнодорожные участки с несколькими станциями снабжения.

Совершенно иная обстановка складывалась в полосе Забайкальского фронта. Удаление фронтовых складов от войск на отдельных направлениях достигало 500—600 км, а выделить армиям станции снабжения не представлялось возможным. Лишь 36-я армия имела свой железнодорожный участок со станциями снабжения Мациевская, Харанор,

Таблица 1

Фронт	Положено по штату	В наличии	Укомплектованность, %	Исправные	Коэффициент технической готовности
Забайкальский (на 1 августа)	57 719	49 053	94	44 814	0,91
2-й Дальневосточный	44 796	31 916	71	30 579	0,96
1-й Дальневосточный	7 479	4 850	65	4 800	0,99

Досатуй. Полевые армейские базы основной группировки войск фронта были развернуты на грунте ближе к войскам, на значительном удалении от фронтовых складов.

В связи с тем, что войска фронтов наступали по отдельным направлениям, тыловые части и учреждения также группировались по направлениям. Так, главная ударная группировка Забайкальского фронта была развернута в районе тамсакбулакского выступа. Поэтому фронт значительное количество своих тыловых частей, учреждений и запасов выдвинул в район Баин-Тумэна (Чойбалсан) и со 2 августа 1945 г. открыл на ст. Тамсак-Булак отделения фронтовых складов с запасами боеприпасов, горючего и продовольст-

вия. Здесь же находилась оперативная группа управления тыла фронта и часть транспортных средств.

Большая протяженность коммуникаций при слабо развитой сети железных дорог резко повышала роль автомобильного транспорта и военно-автомобильных дорог. Укомплектованность фронтов автомобилями к началу операции показана в табл. 1.

Наибольшим количеством автомобилей располагал Забайкальский фронт. На степных просторах Даурии и Монголии, с чрезвычайно большой протяженностью коммуникаций, автомобильному транспорту принадлежала решающая роль. В период подготовки операции со ст. Баин-Тумэн (Чойбалсан) в войска Забайкальско-

▲ На марше

▲ Перед маршем

го фронта ежедневно отправлялось около 3 тыс. автомобилей с различными грузами.

О большом размахе автомобильных перевозок свидетельствуют и такие данные: только за июнь — июль 1945 г. автомобильным транспортом Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов в войска было подано 513 тыс. т различных материальных средств.

Широкое использование автомобильного транспорта потребовало большого объема работ по дорожному обеспечению. Забайкальский фронт имел шесть фронтовых ВАД общей протяженностью 2279 км, 1-й Дальневосточный фронт — десять ВАД (1509 км) и 2-й Дальневосточный фронт — четыре ВАД (485 км). Протяженность армейских военно-автомобильных дорог также была значительной. Например, в 35-й армии она составляла 154 км, а в 25-й — 568 км.

Для подготовки и содержания военно-автомобильных дорог во фронтах и армиях имелось достаточное количество дорожных частей. Однако оснащение и обеспеченность имуществом этих частей, прибывших в основном с запада, не соответствовали условиям театра военных действий. Своевременный пересмотр

штатов и табелей сделан не был. В дорожных частях не доставало автотранспорта, палаток, брезентов, цистерн для воды и другого имущества. Трудности организации дорожного обеспечения усугублялись еще и тем, что большинство автомобильных дорог на театре не имели покрытий и надежное движение по ним автотранспорта было возможно лишь в сухую погоду.

В период подготовки операции дорожными войсками была проделана огромная работа. Они выполнили 169 тыс. куб. м земляных работ, заготовили и подвезли 136,1 куб. м гравия. Только в полосе Забайкальского фронта было отремонтировано 317 км, спрофилировано 34 км и оборуловано знаками 2,2 тыс. км дорог, восстановлено и усилено 34 моста общей протяженностью около 300 пог. м.

К началу операции почти все ВАД фронтов и армий представляли собой улучшенные дороги со сплошной насыпкой гравия. Их проезжая часть была расширена до 7,5 м, а некоторых — до 10 м. Лишь незначительная часть ВАД имела грунтовые участки, которые после сильных дождей становились труднопроходимыми.

Дорожные войска во фронтах к началу операции были расстав-

лены с учетом опыта боевых действий на советско-германском фронте. Основные их силы и средства были сосредоточены на главных направлениях и максимально приближены к войскам. В Забайкальском фронте в целях быстрее восстановления дорог на решающих направлениях из состава дорожных войск и дорожно-строительных организаций Читинской области были созданы два внештатных (сводных) механизированных отряда, включавшие наиболее исправные тракторы, грейдеры и другие механизмы, а также наиболее опытные кадры.

Для Тихоокеанского флота и сухопутных войск, расположенных на побережье, на острове Сахалин, на полуостровах Камчатка и Чукотка, решающее значение в выполнении оперативных, снабженческих и эвакуационных перевозок имели водные пути сообщения. Эти перевозки в подготовительный период осуществлялись по коммуникациям Японского, Охотского и Берингова морей, а также по нижнему течению Амура и через Татарский пролив. Перед началом операции здесь имелось 222 транспортных судна общей грузоподъемностью свыше 1 млн. т. Этот тоннаж обеспечивал потребности в нем, однако исполь-

зование транспортных судов для воинских перевозок осложнялось недостатком портов и портовых пунктов, их слабым развитием и оборудованием. В большинстве своем к началу подготовительного периода они были не приспособлены для погрузки и выгрузки боевой и транспортной техники и других воинских грузов. В ходе подготовки к операции во Владивостокском порту была развернута специальная база перевалки воинских грузов с железнодорожного на морской транспорт и наоборот. Однако и она не имела своих причалов и необходимого оборудования. Все это отрицательно сказывалось на организации и осуществлении воинских перевозок.

В отдельных случаях воинские перевозки выполнялись и военно-транспортной авиацией. Для этого в состав всех трех фронтов были включены части военно-транспортной авиации. Всего на Дальнем Востоке к началу операции имелось

228 транспортных самолетов, в том числе 189 самолетов в Забайкальском фронте.

В ходе подготовки к операции командование и органы тыла фронтов и армий уделяли большое внимание вопросам тщательной маскировки, надежной охране и обороне тыловых частей и учреждений, транспортных средств, тыловых пунктов управления. Особо важное значение приобретало сохранение от разрушения железных дорог и прежде всего крупных искусственных сооружений на них — туннелей, мостов и других объектов. В планах операций фронтов были предусмотрены меры по воспрепятствованию разрушению противником железных дорог как на нашей территории, так и при его отходе. Например, во 2-м Дальневосточном фронте для охраны и обороны железных дорог, кроме частей НКВД, привлекалось шесть зенитных бронепоездов, а в 1-м Дальневосточном фронте — восемь бронепоездов и четыре зенитных бронепоезда.

В целях противовоздушной обороны ст. Баин-Тумэн командование Забайкальского фронта выделило шесть зенитных артиллерийских дивизионов и отдельную зенитную батарею, специальные самолеты, а для борьбы с диверсионными группами противника — подвижные части. Особенно тщательно были разработаны мероприятия по быстрому захвату и надежной охране от возможных диверсий специальных групп противника шести туннелей на железнодорожном участке государственная граница СССР — Муданьцзян, и прежде всего первых трех туннелей на участке государственная граница — Пограничная.

В подготовительный период к операции на Дальнем Востоке работа тыла в значительной степени осложнялась большими межфронтовыми и внутрифронтowymi перегруппировками войск. Эти перегруппировки осуществлялись

▲ К морскому десанту

▲ Запасы ГСМ

по железной дороге (на расстояние до 1500 км), а также комбинированными маршами на 250–500 км. Всего было перевезено железнодорожным транспортом и совершило марш около 30 дивизий (в том числе кавалерийские части монгольской Народно-революционной армии).

Большая часть оперативных объединений, соединений и частей, прибывших с запада в состав Забайкальского фронта, в том числе 39-я, 53-я общевойсковые и 6-я гвардейская танковая армии, выгружались в районе Чойбалсана. Но в связи с тем что однопутная железная дорога на участке Карымская — Борзя — Баин-Тумэн (Чойбалсан) не могла пропустить в установленные сроки требуемое количество эшелонов, часть артиллерии на механизированной тяге и моторизованные соединения пришлось выгрузить на железнодорожных станциях между Читой и Карымской. Отсюда до района сосредоточения они следовали своим ходом (от 600–700 км до 1000–

1200 км). Из района Баин-Тумэна (Чойбалсан) войска всех трех армий и части усиления выдвигались в районы их развертывания на государственной границе еще на 250–300 км. Войска 36-й и 17-й армий для выхода в район развертывания на государственной границе совершили марш на 250–500 км. Одновременно с этим 12-я воздушная армия Забайкальского фронта перебазировалась с аэродромов, расположенных в районах Читы и других, на аэродромы восточной части МНР.

Нельзя не отметить, что войска и тыл, совершавшие марши на такие большие расстояния в степной и полустепной местности, испытывали большие трудности, особенно в обеспечении горючим, твердым топливом, продовольствием, фуражом, водой, в техническом, медицинском и ветеринарном обеспечении. В Забайкалье и в МНР в этот период от высокой температуры воздуха перегревались двигатели танков и автомашин, личный состав войск быстро утомлялся.

В танках и автомашинах плавилась кислотоупорная масса аккумуляторов, что приводило к выходу их из строя. При передвижениях войск, особенно автомобильных колонн, в воздухе поднимались сплошные тучи песчаной пыли, что не только затрудняло движение и демаскировало колонны, но и вызывало усиленный износ механизмов и материальной части танков и автомашин. В условиях высоких температур значительно увеличился расход горючего и воды. Все это требовало дополнительных сил и средств тыла для обеспечения войск как в ходе марша, так и после его завершения, снижало боевую готовность частей и соединений.

Отсутствие естественных ориентиров при исключительном однообразии местности затрудняло вождение колонн и подвоз материальных средств войскам вне дорог, особенно ночью. К тому же источники питьевой и хозяйственной воды и твердого топлива (дров) на путях движения войск встречались крайне редко. Это

вызывало необходимость создавать значительные возимые запасы воды и дров, что в свою очередь увеличивало потребности в автомобильном транспорте и отрицательно сказывалось на регулярном питании личного состава горячей пищей. Например, в войсках Забайкальского фронта дрова для полевых хлебозаводов и кухонь приходилось подвозить на расстояние 500–600 км. Для этого ежедневно требовалось до 50 вагонов и большое количество автотранспорта. Объем подвоза дров по железным дорогам Забайкальского фронта нередко соперничал с объемом подвоза боеприпасов. Так, 1 августа войскам этого фронта было подвезено 34 вагона боеприпасов и 51 вагон дров, 2 августа — 111 вагонов боеприпасов и 107 вагонов дров, 3 августа — 113 вагонов боеприпасов и 50 вагонов дров и 4 августа — 75 вагонов боеприпасов и 106 вагонов дров.

Учитывая большие трудности с подвозом дров, войска вынужде-

ны были приспособлять хлебопечные печи и походные кухни для работы на жидком топливе. Первоначально для сжигания дизельного топлива, нефти и керосина использовались различные примитивные приспособления, вплоть до кирпичей, пропитанных жидким топливом. Затем стали изготавливаться собственными силами форсунки различных конструкций.

Не меньшие трудности были и в обеспечении войск некоторых армий Забайкальского фронта водой. Перегруппировки войск велись на местности, почти полностью лишенной естественных водоисточников. Небольшие озера, попадавшие на пути следования войск, имели горько-соленую воду, не пригодную для питья и приготовления пищи. Колодцы из-за небольшого дебита не обеспечивали потребность войск. Трудности в обеспечении питьевой водой усугублялись отсутствием в войсках опыта изыскания и оборудования водоисточников и соблю-

дения строгого питьевого режима на марше, недостатком табельных средств для хранения и перевозки воды.

Практика водоснабжения войск Забайкальского фронта показала, что для более или менее нормального обеспечения водой необходимо иметь суточный запас ее из расчета 6 л на человека, из которых половина расходовалась на приготовление пищи. Для создания хотя бы минимальных запасов воды в войсках службой продовольственного снабжения частей и соединений были широко использованы различные нетабельные средства: бочки, бидоны, кадки, а также емкости походных кухонь и кипяильники, что позволило обеспечить приготовление горячей пищи и чая личному составу частей. Однако перевозка запасов воды в этой таре вызвала не только много неудобств, но и значительные ее утраты.

Военные советы фронтов, командование инженерных войск и орга-

▲ Продовольствие

▲ Мука для войск

ны тыла приняли ряд срочных мер по разведке и оборудованию новых и ремонту имевшихся водоисточников. В частях и соединениях были созданы внештатные команды водоснабжения, изготовлялась специальная тара. Военным советом Забайкальского фронта были установлены средние нормы потребления воды на одну стрелковую дивизию: в обычных условиях — 138 куб. м, на марше — 75—100, на отдыхе — 150 куб. м.

В ходе перегруппировки инженерные войска Забайкальского фронта выполнили огромный объем работ, связанных с обеспечением соединений и частей водой. Только за период 10 июля — 8 августа 1945 г. при помощи внештатных команд частей и соединений ими было построено 1194 и отремонтировано 322 шахтных колодца, развернут 61 пункт водоснабжения. На маршрутах движения войск колодцы оборудовались на удалении 15–30 км друг от друга. На каждом пункте водоснабжения была создана комендантская служба во главе с на-

чальником пункта — офицером инженерных войск или общевойсковым.

Широкая сеть пунктов водоснабжения, оборудованная различного рода указателями, позволяла войскам четко планировать привалы и создавать необходимые запасы воды с учетом расстояния до близлежащего водоисточника. Для своевременной подготовки пунктов водоснабжения к приему войск на маршруте Баин-Тумэн (Чойбалсан) — Тамсак-Булак между ними устанавливалась телефонная связь.

Опыт водоснабжения войск Забайкальского фронта показал, что если расход воды на приготовление пищи можно сократить до минимума, то суточная норма для питья должна быть не менее 1,5 л в сутки на человека, причем такая крайне ограниченная норма допускается, как правило, не более чем на трое суток. Обычно же войска Забайкальского фронта получали в отдельных случаях минимальную норму воды для питья — 3 л на человека в сутки.

В войсках 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов вопрос водоснабжения не был столь острым и сложным. Наличие в полосах этих фронтов мощных рек — Амур, Сунгари, Уссури, Нонни — с их многочисленными притоками, а также подготовленных еще в мирное время колодцев в Приамурье и Приморье значительно облегчило снабжение войск питьевой водой.

Перегруппировка войск Забайкальского фронта на полупустынной местности потребовала особо тщательной организации снабжения их продовольствием и фуражом. К началу марша обеспеченность продовольствием соединений и частей всех армий доводилась до семи суточных дач. Помимо этого во всех армиях (за исключением 36-й, которая совершала марш вблизи армейских складов) создавался подвижной резерв продовольствия, обеспечивающий суточную потребность трех дивизий. Его расходование на марше допускалось лишь в случае перебоя в снабжении продуктами питания в каком-либо соединении с раз-

решения командира корпуса. Запасы продовольствия в войсках на марше пополнялись один раз в четыре-пять дней.

Опыт продовольственного снабжения войск, и в первую очередь частей Забайкальского фронта, дает возможность установить наиболее выгодный ассортимент продуктов для питания личного состава в условиях жаркого климата и безводной пустынной местности. Картофель, свежие овощи, мясо и рыба быстро портятся, плохо транспортабельны и требуют значительного времени для приготовления горячей пищи. Более рациональным оказалось использование быстро разваривающихся концентратов, мясных и мясо-растительных консервов, макаронных изделий, твердых жиров, сахара и чая. Эти продукты не требуют большого расхода воды на их кулинарную обработку, устойчивы к хранению.

Большую работу в период подготовки к операции проделала медицинская служба. Фронты доукомплектовывались медицинскими частями и учреждениями, на базе местных ресурсов организовывалось производство некоторых медикаментов

Таблица 2

Фронт	Планировалось иметь к началу операции	Фактически имелось	Находилось в пути
Забайкальский	72 700	72 700	—
2-й Дальневосточный	50 850	24 600	20 800
1-й Дальневосточный	88 700	68 900	6 600
Итого	212 250	166 200	27 400

и медицинского имущества (наркотического эфира, ампульных препаратов, гипса и др.). Проводились занятия по повышению теоретических знаний и практических навыков медицинского персонала.

К началу операции в Забайкалье и на Дальнем Востоке имелось 166 200 госпитальных коек. Распределение их по фронтам показано в табл. 2.

Каждая армия, в зависимости от ее состава и боевой задачи, имела от 5 до 12 полевых подвижных госпиталей, 2–4 для легкораненых, 2 инфекционных и 1–2 сортировочно-эвакуационных госпиталя, по одной автосанитарной роте, а большая часть из них

и по одной конно-санитарной роте. С разрешения главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке автосанитарные роты были переведены с двухзвездного состава на трехзвездный. Накануне операции госпитальные базы большинства армий развернулись в два эшелона. Первый эшелон размещался в 20–25 км от переднего края. Полевые подвижные госпитали находились, как правило, в свернутом состоянии с целью быстрого продвижения вслед за наступающими войсками.

С многочисленными трудностями столкнулась ветеринарная служба. Среди конского состава фронтов

▲ Медицинская служба

отмечались случаи эпидемии сапа и кровепаразитарных заболеваний, а в Забайкальском фронте — еще и энцефалита. Большая часть лошадей в войсках, и особенно в 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, была недостаточно упитана. Это объяснялось тем, что сено, заготовленное на Дальнем Востоке, имело низкую кондицию по ботаническому и химическому составу, в нем недоставало многих жизненно важных питательных веществ. Серьезным эпизоотическим фактором являлось также наличие в ряде населенных пунктов Приморья и Хабаровского края чумы крупного рогатого скота.

Ветеринарной службе фронтов пришлось провести целый ряд организационных противоэпизоотических и учебных мероприятий. Был установлен строгий контроль за питанием личного состава продуктами животного происхождения, всем лошадям сделаны предохранительные прививки. В целях повышения упитанности конского состава велись изыскания дополнительных источников кормления. В частности, по опыту войны с фашистской Германией заготавливались и скармливались кустарниковые ветки, создавались специальные кормовые кухни, на которых

из местных растений изготовлялись объемные корма — заменители сена. Большое распространение получило также скармливание лошадям проросшего овса. Принятые меры позволили значительно улучшить эпизоотическое состояние районов сосредоточения войск, привести конский состав в удовлетворительное состояние, ликвидировать очаги опасных заболеваний.

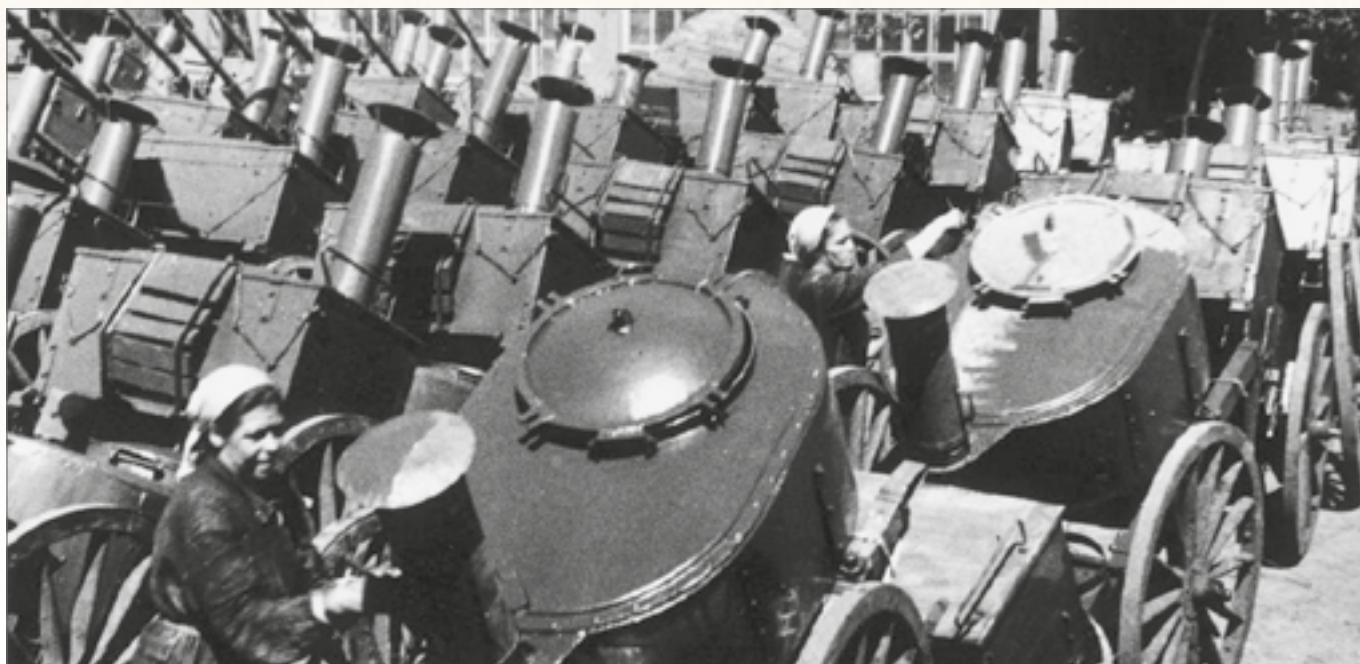
В подготовке службы вещевого снабжения особых затруднений не было. К началу операции войска были полностью обеспечены обмундированием по летнему плану, на складах фронтов и армий имелись необходимые запасы вещевого имущества.

Специфика театра военных действий обусловила ряд особенностей и в организации управления тылом. Вследствие сосредоточения войск и тыла на отдельных операционных направлениях и больших расстояний от тыловых пунктов управлений (ТПУ) фронтов до ТПУ армий, а также от ТПУ фронтов и армий до основных группировок тыловых частей и учреждений установить между ними прочную радиосвязь не представлялось возможным. Поэтому основным способом руководства подготовкой и

деятельностью подчиненных органов тыла являлось регулярное командирование в войска небольших оперативных групп из числа офицеров штабов и управлений (отделов) тыла фронтов и армий.

Расстояние от ТПУ Забайкальского фронта до ТПУ армий составляло: 17-й армии — 270 км, 53-й армии — 150 км, 6-й гвардейской танковой армии — 280 км, 36-й армии — 340 км, конно-механизированной группы — 400 км; ТПУ 2-го Дальневосточного фронта был удален от ТПУ 2-й Краснознаменной армии на 625 км, 16-й армии — на 1100 км и от управления тыла Камчатского оборонительного района — на 3440 км.

Таким образом, органами всех звеньев тыла в короткий срок была проделана огромная работа по подготовке театра военных действий, обеспечению перегруппировок и сосредоточения войск, созданию запасов материальных средств, подготовке тыловых частей и учреждений. Сложные физико-географические условия ТВД, огромные расстояния и слаборазвитая сеть путей сообщения до крайности осложнили ее выполнение. По несмотря на это, личный состав тыла успешно справился с поставленными задачами. ■

▲ Полевые кухни

Е.Ю. СПИЦЫН

НИКИТА ХРУЩЕВ И «НЕФТЯНАЯ ИГЛА»

▲ XX съезд КПСС

В начале XX века экономика Российской империи стремительно развивалась, однако разрыв между нею и передовыми странами Запада нарастал. Россия шла вперед, но все больше и больше отставала. Россия становилась сильнее, чем была вчера, но слабела по отношению к соседям. В итоге страна полностью утратила внешнеполитическое влияние, потерпела ряд унижительных военных поражений, в том числе от азиатской Японии.

Российская империя настолько утратила суверенитет, что вынуждена была вступить в Первую мировую войну со своим крупнейшим торговым партнером (Германией) исключительно в интересах своих кредиторов. Однако правящий режим оказался неспособным контролировать ситуацию в стране в неблагоприятных военных условиях и рухнул.

Сейчас положение гораздо более катастрофическое: РФ не развивается медленнее, чем соседи, она деградирует. Мы не отстаем в гонке к постиндустриальному обществу, мы скатываемся к рентной экономике феодализма. Рентой стало все.

Власть — тоже рента, система власти в России копирует модель допетровской бюрократии, когда волости и края отдавались «в кормление». РФ стремительно деградирует социально, экономически, технологически, научно и инфраструктурно. Страна умирает. «Вылечить» ее никакими реформами уже невозможно.

В конце XIX века альтернатива была такой: индустриализация или смерть. Для осуществления индустриализации потребовалась смерть романовской империи и революция. Сейчас альтернатива в следующем: «постиндустриализация или смерть».

Дети и внуки хрущёвско-горбачёвских «шестидесятников», увешанные громкими учёными степенями и званиями, либо не знают, либо сознательно скрывают, что «нефтяная игла» — это наследие столь почитаемого в их кругах Никиты Хрущёва, быть может, одной из самых зловещих фигур отечественной истории.

2021 год — это год двух «хрущёвских» юбилеев. В феврале месяце — 65-летие XX съезда КПСС, а второй — 60-летний юбилей, правда, он остался незамеченным, поскольку совпал с боем кремлёвских курантов за новогодним столом.

Как ни странно, но последний юбилей имеет самое прямое отношение к парламентским выборам этого года. И вот почему. Проницательный зритель, который ещё забавляется просмотром политических ток-шоу, мог подметить одну характерную деталь: все наши записные «оппозиционеры» уже давно оседлали старую клячу по имени «нефтяная труба» и любой диспут в студии сразу переводят в истошные крики о её бессмертии. Эти вопли родились не сами по себе, и любому здравомыслящему человеку более чем очевидно, что это вполне скоординированный и точно просчитанный курс политической борьбы: именно на экономических проблемах страны и неизбежных социальных конфликтах наша пятая колонна сосредоточивает весь удар своей тяжёлой артиллерии в надежде получить как минимум хотя бы 3% голосов, а вместе с ними и государственное финансирование партийных структур.

▲ Денежные знаки 1947 года

Между тем все эти господа — дети и внуки хрущёвско-горбачёвских «шестидесятников», увешанные громкими учёными степенями и званиями, либо не знают, либо сознательно скрывают, что «нефтяная игла» — это наследие столь почитаемого в их кругах Никиты Хрущёва, быть может, одной из самых зловещих фигур отечественной истории. Они лишь, будучи у власти все 90-е

годы, да и сейчас оставаясь у руля всего финансово-экономического блока нашего правительства, довели эту зависимость до полного абсурда, а сейчас, как говорится, с большой головы на здоровую...

Как известно, 1 января 1961 года в стране провели новую денежную реформу, в результате которой произошёл простой обмен старых денежных купюр на новые купюры без

какой-либо конфискационной составляющей. Хотя на самом деле всё было не так просто, как это кажется на первый взгляд. Традиционно эту реформу представляют в виде обычной деноминации, поскольку для непосвящённых обывателей всё выглядело довольно банально: старые сталинские «портянки» заменили новыми хрущёвскими «фантиками», существенно меньшими по размеру, но более дорогими по номиналу. Находившиеся в обращении денежные знаки образца 1947 года были обменены без ограничений на новые денежные знаки образца 1961 года в соотношении 10:1, и в том же соотношении изменились цены на все товары, тарифные ставки зарплат, пенсии, стипендии, пособия, платёжные обязательства, договора и т.д.

Однако тогда практически никто не обратил внимания на одну немаловажную деталь: до проведения реформы доллар стоил 4 рубля, или 40 копеек в новом исчислении, а после её проведения курс доллара был установлен в 90 копеек. Многие наивно полагали, что теперь рубль стал дороже доллара, но на самом деле

доллар существенно подорожал — в 2,25 раза, то есть с 40 до 90 копеек в новом исчислении. То же самое произошло и с золотым содержанием рубля: вместо 2,22 г золота в нём осталось лишь 0,98 г золота. Таким образом, рубль был недооценён в 2,25 раза, а его покупательная способность по отношению к импортным товарам во столько же раз уменьшилась.

Недаром бессменный министр финансов СССР, знаменитый «сталинский нарком» Арсений Григорьевич Зверев, занимавший свой ответственный пост с 1938 года, узнав о том, что в начале мая 1960 года Хрущёв подписал Постановление Совета Министров СССР «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами», сразу ушёл в отставку, поскольку прекрасно понял, к чему приведёт эта, казалось бы, простая деноминация денег.

Дело в том, что сразу после проведения сталинской денежной реформы 1947 года по личному указанию вождя Центральное статистическое управление СССР

(Владимир Никонович Старовский) пересчитало и валютный курс нового советского рубля, который с 1937 года был привязан к американскому доллару. Первоначально, ориентируясь на покупательную способность рубля и американского доллара, советские экономисты вывели соотношение: 14 рублей за 1 доллар вместо прежних 53 рублей. Но, по свидетельству тогдашних глав Госплана и Минфина СССР М.З. Сабурова и А.Г. Зверева, Сталин сразу перечеркнул эту цифру, указанную в справке ЦСУ, и прямо заявил, что соотношение доллара к рублю должно быть на уровне 1:4, и не больше.

Установление золотого содержания рубля и его отвязка от американской валюты были вызваны тремя основными причинами:

1) существенным снижением розничных цен, что значительно увеличило меновую стоимость нового советского рубля;

2) созданием социалистического лагеря, что побудило советское руководство придать рублю международный стоимостной уровень и заменить американский доллар

▲ Зверев А.Г.

▲ Один рубль 1961 года

▲ Бурильщики

в качестве основной клиринговой расчётной единицы;

3) крайне агрессивной политикой Федеральной резервной системы США, которая, опираясь на Бреттон-Вудские соглашения 1944 года, привела экономики многих зарубежных стран к фактической долларизации, к выходу всей денежной массы из-под реального контроля национальных банковских структур и переходу их под полный контроль ФРС.

Поэтому в реальности последствия хрущёвской реформы оказались губительными для нашей страны и в ближайшей, и в отдалённой перспективе, поскольку:

1). Резко подорожал весь импорт и заграничные товары, которые для советских покупателей всегда были малодоступны, теперь вообще перешли в разряд предметов роскоши, а затем и спекуляции.

2). Цены в государственной торговле изменились ровно в 10 раз, но на колхозном рынке они изменились лишь в 4–5 раз. В результате этой «разбалансировки» начался быстрый отток продуктов из государственной торговли на сильно подорожавший

колхозный рынок, что довольно больно ударило по благосостоянию практически всего народа и, напротив, положило начало тотальной коррупции в советской государственной торговле, так как директора многих государственных продовольственных магазинов через своих агентов стали массово сбывать весь ходовой товар, в частности, мясо и колбасы, на колхозный рынок, одновременно выполняя план продаж и получая от этой нехитрой операции существенный навар в собственный карман.

3). В течение 1962–1963 годов скрытый рост цен в государственной торговле составил более 60%. Особенно тяжёлая ситуация сложилась в регионах, поскольку если в Москве и Ленинграде положение в государственной торговле хоть как-то контролировалось местными властями, то в краевых, областных и районных центрах многие виды продовольственных товаров полностью исчезли из государственной торговли и перетекли на колхозный рынок. В результате «сталинское» магазинное изобилие, столь характерное для всех 1950-х годов, в одночасье сменилось

полупустыми прилавками. Поэтому, чтобы хоть как-то компенсировать отток основных продуктов, прежде всего мяса и колбас, на колхозный рынок, было решено повысить розничные цены в государственной торговле. И в мае 1962 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении цен на мясо-молочную продукцию».

4). Ещё одной причиной проведения денежной реформы, как это ни покажется странным, оказалась пресловутая нефть. Дело в том, что в послевоенный период в нашей стране произошёл огромный рост её добычи — с 20 до 148 млн т, и именно тогда, в мае 1960 года, Н.С. Хрущёв при поддержке ряда членов Президиума ЦК, прежде всего Анастаса Микояна, Фрола Козлова и Николая Подгорного, пробивает решение о начале широкомасштабного экспорта сырой нефти за рубеж. В первые послевоенные годы экспорт нефти и нефтепродуктов из СССР был крайне незначителен и составлял в валютной выручке страны меньше 4% всего её внешнеторгового баланса. Причина этого

*Объемы добычи нефти, экспорт нефти и нефтепродуктов
в России – Советском Союзе в 1920–1990 гг.*

Год	Добыча нефти, млн т	Экспорт, млн т		Год	Добыча нефти, млн т	Экспорт, млн т	
		нефти	нефтепродуктов			нефти	нефтепродуктов
1920	3,9	—	—	1962	186,2	26,3	19,1
1922	5,3	0,04	0,05	1965	242,9	43,4	21,0
1924	7,1	0,06	1,3	1970	353,0	66,8	29,0
1926	10,3	0,16	1,9	1972	400,4	76,2	30,8
1928	11,6	0,29	3,3	1975	490,8	93,1	37,3
1931	22,4	0,38	4,8	1977	533,8	122,1	38,9
1934	24,2	0,46	3,9	1980	603,0	119,1	41,3
1938	30,2	0,17	1,2	1982	591,1	122,4	49,7
1940	31,1	—	0,9	1985	595,0	117,1	49,7
1946	21,7	—	0,5	1987	624,0	136,6	59,2
1950	37,9	0,3	0,8	1988	624,3	144,2	61,0
1954	59,3	2,1	4,4	1989	607,0	127,3	58,1
1958	113,2	9,1	9,0	1990	571,2	108,7	50,1

состояла в основном в том, что все 1950-е годы баррель (бочка) сырой нефти на мировом рынке стоил менее 3 долларов, то есть 12 советских рублей, а себестоимость добычи и транспортировки советской сырой нефти составляла более 9,5 рублей, то есть её экспорт за рубеж был просто нерентабельным.

Рентабельным этот экспорт мог стать только в том случае, если за доллар будут давать значительно больше рублей, чем прежде. А поскольку при Хрущёве в условиях резкого повышения добычи нефти в 7,5 раз стал расти и её экспорт за рубеж, требовалось изменить соотношение доллара к рублю для пополнения серьёзно исхудавшего бюджета, ставшего «невинной жертвой» всех хрущёвских инноваций в промышленно-аграрном секторе советской экономики. Теперь при изменении курса валют баррель нефти в пересчёте на советские дензнаки стал стоить 2,7 новых, или 27 старых рублей, то есть в 2,25 раза больше, чем при Сталине.

В этой ситуации при вполне стабильных мировых ценах на сырую нефть и сохранении её прежней се-

бестоимости экспорт нефти за рубеж оказался довольно выгодной штукой.

Таким образом, денежная реформа явилась не простой деноминацией. Она принесла экономике страны непоправимый вред и две хрониче-

ских беды: зависимость от нефтяного экспорта и хронический дефицит продовольствия, которые впоследствии и станут одними из главных экономических факторов, погубивших Советский Союз. ■

▲ Нефть пошла

Н.Ф. ЧЕРВОВ, генерал-полковник, участник Великой Отечественной войны,
кандидат военных наук

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ ИСТОРИИ

▲ Берлин, май, 1945 г.

Когда-то в недалекие времена фальсификаторы серьезно заботились о том, чтобы их не схватили за руку. Они предпочитали действовать в потемках, напускали тень на светлый день, старались как-то замаскировать подоплеку обмана. Пожалуйста, ищите сколько угодно, гадайте, предполагайте до умопомрачения. Улик никаких нет, а не пойман — не вор. Сейчас время другое — не надо прятаться за углом,

скрывать свои мысли, писать эзоповским языком. Свобода началась — говори и пиши, что хочешь и как хочешь, доказательств не надо, выдавай подделку за полуправду, разыгрывай из себя праведника. Других, особенно ушедших из жизни, можно костерить любыми словами, навешивать на них любые наветы и ярлыки. На то и свобода, чтобы насмеяться над здравым смыслом, обманывать своих и чужих.

Используя новую моду, бывший член Политбюро ЦК КПСС, «философ» из Канады, ставший главным идеологом марксизма-ленинизма, Александр Яковлев в одном из своих интервью глаголил буквально следующее:

«1. Советский Союз не выиграл, а проиграл войну по причине катастрофических потерь;

2. У нас не было талантливых военачальников. Сталин — никакой он

не великий полководец. Это предатель... просто уголовный преступник. Перестройка была задумана вместе с М. Горбачевым еще в Канаде, когда был послом. Если бы не верил, то не брался бы за перестройку». (Московская промышленная газета. 2000).

Все советское для А. Яковлева — негоже, ужас, издевательства. Никаких успехов у нас не было. А вот монархия царя Николая II оказывается не самодержавием и разгулом реакции, голодом и разрухой страны, позорищем нашей истории, а чуть ли не процветающим, передовым, демократическим государством. Даже Распутин, по Яковлеву, был демократом. И все это «царство во Христе», дескать, порушила контрреволюция 1917 г. и т. д.

Круто завернул бывший главный идеолог и второй коммунист страны. Сразу видно, что по части околпачивания людей, умения выдать черное за белое он не имеет себе равных. Его безответственные заявления напоминают речи человека, обкурившегося марихуаны и потерявшего способность объективного анализа истории. Однако ложь и профанация никому не приносили лавров. В.И. Ленин в свое время учил, что народу надо говорить правду. Только тогда у него раскроются глаза, и он научится бороться против неправды. Неужели главный идеолог марксизма-ленинизма забыл такую простую истину?

Заявление его о том, что мы проиграли войну, само по себе бредовое и не нуждается в комментарии. А вот что касается его лепета о неумении воевать, о катастрофических потерях, то здесь требуются разъяснения. Получается так, что, не умея воевать, мы все-таки выстояли под натиском самой мощной, обученной, опытной фашистской армии, не умея воевать, мы сломали ей хребет, сокрушили, разгромили ее, освободили родную землю и еще пол-Европы и, наконец, не умея воевать, одержали Великую Победу! Абсурдность домыслов правдоискателя А. Яковлева очевидна, а ведь они кочуют по страницам «независимых» газет, растлевают неокрепшие молодые души.

Утверждения об отсутствии у нас талантливых военачальников — тоже беспардонная ложь. Советские военачальники признаны всем миром — и союзниками, и врагами — и оценка А. Яковлева здесь не имеет никакого значения. Это — пустозвонство, не более того.

Что касается наших потерь, то в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками за годы Великой Отечественной войны общие безвозвратные потери наших Вооруженных Сил составили 8 млн 668 тыс. человек. Это — цена нашей победы. Она безмерно горька и тяжела. Но спекулировать на ней не позволено никому. Сей мерзавец винит Сталина в том, что победа нам досталась слишком дорогой ценой! Резонно спросить: а разве поражение было бы дешевле?

Наши потери сопоставимы с потерями агрессора. Они составляют у фашистской Германии около 6,9 млн человек плюс сокрушительный разгром всего гитлеровского третьего рейха.

По планам «Барбаросса» и «Ост» подлежали уничтожению и умерщвлению десятки миллионов наших

соотечественников. Агрессору удалось погубить — вместе с убитыми на фронте — в общей сложности более 27 млн советских людей.

Говорю о цене Победы и цене войны для нашего народа и его Вооруженных Сил для будущего поколения лишь для того, чтобы подчеркнуть: мы заплатили эту страшную цену, но отстояли свою землю, свое государство, будущее всего человечества. Отстояли и сохранили честь и достоинство советского народа, негибаемую нравственную, патристическую силу его духа. Речь идет не о нашей «катастрофе», а о полном крушении претендентов на мировое господство, о нашей Победе — безоговорочной и блистательной.

Тяжелые потери наших войск в начальный период войны 1941 г. связаны со многими причинами. А. Яковлев, цепляясь за эти потери, пытается превратить их в горькие рыдания, с тем чтобы таким путем оскорбить великое поколение советских полководцев во главе со Сталиным, принизить роль Победы и победителей. Однако бабий вой бывшего «члена» на этот счет является насквозь фальшивым и лицемерным,

▲ Бои в городе

▲ Сталин И.В.

а его катастрофические выводы с военной точки зрения — безграмотные и убогие, построенные на подтасовке фактов.

Названные А. Яковлевым цифры о потерях за первые три месяца войны (более 2 млн человек убитых и более 2 млн человек попавших в плен) преувеличены. Всего за 6 месяцев и девять дней 1941 г. было убито и умерло на этапах санитарной эвакуации 465,4 тыс. человек, умерло от ран и от болезней в госпиталях 336,8 тыс. человек, пропало без вести и попало в плен — 2 335,5 тыс. человек. (Гриф секретности снят.)

Несмотря на наши тяжелейшие потери, это еще не было катастрофой, как считает А. Яковлев. 10 сентября фронт на западном направлении фактически стабилизировался на рубеже восточнее Смоленска (Ярцево). При этом ни одна из стратегических целей, намеченных гитлеровским командованием, не была достигнута. Блицкриг рухнул. Впереди у немцев была дорога в могилу — битвы под Москвой и Сталинградом.

Разгром фрицев под Москвой потряс весь гитлеровский вермахт: потери составили более 500 тыс. солдат

и офицеров, 1300 танков, 2500 орудий, свыше 15 тыс. автомашин. Гитлеровцы были отброшены от Москвы на 150—400 км. Фюрер снял с должностей 35 генералов, в их числе — главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал Браухич, командующие группами армий Бок, Лееб, Рундштедт, Гудериан, Гопнер. По оценке немецкого генерала Г. Блюментрита, «Московская битва — это поворотный пункт всей кампании в России, первый сильнейший удар по Германии как в политическом, так и в военном отношениях».

Только за счет резкого ослабления своих сил в Европе Германии удалось спасти войска на советско-германском фронте от полной катастрофы.

В Сталинградском сражении немцы потеряли 1,5 млн человек убитыми, до 3500 танков и около 3000 самолетов. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли Германию и всю военную машину гитлеровцев.

Лжеисторику А. Яковлеву хотелось бы забыть, не вспоминать об этом, обелить фашистов, сосредото-

точиться на наших потерях в первые дни войны. Но профанация опошляла самого автора: мировые войны малой кровью не выигрываются! Не помогла прохиндею и его лютая ненависть в адрес Советской Армии.

Теперь о том, что «Сталин — предатель... просто уголовный преступник». Можно, конечно, сегодня в открытую мстить Сталину, все грехи на него валить. Но говорить о том, что он предатель, преступник... Извините. Если «крыша поехала» у бывшего «члена», то надо лечиться. Но дело здесь, видимо, в другом — А. Яковлев действует по принципу «держи вора!» Являясь «агентом влияния», масоном, подельником Горбачева по развалу Советского Союза, русофоб и открытый враг всего советского, он имеет при этом в своей душонке Иуды более глубокие замыслы.

У А. Яковлева один аргумент. «Мы сейчас, — заявляет он, — выпускаем сборник документальных материалов, посвященный маршалу Жукову. Там он пишет, какой Сталин полководец: только на втором этапе войны он стал чему-то учиться». Прямо скажем: слабый аргументишка, как соломинка для утопающего. К тому

же, уверен, материал будет подтасованный, обманный. Ведь на деле бывший «член» пытается поставить под сомнение не Сталина-полковнца, а профессионализм всей системы управления при Советской власти, подготовку и уровень руководства войной Ставки ВГК, плеяды талантливых полководцев и военачальников, в том числе и маршала Г. К. Жукова.

Что касается выдающихся способностей советского лидера, то яковлевская грязь к нему не пристанет, она опровергается фактами. Я уже писал о том, что за две пятилетки Сталин столько сделал для подготовки страны к войне, сколько даже гитлеровцы не мыслили, не ожидала западная «демократия» и до сих пор не поняли его идеологические враги и недруги.

Сталин верил в победу с первого дня войны, внушил эту веру советскому народу, который под его руководством разгромил гитлеровскую Германию практически в одиночку. Это является неоспоримым доказательством политического и военного

таланта Сталина, его квалифицированного руководства Великой Отечественной войной, принесшей мировую славу нашей стране, о чем мир, спасенный будет помнить всегда.

Такова была личность Сталина. Об этом нельзя забывать и события прошлого надо рассматривать объективно, во всей их многогранности, со всеми позитивами и негативами, то есть серьезно и ответственно. Надо отказаться от политического шаманства и перестать оплевывать боевое советское прошлое. Следует и историю СССР круто разворачивать, чтобы сохранить самих себя и в первую очередь нашу Россию.

С этих позиций необходимо, в частности, подходить к заявлениям бывших «верных ленинцев» о том, что победа в Великой Отечественной войне «достигнута народом не благодаря деятельности Сталина, а вопреки ему, вопреки ущербному руководству страной и Красной Армией».

Получается такой фокус: и Сталин — плохой, и руководство страны — никчемное, и военачальни-

ки —никудашные. А вот народ все сделал сам и, вопреки правителям, одержал победу. Глупость это несусветная. А еще величают себя академиками, учеными, писателями. На кого рассчитаны такие заявления? На простаков и несмышленишей, которые, возможно, поверят бывшим идеологам и «инженерам человеческих душ». Только эту аудиторию они могут обмануть. В другом месте для них электората нет.

Никто не отрицает прописную истину о решающей роли народа, народных масс в общественном развитии, в историческом процессе, в том числе и в достижении победы. Но народ — это не абстрактная категория. Он включает в себя миллионы людей и конкретных личностей. При этом активная личность творит историю своим трудом, своими волей и разумом, выдающимися способностями, талантом организовать народные массы и мобилизовать их на решение определенных задач. Такие выдающиеся деятели обнаруживают свои способности в наиболее

▲ По врагу прямой наводкой

Когда председатель КГБ Крючков доложил Михаилу Горбачёву о том, что, де, Архитектора Перестройки завербовали американцы, "Горби" сказал буквально следующее: «Яковлев — полезный для перестройки человек? Если полезный, то простим его. У кого в молодости грехов не было?..»

▲ Предательский тандем

значительные переломные моменты истории, например, в ходе крупных войн, революций, восстаний и т.д.

К примеру, на войне лучше иметь армию баранов во главе со львом, чем армию львов во главе с бараном (по образному выражению Наполеона). Возможно, здесь высказаны крайности, но по существу сказано верно. Никакой, даже самый героический народ и его армия, представленные сами по себе, не могут в любой войне не только победить, но и вообще как-то организованно действовать. Это будет толпа отважных людей, обреченная на поражение. Только во главе с талантливыми руководителями она превращается в неодолимую силу.

Такими руководителями у советского народа были Сталин и его военачальники. Они сумели в ходе войны преодолеть свои ошибки и просчеты и благодаря своему политическому и военному таланту вырвать из рук гитлеровских полководцев уже в 1941 г. (пусть временно) стратегическую инициативу, а затем твердо и целеустремленно направить все военные и экономические усилия страны на отпор врагу и достижение Победы.

Кто этого не понял, тот не сможет познать подлинную историю Второй

мировой и Великой Отечественной войн. Он будет навечно зашоренным идеологическими сказками: что вот, мол, гитлеровские генералы делали все правильно и потерпели жестокое поражение, а советское руководство (Сталин и его полководцы) воевали неграмотно, бездарно — и вдруг каким-то чудом одержали победу.

Реальность посрамила нынешних оракулов. Поэтому они пытаются представить наше боевое прошлое только в негативном виде, выискивая отдельные недостатки, ошибки, другие мелочи и умышленно замалчивая величие побед советского оружия в минувшей войне. Но умственные потуги эти тщетны.

Поддерживая высказывания академика А. Яковлева, некоторые «правдоискатели» доходят до абсурда. Они обвиняют Сталина в «культуе единомыслия» по военным вопросам: что он накануне и в первые дни войны не общался с военным руководством страны и принимал решения единолично, что и привело к просчетам и ошибкам. Создается впечатление, что Сталин был такой дурак, что не понимал происходящее, не разбирался в обстановке и лишь мешал работе Наркомата обороны и Генштаба. В действительности все было не так.

По воспоминаниям А. М. Василевского, Н. Г. Кузнецова и других военачальников, начиная с марта—апреля 1941 г. Сталин в своей работе почти повседневно опирался на аппарат Генерального штаба. А в первые дни войны без участия этого высококвалифицированного органа Сталин не принимал ни одного серьезного решения. Начальник Генштаба был его главным советником по военным вопросам.

«Даже в напряженные часы своей занятости, — вспоминал Н. Г. Кузнецов, — Сталин находил время принять меня, выслушать и дать исчерпывающий ответ. Не надо винить Сталина в том, чего не было. Сосредоточение власти в руках одного человека, воля Сталина, его способность «выдержать характер» сыграли решающую роль в начале войны, особенно в трудные дни битвы за Москву».

Возникает вопрос: зачем А. Яковлев фальсифицирует исторические факты? Мне кажется, что ему захотелось выступить на этот раз разрушителем духовности русского народа. Поэтому он вприпрыжку погнался за западными советологами, за Резуном, Волкогоновым, Радзинским и др. Термин «преступник» пришел к нам с Запада. У нас его подхватили те «идеологи», которые участвовали в развале Советского Союза, а сейчас используют тот же прием антисталинизма, нанося удар по России из-за угла.

Теперь, чтобы развалить Россию, не дать ей возможность возродить государственную державность, советский академик А. Яковлев выступает в этом деле как политический киллер, который целит в нашу историю, а на деле стреляет в будущее русского народа. Он пытается растлить новые поколения России, сделать их манкуртами (людьми без памяти). А это, на мой взгляд, можно квалифицировать как истинно уголовное преступление.

Относительно сожаления А. Яковлева о провале перестройки, то это не более чем фарс. Время показало, что задуманная М. Горбачевым с А. Яковлевым перестройка на деле

стала капитуляцией перед Западом и привела в конечном счете к развалу Советского Союза.

Перестройка, как метко окрестил ее народ, — есть перестрелка. Итоги перестройки и либеральных реформ, спланированных по сговору в Канаде, оказались катастрофическими для страны, а ее исполнители стали политическими банкротами.

Пройдя через Чернобыль, Спитак, гибель пассажирского парохода «Адмирал Нахимов», через события в Алма-Ате, Сумгаите, Нагорном Карабахе, во Львове, в республиках Прибалтики, в Баку, Тбилиси, через забастовки, митинги, демонстрации по всей стране, через агонию и распри в руководстве, перестройка подвела страну к самой грани гражданской войны. Партийно-государственная власть во главе с бездарными личностями М. Горбачевым, Э. Шеварднадзе и А. Яковлевым увидела свою непригодность и неспособность управления великой державой. Обстановка в государстве уходила из-под контроля. Ускользала и власть из рук. Настал разгон КПСС, развал СССР, хаос, беспредел, обнищание народных масс. Дело было сделано. Задание выполнено. А. Яковлев доносил хозяину: «Теперь мы ползаем, задыхаясь, по вязкой болотной топи». Таков финал преступного антинародного режима Горбачева — Ельцина и их поделщиков.

Кошунственно для человека, носящего титул академика, объяснять развал страны, ее разграбление, крах экономики, беспризорное будущее так называемыми деформациями демократии, ленью народа, восстановившего за короткий срок после войны из руин огромное государство и выведшего его на уровень супердержавы мира.

По крупному счету можно сказать: если у кого есть желание детально разобраться, почему погряз во лжи бывший член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, академик А. Яковлев, то следует пристальнее присмотреться к тому, что он писал и говорил, будучи главным идеологом марксизма-ленинизма в СССР, что творил накануне и в период развала Советского

государства, как он перелицовывает прошлое и передергивает настоящее теперь, подкапывается под будущее России. Его потуги спрятать нашу Победу, вытравить из памяти человеческой великое прошлое советского народа тщетны, хотя вред от них немалый.

Не будем забывать при этом итоги войны, уроки истории, а также ее фальсификаторов, которые, прикрываясь учеными званиями, глумятся рад памятью миллионов жертв фашистской агрессии.

Философу из Канады довольно громко подпевают известные писатели фронтового поколения В. Астафьев, Д. Гранин, Б. Васильев и другие. Они пытаются утверждать, что мы воевали мясом, кровью, горами трупов, заградотрядами, штрафными ротами и батальонами, а вот немцы воевали лучше нас. Поэтому нам нечего праздновать и нечем гордиться.

Я не хочу ни в чем упрекать писателей-фронтовиков и перекраивать их писательское мышление. Но мне, участнику Великой Отечественной, важно разобраться в другом: почему инженеры человеческих душ выдают себя за каких-то уникальных фронтовиков, и кто им дал право клеветать на советский народ, на Красную

Армию, на наше боевое прошлое? С какой целью они большую правду о войне советского народа огульно очерняют мрачными обобщениями и выводами, не утруждая себя никакими доказательствами и ссылками на исторические факты?

Позволю себе высказать видение событий на основе личного опыта, с высоты ротных и батальонных амбразур.

Мы схватились в мертвой хватке с фашизмом, когда почти вся Европа была им повержена. Мы были последней надеждой человечества. Весь мир затаил дыхание в 1941 г.: выдержим мы, выстоим или гитлеровцы нас сомнут, возьмут верх. Эта была схватка на смерть: или мы, или они. Мы победили, смели захватчиков со своей территории и освободили еще пол-Европы.

В устах вышеуказанных писателей наша Победа — безродна, как будто кому-то продана. Они забыли героев войны, миллионы рядовых бойцов и командиров, руководителей и организаторов Победы, забыли партию большевиков, которая подняла советский народ на священную войну за свободу и независимость нашей Родины. А следовало бы сказать обо всем этом, пусть со злорадством, но ради правдивости, объективности.

▲ Партийный билет, пробитый пулей

Да, во время войны были невинные жертвы. Но были и гитлеровские душегубки, Хатынь, Бухенвальд, Освенцим, Майданек и многие десятки других гитлеровских концлагерей, через которые прошли 18 млн человек всех национальностей. В этих лагерях смерти погибли миллионы и миллионы людей. Это тоже, господа писатели, «искусство» нацистских головорезов, «искусство» убивать, уничтожать, сжигать, истреблять, грабить, колонизовать. Только в Освенциме было обнаружено шесть тонн женских волос, срезанных с замученных!

Для советского народа война была Великой Отечественной, для гитлеровцев это не была война в общепринятом понимании. Важнейшие международные конвенции, договоры, соглашения, правила войны, нормы морали нацисты отбросили. Они имели перед собой цель: «Искоренение еврейского большевизма, сокращение на порядок численности славянского населения,

разграбление и колонизация завоеванных областей» (Гитлер).

Если оценить искусство «русского похода» гитлеровцев, то по крупному счету все руководство нацистской Германии, включая генералитет, не сомневалось в своем полнейшем военном успехе. Поэтому никаких альтернатив пресловутому блицкригу не прорабатывалось и не предусматривалось. Никаких стратегических резервов на непредвиденные обстоятельства не создавалось. Достоверно известно, что запас горюче-смазочных материалов был всего на 800 км хода, боеприпасов и продовольствия — всего на 20 дней, вся военная кампания была рассчитана на 3 месяца. За этот срок Гитлер планировал расправиться с Советским Союзом.

С точки зрения военного искусства замысел гитлеровцев победоносно закончить войну против СССР проведением одной кампании являлся непосильным для фашистской Германии. Они недооценили силы и воз-

можности Советского Союза, способности советского народа и Красной Армии защитить свою Родину и дать жестокий отпор агрессору.

Их план «Барбаросса», военная политика и стратегия были авантюрными, о чем было рассказано выше.

А теперь рассмотрим детали. Если говорить о боевых качествах противника, то, конечно же, было бы несерьезно и глупо считать его стратегию и тактику на поле боя неполноценными. Да и никто так не считает. В 1941–1942 гг. немцы воевали здорово, смело, свободно маневрировали своими резервами, создавали сильные ударные группировки войск на избранных направлениях, наносили удары по нашим флангам, окружали наши армии, создавали многочисленные «котлы». Мы отступали, оставляя города и села. Нередко в панике бежали. Несли огромные потери в людях и технике.

Но все это было в условиях, когда противник, используя оперативно-тактическую внезапность нападе-

▲ Нацистские изверги

ния и многократное превосходство в силах и средствах на основных направлениях наступления, владел стратегической инициативой, когда использовались мощные танковые тараны, абсолютное господство в воздухе, когда расчет делался на то, чтобы к зиме покончить с Советским Союзом, когда гитлеровцы, опьяненные первыми победами, рвались к Москве, Ленинграду и Киеву любой ценой.

После поражения под Москвой такими качествами противник не владел. Кто воевал на фронте, тот знает, что после Москвы и Сталинграда немецкая пехота не могла воевать без танков и авиации. Немецкая артиллерия была намного слабее нашей. Наземная разведка действовала слабо. Крупным недостатком немецкого командования была переоценка своих сил и возможностей и недооценка наших сил, в результате этого гитлеровские войска в 1941 — 1942 гг. не сумели достигнуть ни одной стратегической цели. Где же здесь искусство?

Для большей убедительности сошлюсь на Московскую битву. Некоторые буржуазные историки и битые гитлеровские генералы, а также доморощенные фальсификаторы истории пытаются объяснить поражение немцев под Москвой в декабре 1941 г. невыгодным для немцев соотношением сил. Но факты говорят о том, что никакого численного превосходства ни в людях, ни в технике на стороне советских войск не было. К декабрю 1941 г. на западном стратегическом направлении противник имел 801 тыс. солдат и офицеров, 14 тысяч орудий и минометов, 14 тыс. танков против наших 718 800 человек, 7985 орудий и минометов и 720 танков. (Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945 гг. Краткая история. М.: Воениздат, 1965. С. 128).

Мы превосходили врага лишь по авиации (в два раза). И тем не менее советские войска одержали победу. Одержали победу не числом, а умением.

Возьмите, к примеру, Сталинградскую битву. Почему немцы оказались в окружении? Да потому, что главные

▲ Курская дуга

силы Паулюса вырвались вперед к Сталинграду, тылы отстали, фланги оголились, резервных сил не оказалось. Растянули фронт, разжижили, ослабили. Вот и устроили себе «Сталинград».

А что было на Курской дуге? С 5 по 23 июля 1943 г. три советских фронта в оборонительном сражении (при соотношении сил 1:1,3 в нашу пользу) потеряли убитыми и пропавшими без вести около 70 тыс. человек (6% от первоначальной численности). Безвозвратные потери немцев составили 186 тыс. человек (18% численности наступательной группировки).

В двух стратегических наступательных операциях (Орловской и Белгородской) с 12 июля по 23 августа (при соотношении 1:2 в нашу пользу) пять советских фронтов имели безвозвратные потери 184 тыс. человек, (7,5% от первоначальной численности), а гитлеровские войска в оборонительных сражениях безвозвратно потеряли около 200 тыс. человек (20% от первоначальной численности наступательной группировки).

Так кто же воевал мясом, кто умением? Немцам сломали хребет под

Курском, произошел коренной перелом в войне. Немецкое мясо после Курской битвы так и не оправилось до конца войны. Видимо, наши писатели, поставив себя на котловое довольствие антисоветчиков, не способны понять, что они говорят и пишут о войне.

Сошлюсь на другие факты. Подсчет удачных и неудачных стратегических наступательных операций, проводимых Советской Армией в Великой Отечественной войне, показывает следующую картину. В первый период войны было проведено 5 таких операций, из них в одной операции цели были достигнуты полностью, а в четырех — оказались совершенно не достигнутыми. Во второй период войны советскими войсками было проведено 12 операций, из них 9 были целиком успешными, в одной — цели были достигнуты не полностью и в двух — совершенно не достигнуты. В третий период войны было проведено 17 стратегических наступательных операций, из них в 15 цели были полностью достигнуты, в одной — достигнуты частично и в одной — совершенно не достигнуты. Иначе

▲ Возмездие

говоря, в первый период войны степень достижения целей в стратегических наступательных операциях не превышала 20%, во второй период войны она возросла до 70% и в третьем периоде войны достигла 90%.

По оценке Г. Жукова, к концу войны общий уровень стратегического искусства в немецкой армии резко упал. «Часто стало случаться: ждешь от противника сильного, выгодного для него хода, а он дает самый слабый».

Если же вообще говорить о нашем противнике в войне, то надо прямо сказать, что мы имели дело с сильным и коварным врагом. Мы воевали против сильнейшей армии мира, солдаты и офицеры которой дрались до последнего, стояли насмерть даже в самые последние дни войны, когда уже видна была капитуляция.

Но ведь и русский солдат тоже стоял насмерть и воевал грамотно, умело, не жалея живота своего. Мне не раз приходилось поднимать солдат в атаку под ураганным огнем, когда пулям тесно. И солдаты поднимались, не трусили. О чем они думали в этот момент? Да ни о чем, пан или пропал. Главное в эту ми-

нуту — крепость духа. Вот так и воевали: кто кого? Или победить, или кануть в Лету. Иного было не дано, независимо от стратегии или тактики.

Подведем итоги. По уточненным данным, на Восточном фронте Германия потеряла убитыми, ранеными и пленными около 10 млн солдат и офицеров, 48 тыс. танков и штурмовых орудий, 167 тыс. артсистем, 17 тыс. кораблей и транспортов. Красная Армия разгромила и пленила 607 дивизий противника. Это три четверти от общих германских потерь в войне. Это ответ на вопросы относительно «мяса и крови», кто лучше воевал и где решались судьбы Второй мировой войны.

Теперь насчет того, что мы якобы воевали заградотрядами и штрафными ротами (батальонами). Глупость все это, господа писатели. Если бы это было так, то зачем тогда мы мобилизовали все силы страны на разгром врага, зачем имели ежегодно на фронте 6,5 млн солдат и офицеров из общей численности вооруженных сил в пределах 11,5 млн человек. А всего за четыре года войны надели шинели около 35 млн человек, что равно по численности всему населению Дании, Голландии, Норвегии, Швеции и Финляндии, вместе взятых.

Видимо, писатели хотели сказать, что у советских войск в первые месяцы войны был низкий боевой дух и что многие офицеры и солдаты не хотели воевать и заградотряды и штрафбаты спасли дело. Но это клевета на советский народ, которая опровергается боевой практикой начального периода войны.

Сотни тысяч воинов боролись с врагом в первые дни и месяцы войны буквально до последней капли крови. Не только отдельные бойцы, но и целые части, соединения, попадая в окружение или под удар превосходящих сил с фронта, встречали врага стойко, мужественно и умело.

Так, 23 июня, на второй день войны, 99-я стрелковая дивизия полковника Н. И. Дементьева выбила гитлеровцев из Перемышля, захваченного ими накануне, и удерживала его до 27 июня.

67 стрелковая дивизия генерала Н. А. Дедаева с 22 по 27 июня вместе с моряками военно-морской базы Лиепаи отразила все атаки превосходящих сил немцев и оставила город только после того, как были исчерпаны все возможности обороняющихся.

В боях под Минском особенно отличилась 100-я стрелковая дивизия генерала И. Н. Руссиянова. В период с 26 по 30 июня она нанесла тяжелый урон частям 39-го моторизованного корпуса 3-й немецкой танковой группы. Об успешных действиях 100-й стрелковой дивизии стало известно всем соединениям Западного фронта.

Всем известный малочисленный гарнизон Брестской крепости, попав в окружение, своим героическим сопротивлением в течение месяца сковал значительные силы врага и своим подвигом вошел в летопись истории.

11 дней героически оборонялась в опорном пункте 13-я погранзаства лейтенанта А. В. Лопатина. И лишь только когда все ее защитники погибли, враг занял опорный пункт.

Дневник начальника немецкого генерального штаба Гальдера содержит следующие записи:

«26 июня 1941 г. Русские не думают об отступлении, а, напротив,

бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам...»

«27 июня 1941 г. События развиваются не так, как намечается в высших штабах...»

«28 июня 1941 г. В Белостокском лесу юго-восточнее города идут упорные бои, которые, против ожидания, сковывают весь центр и часть правого фланга 4-й армии... На всех участках фронта характерно небольшое число пленных...»

«29 июня 1941 г. Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека... Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т. п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие... пытаются выйти из окружения под видом крестьян».

Массовый героизм советских воинов в борьбе с фашистскими захватчиками был ярким примером проявления подлинно народного характера. Однако, как бы ни был велик героизм советских людей, это не могло коренным образом изменить крайне неблагоприятную оперативно-стратегическую обстановку на фронте.

Заградотряды возникли у нас не от хорошей жизни. Они впервые появились в войсках не по приказу Сталина и не по воле НКВД, а были созданы по инициативе командования Брянского фронта в августе—сентябре 1941 г. 5 сентября Ставка разрешила сформировать в дивизиях такие подразделения. А спустя неделю Ставка объявила о создании в пятидневный срок при стрелковых дивизиях Красной Армии заградотрядов. Однако критическая ситуация на фронте требовала принятия других, более жестких мер.

Особенно тяжелая обстановка сложилась в 1941 г. после разгрома нашей полумиллионной группировки войск, окруженной в районе Вязьмы, поражения войск фронта и на подступах к Москве, а также в 1942 г., когда немцы многократно нарастили силы своих ударов, бросали в сражения все новые и новые дивизии, переброшенные с Запада и других на-

правлений, и рвались к Волге. Наши войска отступали, нередко бежали в панике, оставляли свои позиции самовольно, без приказа.

В этой критической ситуации руководство страны и советский народ мобилизовали все свои силы, чтобы остановить врага, стабилизировать хотя бы временно положение на фронте. В сражения вводились армии второго стратегического эшелона, подтягивались резервы из глубины страны, были приняты многие другие меры. Тем не менее положение оставалось отчаянным, войска отступали.

В связи со сложившейся смертельно опасной для Советского государства обстановкой Ставка Верховного Главного Командования вынуждена была пойти на создание заградотрядов не только в соединениях, но и в объединениях, а также штрафбатов. Зачем они понадобились?

На этот вопрос Сталин дал следующее пояснение: «После своего зимнего отступления под напором Красной Армии (под Москвой. — Н. Ч.), когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, при-

ведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие... Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов?

Я думаю, что следует».

Прямо скажу: заградотряды и штрафные роты (батальоны) — мера крайне жесткая, но вынужденная и необходимая. Эта мера во многом помогла преодолеть страх войны, трусость, боязнь идти в бой, в штыковую атаку, «танкобоязнь», паникерст-

▲ Огневой вал

во, попытки дезертирства с поля боя. Все эти факты имели место, они были не единичны и не могли быть терпимы в тех кошмарных условиях, когда речь шла о существовании нашей Родины. Вот почему был дан приказ Сталина — «Ни шагу назад!»

Другого выхода не было. Или сдавайся на милость Гитлеру и позорно погибай на коленях, или стой насмерть. Ни шагу назад — Родина или смерть! Если сейчас кто-то думает иначе и рассуждает, что, дескать, тогда совсем не было страшно, тот ничего не знает о войне.

Для того чтобы будущему поколению лучше понять проблему заградотрядов и штрафбатов и знать о ней, как говорят, из первых рук, предлагаю читателю ознакомиться самому с полным текстом приказа Сталина №227.

Этот приказ появился в тяжелое для нашей страны и армии время, когда разворачивались кровопролитные сражения на дальних подступах к Сталинграду и на Северном Кавказе. Он рисовал точную картину драматического положения на советско-германском фронте, ставил советским войскам неотложные задачи.

Приказ содержал суровые, жестокие требования, направленные на укрепление дисциплины и порядка в действующих войсках, на борьбу с паникерами, трусами и предателями. Я слушал приказ в августе 1942 г. в ротном строю после боя и запомнил его смысл на всю жизнь. Как сейчас помню короткие жесткие слова: «Ни шагу назад!.. Военный суд... Расстреливать на месте паникеров и трусов... Штрафные роты, заградительные отряды...» Эти слова сразу врезались в память и в комментариях не нуждались. Они на первых порах не давали покоя. Стоять насмерть — это звучало в ушах, где бы ты ни находился и что бы ни делал.

Что я чувствовал? Радости, конечно, не было, но и страха не испытывал. Солдаты молча глядели друг на друга, сжимая крепко в руках оружие. Кажется, появилась какая-то внутренняя уверенность в себе, уверенность в том, что теперь мы все, солдаты и офицеры, в ответе за каждый метр своей земли, что сосед не бросит тебя в бою, что будем все вместе стоять до конца.

Теперь, думалось мне, мы должны как-то по-другому воевать, а как?

Солдаты смотрели на своих командиров и ждали от них ответа. Впереди предстояли бои, были надежды. Главная из них — отступить нельзя! Это было тогда, на фронте, в 1942 г.

Читая приказ Сталина сегодня, я намного глубже понимаю его значение и роль для дальнейшего хода войны.

Приказ дает нам возможность понять всю страшную и горькую правду о той пропасти, до которой мы тогда докатились... Армия и народ поняли, осознали нутром и сердцем всю трагическую правду о тяжелейших сражениях на фронтах... и сделали порой казавшееся тогда невозможным.

Может быть, некоторые писатели в настоящее время сочтут приказ Сталина излишне жестоким, безнравственным, аморальным, нарушающим права человека. Может быть, по их мнению, следовало бы и дальше продолжать отступать или вообще прекратить сопротивление и стать на колени. Может быть, еще что-то придумать на этот счет, чтобы в роли апостолов продолжать дурачить молодое поколение. Но правду не перехитрить. А правда в том, что некоторые господа писатели решили

▲ Под огнем артиллерии

по-своему переписать войну, историю русского народа, наше боевое прошлое. Поэтому они выискивают в нашей истории только негативное, очернительное, чтобы плюнуть в спину советской власти за все то доброе, что от нее получили.

Приказ Сталина — не буква, а дух и содержание документа — явился морально-психологическим переломом в умах и сердцах всех, кому его тогда читали и кто держал в то время в руках оружие, а значит, и судьбу Родины. И неудивительно, что после выхода приказа боеспособность войск на фронте заметно повысилась, прежде всего там, где было особенно тяжело, — на сталинградском направлении.

Сейчас некоторые «специалисты по войне» заявляют, что приказ Сталина «унижал человека и воина», нарушал «права человека», что под приказ попадали невинные, мужественные люди. Все это демагогия. Приказ № 227 носил чрезвычайный характер и полностью соответствовал обстановке на фронте. Чтобы избежать катастрофы, надо было остановить беспорядочное отступление войск. Приказ Сталина достиг своей цели — наступил перелом в стратегической ситуации, беспорядочное бегство прекратилось, каждый рубеж удерживался до последней возможности, отступление допускалось только по приказу.

Оправданы ли были принятые Сталиным меры, чтобы в той конкретной катастрофической обстановке на фронте остановить гитлеровские полчища? Ответ очевиден, он заложен в самом вопросе.

Удивляет мистификация насчет заградотрядов со стороны упомянутых писателей. Как командир подразделения, прошедший почти всю войну на переднем крае, хочу сказать правдоискателям следующее. Тот, кто воевал честно, не жалея живота и не оглядываясь назад, тому заградотряды были даже неведомы. Мы знали, что они есть, но их на переднем крае не видели. Они были там, во фронтовых, армейских и дивизионных тылах, вылавливали диверсантов, дезертиров, а также

▲ Сироты войны

выполняли функции власти. Ведь в этих тыловых районах гражданской власти не было. А контроль за тылом должен быть жесткий и порядок там необходим отменный.

Встречал я живьем заградотряды при возвращении из госпиталя на передний край, и их наличие придавало мне уверенность в том, что наш тыл хорошо охраняется от диверсантов и прочей нечисти.

Если господа писатели воевали на фронте и, возможно, имели встречи с заградотрядами в каких-то других, неприятных для себя условиях, то приходится только выразить признательность и уважение заградотрядам за их бдительную службу. Да и сами

писатели должны бы эти бдительные органы поблагодарить за то, что их драгоценная жизнь осталась в целости и сохранности.

Хотелось бы спросить правдоискателей еще вот о чем. Видели ли вы на фронте смертников? Я видел несчетное количество раз, только не у нас в Красной Армии, а у гитлеровцев. Немецкие солдаты и даже офицеры нередко приковывались цепью вместе с пулеметом в дзотах, дотах и других оборонительных сооружениях. Меня интересует вопрос: гитлеровские «смертники» укладываются в ваш писательский сознании или будете ссылаться на мораль и идеологию?

▲ Пленные захватчики, Москва август 1944 г.

Что касается штрафных батальонов. Относительно их роли и места скажу следующее. В статистическом исследовании «Гриф секретности снят» (с. 140, табл. 66, сноска) указано, что всего в составе штрафных подразделений на фронте находилось около 400 тыс. человек.

В штрафной роте, которой я командовал в 1943 г., было 120 человек. Все офицерские и сержантские должности, т. е. постоянный состав, занимали неосужденные командиры, остальной личный состав — штрафники. Утверждаю однозначно, что невиновных среди штрафников не было. Виновность искупалась кровью или боевым подвигом. Поскольку рота располагалась в глубине (20—30 км от переднего края), штрафники постоянно просили командиров, чтобы их послали на выполнение боевого задания. В полном составе рота участвовала в наступлении на изюмском направлении с форсированием реки Северский Донец в районе Червонный Шах-

таль. Задачу рота выполнила, многие искупили свою вину кровью, другие — боевым отличием и сняли с себя ярлык штрафника.

Вспоминая с горечью пережитые те страшные дни, я с негодованием отвергаю упреки как злопыхательские по поводу суровости мер приказа № 227. Кто возьмет на себя ответственность судить меру суровости в те катастрофические дни лета 1941 — 1942 гг.? Кто возьмет на себя смелость оспорить правомерность приказа Сталина «Ни шагу назад!»? Кто возьмет под сомнение настоятельную необходимость заградотрядов и штрафных подразделений?

Любой историк или писатель, далекий от эмоций и спекуляций, выступит в защиту принятия самых жестких мер в то жестокое время, когда решался вопрос жизни и смерти нашего народа, когда проверялась крепость его сердца, когда испытывалась на стойкость душа России.

Против Гитлера мы бросили не только массу боевой техники

и оружия, но, прежде всего, всю громадную духовность советского народа, его душу и сердце — и победили.

Законы войны жестоки. Воевала вся страна — и не в белых перчатках, а кровью, потом, многими тысячами и миллионами жертв. Упрекать сейчас нас, фронтовиков, что будто бы мы не знали, за что воевали, и потому шли в бой под дулами заградотрядов, это по меньшей мере кощунство и незаслуженное оскорбление для участников войны.

Не надо беречь душу ветеранов. Мы прекрасно знали, за что воевали, что и как защищали. Мы защищали свою Родину, свою землю, уверенно шли к победе. О нас, солдатах, заболелась весь советский народ. Поэтому в смертельной схватке с врагом мы выстояли, выдержали, не сломались, не стали на колени.

Приходится только сожалеть, что в настоящее время кое-кто пытается украсть нашу Победу, оболванить молодое поколение нелепыми утверждениями о «пушечном мясе

советских солдат», заградотрядах и штрафбатах, никудашнем военном руководстве, плохом советском оружии, неумении русских воевать и прочими измышлениями. Но почему же над рейхстагом взвилось советское Знамя Победы? Сегодня злопыхатели на распутье, не знают, что делать: одобрять это или клеймить.

У вчерашних верных ленинцев и новоиспеченных демократов в большой моде ныне кощунственное злоязычие о покаянии советского народа перед кем-то за наше прошлое. Нет, господа иноверцы, не пытайтесь перешагнуть Рубикон, это опасно. За то, что мы создали могучую Советскую державу, за то, что мы наголову разгромили третий рейх и мировой фашизм, вогнали осиновый кол в их могилу, за то, что не допустили третьей мировой войны и остановили новоявленных претендентов на мировое господство, — за все это мы, ветераны Великой Отечественной, каяться не собираемся. Те, кто проповедует эти

коварные измышления, и их поделники обязаны сами встать на колени и покаяться перед ветеранами войны за свои грехи и за то, что сохранили им жизнь.

Если следовать покаянческой демагогии, то русскому народу, видимо, надо просить прощения за то, что Александр Невский загубил немецких псов-рыцарей на Чудском озере в 1242 г., за то, что Дмитрий Донской в 1380 г. на Куликовом поле устроил Мамаево побоище ордынцам и всяким прочим иноземцам, за то, что Михаил Кутузов в 1812 г. разбил наголову французское войско Наполеона.

Все, что произошло, уже в прошлом, и теперь у нас ни на кого не было и нет злобы, у нас — только справедливость. Даже в самое тяжелое время войны наши люди отважно защищали свой дом, свою землю без злобы к другим народам. И за эту справедливость мы обрели признание всего человечества. Поэтому жертвоприношения со стороны русского народа не имеют смысла —

у него чистые руки и святое сердце!

Приходится лишь сожалеть, что у бывших советских писателей не нашлось добрых слов в адрес командиров Красной Армии, хотя бы тех, которые сложили свои головы на полях сражений и дали возможность патриоту В. Астафьеву со злобой и ненавистью клеветать на советских воинов, обливать их грязью.

Набор астафьевской чернухи и невежества о Советских Вооруженных Силах не позволяет нынешнему молодому поколению разобраться и понять, как могла Красная Армия в 1941 г. остановить гитлеровские банды под Москвой, нанести им крупное поражение и сорвать авантурный германский блицкриг, как смогла она одержать всемирно-историческую победу над сильнейшей армией того времени, которая за считанные недели захватила все европейские государства, наконец, как смогла Красная Армия повергнуть в небытие фашистскую Германию и освободить народы Европы от коричневой чумы?

▲ Ледовое побоище

▲ Куликовская битва

Нищета астафьевского мышления в военной области, выплестнутая на российскую общественность, беспомощна перед правдой. К тому же она двулика. Если говорить о фальшивомонетчиках истории, особенно тех, которые в свое время получили от советской власти лауреатские звания, премии, награды и другие блага, а сейчас ее проклинают, то, думается мне, начинать им надо с себя. Если у них сохранилась хотя бы капля порядочности, то им следовало бы прежде всего отказаться от всех советских наград и почестей, а затем можно плевать в спину советской власти. В противном случае, претендуя на право критиканства всего советского, они на деле совершают тяжкое бесправие.

Постскриптум. Накануне большой беды Германия и Советский Союз находились в разных положениях. Гитлеровцы готовили войну, а мы готовились к войне — понятия эти вроде бы идентичны, но они различны между собой по содержанию в принципе. Это принципиальное различие состояло в том, что СССР не стремился развязать войну, он всеми силами пытался оттянуть начало ее. И Сталин думал не о том, как начать большую войну, а как ее избежать. Этот факт никто не может опровергнуть, не прибегая к извращению действительности или к от-

крытой клевете о превентивности.

Нацистские главари Германии готовили агрессию, они знали, когда будет совершено нападение на нас, на каких направлениях нанесут мощнейшие удары, где и какие группировки войск сосредоточат для этого, какие проведут маскировочные мероприятия. То есть Гитлер имел конкретный план войны против Советского Союза и порядок введения его в действие. Уже в этом перманентно содержалась возможность перехвата немцами инициативы в самом начале войны.

▲ Разгром армии Наполеона

Ход и итоги Великой Отечественной и Второй мировой войн известны. Подробно расписаны в книгах их результаты и уроки. Отмечу лишь следующее.

Однажды Сталин уже после войны сказал В. Молотову: «Давай, Вячеслав, посмотрим на карту, что у нас получилось. На Севере у нас все в порядке... Мы отодвинули границу от Ленинграда. Угроза снята с Восточной Пруссии. Прибалтика — эти истинно русские земли — снова наша. Белорусы теперь у нас все вместе живут, украинцы — вместе, молдаване тоже. Курильские острова наши теперь; Сахалин полностью наш; и Порт-Артур наш, и Дальний наш, и КВЖД возвращена. Китай и Монголия — тоже все в порядке, угрозы здесь нет. Сумеют ли уберечь наши потомки государственность?»

Просто и ясно говорил советский лидер. Но за его словами стояла длительная и ожесточенная борьба, в ходе которой решался вопрос жизни и смерти Советского государства. В ходе этой борьбы социализм наголову разгромил фашизм — ударный отряд империализма — и показал свое превосходство над капитализмом.

Расчеты западной демократии (США и Англии) продиктовать после войны свои условия мира не оправдались. Советский Союз вышел

из войны еще более могущественным и сильным, став второй супердержавой планеты.

А ведь были трагические дни лета 1941 — 1942 гг., когда решалась судьба страны и миллионов советских людей. У читателя резонно может возникнуть вопрос: какое чудо спасло Советский Союз от разгрома, например, в 1941 г.?

Назову, на мой взгляд, лишь основные компоненты чуда: массовый героизм советского народа, готового идти на любые жертвы ради спасения России; мобилизация всех сил страны на разгром врага, перестройка всего народного хозяйства на военный лад, создание передовой военной экономики; эвакуация с запада на восток около 1500 крупных промышленных предприятий; предотвращение Советским правительством создания единого антисоветского фронта империалистических государств и прорыв СССР политической изоляции на международной арене и др.

Настоящее чудо, например, состояло в том, что в 1941 г. был такой период, когда большая часть военной промышленности находилась в движении на восток, а на запад выдвигались в течение первых трех месяцев войны около 300 вновь сформированных дивизий. История никогда такого чуда не знала. Не знали и не ведали такого чуда и фашистские главари. Оно оказалось для них полной внезапностью.

Все эти меры были организованы партией коммунистов, ее Центральным Комитетом и проводились под руководством Сталина.

Другое чудо состояло в том, что в самые тяжелейшие месяцы войны 1941–1942 гг., когда в результате оккупации западных областей валовая промышленность уменьшилась в 2,2 раза, оборонка продолжала снабжать фронт военной техникой и вооружением. Например, военные заводы в этот период выпустили артиллерийского вооружения (таблица 1).

К началу ноября 1942 г. соотношение сил на советско-германском фронте было уже почти равным и заметно стало меняться в пользу Совет-

Таблица 1

	1941 г. (вторая половина)	1941–1942 гг. (первая половина)
Полевая артиллерия	34 500	83 800
Боеприпасы	—	12 800 000
Минометы	—	165 000

Таблица 2

	Личный состав, млн чел.	Орудия и минометы	Танки и САУ	Боевые самолеты
СССР	6,1	72 500	6 014	3 088
Германия	6,2	70 000	6 000	3 500

Таблица 3

	Советские войска	Немецкие войска (с учетом армий сателлитов)
Люди	1 000 500	1 011 500
Танки	894	675
Орудия и минометы	13 541	10 290
Самолеты	1 115	1 216

ского Союза, о чем свидетельствуют нижеследующие цифры (таблица 2).

Еще одно чудо состояло в том, что к концу 1942 г. Советские Вооруженные Силы сумели в полной мере овладеть современным военным искусством и научились громить гитлеровцев не числом, а умением. Так, к началу перехода наших войск в контрнаступление под Сталинградом (19 ноября 1942 г.) соотношение сил сторон был почти равным (таблица 3).

Результаты известны: блестящий прорыв обороны противника и окружение 330-тысячной армии фельдмаршала Паулюса. Германия в трауре. Гитлеровская военная машина была потрясена до основания. Трагедия привела немецкий народ в ужас.

Сталинград стал началом коренного перелома в войне в нашу пользу. С этого времени и до самого окончания войны советское командование полностью овладело стра-

тегической инициативой. Советский народ во всей силе вновь оценил историческое значение для своей судьбы сталинских пятилеток. Своим трудом он превратил эти планы в грозную материальную силу, которая взорвала разбойничий германский фашизм.

Ведь великая Победа была одержана нами, наряду с другими факторами, благодаря несокрушимой воле Сталина, его выдающимся способностям по руководству тылом и фронтом, безграничной вере советского народа в сталинское руководство, что позволило превратить страну в единый военный лагерь, мобилизовать все возможные ресурсы для разгрома врага.

А теперь в заключение хочу привести еще несколько примеров, относящихся к числу мелочных интриг и сключничества против Сталина.

В отряд отъявленных антисталинистов зачислили сами себя отдель-

▲ Тыл фронту

ные военные историки. Под предлогом якобы поиска правды, в связи с появлением новых архивных документов они вместо объективного переосмысления истории ударились в другую крайность — начали приписывать Сталину все ошибки начального периода войны, показывая его таким невеждой в военном деле, который лишь мешал военачальникам спасти Россию.

О несурзности многих подобных оценок военных историков других нелепостях, очевидно, стоит поговорить дополнительно, чтобы молодое поколение людей не погрязло во лжи, а знало больше правды о Сталине.

Сегодня, например, смешно читать запущенную военными историками дезинформацию о том, что будто бы Сталин в войну вообще не бывал в действующей армии, не выезжал на фронты, жил отшельником в Кремле и на кунцевской даче, ограничиваясь лишь телефонными разговорами с командующими фронтами и докладами представителей Ставки ВГК (Г. Жукова, А. Василевского и др.), которые часто бы-

вали в войсках. Словом, повторяют известные фальшивки «военспецов»-политиканов о том, что «Сталин руководил войной по глобусу», был «дилетантом в военном деле», без личного общения с войсками он якобы «не представлял по-настоящему механизма функционирования военной системы». Что можно сказать на этот счет?

Приходится только сожалеть, что такие утки запускают в печать военные люди с большими звездами, не утруждая себя поисками истины. Между тем факты начисто опровергают вымыслы и о глобусе, и о телефонах. Сталин в ходе войны не только детально знал обстановку на фронте, но и понимал все ее особенности, а также возможное развитие событий. Он знал фамилии и черты характера всех командующих фронтами, армиями и даже многих командиров корпусов и дивизий, встречался с ними, обсуждал текущие дела, положение и нужды войск, нередко лично ставил боевые задачи.

По оценке абсолютного большинства советских военачальников, Сталин хорошо разбирался в об-

ласти военной стратегии, владел вопросами организации и ведения фронтовых операций и операций групп фронтов, практически руководил фронтами с полным знанием дела. На протяжении всей войны он являлся Председателем Государственного Комитета Обороны и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. На этих постах проявились его высокие качества государственного и военного деятеля, полководческий талант. Сталин дал миру лучших маршалов и генералов. Руководимая им Советская Армия вызывала восхищение всех западных наций, ей аплодировал весь мир.

Во время Великой Отечественной войны Сталин, как Верховный Главнокомандующий, много раз лично выезжал в район военных действий.

В 1941 г. Сталин выезжал в прифронтовые полосы на Можайский, Звенигородский, Солнечногорский оборонительные рубежи. 10 июля по приказу Верховного командования к Западной Двине и Днепру выдвигались и сосредоточивались 19, 20, 21, 22-я армии, которые включались

в состав Западного фронта. Сталин выехал туда и на месте ознакомился с положением дел. Затем Сталин и Булганин выехали для ознакомления с линией обороны Волоколамск — Малоярославец.

На Волоколамском направлении посетил госпиталь, 16-ю армию Рокоссовского, где осмотрел в действии работу ракетных установок БМ-13 («катюша»), побывал в 316-й дивизии И. В. Панфилова. 10 ноября (через три дня после военного парада) он выехал на Волоколамское шоссе в одну из дивизий, прибывшую из Сибири, проверил ее боевую готовность.

В 1942 г. Верховный выезжал за реку Лама на аэродром, где шли испытания самолета в боевых условиях.

В 1943 г. (2—3 августа) Сталин прибыл на Западный фронт к генералу Соколовскому и члену военного совета Булганину. 4—5 августа находился на Калининском фронте у генерала Еременко. Из воспоминаний полковника Н. Кирилина: «Утром Сталин вооружился биноклем и отправился с Еременко на крутой берег Волги. С места разбитого монастыря Сталин ознакомился с разрушениями города Ржева».

В приказе министра Вооруженных Сил Союза ССР Маршала Советского Союза А. Василевского № 130 от 16 декабря 1949 г. записано следующее:

«Верховный Главнокомандующий Советских Вооруженных Сил товарищ И. В. Сталин в августе 1943 г. находился на командном пункте Западного фронта и отсюда осуществлял руководство подготовкой разгрома немецко-фашистских войск на Смоленском направлении и освобождением гор. Смоленска. В ознаменование этого исторического события ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Учредить Дом-музей командного пункта Западного фронта (филиал Центрального музея Советской Армии).

2. Дом-музей открыть 21 декабря 1949 г. в день семидесятилетия со дня рождения Генералиссимуса Советского Союза товарища Ста-

лина Иосифа Виссарионовича». (В 1956 г. хрущевские подхалимы сделали из этого музея охотничий домик.) Упомянутые поездки Сталина на фронт (кроме приказа Василевского № 130) описываются бывшим работником Первого Главного управления НКВД, охранявшим Советское правительство, А. Рыбиным. Все поездки Верховного на фронт находились в строжайшем секрете. Сталина сопровождали В. Румянцев, И. Хрусталева, А. Раков, Н. Кирилин, В. Тутов, С. Кузьмичев, В. Катушев и другие из 9-го управления. (Дуэль. 2002. № 36.) Поездки Сталина на фронт описывает в своих воспоминаниях начальник Главного управления охраны генерал-лейтенант Власик Н. С.

Уважаемый читатель может задать вопрос: разве мудрецы-историки не знали довольно простые факты истории? Знали, безусловно, знали, но мысли у них работали в другом направлении. Если оставить в стороне эмоции и возмущения по поводу глобуса и телефонов, то центральным местом в их фальшивых суждениях остаются вопросы руководства войной со стороны Верховного Главнокомандующего. Сюда пытаются нанести удар фальшивомонетчики.

Они, используя доверчивость людей, выступают такими умниками, что им кажется: назвав Сталина «кабинетным полководцем», они смогут убедить читателей в беспомощности советского лидера как Верховного Главнокомандующего. Однако правда войны другая.

Она состоит в том, что сталинское руководство Великой Отечественной войной было самым квалифицированным в истории всех крупных современных войн.

Оно осуществлялось Ставкой ВГК, рабочими органами которого были советский Генеральный штаб и институт представителей Ставки. Сталин особенно высоко ценил работу Генерального штаба, считался с его мнением, постоянно проявлял заботу о его авторитете и полностью доверял ему.

Генеральный штаб работал круглосуточно и подчинялся только Верховному Главнокомандующему.

Обстановка на фронтах докладывалась Верховному три раза в сутки (в 10—11 часов дня, в 16—17 часов вечера и поздно ночью), как правило, заместителем начальника Генштаба по карте масштаба 1:200 000. Карты готовились по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизии, а иногда до полка. Перед докладом обстановки, предложений и заявок фронтов все многократно проверялось и перепроверялось до деталей. Решения Верховного немедленно получали ход. В целом механизм управления фронтами работал уверенно, планомерно, без авралов. Доклады и предложения были глубоко продуманными, обоснованными, рассчитанными во времени и пространстве. Можно с уверенностью утверждать, что только здесь, в Генеральном штабе, чувствовалось биение пульса действующей армии, которое незримо передавалось всей советской стране.

Во главе Советского государства, его Вооруженных Сил и Ставки ВГК стоял Сталин — опытный революционер-большевик, вышедший из народа, прошедший огни и воды классовой борьбы, глубоко понимающий сущностные особенности народной и революционной войны. Именно благодаря этим драгоценным качествам Сталина его руководство войной было на высоте, а международная военная история записала в свои скрижали признание о том, что «из всех держав, участвовавших во Второй мировой войне, наименьшее количество ошибок совершил Советский Союз». Пройдут годы и, может быть, тогда будущие поколения сумеют глубже познать объективный анализ Великой Отечественной войны. Может быть, они по достоинству оценят довоенные сталинские пятилетки, которые останутся в истории Советского Союза как великие годы по решению грандиозных задач: в стране было построено свыше 9000 крупных промышленных предприятий, создана мощная продовольственная база, свершился великий духовный подъем советского народа. СССР по основным показателям вышел на 1-е место в Европе и на 2-е место в мире.

Может быть, будущие поколения не забудут учесть при анализе и такой исторический факт, что в Великой Отечественной войне против нас воевали полчища цивилизованных гуннов почти всей Европы. Достаточно напомнить национальный состав военнопленных, захваченных нами вместе с гитлеровскими войсками, чтобы понять, кто воевал против нас. В советском плену после войны оказалось 3 777 290 человек. В их числе: немцы — 2 389 560, австрийцы — 156 682, венгры — 13 767, румыны — 201 800, итальянцы — 48 957, финны — 2 377, французы — 23 136, чехи и словаки — 67 977, хорваты — 21 822, молдаване — 4 129, голландцы — 4 729, бельгийцы — 2 010, люксембуржцы — 1 652, датчане — 452, испанцы — 477, цыгане — 383, норвежцы — 101, шведы — 72, евреи — 173. «Гриф секретности снят». М.: Воениздат, 1993. С. 391; Патриот, 2002. № 37. В составе гитлеровских армий воевало 150 тысяч еврейских солдат и офицеров (НВО. 2002. № 33).

О чем говорят цифры? О том, что почти вся Западная Европа с ее 330-миллионным населением и могучей индустрией участвовала в крестовом походе под знаменами Гитлера против СССР со 190-миллионным населением.

Все это достоверные факты. Их нельзя не учитывать при анализе прошлой войны, сравнивая силы и положение сторон при нападении фашистской Германии. Но для этого необходимо отбросить в сторону спекуляции тех историков и политических шаманов, которые, используя временное масонское всевластие, в патологической ненависти ко всему советскому извратили правду о войне, о Сталине, о советском народе, переврали наше недавнее прошлое, оскорбили мое поколение победителей. Уверен, дурман рассеется. Исчезнет лживая скверна русофобии и очернительства великого государя. В памяти народной навсегда сохранятся вековые святыни России.

В настоящее время на Западе и довольно часто в России на страницах печати и других средствах

▲ Знамя Победы над Рейхстагом

массовой информации делаются попытки принизить роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии, посеять подозрения у молодого поколения, что будто бы только благодаря союзникам по антигитлеровской коалиции мы одержали победу. Однако невозможно доказать то, чего не было. Никому не удастся вытравить из памяти человечества то, что гитлеровцев в их собственную берлогу загнали и уничтожили там Советские Вооруженные Силы. Они сыграли основную роль в уничтожении фашизма и достижении Великой Победы. Об этом знает весь мир!

Определенную долю в разгроме фашистской Германии внесли союз-

ники по антигитлеровской коалиции, в создании которой особая роль отводится Сталину. С того момента, когда СССР, США и Англия объявили миру, что они выступают вместе в войне против фашизма, фактически началась агония гитлеровцев. Хотя нацисты будут еще одерживать победы на различных фронтах, прольют еще много крови, но с момента создания антигитлеровской коалиции они полностью осознали, что у них нет никакого выхода, кроме как испить кровавую чашу войны до ее горького конца. ■

Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ

ЕВРОПЕЙНИЧАНЬЕ — БОЛЕЗНЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ

▲ Рюриковичи-Романовы

Европа себя изжила. Она уже не носитель позитивных идей и смыслов. То, что в Европе разноцветные парады, что она помещена на правах уже даже не меньшинств, а меньшинств в составе меньшинств, всё это говорит о том, что у Европы нет уже силы воли сопротивляться нашествию чужаков, которые скоро обустроят там свой порядок. В Европе идет революция меньшинств.

Согласно истории европейская цивилизация не может существовать без войн и насилия. В этом она видит свою цель, цель — грабить и разрушать. Почему в Европе существует не отмененный до сих пор лозунг: «Дранг нах остен?» Потому, что Россия своим существованием не дает Европе шансов выжить способом паразита-насильника.

Какие смыслы Запад транслирует в остальной мир? Либеральные

ценности, которые предназначены для контроля над населением стран и ослабления воли людей сопротивлению либеральной, идеологической заразе.

Самим фактом своего существования Россия отрицает будущее Запада. Поэтому на нас и идут войной из века в век. Европа понимает, что она всего лишь небольшой полуостров континента Евразия, где есть Россия. А Россия — ковчег. А ковчег

Данилевский Николай Яковлевич (1822-1885) — русский социолог, публицист и естествоиспытатель, геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории, идеолог панславизма. Научные интересы Н.Я. Данилевского распространялись на целый ряд естественных и гуманитарных дисциплин: ботанику, зоологию, экономику, этнографию, статистику, историю и философию истории. Родился 28 ноября 1822 года в селе Оберец, Орловской губернии в семье генерала Я.И. Данилевского. Воспитывался в Царскосельском лицее. Был вольным слушателем на факультете естественных наук в Санкт-Петербургском университете. В 1849 году арестован по делу Петрашевского. Был выслан из столицы в ссылку в Вологду, затем определен в канцелярию самарского губернатора. В 1853 году командирован в ученую экспедицию академика Карла Бэра для исследования рыболовства по Волге и Каспийскому морю. В 1857 году был направлен для таких же исследований на Белое море и Северный Ледовитый океан. Им было выработано законодательство по части рыболовства во всех водах европейской части России. За его исследования на Азовском море и предшествующие труды по Каспию в 1866 году был награжден Константиновской медалью Русского географического общества.

Основной труд Данилевского «Россия и Европа» (1871), другой его труд «Дарвинизм». Данилевский подверг теорию Дарвина подробному разбору с представленною целью доказать её полную несостоятельность и нелепость, что вызвало бурные страсти в ученом мире. Русский мыслитель и философ В.С. Соловьев признал работу Данилевского «самым обстоятельным и прекрасно изложенным сводом всех существующих возражений, сделанных против теории Дарвина в европейской науке». Высказал сожаление, что Данилевский не предложил никакой оригинальной концепции взамен концепции Дарвина.

В своем главном сочинении «Россия и Европа» Данилевский выдвинул теорию культурно-исторических типов (цивилизаций), развивающихся подобно биологическим организмам. «Цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация всё это в себя заключает».

Россия со славянством, согласно Данилевскому, образуют новый культурно-исторический тип, совершенно отличный и отдельный от Европы. Характерной чертой славян Данилевский считает — ненасильственность. Истоки славянской культуры он видит в противостоянии романо-германской (католической) и греко-славянской (православной) культуры Средневековья. По Данилевскому русские должны отрешиться от всяких человеческих чувств к иностранцам. Цель заключается в образовании славянской федерации Всеславянского Союза от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага.

Данилевский детально изучил европейскую историю. Если есть Германский союз, то должен существовать Славянский, со своей столицей Царьградом (Москва остается столицей России). В Славянском Союзе Россия должна сыграть роль Пруссии в Германском — объединить русскую империю с чехо-моравско-словацкими, сербо-хорвато-словенскими, мадыарскими, румынскими и греческими территориями. Польшу «потерявшую свою славянскую душу», Данилевский в Славянский Союз не включил — вопрос о ней оставил открытым.

Данилевский признан классиком русской геополитики, оказавшим сильное влияние на европейскую геополитическую школу. Он признан основателем цивилизационного подхода к истории.

предназначен для спасения цивилизации. Россия сама по себе цивилизация. Помним вещие слова Екатерины II — «Россия сама по себе Вселенная и никто ей более не нужен».

*И обуяв в чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отрелись от всей святыни,
От сердца стороны родной.*

Хомяков

Итак, духовное и политическое здоровье характеризуют русский народ и Русское государство, между тем как Европа — в духовном отношении — изжила уже то узкое религиозное понятие, которым она заменила вселенскую истину и достигла Геркулесовых столбов, откуда надо пуститься или в безбрежный океан отрицания и сомнения, или возвратиться к светоносному Востоку; в политическом же отношении — дошла до непримиримого противоречия между требованиями выработанной всей ее жизнью личной свободы и сохраняющим на себе печать завоевания распределением собственности. Если, однако, мы взглядем в русскую жизнь, то скоро увидим, что ее здоровье — неполное. Она не страдает, правда, неизлечимыми органическими недугами, из которых нет другого исхода, — как этнографическое разложение; но одержима, однако же, весьма серьезной болезнью, которая также может сделаться губительной, постоянно истощая организм, лишая его производительных сил. Болезнь эта тем более ужасна, что (подобно собачьей старости) придает вид дряхлости молодому облику полного жизни русского общественного тела и угрожает ему если не смертью, то худшим смерти — бесплодным и бессильным существованием. Кроме трех фазисов развития государственности, которые перенес русский народ и которые, будучи, в сущности, легкими, вели к устройству и упрочению Русского государства, не лишив народа ни одного из условий, необходимых для пользования гражданской свободой, как полной заменой племенной воли, — Россия должна была вынести

еще тяжелую операцию, известную под именем Петровской реформы. В то время цивилизация Европы начала уже в значительной степени получать практический характер, вследствие которого различные открытия и изобретения, сделанные ею в области наук и промышленности, получили применение к ее государственному и гражданскому строю.

Невежественный, чисто земледельческий Рим, вступив в борьбу с торговым, промышленным и несравненно его просвещеннейшим Карфагеном, мог с единственной помощью патриотизма и преданности общему благу с самого начала победоносно сразиться с ним даже на море, составлявшем до того времени совершенно чуждый Риму элемент. Так просты были в то время те

средства, которые употребляли государства в борьбе не только на сухом пути, но даже и на море.

Но уже в начале XVIII века и даже ранее никакая преданность отечеству, никакой патриотизм не могли уже заменить собой тех технических усовершенствований, которые сделали из кораблестроения, мореплавания, артиллерии, фортификации и т. д. настоящие науки, и притом — весьма сложные. С другой стороны, потребности государственной обороны, сделавшись столь сложными, по необходимости требовали для своей успешности особого класса людей, всецело преданных военным целям; содержание же этого многочисленного класса требовало стольких издержек, что, без усиленного развития промышленности у государ-

▲ Екатерина II

▲ Петр I Великий

ства не хватило бы средств для его содержания. Следовательно, самая существенная цель государства (охрана народности от внешних врагов) требовала уже в известной степени технического образования, — степени, которая с тех пор, особенно со второй четверти XIX века, не переставала возрастать в сильной пропорции. К началу XVIII века Россия почти окончила уже победоносную борьбу со своими восточными соседями. Дух русского народа, пробужденный событиями, под водительством двух приснопамятных людей: Минина и Хмельницкого, одержал также победу над изменившей народным славянским началам польской шляхтой, хотевшей принудить и русский народ к той же измене. Не в далеком

будущем предстояла, без сомнения, борьба с теми или другими народами Европы, которые, с свойственными всем сильным историческим деятелям предприимчивостью и честолюбием, всегда стремились расширить свою власть и влияние во все стороны — как через моря на запад, так и на восток. Der Drang nach dem Osten выдуман не со вчерашнего дня. Для этой несомненно предстоящей борьбы необходимо было укрепить русскую государственность заимствованиями из культурных сокровищ, добытых западной наукой и промышленностью, — заимствованиями быстрыми, не терпящими отлагательства до того времени, когда Россия, следуя медленному естественному процессу просвещения, основанному на са-

мородных началах, успела бы сама доработаться до необходимых государству практических результатов просвещения.

Петр сознал ясно эту необходимость, но (как большая часть великих исторических деятелей) он действовал не по спокойно обдуманному плану, а со страстностью и увлечением. Познакомившись с Европой, он, так сказать, влюбился в нее и захотел во что бы то ни стало сделать Россию Европой. Видя плоды, которые приносило европейское дерево, он заключил о превосходстве самого растения, их приносившего, над русским еще бесплодным дичком (не приняв во внимание разности в возрасте, не подумав, что для дичка, может быть, еще не пришло время плодоношения) и потому захотел срубить его под самый корень и заменить другим. Такой замен возможен в предметах мертвых, образовавшихся под влиянием внешней, чуждой им идеи. Можно, не переставая жить в доме, изменить фасад его, заменить каждый камень, каждый кирпич, из которых он построен, другими кирпичами или камнями; но по отношению к живому, образовавшемуся под влиянием внутреннего самобытного образовательного начала, такие замещения невозможны: они могут только его искалечить. Если Европа внушала Петру страстную любовь, страстное увлечение, то к России относился он двояко. Он вместе и любил, и ненавидел ее. Любил он в ней собственно ее силу и мощь, которую не только предчувствовал, но уже создавал, — любил в ней орудие своей воли и своих планов, любил материал для здания, которое намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи, под влиянием европейского образца; ненавидел же самые начала русской жизни — самую жизнь эту, как с ее недостатками, так и с ее достоинствами. Если бы он не ненавидел ее со всей страстностью своей души, то обходился бы с ней осторожнее, бережнее, любовнее.

Потому в деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские,

административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, т.е. изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства. Как ни тяжелы были для современников его рекрутские наборы (которыми он не только пополнял свои войска, но строил города и заселял страны), введенная им безжалостная финансовая система, монополии, усиление крепостного права, одним словом, запряжение всего народа в государственное тягло, — всем этим заслужил он себе имя Великого — имя основателя русского государственного величия. Но деятельностью второго рода он не только принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что досель еще разъедает русское народное тело), он даже совершенно бесполезно затруднил свое собственное дело; возбудил негодование своих подданных, смутил их совесть, усложнил свою задачу, сам устроил себе препятствия, на поборение которых должен был употреблять огромную долю той необыкновенной энергии, которой был одарен и которая, конечно, могла бы быть употреблена с большей пользой. К чему было брить бороды, надевать немецкие кафтаны, загонять в ассамблеи, заставляя курить табак, учреждать попойки (в которых даже пороки и распутство должны были принимать немецкую форму), искажать язык, вводить в жизнь придворную и высшего общества иностранный этикет, менять летосчисление, стеснять свободу духовенства? К чему ставить иностранные формы жизни на первое, почетное, место и тем накладывать на все русское печать низкого и подлого, как говорилось в то время? Неужели это могло укрепить народное сознание? Конечно, одних государственных нововведений (в тесном смысле этого слова) было недостаточно: надо было развить то, что всему дает крепость и силу, т.е. просвещение; но что же имели обще-

го с истинным просвещением все эти искажения народного облика и характера? Просвещение к тому же не насаждается по произволу, как меняется форма одежды или вводится то или другое административное устройство. Его следовало не насаждать извне, а развивать изнутри. Ход его был бы медленнее, но зато вернее и плодотворнее. Как бы то ни было, русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад. Сначала это удалось только относительно верхних слоев общества, на которые действие правительства сильнее и прямее и которые вообще везде и всегда податливее на разные соблазны. Но мало-помалу это искажение русской жизни стало распространяться и вширь и вглубь, т.е. расходиться от высших

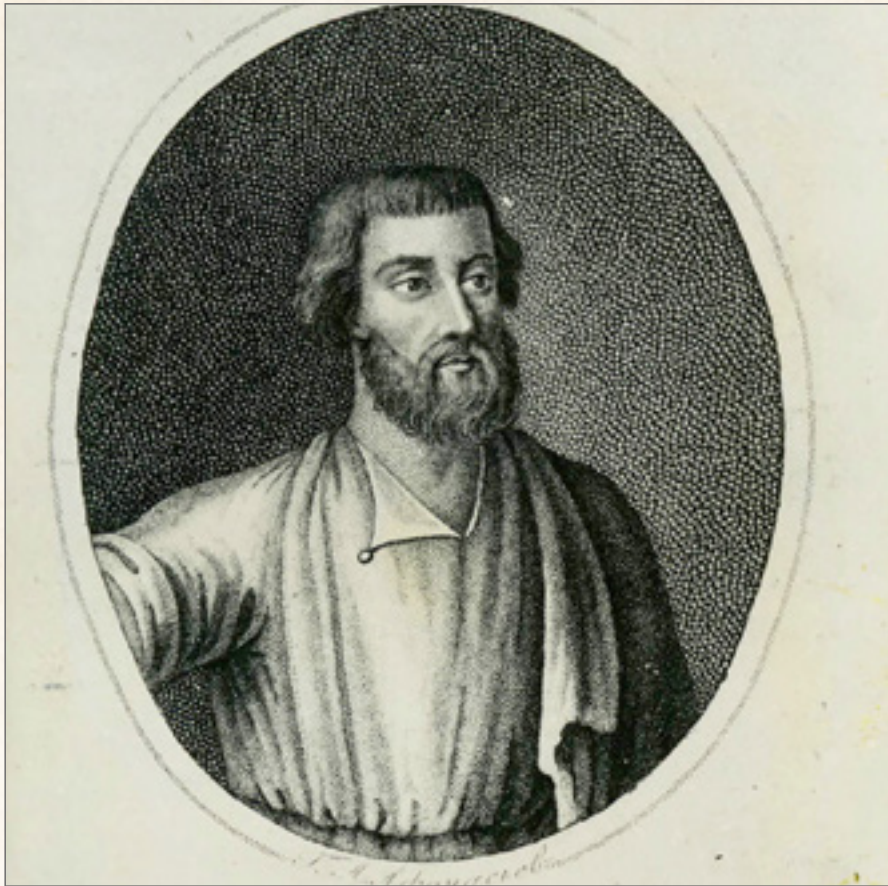
классов на занимающие более скромное место в общественной иерархии, и с наружности — проникать в самый строй чувств и мыслей, подвергшихся обезнародающей реформе.

После Петра наступили царствования, в которых правящие государством лица относились к России уже не с двойственным характером ненависти и любви, а с одной лишь ненавистью, с одним презрением, которым так богато одарены немцы ко всему славянскому, в особенности ко всему русскому. После этого тяжелого периода долго еще продолжались, да и до сих пор продолжают еще, колебания между предпочтением то русскому, как при Екатерине Великой, то иностранному, как при Петре III или Павле. Но под влиянием

▲ Павел I

▲ Минин

толчка, сообщенного Петром, самое понятие об истинно русском до того исказилось, что даже в счастливые периоды национальной политики (как внешней, так и внутренней) русским считалось нередко такое, что вовсе этого имени не заслуживало. Говоря это, я разумею вовсе не одно правительство, а все общественное настроение, которое, электризуясь от времени до времени русскими патриотическими чувствами, все более и более, однако же, обезнародовалось под влиянием европейских соблазнов и принимало какой-то общеевропейский колорит то с преобладанием французских, то немецких, то английских колеров, смотря по обстоятельствам времени и по слоям и кружкам, на которые разбивается общество. Болезнь эту, вот уже полтора столетия заразившую Россию, все расширяющуюся и укореняющуюся и только в последнее время показавшую некоторые признаки облегчения, приличнее всего, кажется

мне, назвать европейничаньем; и коренной вопрос, от решения которого зависит вся будущность, вся судьба не только России, но и всего Славянства, заключается в том, будет ли эта болезнь иметь такой доброкачественный характер, которым отличались и внесение государственности иноплемениками русским славянам, и татарское данничество, и русская форма феодализма; окажется ли эта болезнь прививной, которая, подвергнув организм благодетельному перевороту, излечится, не оставив за собой вредных неизгладимых следов, подтачивающих самую основу народной жизнениности.

Сначала рассмотрим симптомы этой болезни, по крайней мере, главнейшие из них, а потом уже оглянемся кругом, чтобы посмотреть — не приготовлено ли и для нее лекарства, не положена ли уже секира у корня ее. Все формы европейничанья, которыми так богата русская жизнь, могут быть подведены под следующие три разряда:

1) Искажение народного быта и замен форм его формами чуждыми, иностранными; искажение и замен, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества — и не проникать все глубже и глубже.

2) Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву — с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо.

3) Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассмотрение их в европейские очки, так сказать, в стекла, поляризованные под европейским углом наклона, причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотой, и наоборот:

1) Искажения на иностранный лад всех внешних форм быта: одежды, устройства домов, домашней утвари, образа жизни, кажутся для многих совершенно несущественными и безразличными. Но, при тесной связи внутреннего с внешним, едва ли это может быть так. Славянофилы, принявшие в первую пору энтузиазма русскую народную одежду, поступили (кажется мне) совершенно разумно, — неосновательна была лишь, к несчастью, та мысль, что поданный ими пример заслужит скоро всеобщее подражание. Какое могло тут быть подражание, когда искажение русского образа имело на своей стороне даже полицейскую поддержку. Посмотрим, однако же, чего мы лишились, лишившись народной обстановки нашей жизни. Мы лишились, во-первых, возможности или, по крайней мере, чрезвычайно затруднили возможность зарождения и развития народного искусства, в особенности искусства пластического. История развития греческого, да и вообще всякого народного искусства, показывает нам, что она имеет два корня: формы богослужения и народную одежду, народную архитектуру жилищ, вооб-

ще народные формы быта. Если бы не простые и благородные формы греческой туники (так величественно драпировавшей формы тела, прикрывая, но не скрывая, а тем более не уродуя их), могла ли бы скульптура достигнуть того совершенства, в котором мы находим ее в Афинах, в век Перикла, и долго еще после него? Многозначительные и величественные формы нашего богослужения (равно удаленные от протестантской сухости и от католической вычурности и театральности), кроме своего религиозного достоинства могли бы быть и превосходной эстетической школой, если бы, по приобретении усовершенствованных технических приемов, мы сохранили бы другой корень искусства — самостоятельность форм быта.

У всех новейших народов скульптура не составляет самостоятельного искусства, а только влачится в подражательной колее, — или работая над чуждыми им мифологическими предметами, допускающими наготу тела, или одевая своих монументальных героев в греческие и римские одежды. Оно иначе и быть не могло, потому что все европейские костюмы или совершенно уродливы, как наши сюртуки, фраки, пальто, кафтаны времен Людовика XIV и т. д., или хотя и красивы, но вычурны — и потому только живописны, а не изящны: как костюм испанский с буфами на руках и ногах, тирольский с остроконечными шапками и разными шнурочками. Только русское народное одеяние достаточно просто и величественно, чтобы заслужить название изящного.

Чтобы убедиться в этом, достаточно подвергнуть разные костюмы монументальной критике. Минин стоит в русской одежде на Красной площади в Москве; Сусанин — в Костроме, перед бюстом спасенного им Михаила Федоровича; есть много статуй, изображающих русских мальчиков и юношей, играющих в бабки или свайку. Не входя в разбор внутренних достоинств этих скульптурных произведений, можно, однако же, смело утверждать, что одеяние этих фигур удовлетворяет всем требованиям искусства. В новейшее время

и у нас и в Европе стали, правда, *faisant bonne mine a mauvais jeu*, пренебрегать требованиями изящности костюма для статуй, жертвуя художественностью исторической правде, и некоторые из этих опытов как будто бы удались, — но какие? Фигура Наполеона и в сереньком сюртучке (или, скорее, пальто), и в уродливой треугольной шляпе кажется величественной. Но это только величие символическое. Сюртучок и шляпа сделались в наших глазах символами двадцати побед — эмблемой несокрушимой воли и воинского гения; человеку же хотя бы и одаренному вкусом и эстетическими чувствами, но вовсе не знакомому с новейшей историей, маленький человек в сюртучке и шляпе казался бы просто уродством; тогда как для того, чтобы восхищаться дошедшими до нас статуями римских императоров, нет надобности, чтобы они изображали Цезаря или Траяна и чтобы нам была известна эпопея их жизни: какой-нибудь Дидий Юлиан или даже Калигула производят то же впечатление. Мне случилось видеть колоссальную статую, недавно воздвигнутую в Севастополе в честь адмирала Лазарева.

▲ Перикл

Колоссальная фигура, сажени в три вышиной, на огромном пьедестале, стоящая среди развалин, на высоком и крутом берегу залива, производит издали поразительный эффект.

Но, как только становится возможным рассмотреть подробно статуи, — ее мундирный фрак с фалдочками, панталоны в обтяжку, коротенькие ножны морского кортика, — надо привести себе на память все труды, понесенные знаменитым адмиралом при устройстве Черноморского флота, и сопоставить их с печальной участью, постигшей его создание всего 4 года после его смерти, чтобы подавить более серьезными и грустными мыслями невольную прорывающуюся улыбку. В колоссальных размерах современный европейский костюм, которым судьба и нас наградила, — колоссально смешон. А между тем художник сделал все, что от него зависело: поза, отливка, отделка до самых мелочей, до складок мундира — все мастерское. Эта уродливость европейской одежды не составляет какой-либо особенности морского костюма: военный мундир, а еще более — штатский фрак или пальто, без сомнения, не менее смешны и уродливы. Великий муж, высеченный из мрамора или отлитый из бронзы, в три сажени ростом, во фраке новейшего фасона, в манишке со стоячими воротничками, — это такая смехотворная фигура, на которую едва ли хватит смелости у самого смелого скульптора. Что же, однако ж, делать бедному искусству? Рядить монументальных героев XIX века в тоги и туники — не значило ли бы это, избегая уродливого, впасть в нелепое?.. И между этой Сциллой и Харибдой, между этими двумя пропастями — смешного и бессмысленного — есть только одна узенькая тропинка, состоящая в том, чтобы прикрывать

*Какой-то чудный выем
Рассудку вопреки,
наперекор стихиям,
шинелью или плащом,
наброшенными в виде тоги.*

▲ Юлий Цезарь

Как не замереть искусству, поставленному в такое узкое, стесненное положение! Влияние принятой чужеземной одежды, чуждой формы домашнего устройства и быта не ограничивается мертвящим влиянием на одно ваяние. Все отрасли самобытного искусства от этого страдают. Идеал живописи, сказал Хомяков в статье о картине Ив́анова, единственном отзыве, достойном великого художественного произведения, — есть иконопись. Иконопись в области живописи есть то же, что эпос — в области поэзии, т.е. представление не личных, а целым народом выработанных идеальных представлений, только обделываемых и разнообразных (в границах эпического типа) личным художественным творчеством. Таким образом, как лица греческой

трагедии, так и образы греческого ваяния были всеэллинскими народными эпическими и типическими представлениями, которые только представлялись художественной фантазии Софокла или Фидия с большей живостью и полнотой, чем прочим грекам, и выполнялись ими с недоступным для других совершенством. Греческое ваяние было иконоваянием, греческая драма — иконодрамой. Первоначально и эти бессмертные образы жили, без сомнения, в представлении народа в виде грубых зачатков. Чтобы достигнуть того изящества, в которое они воплотились великими художниками в век Перикла, необходимо было грекам выработать или заимствовать у более развитых народов различные усовершенствованные технические приемы. Это техническое заимствование и было сделано у финикийян, у которых греки научились материальной части лепного, литейного и скульптурного искусств. Но, заимствовав технику, они не заимствовали ни чуждых идеалов, ни способов облекать их в видимые формы. Идеалы остались народными; наружные формы, которыми облекали их, были заимствованы из народного же быта, доставившего все аксессуары, которыми греки одевали и окружали свои художественные произведения.

И у нас существовали, да и теперь существуют, те типы икон, которыми русский народ облекает свои религиозные представления. Чтобы придать им художественное совершенство, так же точно надо было выработать усовершенствованные технические приемы или заимствовать их — но только их — от более зрелых народов. Для первого нужно слишком много времени, да и такое повторение труда народами разных культурно-исторических типов было бы совершенно напрасно. Остается затруднение — каким образом ученикам, обыкновенно благоговейшим перед своими учителями (особенно такими учителями, каковы великие итальянские художники), ограничиться одним усвоением себе тех технических приемов, тех материальных средств искусства, посредством которых учителя эти выполняли свои идеалы, не увлекаясь самими этими идеалами, не спускаясь до подражательности, не принося им в жертву тех грубых зачатков художественно-религиозных типов, которые выработало или уже усвоило себе народное творчество. Для художников, предоставленных своим силам, задача эта неразрешима; они должны быть принуждаемы к ее разрешению неумолимыми общественными требованиями.

▲ Траян Марк Ульпий

Если бы древнерусский быт сохранился у нас (со всей своей обстановкой, с которой сжился народ) не только в низших классах, то каким бы образом мог художник, как бы он ни был лично увлечен образцами итальянской живописи, написать образ или картину религиозного содержания (предназначенную для украшения храма) несообразно со строго православными требованиями, — как бы мог он обнажить женское тело, придать кокетливый вид и кокетливый наряд святым девам, придать модный, элегантный и несколько фанфаронский характер, с которыми рисуют теперь святых воинов, представляемых в молодости, как, например, Георгия Победоносца, Александра Невского, Михаила Архангела и т. д.? Все эти свойства, чуждые народному представлению означенных типов, были с тем вместе чужды и формам народного быта, — и потому, проявляясь в картине или образе художника, зараженного чужеземными понятиями, били бы по глазам, не приученным к этим явлениям в обыденной жизни.

Если бы художник хотел, чтобы его образа или картины имели сбыт, то он был бы принужден искать примирения между приобретенными познаниями в анатомии, рисунке, перспективе, колорите, в расположении теней и света и т. д. с требованиями своей публики, с привычными ей формами быта, которые необходимо накладывают свою печать даже и на те народные представления, первообразы которых, собственно, жили под другими условиями. То же самое относится к архитектуре, к музыке. У нас начал уже образовываться естественный и притом весьма разнообразный стиль в постройке церквей, и, хотя бы их строили иностранцы, они непременно должны были сообразоваться с народными требованиями; их не допустили бы иначе до постройки. Если наши церкви по своим размерам и архитектурному великолепию не могут соперничать с готическими соборами Северной Европы или с храмами Италии, то опять-таки по недостатку технической опытности и даже по не-

достатку материальных средств для возведения столь громадных зданий. Но если бы, по приобретении тех и других, сохранились в высших классах русского народа древние формы быта, а следовательно, вкуса и потребностей, то, конечно, наши города и села не были бы усеяны миниатюрными карикатурами собора Св. Петра в Риме, а воздвигались бы храмы в самобытном русском стиле — тех размеров и того богатства подробностей, которые, допускались бы усилением денежных и приобретением технических средств. Если бы продолжали существовать старинные формы быта, мы точно так же не до-

пускали бы бравурных арий и концертов, похожих на отрывки из опер, во время богослужения, как (благодаря положительным церковным постановлением) не допускаем органов в церквах. Во всех этих отношениях мы были бы старообрядцами, только старообрядцами, вооруженными всеми техническими средствами, которыми владеет западное искусство, и потому из этого старого произошло бы что-нибудь действительно новое. Светская архитектура, а также орнаментация домов и домашней утвари не предоставляли в Древней Руси большого развития по простоте тогдашних потребностей, а также

▲ Архангел Михаил

и потому, что почти все наши постройки были деревянные.

Но с усложнением отношений, с развитием вкуса и потребностей (что не составляет же привилегии европейских народов), с увеличением материальных средств для удовлетворения их, необходимо выросли бы и изукрасились дворцы наших царей и хоромы богачей, — но выросли бы и изукрасились сообразно особенностям наших потребностей, нашего понятия о комфорте, нашего вкуса. Теперь стараются иногда достигнуть этого искусственным путем; но, если это удастся еще в церковной архитектуре и орнаментации, потому что предание здесь еще не иссякло, все старания в области архитектуры и орнаментации житейской останутся на степени безуспешных попыток, потому что искусство основывается на жизни, а никак не на археологии, которая может быть для него лишь подспорьем. Это же относится и к народной одежде. Часто случается слышать, что красивая, всем нравящаяся русская женская одежда не более как театральная костюм, несколько не похожий на тот далеко не столь изящный, который в действительности носит народ. Как будто народная одежда — мундир, форма которого определена с педантической точностью. Она есть — тип, который изменяется, разнообразится, украшается, смотря по общественному положению, состоянию, вкусу, щегольству носящих, сохраняя только свои существенные характеристические черты. Народное одевание не предполагает непременно однообразия и постоянства; оно изменяется по модам даже тогда, когда составляет принадлежность одного простонародья, и изменялось бы, конечно, в большей степени и чаще, если бы составляло принадлежность всех классов. Если народные моды изменяются не столь часто, как моды светского общества, то вовсе не по каким-либо особым свойствам народности костюма, в противоположность общеевропейскому, а потому, что праздность, пустота светского общества, и особенно женской его половины, находят в этой непрестанной перемене глав-

нейшее содержание, наполняющее эту пустоту его жизни. Переменчивость эта зависит много и от того, что управление модами попало в руки французов, народа легкомысленного и переменчивого по преимуществу. Изменив народным формам быта, мы лишились, далее, самобытности в промышленности. У нас идут жаркие споры о свободе торговли и о покровительстве промышленности. Всеми своими убеждениями я придерживаюсь этого последнего учения, потому что самобытность политическая, культурная, промышленная составляет тот идеал, к которому должен стремиться каждый исторический народ, а где недостижима самобытность, там, по крайней мере, должно охранять независимость. Со всем тем нельзя не согласиться, что поддержание этой независимости в чем бы то ни было искусственными средствами — есть уже явление печальное; и к этим искусственным средствам не было бы надобности прибегать, если бы формы нашего быта, потребностям которого должна удовлетворять, между прочим, и промышленность, сохранили свою самостоятельность.

Образ жизни восточных народов требует большого количества ковров. В Персии ковер не составляет роскоши, а есть предмет необходимой потребности для самого бедного класса, — и сообразно этому производство ковров достигло там такого совершенства, что, конечно, для покровительства ковровой промышленности персияне не нуждаются ни в каких тарифах. То же самое относится к индийским шалям, китайским шелковым материям, фарфору, лакам, краскам. Так и у нас особые формы и потребности нашего богослужения и священнического одевания требовали усовершенствования чеканки металлов, приготовления газетов и парчей, отливки колоколов, и во всех этих отношениях мы совершенно независимы от иностранцев. До какой степени совершенствуется отрасль промышленности, соответствующая бытовым особенностям, можно видеть на маленьком примере наших

самоваров, от которых французское правительство сочло нужным ограждать себя тарифом и разными стеснениями ввоза. Одним словом, так как оригинал всегда выше подражания, то своеобразность быта имеет своим последствием самобытность промышленности и ведет к более смелой промышленной и торговой политике.

Но когда промышленность лишается этого характера вследствие искажения быта по чужеземным образцам, то ничего не остается, как ограждать, по крайней мере, ее независимость — посредством покровительства. Теперешние моды, например, суть применения французского вкуса и понятий об изящном к жизненным потребностям; поэтому в так называемых *articles de Paris* и вообще в модных товарах Франция будет иметь перевес над прочими странами — даже не потому, чтобы эти изделия французской промышленности были в самом деле наилучшими в своем роде (это может быть, но может и не быть), а по одному тому уже считаются они везде лучшими, что они французские. Вследствие изменения форм быта русский народ раскололся на два слоя, которые отличаются между собой с первого взгляда по самой своей наружности. Низший слой остался русским, высший сделался европейским — европейским до неотличимости. Но высшее, более богатое и образованное, сословие всегда имеет притягательное влияние на низшие, которые невольно стремятся с ним сообразоваться, уподобиться ему, сколько возможно. Поэтому в понятии народа невольно слагается представление, что свое русское есть (по самому существу своему) нечто худшее, низшее. Всякому случалось, я думаю, слышать выражения, в которых с эпитетом русский соединялось понятие низшего, худшего: русская лошаденка, русская овца, русская курица, русское кушанье, русская песня, русская сказка, русская одежда и т. д. Все, чему придается это название русского, считается как бы годным лишь для простого народа, не стоящим внимания людей более богатых или

образованных. Неужели такое понятие не должно вести к унижению народного духа, к подавлению чувства народного достоинства?.. А между тем это самоунижение, очевидно, коренится в том обстоятельстве, что все, выходящее (по образованию, богатству, общественному положению) из рядов массы, сейчас же рядится в чужеземную обстановку. Но унижение народного духа, простирающееся из такого раздвоения народа в самой наружной его обстановке, составляет, может быть, еще меньшее зло, чем недоверчивость, порождаемая в народе, сохранившем самобытные формы жизни, к той части его, которая им изменила. В мою бытность в Архангельской губернии, где, как известно, никогда не было крепостного права и где, следовательно, нельзя объяснить им недоверчивость и подозрительность к обнемеченным по наружности классам общества, мне случилось иметь следующий разговор с одним из поморских промышленников. Мне любопытно было узнать, как судили о холере поморы, которые по своей

развитости далеко превосходят массу нашего крестьянства.

Мой собеседник не скрыл от меня, что и у них большинство приписывало эту болезнь отравлению. Да кто же, спросил я, занимался, по их мнению, этим отравлением? — Господа. — Да ведь у вас и господ никаких нет, кроме чиновников; может ли статья, чтобы служащие государю чиновники стали отравлять народ? — Конечно, — отвечал он, — но, по мнению наших дураков, государь об этом не знал, а господ подкупили немцы (под немцами понимались, как само собой разумеется, иностранцы или европейцы вообще). — Да, немцам, зачем же вас отравлять? — Как зачем? Известно, что немцы русского народа не любят. — Народ понимает инстинктивно ту ненависть, которую питает Европа к России, и потому всякое из ряда обыкновенного выходящее бедствие, постигающее его, склонен приписывать этой враждебности, хотя, конечно, и преувеличивает ее проявление. Но где же ему с юридической точностью отличать,

к чему способна и к чему не способна эта враждебность? Ведь защищает же значительная часть европейского общественного мнения подделку фальшивой монеты, если она имеет целью вредить русским народным и государственным интересам; ведь защищало же оно жандармов-вешателей и кинжальщиков; ведь затыкает же оно уши и закрывает глаза перед ясными уликами злонамеренных политических поджогов; ведь терпит же Европа, и даже не только терпит, но и поддерживает своим нравственным авторитетом, а при нужде и материальной силой, турецкие насилия (грабежи, изнасилования и убийства) над греками и славянами единственно из вражды к России и к Славянству. Можно ли после этого слишком строго судить и русский народ, если он не совсем точно проводит черту, до которой может простирается эта враждебность? Но дело не в этом, а в том, что чужеземная наружность наших объевропеившихся классов вводит народ в соблазн, побуждая его считать их способными к пере-

▲ Архангельск

▲ Иван III разрывает ханские басмы

ходу во враждебный России лагерь. «По платью встречают, по уму провожают», — говорит пословица; что же мудреного, что народ по платью нередко судит и о чувствах. До истинных чувств надо еще докопаться, надо, чтобы они в чем-нибудь проявились, а платью видимо с первого взгляда, — и не натурально ли принять подчас за врага того, кто носит вражескую ливрею. Если бы сходство в образе жизни более соединяло якобы аристократическую партию «Вести» с остальной массой русского народа, могла ли бы эта партия считать польских магнатов ближе к своему сердцу, нежели совершенно по всему чуждых ей русских крестьян западных губерний? Известно также, что одежду войска — отличную от народной — многие считали, между прочим, необходимой потому, что она разъединяет солдат от народа и, в случае возмущения, мешает обоюдному их соединению. В глазах этих политиков одежда и наружность не так, следовательно, ничтожна, как иные утверждают, хотя приписываемое ей в этом мнении значение совершенно превратно. Говорят, что

народная одежда везде отличается от костюма высших классов; отличается, конечно, но сохраняет, однако же, тот же самый тип. В сущности, европейские фраки, сюртуки, пальто — те же камзолы, вамсы, которые носят и крестьяне в европейских государствах, только более тщательно сшитые, из лучших тканей, несколько измененного и улучшенного фасона, — и эти различия идут совершенно постепенно, по мере изменения степеней благосостояния различных классов. То ли у нас, где различие типическое, родовое, а не различие вариаций на ту же тему? Наконец, характер одежды и всей бытовой обстановки имеет важное влияние на слияние подчиненных народностей с народностью господствующей. В состав Русского государства входит много небольших народностей, которых оно не завоевало, не подчинило себе насильственно, а приняло под свое покровительство. Эти народности (как, например, грузины, армяне) не имеют причины быть враждебными России, и действительно ей и не враждебны. Они, в массе, невозбранно сохраняют свои наци-

ональные формы быта. Но отдельные личности, выходя на простор общей государственной жизни, будут всегда стараться перенять жизненную обстановку высших классов господствующего народа. Однако в то же время именно у этих передовых личностей зарождается сожаление о прежней политической самобытности их нации, невозвратно погибшей в историческом круговороте, или мечта о будущем ее возрождении. Оба эти стремления противоположны друг другу, и так как последнее не имеет внутренней основы, то при некоторой силе первого, более реального стремления, оно и исчезает как неосуществимая мечта. Но ежели оно не находит себе противодействия в этом первом стремлении или даже находит себе в нем поддержку, то народное образование этих (по необходимости лишенных политической самобытности) народностей ведет не к слиянию их с господствующей в государстве народностью, а к разъединению с ней, служащему к обоюдному вреду. В старину без всякого насилия разные татарские мурзы, черкесские князья, немецкие выход-

цы обращались в русских дворян, ибо им не было другого исхода, как или оставаться в своей племенной отчужденности, или сливаться с русским народом. Но теперь, после того как жизненная обстановка высших классов русского общества лишилась своего народного характера, сделалась общеевропейской, такой исход открылся. Чтобы выступить на арену общей государственной жизни России, нет надобности делаться русским по правам и обычаям, даже нет возможности делаться русским в этом смысле, а надо принять на себя общеевропейский облик. Но этот общеевропейский характер, который по существу своему враждебен характеру русско-славянскому, не ослабляет, а усиливает ту долю отчужденности, которая более или менее свойственна всякому инородцу, — и из этого-то слияния и порождаются те молодая Армения, молодая Грузия, о которых мы недавно услышали, а может быть, народятся и молодая Мордва, молодая Чувашия, молодая Якутия, молодая Юкагирия, о которых не отчаиваемся еще услышать.

2) Вторая форма европейничанья, сказал я, заключается в стремлении переносить чужеземные учреждения на русскую почву — с мыслью, что все хорошее на Западе непременно так же будет хорошо и у нас. Таким образом, были пересажены к нам разные немецкие бюрократические порядки, городское устройство и т. д. Чтобы разобрать все эти пересадки и все вредное влияние их на русскую жизнь, надо бы исписать целый том, к чему я не чувствую ни малейшего в себе призвания — да нет и большей надобности в подобном труде, так как опыт достаточно показал, что они у нас не принимаются, засыхают на корню и беспрестанно требуют нового подвоза; и, напротив того, тот же опыт достаточно красноречиво говорит, что те изменения в нашей общественной и государственной жизни, которые вытекают из внутренних потребностей народных, принимаются необыкновенно успешно и скоро так разрастаются, что заглушают чахлые пересадки. Так, величайшая историческая реформа нынешнего царствования,

возвратившая русскому народу его исконную свободу (в новизне которой повиделась нашим старообрядцам знакомая им старина), не была произведена по-западному или остзейскому образцу, а по самобытному плану, упрочившему народное благо на многие и многие веки. Но может показаться, что другая, соперничающая с ней по своему благодетельному влиянию реформа — судебная — есть не что иное, как пересадка западного судебного устройства. Но, во-первых, она заменила или заменяет собой с Запада же заимствованную форму суда, а если заимствовать, то, конечно, лучше заимствовать хорошее, чем дурное. Во-вторых, если рассмотреть элементы, из которых состоит новое судебное устройство, то не трудно убедиться, что специально западное играет в нем весьма второстепенную роль. Именно, элементы эти суть: гласность и изустность суда, независимость его от администрации, отсутствие в суде сословности и, наконец, адвокатура. Гласность и изустность были и у нас исконными формами суда. Неза-

▲ Ледовое побоище

висимость от администрации есть необходимое следствие усложнения гражданской жизни. Следы ее видны в старом русском суде губными старостами — следы, которые не могли развиваться именно потому, что в то самое время, когда усложнение гражданской жизни начало у нас водворяться, нить судебного предания была порвана. Суд присяжных по совести есть начало по преимуществу славянское, сродное со славянским духом и характером, так что на основании его Хомяков выражал мысль о славянском происхождении англосаксов, которые если и германцы по происхождению, то по самому месту своего жительства необходимо должны были находиться под продолжительным славянским влиянием. Следовательно, мы только воротили свое. Сословность суда, суд пэров, равно как и суд патримониальный, а также подчинение низших сословий суду высших суть чисто западные начала; некоторые из них были занесены к нам, и от них мы только что начинаем освобождаться. Что касается до адвокатуры, то, с одной стороны, она является требованием неспособности человеческой природы к полному беспристрастию. Собственно говоря, вместо состязательного прения между обвинителем и защитником гораздо лучше было бы ввести беспристрастный доклад присяжным, в котором была бы выставлена без преувеличения и без преуменьшения вся сила доказательств за и против обвиняемого. Но такое беспристрастие едва ли достижимо. Попробуйте играть сами с собой в шахматы. Тут, кажется, нет резона пристращаться к черным или к белым; и, однако, наблюдая за собой, непременно заметите, что если не постоянно, то, по крайней мере, по временам берете сторону или правой, или левой руки и играете хуже одной, чем другой. Поэтому и необходимо разделить защиту от обвинения. Правда, что, с другой стороны, адвокатское обвинение и адвокатская защита носят на себе и чисто западный характер — характер борьбы, которой проникнута вся европейская жизнь. Там, где

все было разделено на враждебные партии, общественные слои и корпорации, необходимо должен был принять и суд характер поединка — обвинения и оправдания во что бы то ни стало; и потому-то этот характер судебного словесного поединка есть та скала, которой должны всеми мерами избегать наши присяжные поверенные, чтобы наш новый суд не претерпел крушения. Наши адвокаты находятся точно в таком же положении, как наши художники, пошедшие в школу к западным учителям. Чтобы наш суд получил самобытный русский характер, нашим адвокатам так же точно нужно уметь заимствовать от своих учителей только технику, а не дух европейской адвокатуры. Для них это точно такая же трудная задача, как и для художников, и точно так же трудно им решить ее без содействия со стороны общества. Может быть, в этом отношении общество сохранило больше самобытности в своих требованиях, чем относительно бытовой обстановки жизни, — уже потому, что правда судебная составляет более насущную потребность для всех слоев общества (в том числе и для не объевропеившихся еще), чем требования эстетические. Притом же по отношению к суду никому нельзя будет удалиться в старообрядство, как по отношению к церковному благолепию и обрядности. Поэтому можно надеяться, что дружный напор всего общественного, или (в этом случае правильнее) всего народного мнения заставит адвокатуру держаться народной колеи; а может быть, и нет, — кто знает?

Посмотрим еще на третью великую освободительную реформу нынешнего царствования — на освобождение печатного слова от уз цензурных. Свобода слова не есть право или привилегия политическая, а [есть] право естественное. Следовательно, в освобождении от цензуры по самой сущности дела не может уже быть никакого заимствования с Запада, никакого подражания; ибо иначе и хождение на двух ногах, а не на четвереньках, могло бы считаться подражанием кому-нибудь. Сама цензура была

результатом нашей подражательной жизни, — результатом, ничем не вызванным; прекращение же ее было восстановлением естественного порядка отправлений общественной жизни. Но цензура была не просто уничтожена: она была заменена (для периодических изданий, по крайней мере) новой системой предостережений. Эта система есть ли явление самобытное (т. е. явление, вызванное внутренними потребностями народной и государственной жизни России) или только пересадка, подобная гильдейскому и цеховому устройству городов, и т. д., — пересадка, основанная на том начале, что существующее где-либо в странах просвещенного Запада ipso facto уже полезно, благотворительно, просветительно и необходимо для России? Чтобы решить этот вопрос, надо обратиться к анализу свойств той силы, которой одарена периодическая печать, и тех качеств, которыми система предостережений отличается от судебного преследования за преступления, положительно формулированные законами о печати. Не подлежит сомнению, что система предостережений не основана на принципе юридической справедливости, по которому наказание должно всегда соответствовать преступлению; ибо если даже предположить полнейшее беспристрастие в административном месте или лице, заведующем делами печати, то все-таки три предостережения почти всегда гораздо чувствительнее для издателя, которого могут лишиться всего состояния, чем самое строгое из судебных взысканий, коим он может подвергнуться. Между тем самая необходимость прибегать к предостережениям — вместо того чтобы подвергать провинившийся журнал суду — показывает уже, что проступок издателя так сомнителен, так неопределителен, что, по всем вероятностям, суд не нашел бы возможности его обвинить. Следовательно, система предостережений должна основываться на началах самозащиты, в котором, без сомнения, нельзя отказать ни обществу, ни правительству и в силу которого последнее

▲ Царскосельский лицей, Пушкин

прибегает иногда к самым строгим, даже жестоким мерам — для предупреждения действий и не весьма преступных (если смотреть на них с чисто юридической точки зрения), но угрожающих большой бедой обществу. Так, например, простое легкомыслие может заставить человека нарушить карантинные правила; однако за это полагается смертная казнь, ввиду тех страшных последствий, которые может иметь этот необдуманный и легкомысленный поступок. Следовательно, и система предостережений вполне оправдывается, если то зло, которое она должна предупреждать, может иметь последствия, в своем роде подобные нарушению карантинных правил. Обыкновенно думают, что как полезное, так и вредное действие печати заключается или в сообщении читателям известных убеждений, которых они вовсе не имели, или в изменении тех убеждений, которые они имели. Но убеждение есть стройная

система логически связанных между собой мыслей и, следовательно, необходимо предполагает значительную степень умственной развитости и значительный умственный труд. Поэтому масса публики (даже в странах самых образованных), собственно говоря, самостоятельных убеждений не имеет и едва ли может иметь; то, что называется убеждением масс, есть результат привычки, сообщаемой и приобретаемой воспитанием или действием окружающей среды. Поэтому эти убеждения всегда отличаются необыкновенной устойчивостью, образуются и изменяются не иначе как веками невидимых трудов, целых рядов поколений. Сообщить массе даже нерядовых сословий новые убеждения или изменить старые ее убеждения отдельному писателю или журналу почти невозможно.

Это труднее, чем пробуровать скалу. Масса людей, не имея ни времени, ни склонности, ни способно-

сти к продолжительному упорному мышлению, одарена, так сказать, отражательной силой по отношению к действию самых логических, самых красноречивых убеждений. Хоть кол на голове теши, она все-таки будет держаться своего, извека ей переданного, привычного и действием общественной среды ею усвоенного. Чтобы увериться в справедливости сказанного, стоит только всякому мыслящему и имеющему претензию на убеждение человеку припомнить, многих ли случилось ему в жизни в чем-либо убедить или переубедить и часто ли ему самому случалось бывать в чем-либо убежденным или переубежденным другими. Но если масса (большинство) так мало податлива убеждениям вообще, то такие убеждения, которые составляли бы нравственный принцип деятельности, перевешивающий внушения интереса, апатии, рутины, встречаются еще несравненно реже. А ведь только такое убеждение и имеет

▲ Герб Российской Империи

практическое значение: только такие убеждения и можно ценить, если они полезны и благотворны; таких только и следует бояться, таким только и стоит противодействовать, если они вредны и пагубны.

Но редки ли, часты ли убеждения вообще, а живые убеждения в особенности, — самым худшим проводником убеждений должно признать периодическую печать, особенно же ежедневные газеты. Разнообразие трактуемых ими предметов препятствует сосредоточению внимания, этому первому условию приобретения какого бы то ни было убеждения. Нынче говорится о Восточном вопросе, завтра — о Люксембургском, послезавтра — об улучшении быта духовенства, потом — о системе общественного воспитания, об обрусении Западного края, о судебной реформе, затем снова возвращаются к Восточному вопросу и т. д., и т. д. И все это читается слегка, между прочим, среди тысячи сообщаемых текущих новостей, отвлекающих внимание. Каким

образом может образоваться, а тем более измениться убеждение чтением такого рода? По отношению к убеждениям большие серьезные сочинения имеют несравненно большее влияние, хотя также не прямое и не непосредственное. Только немногие люди имеют время, склонность и способность их обдумывать и этим путем почерпнуть новые или изменять старые убеждения. Эти-то немногие люди медленно сообщают их далее, преимущественно посредством школы (в которой молодой ум, еще не развлеченный житейскими заботами, еще гибкий по природе своей, питается ими и усваивает их себе) или посредством небольших кружков людей мысли (сообща вырабатывающих новые убеждения, из коих кое-что мало-помалу входит и в общее сознание). Это бессилие периодической и особенно ежедневной печати — распространять и изменять убеждения — вполне подтверждается опытом. Например, в двадцатых годах нынешнего столетия явилось во Франции учение сен-

симонистов. Сочинения Сен-Симона были усвоены немногими учениками. Они отыскивали с величайшими стараниями новых адептов и составили, наконец, небольшой кружок поклонников новой школы. Для ее распространения стали они издавать журнал «Le Globe». Много ли приобрел он им сторонников? Почти никого. Такой же ничтожный результат имел и орган фурьеристов «Democratie pacifique». Скажут, что учения эти не распространились потому, что здравый смысл публики отвергал эти эксцентрические теории; однако же путем отдельных трактатов и личной изустной пропагандой нашли же они себе последователей — и весьма талантливых. Возьмем пример учения, получившего большое распространение и вошедшего в жизнь многих государств, — учения о свободной торговле. Оно проложило себе путь в убеждения публики кафедрами и курсами политической экономии, прениями в палатах, личной изустной пропагандой; но где тот ежедневный журнал, которому оно было бы обязано своим успехом? Неужели, однако, периодическая печать, почитаемая одной из главных общественных сил нашего времени, в сущности, ничтожна по своему влиянию? Неужели один предрассудок возлагает на нее такие упования и возбуждает против нее такие опасения? Нет, периодическая, и особенно ежедневная, печать составляет действительно огромную силу; но сила эта основана не на распространении убеждений, а на пробуждении и уяснении интересов, на возбуждении в этих интересах сознания своей силы. Газета, умевшая подметить какой-нибудь интерес, существующий в публике, и оценить его важность, пишет ряд передовых статей, которые его уясняют. Читая статью, читатель видит в ней изложение того, что он думал. Да ведь это мои мысли, восклицает он не без внутреннего удовольствия, чувствуя себя польщенным тем, что высокий газетный авторитет вторит его мыслям. Однако же по большей части читатель несколько ошибается; то, что он считает своими мыслями, были только более или менее неяс-

ные, неотчетливые, урывочные ощущения, — и только после прочтения их изложения в газете уясняются они для него самого. Что случилось с одним, то случается и с сотнями, с тысячами читателей. Каждый желает поделиться уясненными ему его интересами с другими и узнает, что они не исключительно ему свойственны, а составляют мнение большинства его знакомых. Таким образом, интересы публики не только уясняются, но получают сознание своей силы, возвышаются на степень общественного мнения. Газеты, следовательно, имеющие действительно общественное значение, суть как бы акушеры общественного мнения, помогающие ему явиться на свет Божий. Справедливость этого также нетрудно доказать самыми убедительными примерами. Газета, имеющая наибольшее общественное влияние, есть, без сомнения, английский «Times».

Но именно она и не проповедует никаких своих мнений, а старается только искусно изложить те, которые господствуют в английском обществе о том или другом вопросе, подметить английские общественные интересы,

уяснить их и, таким образом, возвести на степень общественной силы. Я позволю себе привести небольшую выписку из сочинения Кинглека о Крымской войне, в котором, по случаю влияния этой газеты на характер восточной войны, рассказывается история происхождения знаменитой газеты и той методы, руководствуясь которой она достигла своего влияния. В Англии существовала издавна компания, собиравшая всевозможные новости, рекламы, объявления и печатавшая их в издаваемом ею листке. «Несколько лет тому назад, — говорит Кинглек, — руководители компании заметили, что один важный разряд новостей был неполон и недостаточен. Казалось, что каждому англичанину было бы приятно знать, не отходя от своего камина, что думает масса его соотечественников о главных вопросах дня. Письма, получаемые от корреспондентов, доставляли уже некоторые средства добывать этого рода сведения, и руководителям компании казалось, что с некоторым трудом и за умеренные издержки можно удостовериться в том, какие мнения начинают вхо-

дить в силу, и предвидеть направление, которое примет их поток. Говорят, что с этим намерением стали они употреблять несколько лет тому назад одно не имевшее занятий духовное лицо, одаренное тонкостью и проницательностью. На него была возложена обязанность слоняться по публичным местам и выслушивать, что думают люди о главных современных вопросах. Ему незачем было прислушиваться к крайним глупостям и еще менее — к мнениям самых умных людей. Его обязанность состояла в том, чтобы выжидать, пока он не заметит, что какая-либо общая обиходная мысль начала повторяться во многих местах и многими людьми, по всем вероятностям, никогда не выдавшими друг друга. Эта общая мысль и составляла ту добычу, которую он искал и которую приносил домой к своим хозяевам. Он так искусился в этом упражнении, что, пока он служил компании, она редко бывала вводимая в заблуждение, и хотя впоследствии часто бывала надуваема на охоте за сведениями этого рода, но никогда не упускала делать все от нее зависевшее в по-

▲ Крымская война, Синоп

исках за сердцем нации». «Вооружившись данными, таким образом собранными, руководители делали нужные приготовления для их распространения; но они не утверждали смело, что добытое ими мнение именно составляет общественное мнение страны. Метода их заключалась в следующем: они заставляли рассуждать ловких публицистов в пользу мнения, которое, как они думали, нация уже и без того готовилась принять; и если предположить, что полученные ими сведения были верны, то доказательства их, конечно, должны были выслушиваться весьма охотно. Те, которые уже составили себе мнение, видели его установленным и доказанным с гораздо большим искусством, нежели они сами могли бы это сделать; те же, которые еще не успели себе составить этого мнения, весьма сильно к тому

побуждались, видя путь, избранный компанией, которая (как всем было известно) употребляла все старания, дабы следить за изменениями духа общества». «Отчет, который газета давала в мнении, составляемом себе публикой, был столь тесно смешан с доказательствами в пользу этого самого мнения, что тот, кто заглядывал в газету собственно для того, чтобы узнать, как думают другие, поражался при чтении силой доказательств; с другой же стороны, тот, кто воображал, что руководствуется силой логических доказательств, в сущности, только повиновался путеводителю, который сообщал ему, что общество уже пришло к соглашению, заставляя и его идти вместе с толпой. Подобно тому, как произнесение пророчества иногда составляет главный шаг к его выполнению, так и молва, утверждающая, что масса приняла известное

мнение, часто производит то совпадение мыслей, которое было преждевременно объявлено уже существующим. Из действия этого двоякого процесса проистекало, конечно, что мнение английской публики было вообще в согласии с тем, что писала компания; и чем более смотрели на газету как на истинное выражение народного духа, тем обширнейшую публичность получала она...» «Но, хотя компания имела в руках всю эту власть, характер ее был такого рода, что она не могла употреблять ее произвольным, капризным, пагубным образом без того, чтобы не нанести большого вреда своей странной торговле; ибо по самой своей сущности характер ее был не самовластный, а представительный: она была принуждена самим законом своего существования быть в сколь возможно теснейшем согласии со всей нацией».

▲ Изгнание поляков

И у нас есть подобный пример. Газета с наибольшим числом подписчиков, с наибольшим влиянием — без сомнения «Московские ведомости». Проповедует ли она какое-либо новое учение, навязывает ли свои убеждения публике? В большинстве случаев — нет. Она только с верным тактом схватывает тот интерес, который уже существует в обществе, хотя, по всем вероятностям, и не имеет к своим услугам проницательного духовного лица, которое уведомяло бы ее о состоянии общественного мнения. Такое лицо даже мало бы помогло ей, потому что у нас нельзя еще подслушать общественное мнение: его надо прежде пробудить. Такому умению подметить общественные интересы обязаны «Московские ведомости» своим успехом в Польском вопросе, в вопросе о классическом методе образования в средних учебных заведениях. Но те же «Московские ведомости» показывают, что там, где они удаляются от той методы, которая составляет их силу и значение, они лишаются своего влияния. «Московские ведомости» в торговой политике защищают систему свободной торговли, теорию излишества денежных знаков и т.д., и, несмотря на обширный круг читателей газеты, эти проповедуемые ими теории не прививаются; напротив того, все показывает, что фритредерство со своими суккурсалями все более и более теряет у нас почву под ногами, что общественное мнение, весьма фритредерски настроенное лет семь тому назад, постепенно приходит к более здравому взгляду на экономические интересы России. Где, следовательно, наш «Times» уклоняется от своего первообраза, там и действие его ничтожно. Новых убеждений или изменение старых не проведешь посредством ежедневной газеты. Итак, сила периодической прессы не самостоятельная и самобытная, а только условная, находящаяся в теснейшей зависимости от интересов, существующих в публике помимо ее. Если эти интересы не подмечены прессой, если личные убеждения редакции заслоняют от нее интересы боль-

шинства, — действие газеты будет ничтожно; если она вздумает проводить идеи, противоречащие интересам публики, — оно будет еще ничтожнее. Вся сила периодической печати заключается в согласовании с ними. Ежели поэтому интересы, существующие в обществе, находясь в противоречии с интересами и целями правительства, то не может быть никакого сомнения, что правительство по необходимости должно прибегать к средствам обуздания прессы, дабы воспрепятствовать ей возбуждать эти противообщественные или противоправительственные интересы, уяснять их публике и показывать ей их силу. Тут совершенно уместен такой же образ действия, который с крайней строгостью наказывает простое легкомыслие, если оно может причинить неисчислимы бедствия стране. Но представим себе, что страна, ограждаемая карантинном от заразы, населена племенем, не имеющим предрасположения к той эпидемической болезни, которая господствует в данное время. Уместно ли будет, единственно ради сохранения общепринятого правила, для однообразия и симметрии, из подражательности иностранным карантинным постановлениям, расстреливать провинившихся в нарушении карантинных правил? Не достаточно ли будет в этом случае подвергать нарушителей высылкам на общем юридическом основании — соответствия наказания с виновностью преступника?

Не очевидно ли, далее, для всякого добросовестного человека, что в русском обществе противообщественных, противогосударственных, противоправительственных интересов вовсе не существует, а следовательно, и русская периодическая печать (по самому положению своему, независимо от ее доброй воли), будучи могущественна для добра, совершенно бессильна для зла. По отношению к ней, следовательно, случая самозащиты — необходимой обороны — не существует; и ежели какой-либо журнал провинится против постановлений о печати, то эта вина никак не может угрожать каки-

ми-либо общественными бедствиями, даже в самых малых размерах, ни теперь, ни в ближайшем будущем, настолько, насколько человеческая проницательность, а следовательно, и человеческая заботливость хватать может. Следовательно, по состоянию общественного духа в России, обыкновенное судебное преследование, воздавая должное юридическое возмездие провинившемуся против постановлений о печати, вполне достаточно для своей цели, — и, следовательно, система административных предостережений не коренится в нуждах и потребностях народных, а есть продукт, родившийся при другой обстановке, при других жизненных условиях, к нам из чужих занесенный. Примеров этих достаточно, чтобы выяснить, что надо понимать под европейничаньем в учреждениях, в правительственных мероприятиях.

3) Третья форма европейничанья (и притом самая пагубная и вредная) состоит в смотрении на явления внутренней и внешней жизни России с европейской точки зрения и сквозь европейские очки. Этот взгляд, во что бы то ни стало старающийся подводить явления русской жизни под нормы жизни европейской, делая это или бессознательно (вследствие иссякновения самобытного родника русской мысли), или даже сознательно (с тем, чтобы придать этим явлениям почет и достоинство, которого они были бы будто лишены, если бы не имели европейского характера), произвел много недоумения и всяческой путаницы в области науки и неисчислимый вред на практике. Мы не будем рассматривать следствий первого рода, а обратим внимание на некоторые только примеры, в которых выказалось (или необходимо должно выказаться) вредоносное влияние этого вида европейничанья на внутренней и внешней жизни России. В Соединенных Штатах две главные партии, на которые разделяются тамошние политики, носят названия республиканцев и демократов. Названия эти заимствованы из чуждого Америке европейского порядка вещей и по-

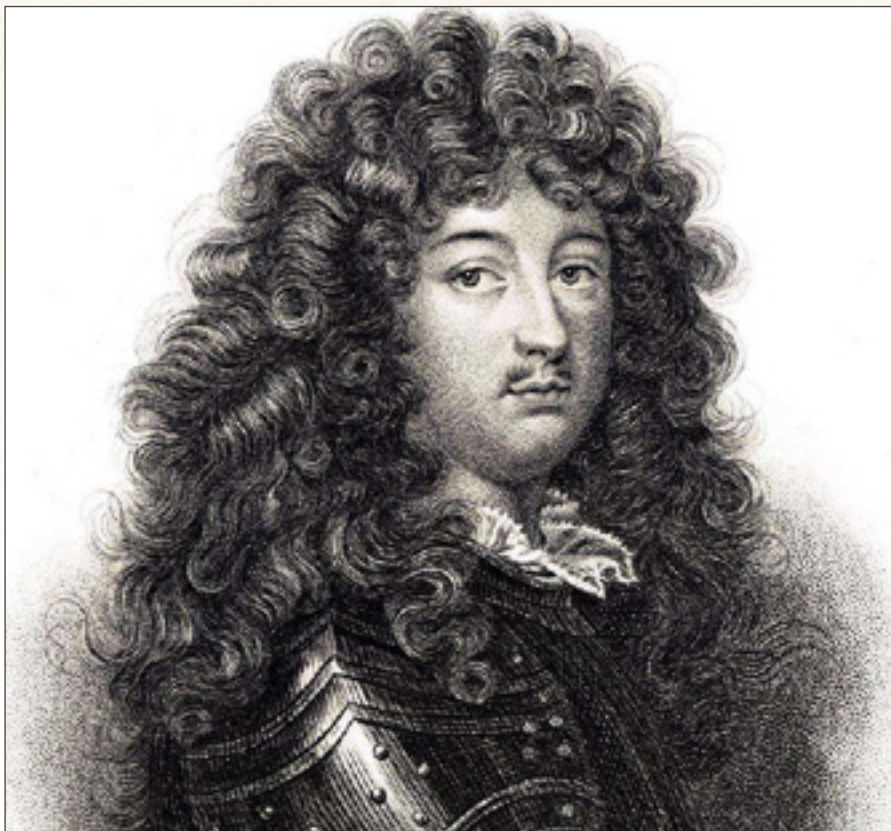

этому вовсе не выражают сущности стремлений означенных партий. Что значит республиканская партия в стране, где нет монархии и, где никто к ней даже не стремится? Что значит демократическая партия там, где все общество устроено на демократических основаниях? Собственно говоря, американские республиканцы суть защитники политической централизации, а демократы — защитники политического обособления штатов. Здесь заимствование из чуждого европейского мира не пошло, однако же, дальше названия и потому представляет лишь номенклатурную путаницу, доходящую до того, что американские демократы суть именно представители аристократических тенденций тамошнего общества. Но эта номенклатурная путаница не имела практического влияния, потому что американцы привыкли жить собственной жизнью. У нас, к несчастью, заимствование номенклатурное производит путаницу гораздо более существенную, потому что наши высшие общественные

классы, привыкшие жить умственно чуждой жизнью, невольно переносят вычитанные и высмотренные ими европейские идеалы на действительную жизнь, приурочивая их к нашим общественным явлениям, тождественным по названию с европейскими, — названию, данному на основании самой поверхностной аналогии. Таким образом появились на Руси аристократия и демократия. Самое слово «аристократ», «аристократка» произошло у нас недавно, вместе с великосветскими повестями, наводнявшими одно время нашу литературу и заставлявшими биться сердца провинциальных барынь желанием заслужить это лестное название, уподобив себя, свой образ жизни и господствующий в их домах тон тому представлению, которое они соединяли со словом «аристократия». Аристократия, аристократизм в применении и к России, и к русскому обществу не означали и не означают ничего другого, как светский лоск и тон, господствующий в богатых столичных домах, ничего друго-

го, как людей, в течение нескольких поколений успевших, со значительной степенью совершенства, перенять манеры прежних французских маркизов или нынешних английских лордов. Другого смысла русский аристократизм, русская аристократия не имеют. Но там, где нет внутреннего содержания, там внешность, имя, название — все. И вот появились у нас и органы мнимого общественного мнения с аристократическими тенденциями. Как нелепы и вместе вредны такие из чужого заимствованные взгляды — можно видеть из тех выводов, к которым они приводят. Западная аристократия не есть явление, специально свойственное какому-либо из европейских государств, а институт по происхождению своему общеевропейский в полном смысле этого слова, получивший некоторую национальную окраску лишь впоследствии, когда народы, входившие в состав единой Франкской монархии, в значительной степени обособились, как об этом было говорено выше. Естественно, что такая общность происхождения вела к солидарности всех европейских аристократических интересов. Поэтому, когда Французская революция объявила у себя дома войну насмерть аристократически-феодальным учреждениям, все аристократии почувствовали себя уязвленными. Даже Англия, пользовавшаяся у себя дома свободными учреждениями, сочла необходимым собрать все свои силы для защиты аристократического принципа.

Зная дух, которым во все времена руководствовалась английская политика, нельзя предполагать, чтобы одно бескорыстное негодование (возбужденное безумствами, неистовствами и преступлениями, которыми ознаменовалась Французская революция) составляло побудительную причину, заставившую Англию броситься в достопамятную двадцатилетнюю борьбу с Францией, — борьбу, которая окончилась видимым поражением Франции, в сущности же низвергла аристократический принцип не только на материке, но и в самой Англии. Солидар-

▲ Людовик XIV

▲ Бисмарк

▲ Джузеппе Гарибальди

ность всех европейских аристократий была истинной побудительной причиной той борьбы, которая составила историческое содержание конца XVIII и начала XIX века, что и подало повод французским демократам толковать о союзе аристократий и монархий против свободы и блага народов. В соответствии этому и наш подражательный аристократизм «Вести» и ее партии не мог не прильнуть к этой всеобщей аристократической солидарности и стал требовать союза между мнимой русской аристократией с весьма не мнимым польским шляхетством и остзейским баронством. Какого бы кто ни был мнения об этом последнем, — несомненно, что польское шляхетство есть исконный, коренной и злейший враг русского народа. Итак, обвинения французских демократов против союза европейских аристократий на гибель свободы и благосостояния народов, не применяются ли в полной мере к той партии, которая является защитницей и покровительни-

цей польского шляхетства, — которая говорит, что польский пан ближе к ее сердцу, чем западнорусский мужик? Не проповедует ли она действительно пагубы русского народа, являясь ходатаем и защитником злейшего его врага? Вот к чему приводит подражательство; вот результаты перенесения европейских взглядов и тенденций на русскую почву. Но если у нас есть европействующие аристократы, у нас так же точно есть и европействующие демократы. Припомним статьи, писанные из нашего демократического лагеря (вроде «Национальной бестактности»), припомним союз наших демократов с польской справой, — и мы увидим, что и демократическое европейничанье так же точно готово было предать русский народ в жертву его злейшим врагам, принимающим, чтобы вернее вредить ему, и аристократическую, и демократическую личину.

Так как и аристократия и демократия составляют действительные

элементы, действительные силы европейского общества, то, наряду с исключительными узкими проявлениями их (в виде юнкерства и в виде демагогии, прозванной красной), с той и другой стороны не только можно указать на действительно здоровые проявления этих элементов европейской жизни (на явления, подобные аристократизму графа Бисмарка и демократизму графа Кавура или Гарибальди); но эти здоровые стороны составляют даже главнейшую силу обеих партий.

Напротив того, наше аристократическое и демократическое европейничанье за неимением внутреннего содержания должно по необходимости представлять явление, принадлежащее к разряду карикатурных. Что наше юнкерство есть явление заносное, гибридное, ублюбочное, в том, кроме газеты «Весть», едва ли кто сомневается. Чтобы заразиться им, надобно было долгое время вдыхать шляхетские или рыцарские миазмы, так сказать, наполнить ими свою ду-

шевную и умственную пустоту, чтобы произвести на свет Божий уродство, подобное теории слияния живучих аристократий наших окраин под господством мертворожденной аристократии нашего государственного ядра, — дабы сообща руководить народом и этим окольным, невозможным путем произвести государственное объединение, когда народ государственных окраин или уже составляет одно этнографическое и органическое целое с народом государственного ядра, или ничего иного не желает, как слиться с ним в такое единство, а аристократии этих окраин составляют единственное к тому препятствие. При таком невозможном союзе аристократии государственного ядра (если бы она даже существовала) ничего не оставалось бы делать, как содействовать разъединяющим целям своих союзниц. Но если не русское происхождение этого лжеаристократизма, очевидно и никем не оспаривается, то зато нашему лжедемократизму или полнейшему проявлению его, известному под именем нигилизма, хотя бы во что бы то ни стало приписать русское доморощенное происхождение. Когда наши европейские друзья твердят на все лады, что русское общество и русский народ разъединены самого пагубного свойства социалистическими, материалистическими, демократическими учениями, когда, по их словам, русский демократизм угрожает благосостоянию Европы, так как прежде угрожал ей русский абсолютизм, то этому удивляться нечего, это в порядке вещей — à la guerre comme à la guerre. Но вот что удивительно: каким образом газета, подобная «Московским ведомостям» (обыкновенно столь здраво смотрящая на вещи), под влиянием справедливого, впрочем, недовольства нашей системой общественного образования обращает нигилизм в произведение русской почвы? Это решительно непонятно. Нигилизм — не более не менее как одна из форм нашего европейничанья; и как ни плохи наши гимназии и наши университеты — не они, однако же, произвели эту язву, и как ни полез-

на, может быть, классическая система учения — не она излечит нас от этой язвы.

Что такое нигилизм? Нигилизм есть последовательный материализм, и больше ничего. Материализм несколько раз уже получал большое распространение в европейском обществе: в XVII веке господствовал он в Англии, в XVIII — во Франции, откуда распространился между высшими классами прочих государств и даже России. Реакцией против этого материализма был германский идеализм, который теперь, в свою очередь, под совокупным влиянием протестантизма (отвергающего всякое положительное религиозное содержание христианства), гегелиз-

ма (доведенного до своего крайнего последовательного развития) и, наконец, успехов положительных наук дошел до полнейшего материализма и атеизма. Между тем для жившей задним умом официальной России все еще Франция, по старой памяти, казалась олицетворением всех антисоциальных, антирелигиозных, противонаравственных учений; а скромная, глубокомысленная Германия олицетворяла собой противодействующий этим зловерным направлениям спасительный идеализм.

И вот нашей системе общественного воспитания был придан исключительно немецкий характер. Не так еще давно молодым людям, отправлявшимся за границу, строго возвра-

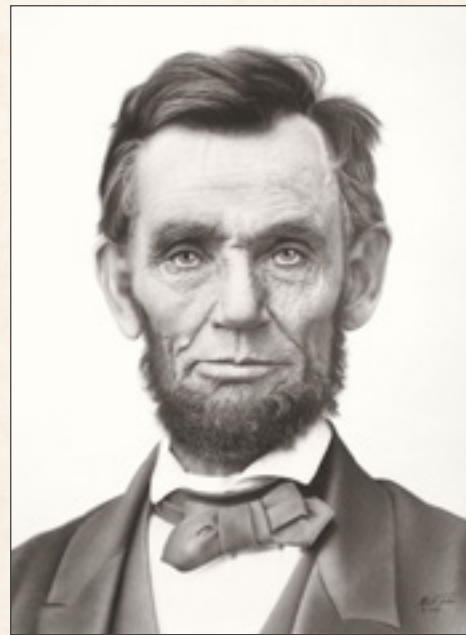
▲ Наполеон

нялся въезд во Францию как в страну нравственно-зачумленную, тогда как зараза давно уже оставила французскую почву и перешла в Германию.

Без самобытного развития, привыкши верить на слово нашим иностранным учителям и в последнее время будучи обучаемы исключительно немецкой наукой, мы заразились самоновейшим и самомоднейшим ее направлением, которое не встречало ни внутреннего, ни внешнего противодействия. К какой нации принадлежат Фохт, Молешотт, Фейербах, Бруно Бауер, Бюхнер, Макс Штирнер — эти корифеи новейшего материализма? Разве они русские или воспитанники русских гимназий, сделавшиеся нигилистами от недостаточно глубокого изучения латинских и греческих классиков? Разве русского происхождения и те учения, которые хотя и не могут быть названы чисто материалистическими, но которые, однако же, служат необходимыми подпорами материализма, как-то Дарвиново учение о происхождении видов, Гукслеевы выводы о близости человека к обезьянам, Боклево отвержение человеческой свободы на основании добытых статистикой результатов? Что привнесли русские в эту сокровищницу материалистических учений? Ничего. Самое имя нигилизма, хотя получило, по-видимому, на Руси свое происхождение, очевидно, основано на книге Макса Штирнера «Ichstellemein Sachaufnichts», с филистерским цинизмом посвященной «meinemlieben Julchen». Мы и тут повторяли, как попугаи, чужие слова и мысли — как наши деды повторяли учения энциклопедистов, а отчасти учения мистиков, как наши отцы — учения германского трансцендентального идеализма. Если эти учения, получавшие некоторое распространение в русском обществе в былые времена, не могут считаться явлениями русской жизни, то почему же приписывается это нигилизму, имеющему столь же очевидное иноземное происхождение? Или, может быть, со свойственной подражателям склонностью преувеличения мы утрировали заимствованное нами учение?

К счастью или к несчастью, наши учителя не оставили нам даже и этой возможности отличиться. Когда утверждают, что человек есть прямой потомок гориллы или орангутанга, что мысль есть такое же отделение мозга, как урина — отделение почек, что считать что-либо священным — столь же нелепый обычай, как табу островитян Полинезии, то остается ли еще какая-нибудь возможность к утрировке? Со всем тем, однако, если в нигилизме есть что-нибудь русское, то это его карикатурность. Но это свойство разделяет он и с русским аристократизмом, и с русским демократизмом, и с русским конституционализмом, одним словом — со всяким русским европейничаньем. Как бы ни были грубы, как бы ни были дики учения, но ежели они (как новейшие материализм, коммунизм, или цезаризм) представляются результатом долговременного развития, попавшего на ложную дорогу, или следствием непримиримых противоречий, дошедших до взаимного отрицания различных сторон жизни, то эти учения и эти общественные явления — плод отчаяния целых поколений — имеют величавый трагический характер. Когда же эти самые учения не вызваны внутренней жизнью общества и не более как сбхвонной решительницы достоинства наших поступков. Вместо одобрения народной совести признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унижительно-тщеславное удовольствие от ее похвал. Возьмем определенный, всем известный пример. Европа обвиняет нас в честолюбивых видах на Константинополь, и мы стыдимся этого обвинения, как будто и в самом деле какого-нибудь дурного поступка. Англия завладела чуть не всеми проливами на земном шаре; неизвестно с какой стати захватила скалу на испанской территории, господствующую над входом в Средиземное море; а по отношению к нам считается непозволительным хищничеством добиваться свободного входа в наш собственный дом, обладание которым притом сопряжено с лежа-

▲ Авраам Линкольн

щей на нас нравственной обязанностью — выгнать турок из славянской и греческой земли. Мы, конечно, можем утверждать факт, что в данное время не имеем этого намерения, как действительно не имели перед восточной войной, как, к сожалению, не имеем (без сомнения) и теперь; но становиться на европейскую точку зрения и видеть в самом желании овладеть Царьградом, выгнать турок, освободить славян какое-то посягательство на права Европы — это непростительное нравственное унижение. Я не говорю здесь о языке дипломатии (у нее свой условный язык, своя условная политическая нравственность: ей приходится с волками жить — по-волчьи выть), а имею в виду только выражение русского общественного мнения. И французская дипломатия не говорит о Рейнской границе, но это не мешает французскому общественному мнению свободно выражать свои мысли и желания об этом предмете, хотя законность их подлежит гораздо большему сомнению, чем законность желаний России. Точно так же чураемся мы обвинения в панславизме, как будто честный русский человек, понимающий смысл и значение слов, им произносимых, может не быть панславистом,

то есть может не стремиться всеми силами души своей к свержению всякого ига с его славянских братьев, к соединению их в одно целое, руководимое одними славянскими интересами, — хотя бы они были сто раз противоположны интересам Европы и всего остального света, до которых нам нет и не должно быть никакого дела. Америка считает между своими великими людьми одного человека, который не освободил ее от чужеземного ига (как Вашингтон), не содействовал утверждению ее гражданской и политической свободы (как Франклин, Адамс, Джефферсон), не освободил негров (как Линкольн), а произнес только с высоты президентского кресла, что Америка принадлежит американцам, — что всякое вмешательство иностранцев в американские дела сочтут Соединенные Штаты за оскорбление. Это простое и незамысловатое учение носит славное имя учения Монроэ и составляет верховный принцип внешней политики Соединенных Штатов. Подобное учение должно бы быть и славянским лозунгом; и никакой страх ни перед какой Марьей Алексеевной не должен удерживать нас от громкого его произнесения во услышание всем, кто пожелает слышать. Но в одних ли внешних делах имеет влияние голос всегда во всем и постоянно враждебной Европы на наш образ мыслей, на наши поступки? Поверив на слово Европе, что Екатерина совершила великое политическое преступление, присоединив к России исконно русские земли, — и тем исполнив вековое томительное желание миллионов русского народа, чуть-чуть не было совершено действительное преступление против русского народа, с самыми гуманными целями и намерениями. Страх перед укором в религиозной нетерпимости со стороны Европы заставил принять сторону столь толерантных пасторов и баронов против обращавшихся в православие латышей и эстов, доказывавших тем их глубокое стремление слиться с русским народом, с которым их предки или родичи заодно клали основание Русскому

▲ Суворов А.В.

государству. Но лучше остановиться на первых же примерах влияния страха перед Европой на нашу внутреннюю политику и обратиться к внешней истории, где скрывать нечего, где счеты яснее и лучше видны, что мы выиграли и что проиграли, становясь на европейскую точку зрения и надевая европейские очки, чтобы смотреть на наши дела и интересы. После великой национальной политики императрицы Екатерины, воссоединившей Запад России с Востоком, придвинувшей Россию к Черному и Азовскому морям, на пространстве от Днепра до Кубани, — мы пришли в бескорыстный ужас от неистовств Французской революции, когда она уже сама собой приходила к концу, и в не менее бескорыстное соболезнование к неудачам бескорыстной Австрии. И вот великий Суворов украсился титулом князя Итальянского, а русское оружие озарилось неувядае-

мой славой. Нравственный результат войны 1799 года был велик, показав, к чему способно русское войско под предводительством русского военного гения; но практически полезных результатов она не только не имела, но и не могла иметь, каков бы ни был ее исход. Наполеон без нас смирил революцию и явился охранителем и восстановителем порядка. Честолюбие его еще не успело выказаться, так что и против него не представлялось необходимости принимать заблаговременных мер. Историческая борьба между Англией и Францией, в которой последняя лишилась всех своих колоний, естественным образом вела того, кто взялся быть носителем и представителем ее судеб и стремлений, к желанию померяться со счастливой соперницей. Неисполнение условий Амьенского мира доставило к тому достаточный предлог. Высадка угрожала берегам Англии. Ее деньги и естественное

желание Австрии попытаться возвратить потерянное отвлекли на эту последнюю удар, предназначавшийся Англии. Какое бы, казалось, нам до всего этого дело? Но мы стояли на европейской точке зрения, и, уже зная, как Австрия и Англия платят за бескорыстное желание помочь им, тем не менее, приступили к новому союзу с этими бескорыстными державами. Война 1805 года не имела и нравственных результатов войны 1799 года. Война 1807 года была необходимым ее продолжением. На этот раз честь России действительно требовала войны.

Окончивший ее Тильзитский мир не принадлежит к числу славных миров России, но зато он был, может быть, самым выгодным когда-либо заключенным Россией трактатом. Он доставил ей Белостокскую область, Финляндию и Бессарабию, — и только потому не доставил Галиции, Молдавии и Валахии, не утвердил самостоятельности и независимости Сербии, что Россия сама этого не захотела, смотря на все с европейской точки зрения, и с высоты европейства предпочла независимость Ольденбурга независимости Сербии и Славянства. Последовавшая от такого взгляда война 1812 года имела опять великие нравственные результаты для России, могла бы иметь и великие результаты практические, если бы, помирившись с Наполеоном, предоставили Германии и Европу их собственной судьбе. После 1815 года заняла Россия, по видимому, царственную роль в Европе; но, имея политический центр своей деятельности не внутри, а вне себя, преследуя идеально-общеевропейские цели, Россия служила политике Меттерниха и (как громоотвод) отводила от нее заслуженную ненависть, скопляя ее на свою сторону. Меттерниху удалось воспользоваться европейской точкой зрения, на которой стояла Россия, чтобы вдвойне обморочить ее: во-первых, вселяя в нее ужас к заговорам карбонариев и к демократическим волнениям, которые (повторяю еще раз), в сущности, столько же ее касались, сколько и возмущение тайпингов; во-вторых, заставляя ее видеть демократическую

революцию в священном восстании греков. Этим удалось австрийскому министру вырвать из рук России честь сделаться единственной помощницей и участницей в борьбе ее единовременцев. Эту славу разделили с ней и другие лицемерные друзья греков, экамотировав, что можно было из полезных результатов священной борьбы. Вместо того чтобы быть знаменосцем креста и свободы действительно угнетенных народов, мы сделали рыцарями легитимизма, паладинами консерватизма, хранителями священных преданий версальской бонтонности, — как оно и прилично ученикам французских эмигрантов. Чем искреннее и бескорыстнее усваивали мы себе одну из европейских точек зрения, тем глубже ненавидела нас Европа, никак не хотевшая верить нашей искренности и видевшая глу-

боко затаенные властолюбивые планы там, где была только задушевная преданность европейскому легитимизму и консерватизму. Эта ненависть не смущала наших консерваторов; они гордились ею, и она казалась им совершенно естественной. Как же в самом деле было не ненавидеть Россию, — грозную защитницу и охранительницу здоровых начал общечеловечности и порядка, — этому сброду демократов и революционеров всех цветов? В симпатиях же друзей порядка и всех консервативных сил они нисколько не сомневались. Наши прогрессисты также не смущались ненавистью европейского общественного мнения, также находили ее естественной, но только не гордились ею, а стыдились ее, как заслуженного наказания за наши анти прогрессивные стремления.

▲ Меттерних Клеменс

▲ Смоленск, 1812 г.

Но вот настала Восточная война. Полезные действия ее у нас превозносятся применительно к пословице: «Гром не ударит, русский мужик не перекрестится». Но едва ли не справедливее приписать те благодетельные внутренние реформы, которые последовали за Парижским миром, не военной неудаче, а единственно благому почину императора Александра, который, без сомнения, предпринял бы их так же точно и при всяком другом исходе Восточной войны. Война эта, однако же, не осталась без действительно благодетельных последствий. Она показала нам, что ненавидела нас не какая-либо европейская партия, а, напротив того, что каковы бы ни были разделяющие Европу интересы, все они соединяются в общем враждебном чувстве к России. В этом клерикалы подают руку либералам, католики — протестантам, консерваторы — прогрессистам, аристократы — демократам, монархисты — анархистам, красные — белым, легитимисты и орлеанисты — бона-

партистам. Прислушайтесь хоть к толкам во Французском законодательном собрании о внешней политике империи. Та или другая оппозиционная партия находит слова осуждения и для итальянской, американской, и для германской политики французского правительства; но все партии согласны и между собой, и с императорским правительством в оценке его восточной политики, поскольку она была враждебна России. Та общая (поглощающая все различия партий и интересов) ненависть к России, которую и словом и делом обнаружила Европа, начала наконец открывать нам глаза. К сожалению, это отрезвляющее действие Восточной войны не было довольно сильно, потому что ему не помогало хотя сколько-нибудь свободное публичное слово. Всякое оскорбительное слово о России было тщательно не допускаемо до нашего слуха, точно до слуха молодой девушки, девственную чистоту и деликатность которой могло бы нарушить все непристойное и грубое. От официальной защиты русского

интереса все еще продолжало веять казенщиной, которая нам претила. Мы так привыкли к официальной лжи, что нам виделась и слышалась ложь даже там, где была одна святая истина. Большинство образованных людей не могло еще отстать от старой привычки смотреть европейскими глазами на все наши дела и считало себя весьма проникательным, думая про себя, что Европа ополчилась на нас, дабы наказать нашу нестерпимую гордыню. Нашу гордыню, — любопытно было бы посмотреть на эту диковину! В чем, когда и где проявлялась она?

Еще после Восточной войны ходила по рукам рукопись, справедливо или нет приписываемая профессору Грановскому, где именно представлялась Восточная война справедливым возмездием за нашу политическую гордыню, хотя, в сущности, она была произведена выходившими из границ политическим смирением и скромностью. Я не смею утверждать, чтобы означенная рукопись была действительно произведением

знаменитого профессора; но ежели она и подложная, то при более национальном направлении общественного мнения, конечно, никто бы не вздумал приписывать перу всеми уважаемого лица взглядов такого рода.

Чтобы еще более раскрыть русские глаза на действительное отношение европейского общественного мнения к России, нужно было другое событие: вмешательство Европы в польские дела. То, чего не могла совершить Восточная война, совершило вмешательство Европы в польские дела, несмотря на то, что это вмешательство далеко не имело ни того оскорбительного характера, ни тех тяжелых последствий, как события 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. Но на помощь раскрывающим глаза событиям явились тут — зарождавшиеся уже гласность и общественное мнение. Все перечисленные здесь и поясненные примерами виды европейничанья суть, конечно, только симптомы болезни, которую можно назвать слабостью и немощью народного духа в высших образованных слоях русского общества. Но, будучи симптомами болезни, они составляют вместе и родотворную причину болезни, от которой она ведет свое происхождение и которая беспрестанно ее поддерживает.

Болезнь эта в целом препятствует осуществлению великих судеб русского народа и может, наконец (несмотря на все видимое государственное могущество), иссушив самобытный родник народного духа, лишит историческую жизнь русского народа внутренней зиждательной силы, а следовательно, сделать бесполезным, излишним самое его существование, ибо все, лишенное внутреннего содержания, составляет лишь исторический хлам, который собирается и в огонь вметается в день исторического суда. Какая же сила излечит нас от постигшего нас недуга и, упразднив в нем все, искажающее наш народный облик, обратит и эту болезнь к росту, как обратила уже татарское данничество и закрепощение народа? И прямое действие власти, и сила слова

кажутся нам для сего недостаточными. Оскудение духа может излечиться только поднятием и возбуждением духа, которое заставило бы встрепенуться все слои русского общества, привело бы их в живое общение, восполнило бы недостаток его там, где он иссякает в подражательности и слепом благоговении перед чуждыми идеалами, из того сокрытого родника, откуда он не раз бил полноводным ключом, как во дни Минина, и начинал бить в более близкие к нам години испытаний 1812 и 1868 годов.

Для избавления от духовного плена и рабства надобен тесный союз со всеми плененными и поработченными братьями, необходима борьба, которая, сорвав все личины, поставила бы врагов лицом к лицу и заставила бы возненавидеть идолослужение и поклонение своим открыто

объявленным врагам и противникам. Совершить это в силе только суровая школа событий, только грозный опыт истории. Эти целительные события, от которых придется (хотим ли или не хотим) принять спасительные уроки, уже восходят на историческом горизонте и зовутся Восточным вопросом.

Из переполненной Господним гневом чаши

*Кровь льется через край,
и Запад тонет в ней —
Кровь хлынет и на нас,
друзья и братья наши —
Славянский мир, сомкнись тесней...*

Ф. Тютчев

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

МОЯ КЛЯТВА

Первое стихотворение поэта, 1953 год.

*Опоясана трауром лент,
Погрузилась в молчанье Москва,
Глубока её скорбь о вожде,
Сердце болью сжимает тоска.*

*Я иду средь потока людей,
Горе сердце сковало моё,
Я иду, чтоб взглянуть поскорей
На вождя дорогого чело...*

*Жжёт глаза мои страшный огонь,
И не верю я чёрной беде,
Давит грудь несмолкаемый стон,
Плачет сердце о мудром вожде.*

*Разливается траурный марш,
Стонут скрипки и стонут сердца,*

*Я у гроба клянусь не забыть
Дорогого вождя и отца.*

*Я клянусь: буду в ногу идти
С дружной, крепкой и братской семьёй,
Буду светлое знамя нести,
Что вручил ты нам, Сталин родной.*

*В эти скорбно-тяжёлые дни
Поклянусь у могилы твоей
Не щадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей.*

*Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землёй,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой*

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

В РОССИИ ОТНЫНЕ ЕСТЬ ДВА ГОСУДАРСТВА

*В России отныне есть два государства:
Одно – для народа, другое – для барства.
В одном государстве шалеют от денег.
В другом до зарплаты копеечки делят.
Меж ними навеки закрыты границы.
О, как далеко огородам до Ниццы!
Не ближе, чем отчему дому – до виллы.
Когда-то таких поднимали на вилы.
В России отныне есть два государства.*

*В одном одурели от бед и от пьянства.
В другом одурели совсем от другого...
Но мне не к лицу неприличное слово.
Элитные жены – принцессы тусовок.
Российские бабы – Российская Совесть.
Однажды мое государство взъярится.
Пойдет напролом и откроет границы.
И будет в России одно Государство.
А всё остальное – сплошное лукавство.*

ОЛЕГ КАНКИН

И ГДЕ ЭТОТ КРЕСТ, У НЕСЧАСТНОЙ РОССИИ

*И где этот крест у несчастной России,
В чём корни беды, нищеты и тревог?
Должно быть, мы сами судьбу попросили
Промозглую тьму запылённых дорог...*

*Желанье кнута заменило свободу,
Хозяйский сапог не устанем лобзать,*

*Который нам тычет в лицо год от года
Нукеров цепных озверевшая рать.*

*Зато мы гордимся дворцами «хозяев»...
Для всех несогласных - готов эшафот.
Рабы, продолжайте любить негодяев,
Вперёд, вековечно забитый народ!*

Н.И. КОСТОМАРОВ

МАЗЕПА

▲ После Полтавской битвы, Карл XII и Мазепа

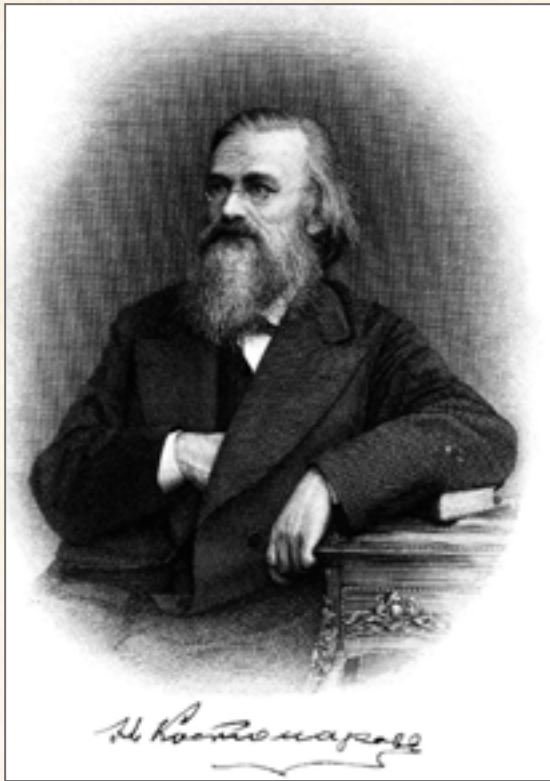
Карл XII, убегая от погони с поля битвы, достиг своего обоза в первом часу пополудни и увидел там раненых генерала Мейерфельда и полковника Гиерта. Верховая езда, и притом быстрая, разбредила рану короля и причинила ему страдание. Он кричал: «Снимите меня с лошади и посадите в коляску!» Карла сняли и внесли в шатер. Он съел холодного жаркого и спрашивал про своих генералов, которых не видал близ себя. «Где Реншильд?» «В плену», — отвечали ему. «Где тот, где другой генерал, где Пипер?» «В плену», — был один ответ. «В плену у русских! — воскликнул король — Да это хуже, чем у турок... Вперед!» Он думал сначала, что с русскими придется

еще схватиться. Но тут один за другим возвращались с поля битвы разстрепанные отряды пораженного войска. Явился к королю и Мазепа, во все время битвы находившийся в своем шатре в обозе.

Нам теперь трудно вообразить себе те ужасные минуты, которые переживал тогда украинский гетман. Все надежды его разбились, все рушилось, все пропало. Жизнь его кончалась. Ни на что не пригодился ему весь ряд коварств и козней, которыми так богат был пройденный им путь. Уже скоро после своей измены стал он предчувствовать неудачу. Уже не раз сожалел он, что ступил на скользкую дорогу, и пробовал сойти с нее, но ему не удалось. Тоска

и раскаяние мучили его уже не один день. И вот ударил решительный, страшный час. Медлить было невозможно. Никто в побежденном стане не имел такого повода страшиться, как Мазепа. Русские с минуты на минуту могли появиться, взять его и повезти — куда? — к царю! Что там ожидало его — от одного воображения должна была останавливаться в жилах кровь у слабого старика. Он принялся просить, умолять Карла немедленно бежать с остатками сил своих в турецкие владения. Не было иного притона. В Польшу невозможно было пробраться. Одни русские силы преследовали бы бегущих сзади, а за Днепром стоял Голыц с другими. Бежать степью в Турцию казалось тогда са-

Костомаров Николай Иванович (1817-1885), российский историк, общественный деятель, этнограф, публицист, писатель, критик, педагог, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, действительный статский советник. Панславист. Родился 4 (16) мая 1817 года в слободе Юрасовке Острогожского уезда Воронежской губернии в семье русского помещика, мать — крепостная украинская крестьянка. Род Костомаровых — дворянский, великорусский. Известен сын боярский Самсон Мартынович Костомаров, служивший в опричнине Ивана Васильевича Грозного. Окончил Харьковский университет. Общественно-политические и исторические взгляды Костомарова формировались под влиянием И. И. Срезневского, Д. Н. Бантыш-Каменского, Н. А. Мерковича. В 1841 году подготовил магистерскую диссертацию «О причинах и характере унии в Западной России», которая была запрещена и уничтожена за отход от официальной трактовки проблемы. В 1844 году защитил диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии». С 1846 года профессор Киевского университета по кафедре истории. Один из организаторов тайного Кирилло-Мефодиевского общества и авторов его устава и программы. В обществе Костомаров занимал правые

позиции. В 1847 году общество было разгромлено. Костомаров арестован и после годичного заключения сослан в Саратов. До 1857 года служил в Саратовском статистическом комитете. В Саратове Костомаров познакомился с Н. Г. Чернышевским. В 1859-1862 годах профессор русской истории Петербургского университета. Арест, ссылка, работы по истории народных движений («Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России» (1857); «Бунт Стеньки Разина» (1858) создали Костомарову широкую известность. Он был одним из организаторов и сотрудников украинского журнала «Основа», выходившего на русском и украинском языках. А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов поддерживали Костомарова по вопросам, касающимся прав украинского народа на развитие своей культуры, его борьбы с польскими дворянско-буржуазными шовинистами, вместе с тем критиковали Костомарова за либеральную ограниченность и его религиозный мистицизм. В 1862 году Костомаров отказался поддержать протест против ссылки профессора П. В. Павлова, что возмутило студентов, и он вынужден был уйти из университета. Произошел разрыв и с Н. Г. Чернышевским и более тесное сближение Костомарова с либеральными националистическими кругами. Важнейшие вопросы русской и украинской истории Костомаров толковал с позиций буржуазной историографии. Его теория «двух начал» — вечевого и единодержавного — идеализировала прошлое украинского народа. Идея об исключительных особенностях Украины, о её «бесклассовости» и «безбуржуазности» обусловила обращение Костомарова к этнографическому материалу, как основному, по его мнению, для раскрытия истории народа. Однако понимание Костомаровым истории народа было не научным: он не касался её экономических сторон. Костомаров один из первых украинских литературных критиков. Автор многотомного издания «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» и большого количества исторических монографий и исследований. Умер 18 апреля 1885 года в Санкт-Петербурге.

мым подходящим делом. Запорожцы брались перевезти короля через Днепр.

«Позвать Левенгаупта!» — кричал король.

Прибыл Левенгаупт.

«Ну что теперь нам делать?» — спрашивал Карл.

Левенгаупт сходил в мнении с Мазепою.

«Ваше величество! — отвечал он. — Остается поступить так, как сделано было под Лесным: бросить все тяжести, артиллерию, провиант, амунисию, лошадей распределить между воинами, сколько кто может взять, а остальное все сжечь и уходить как можно скорее. Русские скоро здесь будут».

Воспоминание о Лесном не понравилось Карлу. Он никак не мог забыть этой неудачи своего лучшего генерала. Карл услал Левенгаупта по какому-то незначительному поводу. Тогда Мазепа опять стал настаивать, чтоб уходить как можно скорее. К нему присоединили свой голос некоторые шведские военачальники:

все хором умоляли Карла не терять времени и уходить. Карл все еще храбрился, кричал, что бегство постыдно, что лучше биться с врагом до последней капли крови, когда он наступит, но потом, наконец, склонился на усиленные моления Мазепы и своих генералов. Впрочем, он дал приказ отступления совершенно противный тому, что советовал Левенгаупт: он приказал забирать с собою весь багаж и артиллерию с 31 пушкой и двигаться вдоль Ворсклы по направлению к ее устью. В виду у него было присоединить к себе отряды шведского войска, расставленные в городах: Новом Санжарове, Беликах, Кобыляках, Соколках. Карл вместе с Мазепою сел в коляску генерала Мейерфельда. Вечером шведы двинулись с распущенными знаменами. Они надеялись переправиться через Днепр у Переволочны, как обещали им запорожцы. Но русские успели уже заранее истребить там суда и паромы.

Шведские войска шли довольно медленно и спокойно, так что отступление их на первых порах не похо-

дило на бегство. Кроме военной силы, при шведском обозе было множество рабочих малороссиян; были там, сверх того, и поселяне, привозившие в шведский стан живность на продажу. Карл не хотел, чтоб эти люди попали в руки великороссиян, и приказал не спешить, чтобы дать им время уйти.

Перед светом на другой день Карл был в Новом Санжарове. Хирург перевязал ему раненую ногу; Карл уснул глубоким сном. Но едва стал заниматься день, как короля разбудили.

«Русские гонятся за нами, ваше величество, — сказали ему. — Прикажете следовать далее?»

«Делайте, что хотите!» — отвечал Карл.

Тогда генерал Крейц, взявши на себя ответственность, стал поступать так, как советовал прежде Левенгаупт. Зажгли тяжелый багажмент, а лошадей раздали пехоте. С этой поры поход стал совершаться так быстро, что русские не успевали гнаться за шведами. В погоню за ними шли еще только генералы Голицын и Бо-

▲ Полтавское сражение

▲ Переволочна

уэр; Меншиков с корпусом выступил только после полудня 28 числа. С Карлом в этот день случилось приключение: коляска его повредилась, и он принужден был приказать посадить себя снова на лошадь, а с наступлением ночи с 28 на 29 число король заблудил в лесу, и это, разумеется, замедлило еще более бегство шведов. К счастью шведов, Меншиков с своим корпусом был еще неблизко. На рассвете беглецы добрались до Кобыляк. К восьми часам утра прибыл туда Меншиков. Но шведов там уже не было: только при переходе через речку Кобылячку шведский арьергард задерживал переправу русских с целью дать время уйти далее своему войску с королем.

К вечеру 29 числа беглецы достигли Переволочны. Она была расположена в углу, образуемом Днепром и устьем впадающей в него Ворсклы. Пространство между этими реками было невелико, покрыто болотистыми топями и открыто для неприятельских выстрелов, если они начнутся с возвышенностей. Не было ни судов, ни паромов, не было и людей в Переволочне; торчали только груды развалин после посещения ее русскими.

Шведы успели отыскать запас строевого дерева, годного для постройки паромов, но им не доставало ни цепей, ни веревок, а главное — не доставало времени: неприятеля могли ожидать каждую минуту. Нельзя было помышлять об отпоре: мало было у шведов пушек, ядер не было, порох был подмочен, и войско упало духом. Господствовал беспорядок; незаметно было ни заботливости о спасении армии, ни дисциплины. Король, всегда отважный и самонадеянный, все еще верил в стойкость своих шведов и в волшебную силу своих речей.

«Пусть только увидят меня солдаты верхом на лошади, — станут они сражаться так же храбро, как и прежде», — говорил он.

«Нет, ваше величество, — отвечал ему Гилленкрок, — если неприятель явится, то многие наши солдаты или положат оружие, или бросятся в воду, чтобы спасти свою честь».

Тотчас стало оказываться, что король заблуждался насчет воинственной стойкости свои воинов. Многие самовольно стали овладевать паромы, приготовленными их товарищами для себя, а не для них. Тогда Мазепа стал умолять короля пере-

правиться как можно скорее через Днепр и уходить в турецкие владения. Стали рассуждать, каким путем уходить, потому что представлялось два пути: в Крым к хану — подручнику турецкого султана, или в Бендеры — к сераскиру-паше. Многие склонялись к тому, чтоб уходить в Крым, полагая, что там за них станет готовая воинственная сила орды. Случившийся здесь какой-то татарский мурза обещал Левенгаупту сам проводить войско через степь. На пути в Крым, представлял он, после Днепра не будет уже больших рек, через которые трудно было бы переправиться. Но Мазепа советовал избрать путь на Бендеры. «Следуя в Крым, — говорил он, — нам придется проходить слишком большое степное пространство и русские, погнавшись за нами с большою силой, могут нагнать нас, тогда как много-много на пятый день мы уже достигнем границы и будем безопасны». Король не решался ни на то, ни на другое; он никак не мог победить в себе чувство стыда при мысли, что он побежит от неприятеля.

Тогда Левенгаупт, уговаривая короля, стал перед ним на колени и го-

ворил:

«Всемиловейший государь! разрешите спасти вашу особу. пока еще возможно. Если неприятель сюда явится, то всех нас истребит или в плен заберет».

«Нет, нет, ни за что, — говорил с жаром король, — не покину своих солдат. Вместе будем обороняться, вместе погибнем!»

«Невозможно, — говорил Левенгаупт, — солдаты, видимо, упали духом; местоположение здесь неудобно для обороны. Повторяю: нас непременно или истребят, или в плен заберут. Бог поставил ваше величество правителем народа, и вы должны будете отдать Богу отчет за него. Если спасете вашу особу, то найдете еще способ спасти отечество и всех нас, своих несчастных подданных. Если же попадете в неприятельские руки, тогда все пропало».

«Я, — сказал решительно король, — согласен скорее попасть в неприятельские руки, чем умышленно покинуть войско».

Пришел Гилленкрок и пристал к совету Левенгаупта.

«А что будет со мною, если русские возьмут меня в плен?» — спрашивал король.

Гилленкрок отвечал:

«Сохрани нас Бог от этого!.. Но если бы такая беда нас постигла, то русские влачили бы вашу особу с триумфом по своей земле и вынудили бы от вас унижительные для Швеции условия».

На это Карл сказал:

«Шведы не будут обязаны соблюдать условия, вынужденные от меня насилем».

«Вы сами, — сказал Гилленкрок, — не предадите себя такому бесчестию и не подумаете о своих верных подданных, чтоб они нарушили обещания, данные их королем хотя бы вследствие насилия».

Карл вдруг опомнился и сказал:

«Господа! Не верьте тому, что я сейчас говорил».

Но когда генералы принялись снова его уговаривать, Карл уже не возражал им, а порывисто произнес:

«Господа, оставьте меня в покое!»

Все в тихой скорби от него уда-

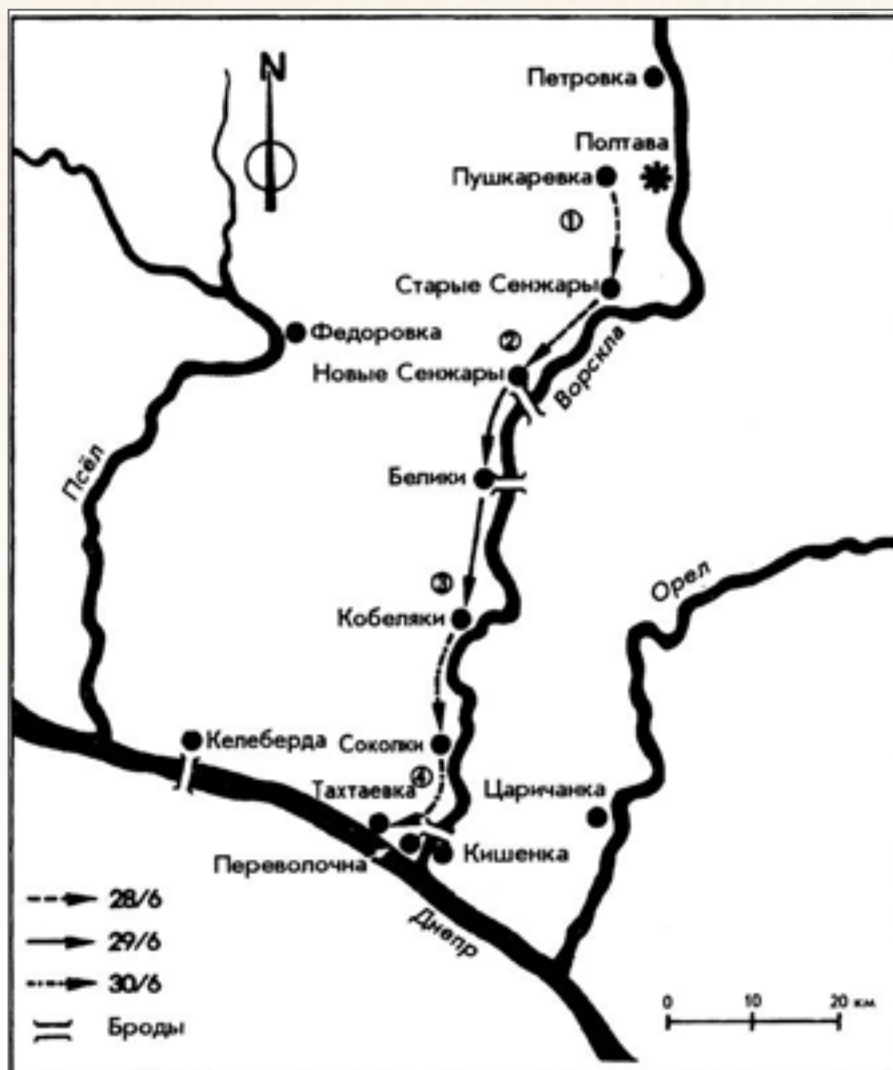
лились. Но вошел к королю генерал Крейц, и неизвестно, одумался ли король, или речи Крейца подействовали на него более, чем речи Левенгаупта и Гилленкрока, только Крейц, вышедши от короля, сказал генералам:

«Король решается оставить свою армию и переправиться через Днепр».

Мазепа, видя упорство короля, которое могло довести до того, что появятся русские, стал заботиться о собственном спасении и, не дожидаясь более, чем кончатся толки у короля с его генералами, поспешил воспользоваться стоявшими судами и часов в шесть вечера переправился через Днепр с своими единомышленниками и с несколькими козацкими господами. Он успел захватить с собою два бочонка с золотыми монетами. Ма-

зепе заторопился бежать именно тогда, когда у короля с генералами шла речь о том, что станет с королем, если его возьмут в плен; он знал, что как ни тяжел был бы такой плен для шведского короля и для шведского войска, но о том, что случилось бы с ним, приходилось уже думать только ему самому, а не его союзникам. Говорят, что в это время Карл выказал Мазепе свое неудовольствие и назвал его своим обольстителем, и хотя шведский историк, сообщая это сведение, отвергает его, но оно не лишено правдоподобия, тем более что сам этот историк не находился тогда уже при короле.

После отплытия Мазепы король назначил Левенгаупта главнокомандующим оставляемой на берегу Днепра армии, а с собою переправляясь через Днепр определял генералам

▲ Бегство шведов

▲ Переправа Карла XII через Днепр

Акселю Спарре, Лагеркроне, генерал-квартирмейстеру Гилленкроку, полковникам Герду, Гиерте, Дальдорфу и Гротгузену, статс-секретарю Мюллерну, нескольким писцам и служителям. Для прикрытия взял он из войск, не участвовавших в полтавском сражении, 1100 человек и, сверх того, оставшихся целыми драбантов и так называемых одноупряжных (einspanner). Некоторые офицеры и солдаты заранее успели уйти за Днепр и могли пристать к королю в степи, так что всей военной силы, сопровождавшей короля в Турцию, могло набраться от двух до трех тысяч.

Гилленкрок успел отыскать на берегу Ворсклы несколько паромов и пустить их до Переволочны. На эти паромы посадили избранное войско. Запорожцы проводили через Днепр шведских лошадей и приводили в изумление своих иноплеменных союзников ловкостью, с какою они переправлялись вплавь, держась за гривы лошадей. Когда королю приближа-

лось время переправляться, то кроме тех, которых король назначил для переправы с собой, на берегу стали толпиться шведские солдаты, пытались и сами, вслед за прочими, каким-нибудь способом перебраться за реку.

Ломали багажные телеги, усаживались на них, и на таких, наскоро сработанных плотках пускались в волны, а вместо весел употребляли тележные колеса. Однако сравнительно немного нашлось тогда шведов, которые таким способом перебрались на противоположный берег. Некоторые тут же утонули. Запорожцы переправляли войско, отобранное королем и посаженное на паромы. Они приготовляли веревки, один конец вправляли в паром, а другой держали в руках, и даже брали в зубы, и таким образом, плывя верхом на своих лошадях, перетаскивали союзников на другой берег. Переправа окончилась в одиннадцать часов ночи. В это время понесли и короля на берег реки, чтобы посадить его для отплытия. Успели взять его се-

ребряный сервиз и немалые денежные суммы, доставшиеся ему с контрибуции, наложенной на Саксонию. Короля посадили в коляску, самую же коляску поставили на двух суднах, так что передние колеса стояли на одном, а задние на другом.

У берега подошел к нему Левенгаупт и сказал: «Ваше величество, всемилостивейший государь! Я человек небогатый. Если со мною что-нибудь случится, не оставьте моей жены и детей, чтобы им не пришлось нищенствовать».

«Ваша просьба будет исполнена. — отвечал король, — только и вы исполните в точности мои приказания, — сохранить в целости войско и перейти в татарскую степь».

Левенгаупт поцеловал королю руку.

В полночь отчалили от берега. 12 драбантов служили королю гребцами.

Отправивши своего короля, утомленное до крайности войско легло спать, а для безопасности оставлены были караулы.

Утром Левенгаупт и Крейц стали приводить в известность и порядок свои военные силы. Тут Крейц первый провозгласил зловещую новость: «Мы опоздали, — Меньшиков уже за высотами». Вслед за тем на возвышении появилось 9000 русской кавалерии с прибавкою пехоты. Русские от одного пойманного шведского полкового квартирмейстера узнали уже о бегстве короля за Днепр.

Таким образом, главная цель — взятие в плен короля и Мазепы — достигнута быть не могла. Оставалось русским разделаться с оставшимся шведским войском.

Но русское войско было тогда чрезвычайно истомлено быстрым маршем. Меншиков приказал бить в барабаны, чтобы шведам показалось, что на них идет большая сила, а князь Михаил Голицын позади войска, вдали поставил несколько сот лошадей с солдатами при них, чтоб издали они могли показаться шведам еще одним наступающим корпусом русских войск. В шведском войске сразу наступило уныние, и Левенгаупт сообразил, что нечего и думать бороться с неприятелем. Он послал

к Меншикову генерала Крейца, полковника Дукера, подполковника Траутфетера и капитана Дугласа узнать, не расположен ли русский военачальник, не вступая в бой, заключить какие-либо условия. Меншиков от имени царя объявил им, что они должны сдаться на капитуляцию как военнопленные и выдать победителям все запасы и оружие. Шведы, чтобы дать время своему королю уехать подальше, думали тянуть переговоры о сдаче и просили у Меншикова дозволения снести о таком важном деле с Левенгауптом. Меншиков позволил Дукеру ехать к Левенгаупту, а Крейца с другими его товарищами задержал. Тогда Крейц, находясь у русских в стане, видел неприятную для него сцену; козаки приводили пленными к Меншикову шведов, бежавших из шведского лагеря, а другие шведы кучками сами являлись в русский стан, заранее избегая возможности сражения, которого не надеялись выиграть. Левенгаупт, получив через полков-

ника Дукера требование Меншикова, собрал военный совет. Шведов было от тринадцати до четырнадцати тысяч, но из них тысяч до пяти было нездоровых и раненых, так что годных к бою могло набраться не более как от восьми до девяти тысяч. Левенгаупт сказал полковникам: «Проезжайте по своим полкам и спросите солдат, будут ли они драться».

Когда сделаны были полковниками такие запросы, три полка объявили, что готовы биться на жизнь и на смерть. Мужественнее всех заявила себя рота Альбедия, состоявшая из самых опытных солдат. Когда подошли к ним, они лежали на земле и читали молитвенники. Им сделали запрос. «Зачем это нас спрашивают? — сказали они, поднявши головы. — Нас прежде не спрашивали; скажут, бывало, только: вперед! — и мы идем». Но иные не с такою охотой отзывались, хотя и не противились из чувства стыда, чтобы не показаться трусами; некоторые же не дали ни-

какого ответа. Обо всем этом принес Дукер известие Левенгаупту, заметивши тогда же, что те, которые больше обещают и храбрятся, первые убегают. Дисциплины в войске совсем не стало. Солдаты самовольно расхищали багаж.

Между тем Меншиков, вслед за Дукером, прислал парламентаря к Левенгаупту и торопил шведского военачальника скорейшим ответом. Левенгаупт выпросил еще один час и поехал сам лично обозреть свое войско. Он узнал, что во многих полках недостает уже половины солдат, а многие сдались уже русским, не дождавшись команды. Ясно было, что Меншиков не станет уже ждать более, и надобно было на что-нибудь решаться. В полдень Левенгаупт, соображая, что король уже отъехал далеко, послал сказать Меншикову, что сдается на капитуляцию. Запорожцы умышленно были изъяты от капитуляции Меншиковым. Узнавши это, они бросались в реку, предпочитая до-

▲ А.Д. Меншиков

▲ Генерал Левенгаупт

▲ Капитуляция шведов

бровольную смерть мукам, которые ожидали бы их, если б они сдались русским. Их примеру последовали некоторые раненые шведы; они не хотели идти в плен к русским, которых считали лютыми варварами. Они срывали сами с себя повязки и бросались в Днепр. Два шведских офицера прокололи друг друга шпагами. Но большинство вообще было довольно. Сдались в качестве военнопленных: три генерала, 11 полковников, 14 подполковников, 20 майоров, 250 капитанов, 300 поручиков, 320 корнетов и фендрихов и от тринадцати до четырнадцати тысяч рядовых. По русским известиям, число пленных — по одному — простиралось до 16 275 человек, по другому — 15 753, по третьему всех взятых в Полтавском бою и в Переволочне — 16 947.

Все запорожцы лишены были всякой надежды на сколько-нибудь милостивое и человеколюбивое снисхождение к себе, но не у всех достало отчаянной решимости утопиться в Днепре. Со шведским вой-

ском взято было их в плен русскими 220 человек. Вслед за Меншиковым приехал в Переволочну сам государь. Тогда бывшие с Мазепою малороссияне, не успевшие с ним переправиться, терпя голод, решились отдаться на милосердие государя. По известию Голикова, царь оказал всем им пощаду, ограничивши кару над ними только тем, что приказал их обратить из козаков в посольство, т.е. в мужиков, и запретил им носить оружие. Это, вероятно, были прежние мужики, только недавно поступившие в козаки по приглашению Мазепы, увлекшись давно уже господствовавшей в посольстве страстью окочкачиться. Таких было тогда 2700 человек. Не так милостиво относился царь к запорожцам, которые с своею Сечею были уже обречены царем на истребление в видах государственной безопасности и спокойствия. Их заковали и более виновных отправили на казнь, а других — на вечные времена в Сибирь. Государь принял очень ласково пленного Левенгаупта и всех его офицеров. Узнавши от них,

что шведский король побежал в Турцию, Петр отправил в погоню за ним бригадира Кропотова и генерал-майора Волконского с четырьмя конными полками.

Шведский король с остатком своей армии и Мазепа с кучкою соумышленников бежали по дикой степи в совершенном бездорожье. Сначала за Днепром почва была болотиста, покрыта кое-где камышом и осокою, но потом беглецы очутились в необозримой степной равнине, в которой однообразие нарушалось кое-где выдававшимися из степного уровня возвышениями. По всем сторонам не мог увидеть глаз ни человеческого жилья, ни людей, ни домашних животных; беглецы увидели только множество дичи в высокой траве, никогда не кошенной и не сожигаемой. Не было ни малейшего признака леса. Туда шел путь в Брацлавское воеводство, путь, по которому ходили чумаки: там была проложенная последними дорожка; там были еще развалины прежнего жительства, уничтоженного эпохою «Руины». Беглецы не пошли по этому

пути, потому что их там могли удобнее нагнать русские. Они свернули влево и пошли не по проложенной дороге, а по такой девственной степи, что, казалось, нога человеческая не ходила там с сотворения мира. Идучи по степи, шведы охотились за дичью и за одичалыми овцами, которых встречали там во множестве. У некоторых шведов сохранилась провизия, взятая с собою. По замечанию очевидцев, нужда заставила всех делаться бережливыми и скупыми; все припрятавали полученную добычу. Сам король ел овсянку. Все войско было разделено на две половины: одна шла за королем, другая за Мазепою и его козаками. Конные ехали верхом; у редких не было вначале лошадей; пастбища были превосходные; дикая степь для лошадей представляла более удобств, чем для людей. Сам Мазепа ехал в коляске с какою-то козацкою госпожою, которая, как видно, ухаживала тогда за дряхлым стариком. Потрясенный последним поражением, он, видимо, приближался к своему концу: постоянно лежал в подушках, едва в состоянии был привстать на ноги, и притом находился в ужасающей душевной тревоге, ожидая с минуты на минуту русской погони, от которой отбиться было уже невозможно. Тем не менее злосчастный изменник приносил еще своим союзникам большую пользу. Ему были известны все пути по этой дикой степи; он ходил по ней много раз и в молодости, и во время своего гетманства, когда воевал турецкие городки. Впрочем, не один Мазепа, а и другие бывшие с ним козаки обладали также знанием примет в безграничной степи и тем приводили в изумление шведов. Первый день беглецы проколесили по степи под томительным зноем в беспрестанном страхе появления погони, а к вечеру, руководимые Мазепою, добрались до какого-то болота. Тогда они обрадовались, думали, что после знойного дня могли, наконец, прохладиться и напиться воды. Но вода оказалась дурная, хотя солдаты все-таки набирали ее себе во фляги, так как вожди предупреждали их, что на другой день долго не увидят воды. Тут беглецы по-

стояли не более двух часов, и притом не выпуская из рук лошадей в опасности заснуть и потерять их, а некоторые, не в силах будучи преодолеть усталости, задремали, и лошади ушли от них искать пастбища. Проснувшись, они должны были пешком ловить их, и было несколько таких несчастных, что не успели за отходившими товарищами и остались в степи на произвол диких зверей или русской погони. В два часа пополудни беглецы двинулись далее, не выспавшись и не поевши как бы следовало. На рассвете они стали жаловаться на холод, который, к их удивлению, казался для них почти так же несносным, как дневной зной. С восходом солнца продолжали беглецы спешить, а часам к восьми началась такая же томительная жара, как и прежде, и еще хуже, потому что не утолялась даже и маленьким ветерком. К полудню увидели беглецы воду и сделали привал. Вода здесь была

чистая, гораздо лучше той, какою довольствовались на ночлеге, но голод беспокоил многих. Козаки, привыкшие к татарским обычаям, резали лошадей, оставших и неспособных к дальнейшему пути, сушили на солнце мясо или клали под седло, чтобы оно там помякло и согрелось; шведы отвращались от такой ествы. На беду здесь не видно было дичи. Простоявши три часа, беглецы отправились снова и продолжали свой путь до полуночи.

В следующий, в третий день своего пути (14 июля нов. ст.) голодные беглецы увидели по сторонам зайцев, диких овец, дроф и стрепетов. Они занялись охотою. Травы были так высоки, что овцы бродили в них как в лесу, а птицы не могли летать высоко, и козаки не только их стреляли, но даже ловили руками. Набрали они немало такой добычи, но у них не доставало дерева развести огонь. Тогда козаки показали шведам туземный,

▲ Мазепа и Карл, бегство

▲ В степи

степной способ топлива: они набрали конского навоза, скоро высушили его благодаря необычному солнечному жару, и, смешавши с сухой травой и камышом, сделали кизяк, развели огонь и приготовили себе жареную баранину и дичь. Шведы научались от них такому неизвестному для них способу. Другие козаки в густой траве нашли кустарники диких вишен, на которых, сообразно времени года, поспевают ягоды. Хотя они были кислы, но зной и жажда мучили всех пуще голода, и эта находка оказалась очень пригодною. Следуя далее в путь, шведы, по указанию козаков, беспрестанно бегали в сторону рвать ягоды на вишневых кустах.

На следующий затем день (15 июля нов. ст.) наткнулись беглецы на дорогу, которая вела из Брацлавского воеводства в Украину. По ней ехали чумаки с солью. Козаки отняли у них соль, чтобы не давать этого необходимого материала неприятелю, которому соль должна была достаться. Они отняли также и лошадей, которых также, по татарскому обычаю, употребили в пищу. Так повествует современник, хотя для нас странно, что чумаки везли соль на лошадях, а не на волах, как это обыкновенно водилось.

Вот уже проходил четвертый день, а погоня, которой все так боялись, не показывалась. Русский отряд Волконского и Кропотова, посланный царем за Днепр, пустился в степь, не зная хорошо ее примет, и напал на след, оставленный повозкою. Ехал

какой-то больной шведский офицер; он отстал от своих и заблудился. Хотя Волконский, как говорили, над этим офицером выместил свой собственный промах, но уже не мог догнать короля; самый швед, которого русские принуждали быть их вождем, не мог указать им пути. Это-то неожиданное событие спасло беглецов в эти опасные дни.

Мазепа, следивший за движением этого похода, объявил, что уже пройдена большая половина расстояния между Днепром и Бугом; по его совету Карл отправил польского генерала Понятовского и своего секретаря Клинковстрема к турецкому коменданту очаковской крепости просить сообщить Дивану о прибытии шведов и распорядиться приготовлением судов для переправы через Буг. «Паша, — говорил Мазепа, — мой давний приятель и все для меня сделает». Понятовский отправился, взявши с собой козаков в путеводители. Доехавши до Буга, он не увидал там никаких признаков переправы и нашел там только пять рыбаков, показавшихся ему по наружному их виду разбойниками. Они за деньги перевезли его на лодке на другой, противоположный берег: это были уже турецкие владения. Там он нашел турецких рабов, из которых один оказался понимавшим по-французски; с ним мог Понятовский объясниться, не зная турецкого языка. Турецкий раб дал ему лошадь, и Понятовский на ней доскакал до Очакова. Оставившись в городском предместье,

Понятовский просил караульных доложить о нем паше, но паша заставил прождать его до 9 часов следующего утра. Когда, наконец, его допустили к паше и он изложил ему просьбу короля дать суда для перевозки, то паша оказался вовсе не таким любезным, каким описывал его Мазепа. Он не прежде согласился, как после предложения ему 2000 дукатов. Тогда паша сказал, что пришлет пять судов с запасами для продажи шведам, и на этих судах может переправиться король. Понятовский обратным путем принес известие королю. Между тем паша очаковский послал дать знать сераскиру в Бендеры.

Тем временем шведы, отправившись вперед Понятовского, шли за ним и вступили в край несколько отличный от той степи, которую проходили прежде. Они дошли до Великого Ингула — первой реки, встретившейся им после Днепра. Почва была песчана и бестравна. Они перешли Ингул и достигали до Буга. Не доходя за милю от этой реки, пришлось им спать на ночлеге. И людям, и лошадям стало тяжело. Вместо превосходной травы, на солонцеватой степи росло плохое зелье. И воды хорошей не было. К счастью, козаки отыскали маленький родник, и когда разнесся об этом слух, все шведы бросились туда, и в одну минуту родник мог быть исчерпан, так что к роднику приставили караул, чтобы сохранить свежей воды, по крайней мере, для короля. На этом ночлеге явилась близ шведского стана стая волков, и своим

страшным воем произвела большой переполох. Шведы долго не могли сообразить, что это значит.

Утром 6 июля (17 нов. ст.) после двухчасового пути беглецы приблизились к Бугу, который в этом месте, уже за несколько миль от своего устья, был шириною около двух верст. У берега стояли турецкие суда с присланными турецкими запасами. Голодные шведы с жадностью бросались покупать их, но, не зная по-турецки, только пальцами указывали на то, что желали купить, а сами развязывали свои кошельки, и продавцы брали из них, что хотели: шведы заметили, что турки с особенною жадностью хватались за червонцы. Всего привезли в изобилии: баранины, говядины, кур, хлеба, сухарей, разных пряностей, крымского и греческого вина, преимущественно красного, смокв, которые, по турецкому обычаю, продавались нанизанными на нитках. Баранина оказалась превосходного достоинства, хлебы были свежи и вкусны, вино приятное и крепкое. Сам король накупал всего этого для своих солдат, а один турецкий купец представил ему в дар барана, несколько кур и хлеба, за что король отблагодарил его 12 червонцами. Увидя это, другие турки стали подносить Карлу дары, чтоб и себе получить что-нибудь от его щедрот.

Но королю сообщили, что присылают судно только одно, для переправы его лично с несколькими господами, а для переправы всего войска нужно подождать разрешения из Константинополя. Ждать было невозможно. Козаки, рыскавшие по сторонам, принесли известие, что уже русская погоня приближается. Волконский, проблудивши в степи, исправил свою ошибку: он потерял время, чтобы нагнать беглецов в степи между Днепром и Бугом, но потом напал на след бегущих и шел к Бугу. Король послал к паше снова, ссылаясь на то, что сераскир уже прежде обещал ему приют в Турции с его войском. Паша остался непреклонен. Он позволял переправиться только королю с приближенными особами, а прочим шведам запретил давать суда. Некоторые тогда же толковали,

что очаковский паша потому именно не пускает шведов, что с ними находится Мазепа и козаки: турки мстят теперь козакам за то, что они делали нападение на Очаков. Другие подозревали даже, что турки нарочно хотят задержать шведов и Козаков, чтоб их выдать русским и за то получить от царя награду. Тогда шведы и козаки обратились к купцам, приехавшим с товарами, и обещали им немало денег, лишь бы они дали суда переправиться на другую сторону. Купцы артачились, хотели сорвать с них побольше и отговаривались тем, что не смеют этого сделать без дозволения паши. Так прошел целый день, прошла за ним ночь. Утром 7 июля (18 нов. ст.) шведы самовольно начали хватать суда, бросая, однако, за них деньги хозяевам, и поплыли. В одном судне сел король с Мазепою, генералы и козацкие старшины: запорожцы

были у них гребцами. Хозяин судна, увидя, что королевские офицеры и драбанты хотят взять другое судно, поднял крик и требовал, чтобы шведы вернулись назад. Шведы не слушали. Турок кричал: «Стрелять!» Шведы стали показывать ему карабины и сабли. Однако все ограничилось взаимною перебранкою. Турки успокоились и даже помогали шведам и козакам в переправе, потому что им заплатили по два червонца за каждого человека. Козаки переправлялись вплавь, держась за хвосты своих лошадей. За полмили вверх они увидали отмель, поплыли туда и оттуда тем же способом удобнее добрались до противоположного берега.

По вине упрямого очаковского паши, продержавшего беглецов напрасну на левом берегу Буга, не все шведы и козаки успели благополучно перебраться на турецкий берег. На-

▲ Запорожец

скочила русская кавалерия с Волконским, когда еще от 800 до 900 человек шведов не успели отчалить от берега. Часть их была загнана в реку и утонула; другие, числом до пяти сот, были взяты в плен и принуждены были совершать обратно пройденный уже ими путь по дикой степи; некоторые из таких не вынесли утомления и умерли. Были такие, что, завидя русских, бросались в реку, но не утопились подобно своим отчаянным товарищам, а запрятавшись в тростниках, просидели там до тех пор, пока русские не отошли; потом благополучно перешли через реку вплавь и соединились со своими. Удачно избежали беды и казаки, которые не успели прежде переправиться: они, как только завидели русских, тотчас пустились бежать в широкую бесприметную степь; она многим из них была известна, а русские не осмеливались искать их там, как в море.

Переправившись через Буг, следовало идти в Бендеры. Путь лежал вблизи Черного моря вдоль Днестра. «Мы думали,» говорит шведский описатель этого последнего путешествия Карла с Мазепой, — что теперь наши неудобства кончились, мы будем проходить через жилые места, находить везде приют и средства содержания. Но еще не пришел конец всем нашим печалям. Опять пустыня, зной, томительная жажда, бессонница». Теперь, правда, беглецам было что есть, потому что за ними из Очакова ехали торгаши с съестными припасами; они хотя были невысокого достоинства и продавались по высоким ценам, но все-таки и то было хорошо, что шведы могли что-нибудь достать, а не терпеть голод, как прежде. Некоторые закупили себе в Очакове крытые войлоком повозки в одну лошадь, и такие повозки служили им для спасения от зноя, а ночью для спанья. В них сберегали они себе и дорожные запасы.

Два дня простояли шведы близ Очакова. В это время Карл отправил в Константинополь немца Нейгебауэра, который служил некогда в Московском государстве, был в приближении у царя, учил его сына, а потом перешел к шведам. Король вручил ему

письмо к падишаху. В этом письме король сообщал о своем несчастье, просил дать ему убежище в султанских владениях и оказать содействие к возвращению в отечество через Польшу. О полтавском поражении и о бегстве шведов падишах уже знал от аги, бывшего недавно у шведского короля и скоро побывавшего домой, чтоб известить своего государя о том, что случилось под Полтавою.

На другой день после отправки Нейгебауэра (23 июля нов. ст.) приехал к Карлу от сераскира посланец из Бендер. Сераскир писал королю разные мудрые утешения и приглашал в Бендеры. Он присылал королю в дар разные турецкие товары и между прочим превосходный шатер, в чем действительно король нуждался. Крымский хан прислал Карлу в подарок коляску, запряженную четырьмя лошадьми. Король подарил обоим посланцам — и ханскому и сераскирову — по тысяче червонцев.

После продолжительного и спокойного пути по знойной аккерманской степи полтавские недобитки достигли, наконец, Бендер 1 августа (12 нов. ст.). Там королю сообщили, что царь посылал просить падишаха не принимать под свое покровительство изменника Мазепу, а выдать его царю. Падишах отверг такое домогательство. У мугамедан считалось противным Корану выдавать тех, которые, будучи гонимы судьбою, прибегают под их покровительство. Царский посол Толстой напрасно предлагал великому муфтию 300 000 талеров за содействие к выдаче Мазепы. Два раза кряду была повторена царем такая просьба к падишаху (июля 10-го и 27-го стар. ст.). Подобное предложение царь сделал и своему сопернику. Пока была надежда поймать бегжавшего из-под Полтавы шведского короля, Петр задержал присланного к нему генерала Мардефельда; но узнавши, что соперник перебрался в турецкие владения, царь отпустил Мардефельда и бывшего в плену королевского секретаря Цедергельма и поручил им словесно сообщить шведскому королю, что он, царь, готов заключить мир, если Карл уступит ему всю Ингрию, Карелию с городом

Выборгом, Эстляндию с городом Ревелем и Лифляндию, признает Августа польским королем и выдаст царю изменника Мазепу. Такие условия были сообщены Карлу в Бендерах. Король отверг их, и особенно раздражился за требование выдать Мазепу. В таком смысле он послал протест свой графу Пиперу, находившемуся в плену. Когда Петру сообщили этот протест, он заметил, что его требование относительно выдачи Мазепы таково, каково было требование Карла от Августа выдать ему Паткуля. Это настойчивое желание гневного царя во что бы то ни стало добыть в свои руки павшего изменника окончательно потрясло старика. Его жизненные силы и без того уже были так надорваны последовательными ударами судьбы, что нужна была необыкновенно твердая, закаленная в бедах козацкая натура, чтоб эти силы еще держались. Теперь они окончательно исчезли. Сераскир принял Мазепу ласково, сообщил ему, что падишах приказывал беречь его; но Мазепа хорошо знал нравы и обычаи мусульманского Востока. Он знал, что при оттоманском дворе червонцы пользуются громадным могуществом. Если Петр, которого Мазепа знал всегда бережливым, не щадил уже больших сумм единственно из-за того только, чтобы добыть хилого старика в свои руки, то Мазепа мог опасаться, что еще два-три таких настойчивых домогательства, сопровождаемых подарками, и Диван прикажет его выдать. Этот страх ускорил разрушение одряхлевшего организма. С прибытия своего в Бендеры Мазепа уже не покидал постели и с каждым днем угасал все более и более. Он умер 22 августа. Распространяли слух, будто он, от страха быть выданным Петру, отравил себя ядом, но это известие не имеет за собою никакой исторической достоверности. Тело его было, по распоряжению Войнаровского, отвезено Григорием Герциком в Галац и там опущено в землю, вероятно, в тамошнем монастыре. По шведским источникам, спустя немного времени перевезли гроб его в Яссы и там совершили торжественные похороны. Карл присутствовал при отдаче последнего долга своему союзнику.

Впереди погребального поезда играли королевские трубачи; гроб, обитый красным бархатом с широкими золотыми позументами, везли на повозке, запряженной шестью белыми лошадьми. По обеим сторонам его шли рядами козаки с обнаженными саблями. Перед гробом гетманский бунчужный нес гетманскую булаву, блиставшую жемчугом и драгоценными камнями. За гробом шла толпа малороссиянок, последовавших за мужьями и родными, приставшими к гетману; по народному обычаю они голосили и кричали. Сзади за ними ехали верхом два тогдашние претендента на гетманство: неизменный товарищ и доверенный Мазепы Орлик и более всех родственно любимый покойником его племянник Войнаровский. За ними следовали все старшины. Козаки шли с опущенными вниз знаменами и оружием; гроб малороссийского гетмана опустили в могилу, приготовленную в церкви, находившейся за городом, и козаки, в знак почести, в эту минуту дали залп из своих мушкетов.

В Малороссии составилось предание, сохранившееся до сих пор, будто Мазепа не умер и не был погребен в Молдавии, а для вида устроили там фиктивные похороны; сам же бывший гетман тайком пробрался в Киев, принял иночество, а потом и схиму в Печерской лавре под чужим именем и там окончил дни свои в покаянии. Эта легенда, переходившая из уст в уста, не подтверждается никакими фактами и соображениями, так же точно, как и анекдот, сообщенный фальшивой историей Кониского, будто Мазепа перед смертью приказал принести к себе свои бумаги и сжег их с тем, чтобы не открылось участие в его замысле таких лиц, о которых никому и в голову не приходило. «Пусть, — говорит он, — я один буду несчастен: я хотел счастья своему отечеству, но судьба решила иначе на непредвиденный конец».

О последних минутах гетмана не осталось нам достоверных известий. Мазепа оставил после себя 160 000 червонцев, из которых король взял себе 40 000 взаймы; по другим известиям, Карл еще прежде занял

у Мазепы 240 000 талеров, обещая в случае кончины Мазепы заплатить его племяннику Войнаровскому. Это подало повод к известию совершенно легендарного свойства, будто Мазепа, собираясь приставать к шведам, послал Карлу 30 возов, наполненных золотыми и серебряными монетами. Как бы то ни было, Мазепа успел увезти с собой в изгнание и оставить после своей смерти значительную по тому времени сумму. Все это были ничтожные обломки огромного богатства, которое он приобрел в Украине во время своего гетманства, благодаря щедротам искренно любившего его Петра. Все его имения — и жалованные, и купленные — были конфиско-

ваны. Множество движимого имущества и принадлежавших ему денежных сумм отнято русскими. Все нажитое им и правыми, и кривыми способами пошло прахом, как и все его планы, замыслы и затеи.

После смерти Мазепы, по воле короля, козаки должны были выбрать себе нового гетмана. Но голова разделась. Два соперника стали один против другого: Орлик и Войнаровский. Спор между ними доходил до того, что Орлик подозревал у Войнаровского замыслы на свою жизнь. Тогда выдвинулся еще третий претендент — прилуцкий полковник Горленко, свойственник Мазепы по жене последнего. Однако избран

▲ Петр I

был Филипп Орлик, так как ему покровительствовал король шведский, прежде расположенный к Войнаровскому, но потом увидавший, что Войнаровского за молодостью не хотят выбрать. Нового гетмана в его звании могли признавать только одни чужие люди — шведы да немногие козаки, которые находились с ним в изгнании, так как во владении у него не было ни одного сажня козацкой земли.

Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова. Поляк по воспитанию и приемам жизни, он перешел в Малороссию и там сделал себе карьеру, подделываясь, как мы видели, к московским властям и отнюдь не останавливаясь ни перед какими безнравственными путями. Самое верное определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал перед всеми, всех обманывал — и поляков, и малороссиян, и царя, и Карла, всем готов был делать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из опас-

ности. Он воспользовался существовавшим у малороссиян желанием сохранить автономию своей страны и свою национальность и обманывал старшин, будто у него план — приобрести для Украины самостоятельность. Но на самом деле, как показывает его тайный договор с Лещинским, он думал отдать Украину под власть Польши, иначе сказать, он в старости делал то, что делал в юности, когда король Ян Казимир посылал его агентом в Украину проводить план возвращения этого отпавшего от Польши края к прежнему господству. Он и не мог добиваться перед королями шведским и польским независимости Украины: Станислав, как польский король, не мог и не должен был отречься от наследственных прав Речи Посполитой на Украину: притом сам Мазепа знал хорошо, что народ, ненавидевший его, не будет повиноваться новой династии, которая должна была начаться с него, Мазепы. Он благо-разумно выговаривал себе владение в белорусском крае, а Малороссию отдавал на жертву междоусобной войны, которая неминуемо вспыхнула бы

с поляками, если бы Украина поступила под польскую власть, — это Мазепа знал по опыту, разыгравшемуся уже в Правобережной Украине. Но ему не жаль было того народа, у которого он за 20 лет своего правления не мог приобрести любви. Что он только обманывал своих малороссийских соумышленников призраком независимости, а на самом деле собирался ввергнуть их со всею странюю в рабство, — в этом не может быть сомнения, и Петр, обличавший в том Мазепу перед всем малороссийским народом, был совершенно прав; шведский историк, королевский секретарь, близко стоявший к делу и лично видевший Мазепу, сообщает о его коварном замысле без всякой задней цели чернить нового шведского союзника. Не доверять этому источнику нет никакого основания. Ясно, что Мазепа не изменил бы царю Петру, если бы не показалось ему, что, так сказать, акции царя падают, а акции Карла поднимаются. Карл заставил Августа отречься от польской короны. Карл ограбил Саксонию контрибуциями; польские паны один за другим спеш-

▲ Иван Мазепа

▲ Карл XII

ли признавать королем Станислава; государства европейские присылали Карлу поздравления и благожелания. Карл собирался идти расправляться с царем. Между тем в царской державе происходили внутренние смуты, а царские войска терпели от шведов и поляков поражения за поражениями. Уже царь трепетал даже за свою столицу и собирался увозить оттуда все драгоценности, чтоб они не попали в руки врагов. В таких-то обстоятельствах эгоист-гетман не задумался изменить своему благодетелю, и, конечно, думал, что он совершает акт мудрой и пронизательной политики. Но не прошло и месяца, как Мазепа увидал, что ошибся. И большинство Козаков, и весь малороссийский народ — все пошло не за него, а против него. Думая оказать важную услугу царскому неприятелю, он причинил ему только зло. И что же? Не задумался Мазепа изменить и своему свежему союзнику, замышлял он, как мы видели, купить его гибелью свое примирение с оскорбленным царем. Никогда во всю свою жизнь не проявил себя этот человек во всей полноте, как в этом новом замысле. Но коварство не удалось. Нить, которую он начал вести так осторожно, оборвалась прежде времени. Приходилось вместе с подведенным в беду героем отважиться на конечную гибель.

Во всей русской истории ни одно сражение не имело таких важных последствий, как Полтавское, и ни одно, исключая разве Куликовской битвы, не отпечатлелось до такой степени в народной памяти. Церковь русская освятила его навеки ежегодным воспоминанием. И в самом деле, счастье для Русского государства было неизмеримое. Честь Русской державы вырвана была из бездны почти неминуемой. Опасность была чрезмерно велика. Если бы, как того надеялся Карл, малороссийский народ прельстился обольщениями своего гетмана и славою северного победителя, Петру ни за что бы не сладить с своим соперником. В последнее время много было говорено о внутреннем смысле, какой проявляет масса народная в важные минуты своего исторического бытия. Нигде эта истина не явилась

так наглядно, как в эпоху Мазепы. Нельзя сказать, чтобы в те времена народ малороссийский питал какую-то привязанность к Русской державе и к соединению с «москалями»; напротив, мы на каждом шагу натываемся, так сказать, на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народ малороссийский не сознавал своей народной личности и не желал национальной независимости. Много было условий, делавших возможным отпадение малороссиян от верности к русскому царю. И однако вышло не то. Народ инстинктивно почуял ложь в тех призраках свободы, которые ему выставляли. Он уже и прежде лучше самого Петра и его министров раскусил своего гетмана, считал его ляхом, готовым изменить царю с тем, чтоб отдать Украину в рабство Польше. Никакие уверения изменника, никакие лживые обвинения, рассыпаемые им на московские власти, не переменили к нему народную антипатию. Народ инстинктивно видел, что его тянут в гибель, и не пошел туда. Народ остался верен царю даже не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно было выбирать меньшее. Как бы ни тяжело было ему под гнетом московских властей, но он по опыту знал, что гнет польских панов стал бы для него тяжелее. Под русскою властью, по крайней мере, оставалось для него всегда духовное утешение — вера его отцов, которую никак уже не могли бы попирать «москаля», как бы ни относились они ко всем остальным народным правам. Этого одного уже было достаточно.

Измена Мазепы ни в каком случае не могла падать на малороссийский народ, который в продолжение двадцати лет так не любил этого гетмана, что последний должен был охранять свою особу великороссийскими стрельцами и солдатами, присылаемыми ему по царской милости. Малороссийскому народу следовало быть совершенно изъятым от пятна, павшего на Мазепу: народ за Мазепой не пошел. Память о Мазепе не испарилась совершенно в народе, но оста-

лась никак не в привлекательном виде. В народных песнях и преданиях — это какое-то злое и враждебное существо, это даже не человек, а какая-то лихая, проклятая сила: «Проклята Мазепа!» Более всего сохранилась в народной памяти его борьба с Палеем: Мазепа хочет сам свергнуть царя с престола и клеветает на Палея. Палея ссылают или засаживают в тюрьму, но скоро открывается злоба «проклятой Мазепы». Палей, хотя уже дряхлый старик, получает свободу и побеждает Мазепу. Самая Полтавская победа, по народному мировоззрению, приписывается Палею. Однако измена Мазепы оставила надолго, если не навеки, подозрение русских властей на малороссийскую народность. Во все остальное царствование Петра в отношении к Малороссии замечалась осторожность, переходившая неоднократно в насилие. Преемник Мазепы, Скоропадский был до того стеснен недоверчивостью верховной власти, что должен был терпеть нарушение своих прав, предоставленных ему законом. После кончины его одно только вполне справедливое и законное ходатайство о выборе нового гетмана повергло Полуботка с его товарищами в заточение и повело к устройству фальшивого отзыва будто бы от всего народа о нежелании иметь гетмана. Потом в продолжение многих лет заставляли Малороссию управляться без выборных властей при посредстве особо учрежденной Малороссийской коллегии, состоявшей главным образом из великороссиян, мало знакомых с малороссийским бытом и языком. Появление избранного гетмана в особе Апостола было только коротким промежутком. Так было до избрания в гетманы Разумовского при императрице Елизавете, которая, однако, только по особому расположению к семейству Разумовских, по-видимому, оказала уважение к старинным формам. Со вступлением на престол Екатерины II русская государственная политика нашла окончательно несообразным с своими видами удерживать отдельное гетманское устройство. Оно действительно имело рядом с хорошими сторонами и некоторые отжившие, требовавшие коренных из-

и таким образом народ разбивается на два сословия, противоположные по своим интересам. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде в отношениях между богатыми землевладельцами и селившимся у них бедняками. Но то бывали злоупотребления, всегда сознаваемые как таковые, а с нового порядка вещей они узаконились, и Малороссия, наравне со всею остальною Россией, подверглась надолго всей мерзости крепостничества, от которого облегчилась только в недавнее время. Кроме того, в великорусском народе измена Мазепы, несмотря даже на царские указы, объяснявшие непричастность малороссийского народа к поступку бывшего когда-то гетмана, не забывалась, и память о ней набрасывала всячески тень на все грядущие поколения. Великороссиянин, рассердившись на малороссиянина, первым делом считает помянуть Мазепу, и выражение «хохол-Мазепа» остается во всей силе до нашего времени. Даже в последнее, близкое к нам время, чему, как не памяти о Мазепе и его измене, можно приписать гонение на «украинофилов» — подозрение, что в намерениях дать малороссийскому народу воспитание с сохранением своей речи и своей индивидуальности, в стремлении поднять путем литературной обработки родное наречие малороссийского края кроется какое-то тайное политическое измышление, вредное для государственной цельности Русской империи? Все это — прямое последствие не вполне понятого администрацией и литературой отношения малороссийского народа к самому себе и к своим соседям в эпоху Мазепы. Если в те времена, когда действительно поступки московских властей возбуждали в народе возможность стать враждебно к Русской державе, народ этот из инстинктивного чувства остался верен этой державе, то невозможно подозревать что-нибудь подобное теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что их расторжение уже немислимо в силу освященного опытом сознания обоюдной пользы их соединения. ■

менений. Но предприняты ли были такие изменения в пользу народа? Если и были, то мало, напротив, из видов политики принято было известное правило: *divide et impera* (разделяй и властвуй (лат.) Ред.). Опасались, чтоб уничтожение порядка, к которому страна привыкла уже веками,

не возбудило в ней смут, и вот создали небывалое в Малороссии дворянство, которое, как показывает история, всегда бывает язвою там, где не вырабатывается само собою из исторической жизни, а навязывается по теории. Поспольштво закрепощается во власти этого новоизмышленного дворянства,

